

**Олег
Юрганов**

**На
перекрёстках
судеб**

Документальный
роман-трилогия

Владимир 2015

Моему брату Александру,

его детям – Наталье

и Шурику Юргановым.

Художник **Татьяна Солодилова**
Фото О. Юрганова на обложке – **Геннадий Гурвич**

Роман Олега Юрганова «На перекрёстках судеб» – первая книга которого: «Родня и Время» является частью документальной трилогии, отражающей жизнь нескольких поколений русских людей, судьба которых формировалась с XVII по XIX века в Царской России, её колонии – Азербайджане, складываясь в лабиринтах событий XX века в СССР, оставив след в потомках, живущих в XXI веке в России и в США. Преодолев сложности скупой документальности, автор рассказывает о родовых корнях отца и матери, связывая судьбы родителей с драматической историей канувшего в Лету *пролетарского государства*, в котором они жили. Он полагается и на опыт собственной судьбы, сохранившей родовые впечатления, предпочитая показать *реальных людей в реальной жизни*. Их фотографии помогут читателю созерцать *прошлое* в лицах...

**Олег
Юрганов**

На перекрёстках судеб

**Документальный
роман-трилогия**

**Аркаим
Владимир 2015**

Введение

Трилогия «На перекрёстках судеб» – роман документальный. Все или почти все события, описанные здесь, случились в реальном бытии членов рода – семьи Юргановых. Сведения о жизни некоторых персон рода, хоть и не в полной мере, но были известны с XVI века.

Сведения о предках рода Юргановых, о которых здесь идёт речь, начинаются с описания судьбы моего прапрадеда Петра Юрганова, его сына, моего прадеда Павла Петровича Юрганова и его родного брата Василия Петровича Юрганова – моего двоюродного прадеда. Документальные данные скупы, что весьма огорчительно, однако все имена и даты, приведённые в книге, объективны.

Судьбы Павла Петровича Юрганова, его первой жены – цыганки Машеньки Юргановой, рано умершей, затем второй жены Павла Петровича Юрганова – Олимпиады Семеновны Волковой составляют реальную основу событий, которые отражены во впечатлениях сына Павла Петровича – Александра Павловича Юрганова, его жены Надежды Георгиевны благодаря усилиям их сына – Бориса Александровича Юрганова. Он сумел сохранить множество фотодокументов представителей рода Юргановых. Что касается жизни и событий его самого – моего отца Бориса Александровича Юрганова, то была она почерпнута мной из собственных прижизненных впечатлений, а так же из документов, фотографий, принадлежавших ему.

В итоге, в первой книге «Родня и Время» трилогии «На перекрёстках судеб», повествуется о роде Юргановых с жизнеописанием трёх поколений родни Юргановых, с рассказом о судьбоносных событиях, влияние которых на решения и поступки всех членов рода, включая семью Зинаиды Юрьевой, которая, вступив в брак с Борисом Юргановым, была принята в родовое сообщество Юргановых.

Таким образом, Павел Петрович Юрганов – цыганка Мария (первая его жена); Александр Павлович Юрганов – сын, рождённый Марией-цыганкой; Олимпиада Семёновна Волкова (вторая жена Павла Петровича Юрганова) – мачеха Александра Павловича, вырастившая его; Надежда Георгиевна Волковская (жена Александра Павловича Юрганова); Борис Александрович Юрганов (их сын); Зинаида Никитична Юрьева – Юрганова, жена Бориса Александровича Юрганова; Олег Борисович и Александр Борисович Юргановы – их дети... Судьбы, характеры этих личностей составляют основу первой книги «Родня и Время».

Вторая книга трилогии «Белое и Чёрное» посвящена целиком моей жизни – Юрганова Олега Борисовича. Часть событий, которые сопутствовали моему детству, отрочеству, юности и зрелости, частично были отражены в книге «Родня и Время».

Не вдаваясь в подробности содержания второй книги – «Белое и Чёрное», скажу, что все главные события середины XX века и части XXI, так или иначе повлиявшие на мою жизнь, в книге отражены. Те из них, которые случились до 1939 года, но оставившие след в моей судьбе, то есть повлиявшие на моё вступление в жизнь, описаны в книге «Родня и Время», а те, которые *сопутствовали* течению моей жизни, будут изложены в книге «Белое и Чёрное».

Совершенно особо следует воспринимать третью книгу трилогии «На перекрёстках судеб», в которой повествуется моя иммиграция и жизнь почти четверть века

в США с моей семьёй и детьми. Называется она «Человек года». Происходившее почти двадцать пять лет в Америке со мной, моей женой Зиной, с детьми, «*нажитыми*» мною в СССР в супружестве с женщинами, которые родили их, пребывая со мной в браке – история крайне сложная, полная значимых событий. Она *связана* по сути с описанными в первой книге событиями двухсотлетней давности. С судьбами тех Юргановых и Юрьевых, которые вкусили горький хлеб иммиграции. Они давным-давно *ушли*, оставив следы в моём характере. Те же, кто оставил генетический «*взнос*» в личностях, привычках, поступках моих детей, оказались соавторами моего потомства, которое в мою жизнь пришло в браке с Леной Козловской, Таней Тузовой, Зиной Сегель, ставших Юргановыми. Иначе говоря, в потомственном наследстве, которое ныне пребывает в душе каждого ныне живущего «*нашего*» Юрганова – следы предшествующих поколений, судьбы которых *скрестились* на рубежах веков.

В трилогии «На перекрёстках судеб» показаны шесть поколений Юргановых, включая внуков, жизнь которых я созерцал, когда писал эти книги. Разумеется, нет никакого смысла определять для их судеб некий азимут! Со временем сама жизнь всё расставит на свои места.

Акцент третьей книги – развитие моей судьбы, идеологические и нравственные парадигмы моей личности, включая осуществление идей, возникших при жизни в США, наблюдение за теми Юргановыми, в крови которых «*плещется*» наследство давно ушедших предков, фамилию которых они приняли, родившись от моего семени в чреве женщин, бывших моими жёнами, а так же дети от семени моих сыновей, чьи жёны принесли им сакральное потомство – Юргановых...

Я чувствую затруднение, пытаюсь определить жанровые рамки документальной трилогии «На перекрёстках судеб». Все главные события романа произошли в реальности.

Основные герои – люди, существовавшие в своё время и живущие поныне. Все они пребывали в состоянии, характерном для своей эпохи. У каждого были и есть сегодня достоинства, недостатки, пороки. Многих еще ждут неведомые пока события в их продолжающейся жизни. Рамки повествования охватывают события давно случившиеся и те, которые происходили совсем недавно или которым еще только предстоит случиться.

Каждый из Юргановых – личность, которая, сосуществуя со своими современниками, вступила в свои жизненные коллизии. В них он-она с кем-то вошёл-вошла в контакт, завязал-завязала отношения, скрестил-скрестила жизнь, связал-связала судьбу... Эти перекрёстки судеб породили проблемы, которые кем-то начали решаться, а у кого-то стали началом усилий для следующего потомства, вступающего в жизнь. Это – роман!

Иначе и быть не может, потому что полотно охватывает множество лет, которые объединившись в судьбах Юргановых, составили жизненный путь героев повествования, растянувшийся на столетия!

Это роман *документальный*, потому что каждый шаг героев *запротоколирован* в документах, отражён в реальных поступках, проявился в интересах, желаниях, потребностях, эмоциях. В зависимости от нравов и законов эпохи, когда обыденная жизнь совершалась *ежедневно*, каждым соучастником, из поколения в поколение, от первого вздоха до последнего мгновения бытия!

Разумеется, эти размышления – только повод для собственных раздумий читателя, если он сочтёт необходимым оспаривать или расширить мои гипотезы о жанровых рамках трилогии «На перекрёстках судеб»...

Автор

**Книга
первая**

**Родня
и время**

На перекрётках судеб –

светофоров нет...

Предисловие

Эту книгу будут читать кто-то из близких мне людей. Наверняка первой прочтёт Зина – моя жена. Предшествующие женщины, бывшие в этом «*ранге*», уже умерли. Желая им благоденствия *там*, признаюсь, что дни моей жизни – уже не для них. Рожденные в моём браке с ними дети выросли. Стали участниками событий, о которых речь впереди. Ныне это взрослые персоны: *Илья, Олег, Игорь, Ярослав...*

Когда они были детьми, довольно бодро шагали со мною рядом. Став подростками, двигались по моему привычному маршруту с некоторым *напряжением*. Во времена их юности – «*в ногу*» мы уже не шагали, а *зрелыми* я их так и не увидел...

Иначе говоря, мы никогда не ходили по жизни *вместе*: они не знали о чём я думаю, что я переживаю, никогда не читали *ничего* из написанного мною, хотя это вместилось бы в несколько довольно пухлых томов. Не думаю, что им когда-либо удастся узнать обо мне, а по сути о *собственных корнях*. Для этого нужно *желание*. Вот почему фактический отсчёт поколения сыновей, то есть личностей, носящих мою фамилию, наступит с момента, когда кто-нибудь из детей, проросших из моего семени, *возьмёт в руки* эту книгу и внимательно её прочтёт...

Мать Ильи Юганова – Лена уже умерла. На её могильном камне – моя фамилия, *врученная* ей после брака

со мной. Но у неё никогда не было желания составить в нашем сыне уважение и память о Юргановых. Кое-что Илья знает из моих рассказов, но родовые соки он так и не впитал. А его дети – мои внуки? Удастся ли Анне и Веронике Юргановым впитать живительную влагу памяти о моём роде покажет время.

Татьяна... Была мне женой с 1971 по 1981 годы. Родила сыновей: *Олега, Игоря и Ярослава*. Умерла Юргановой и все десять лет супружеской жизни несла фамилию достойно, а рождённые ею дети, увы – *отказались...* Кто расскажет правду о странностях этих персон, гордящихся по сию пору призрачным статусом *Иванов, не помнящих родства?* У них есть дети, которые тоже не знают и *никогда* знать не будут, кто зачинал их род со стороны отца? Кстати, сотни тысяч детей, отжив свой срок, так и умирают, пребывая в этом сомнительном ранге, потому что их судьба оказалась бесплодной: в ней так и не проросла *обязанность* сохранить и рассказать своим потомкам о родовых корнях...

Зина Юганова, урождённая Сегель. Женщина – достойная поклонения. Она вышла за меня замуж после смерти Тани, несмотря на разницу в возрасте в 11 лет и троих детей, рождённых в рухнувшем браке. Родила мне еще двоих сыновей: Бориса и Дмитрия Юргановых, кстати – истинных продолжателей рода. Только на них у моя надежда! Их потомков я с поклоном приму, потому что верю в бережное их отношение к моим родовым корням. Когда писалась эта книга, сын Дмитрия – Юлиан уже родился. Борис, даст Бог, обретёт ранг отца...

...Правда каждого рода и семьи проста: архивы и реликвии *собираются, сохраняются, обращаются* в традиции и память. Женщины, ставшие женами и матерями, обретают таинство продолжателей рода мужей, не забывая о корнях, из которых проросли сами. То есть они оставляют следы своего фамильного кода в потомстве мужчин, которых

полюбили и вышли за них замуж.

Я понял, что теперь моя *обязанность* рассказать потомкам подробности родовой биографии Юргановых со стороны отца и Юрьевых со стороны матери, потому что брачный союз Бориса Юрганова и Зинаиды Юрьевой, принявшей на себя фамилию мужа, привёл к рождению меня – *Олега Юрганова* и моего младшего брата *Александра Юрганова*.

Жизнеописание строится на тех следах, которые сохранила память рода. Но память капризна! Она бережёт далеко не все следы прожитых дней. Сразу прошу прощения у будущих читателей за неточности. Без них не обойдёшься, поскольку культура жизнеописания в моё время, покалеченное Советской властью, была лишена и *глубин*, и *ответственности*, оставив одни только обломки.

Мой отец – Борис Александрович Юрганов – старался запечатлеть дни быстротекущей жизни и сфотографировать множество её эпизодов. Свидетельство тому альбомы. Есть записки, впечатления его собственной биографии и жизни тех, кто был другом его и его жены – моей матери – Зинаиды Никитичны Юргановой, урождённой Юрьевой. Но – увы! Это *крохи* по сравнению с огромным количеством фактов, из которых состоит жизнь человеческая иначе говоря – рода Юргановых. Ошибки неизбежны в изложении прожитых дней ушедших поколений. Остались едва заметные следы их пребывания. И то, в лучшем случае!

Признаюсь и сам я редко был готов запечатлеть для потомков события и поступки, мысли и факты, случившиеся со мной. *Дневники* писал и хранил много лет. Но... уничтожил. Боялся показаться наивным и глупым. *Дневники* мои писались с единственной целью: как-то разобраться в себе. Такое бывает, потому и писал я их не для потомков. Вот почему не жалею, что уничтожил их. Хотя... Быть

может мой опыт был бы полезен для понимания *истории* конкретной личности по имени *Олег Борисович Юрганов*.

Путь становления моей личности был очень трудным. Он пролёг через долгие годы, многие из которых были для меня *мучительными*. Наверняка я был автором поступков, от которых мне стыдно только сейчас, потому что лишь в настоящее время я понял их *пагубу* и для себя, и для моих жизненных попутчиков. Отрочество, юность, молодость, даже зрелость составлялись день за днем из тысяч и тысяч поступков, которые я совершал. За ними, разумеется, стояли мотивы, желания, потребности (вместе с инстинктами), а зреющие в них решения несли в себе печать времени, возможностей, с которыми мне приходилось считаться.

Из тысяч и тысяч звеньев моих поступков сложилась цепь судьбы, которая привела меня к нынешнему состоянию моей *личности*, уже готовой всматриваться в *вечность*.

Я прожил времена настолько сложные и противоречивые, что подобно Сократу признаюсь: «*Я знаю то, что ничего не знаю...*» Да, я не знаю себя. Не знаю, какой я? Не знаю, зачем я появился на свет? Не знаю, что сделал в своей судьбе такого, за что мог бы остаться в доброй (или *недоброй*?) памяти современников и моих потомков? Не знаю, могу ли я рассчитывать на память о себе тех, кто шёл со мной рядом, шёл позади меня, шёл, обогнав меня, ступая по мостовым современной мне эпохи... Это может показаться странным, но тем, кому я был дорог и кто знал меня многие годы, придётся *поверить мне на слово*: я завершаю жизнь с этими тяжкими признаниями и в этой парадоксальной откровенности не вижу большого греха...

Я буду писать о том, что случилось со мной, что сделал я сам. Мне придется спрашивать себя: почему так случилось? Кто виноват, если в итоге моих действий кто-то,

пострадал? Можно ли было сделать *иначе*? То есть я буду осмысливать снова и снова *пережитое*! У меня сейчас другие критерии и жизни, и совести. Моим детям, внукам, правнукам, я готов показать, как тяжела ноша *обязательств*, которые мы принимаем на себя, появившись на свет. Рассказывать о тех, кто в *прошлом* ступил на нехоженную тропу *будущего*, которое становится *настоящим*, готовясь неизбежно обратиться в бесконечно удаляющееся *прошлое*.

История любой семьи полна пересказов. Откровений с разной мерой фантазии и реальности. Не исключение и я! Соблазн утаить правду о себе – результат страха оказаться хуже в глазах потомков, чем хотелось бы выглядеть в их памяти, хотя к праву *совести* конкретного человека относится обязательство следовать *правде*. Но в каждой семье, где человек вырос или живёт в настоящее время, к этому праву относятся по-разному. Так *по-разному* выложены булыжники-факты на пути от *прошлого* к *будущим* поколениям и семьи, и рода. В одном случае сберегается и прячется от глаз множество документов, горьких и неприятных фактов... В другом – едва видимы тщательно затертые следы ушедших дней и событий, которые никто не хочет предавать гласности грядущим поколениям.

Прожитые мною дни, нёсшие в себе отпечатки давно умчавшейся эпохи, захватившие судьбы тех, кого с усилием приходится вспоминать, уже одинаково призрачны для меня, и для моих сверстников. Я знаю, как *«запотевает»* человеческая память, отражая прошедшие события, когда прожитая жизнь выглядит, как в густом тумане.

Удастся ли мне сделать контрастными отпечатки моего прошлого? Смогу ли я показать пережитое более или менее отчётливо, подключая фантазию, или рассчитывая на волшебство *«прояснения»*? Даст ли мне судьба шанс соединить эхо прожитых дней моих предков с жизнью тех, кого

обычно называют потомками? Иначе говоря, пересекутся ли они – прожитые дни моих предков, недавнее прошлое жизни моей, моих близких с *голосами* бытия моих новых *родовых колен*? Не знаю... Такое пересечение справедливо было бы назвать *перекрёстками судеб*, на которых нет и никогда не было спасительных светофоров...

Балтимор. США.

Июнь, 2014 год

Глава 1

Юргановы: корни и ветви...

В нашей семье более или менее систематическое изложение жизни родни Юргановых появилось при жизни моего отца – *Бориса Александровича Юрганова*. Его усилиями я – Олег Борисович Юрганов и мой брат – Александр Борисович Юрганов – сравнительно недавнее потомство Юргановых, стали знать подробности о существовании тех, кто зачинал наш фамильный род...

Отец родился 6 июня 1914 года в Хвалынске, на Волге – в Саратовской губернии, в доме по Рожковскому переулку. Прожив часть жизни в городе Краснодаре, он скончался там 21 октября 1993 года в возрасте 79 лет.

Место захоронения отца неизвестно, хотя ритуальную памятную молитву мы адресуем кладбищенскому православному кресту, под которым покоится прах нашей с братом матери – *Зинаиды Никитичны Юргановой*, урождённой *Юрьевой*. На кресте фотография наших родителей, в знак почтения и памяти.

На момент кончины отца брат был тяжело болен. Меня в России не было, поскольку жил я в США. Приехать на похороны я не мог и заботы легли на плечи брата. Превозмогая тяжкие страдания, к исходу дня отвёз он тело на кладбище и захоронил... Но совсем не рядом с могилой матери, как им искренне предполагалось! Осознал ошибку уже во мраке приблизившихся сумерек. С естественным желанием и заверением самому себе – переложить тело в нужное место чуть позже – он покинул печальный удел усопшего.

Выздоровев, брат приехал на кладбище, но оказалось, что на *том* месте – множество свежих захоронений, а оставленной *метки* на могиле отца – таблички с его именем и датой жизни-смерти – уже не было. Так и остался наш отец предан земле, которая будет хранить его прах вечно, пряча никому неведомую его физическую память...

...Стараниями отца был собран большой альбом фотографий. Сохранены редкие документы. Изложены

факты из жизни его отца, то есть нашего деда – *Александра Павловича Юрганова*, его жены *Юргановой Надежды Георгиевны*, в девичестве Волковской.

Младшего внука – Александра Юрганова, ставшего на момент кончины её душеприказчиком, она просила пометить на могильном камне её девичью фамилию *Волковская*. Впрочем, Юргановой она оставалась, пережив своего мужа почти на сорок с лишним лет...

Усилиями моего брата бабушка была похоронена в городе Баку, в могиле её мужа – *Юрганова Александра Павловича* – на старом и давно уже закрытом городском кладбище. На гранитной плите он выбил надпись: «*Здесь похоронены Юргановы: Александр Павлович и Надежда Георгиевна. Слава Советским Чекистам!*»

Почему бабушка столь ревностно относилась к фамилии *Волковская* – рассказ впереди, как и повесть о грозной строке на могильном камне: «...*Слава Советским Чекистам!*»

Законно, в браке, полученная Надеждой Георгиевной фамилия «*Юрганова*», так и закрепилась в памяти о матери моего отца, хотя мало кто знает, как умела она *служить* этой фамилии? Получалось ли у неё сберечь её значительность в долгой судьбе, уместившейся в 83 года её жизни? Вопрос не случайный, если учесть свидетельство моего брата о желании бабушки Нади быть похороненной под фамилией *Волковская*. Брат пренебрёг этим её желанием, оставаясь приверженцем рода *Юргановых*, в анналы которого она, его волей, была навечно вписана, поскольку замуж вышла за нашего деда – Александра Павловича Юрганова...

Родня со стороны нашей матери Зинаиды Юргановой, урождённой Юрьевой представлена скромнее. Есть фотографии семьи моей бабушки *Прасковьи Кузьминичны*, деда – *Никиты Карповича Юрьева*, их детей – моих дядёв и тетушек: *тёти Шуры, тёти Мани, тёти Тани, дяди Миши, дяди Сережи и дяди Коли*.

Деда по матери – Никиту Карповича – я видел лишь на фотографии, в гробу, поскольку считал он фотографирование делом бесовским и запечатлеванию упорно не поддавался!

История каждого близкого мне человека из материнского рода полна событий, о которых мне придётся рассказать, хотя уповаю я лишь на собственную память. Документы о жизни *родни со стороны матери* в некоторых подробностях касаются судеб *Прасковьи Кузьминичны Юрьевой* и её детей, включая мою мать Зинаиду. Но об этом позже...

...Родня со стороны отца – хранительница тайн и подробностей *фамилии*, которую носило и будет носить моё потомство. Поэтому детали истории этого корня впереди, в исследовании *Юрганова Андрея Львовича* – учёного историка, человека дотошного и замкнутого, но обещавшего написать книгу о наших общих фамильных корнях...

Кстати, о нём... Родился Андрей Львович Юрганов в Москве и по моим первоначальным представлениям происходил из корня «наших» *Юргановых*. Мне казалось, что он потомок *Василия Петровича Юрганова* – родного брата *Павла Петровича Юрганова*. Дядя пропал после Октября, потом неожиданно появился в Москве, но снова исчез. Разыскивал родного дядю *Александр Павлович Юрганов* – мой дед, племянник *Василия Петровича Юрганова*. Пытался найти его и мой отец – *Борис Александрович Юрганов* – тоже племянник, только внучатый. Искал правнук *Василия Петровича*, то есть я – *Олег Борисович Юрганов*, да и то в самом конце своего жизненного пути.

Не знаю, как я «догадался», что профессор Российского Государственного Гуманитарного Университета – одно из последних звеньев в цепи судеб «наших» *Юргановых*... Мы позгакомились. Андрей Львович оказался из сибирской ветви Юргановых и у него и у меня нет прямых доказательств родства, сошлись на том, что все мы Юргановы – одна большая семья!..

Мой отец оставил записи о корнях нашего рода. В них написано: «Дедушка мой – Павел Петрович Юрганов родился... в Российской Империи, в Пензенской губернии, в деревне Дубасово»... Сведения эти почерпнуты из паспорта Павла Петровича Юрганова, оказавшегося в руках моего отца. Время рождения его деда было указано подробно: «Павел Петрович Юрганов родился 3 ноября 1861 года...».

Деревня Дубасово, где родился мой прадед, находилась на юго-западе нынешнего Пензенского края и была основана в середине XVII века, а с 1785 года входила в состав Керенского уезда. Хозяева села – помещики Илья Матвеевич Дубасов и Петр Алексеевич Яковлев. В 1790 году в селе имелась церковь Николая Чудотворца, а в 1869 году была построена деревянная церковь Михаила Архангела, что и дало основание называть село Дубасово – Архангельским. Позже была построена церковно-приходская школа, которую окончили Павел и Василий Юргановы – дети Петра Юрганова, семья и предки которого скорее всего появились в селе в конце шестнадцатого, начале семнадцатого века и были людь-

ми служивыми, охраняя край от набегов татар...

В конце 18 века село принадлежало Ивану и Матвею Дубасовым, а позднее подполковнику Афанасию Ивановичу Дубасову – сыну Ивана Дубасова. Сохранила это наименование села его вдова – Акулина Григорьевна Дубасова.

Нынешнее исчезновение села Дубасово, того самого, где появился на свет зачинатель моего рода Павел Петрович Юрганов, а точнее сказать, его переименование в Вадинск, произошло в Пензенском крае давно, в далёком 1925 году. Подробности узнал я из письма, которое получил от краеведа Михаила Сергеевича Полубоярова.

Вот что он пишет: «Уважаемый Олег Борисович! Село Дубасово действительно входило в состав Ключевской волости Керенского уезда. Теперь это Вадинский район Пензенской области...»

Итак, значит сегодня бывшее село Дубасово стало районным центром Вадинск. Довольно крупное поселение, где жило крестьянское семейство моих Юргановых и родился мой прадед.

В том же письме Михаил Сергеевич Полубояринов отмечает возможность моей догадки о происхождении наименования села Дубасово: «...В моей статье о селе Дубасово в период отмены крепостного права, помещики Дубасовы не названы. Но возможно село досталось по наследству помещицам Броницкой и Поленовой – дочерям кого-либо из Дубасовых, взявших фамилии мужей...»

Теперь это уже не имеет значения. Главное, что место рождения прадеда найдено и подтверждено. Настала пора огорчаться, что нет более ранних свидетельств появления предков Юргановых в селе Дубасово!

Мой отец пишет, что его дед Павел Петрович Юрганов родился: «...в средней крестьянской семье, не зажиточной, не имевшей собственного земельного надела. Состояла семья из 4-х человек: отец, мать, и, помимо сына Павла, его

старший брат – Василий – 1858 года рождения». Больше никаких сведений о семье Юргановых на момент подступавших «солдатских» лет в судьбе Павла и Василия Юргановых моим отцом не упоминается. Сведений, увы, нет...

Должен признаться, что даже такие сведения, как «...средняя крестьянская семья...» на момент рождения *Василия и Павла Юргановых* могут оказаться очень противоречивыми! Не знаю я, как звали мою прапрабабушку – жену Петра Юрганова, моего прапрадеда, об имени которого я могу судить лишь по отчеству его сыновей – моих прадедов.

Мой отец отмечал, что родители Павла Петровича Юрганова были *без земельного надела*, и поскольку год освобождения крестьян от крепостного права – 1861, то прадед Василий (мой двоюродный) 1858 года рождения в младенчестве свободным не был, а вот его брат (мой родной прадед) – *Павел Юрганов*, от крепостнического рабства был уже избавлен, хотя бы формально!

Обоих разделяла лишь мнимая граница свободы, но, по сути говоря, и тот, и другой вряд ли могли представить себе качество жизни, которое пришло к каждому на момент обретения реальных перемен в их судьбе: старшему было в 1861 году три года от роду, младшему – несколько месяцев.

Прапрадед мой – *Пётр Юрганов*, отец моего прадеда *Павла Петровича Юрганова*, дед моего деда *Александра Павловича Юрганова*, прожив в собственности у семейства помещика Дубасова всю свою жизнь, вряд ли понял, что 19 февраля 1861 года подписанный Александром II Манифест «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» и Положение «О крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» – предоставил ему *реальную свободу*.

Безземельность крепостного оказалась «черной меткой» в его жизни, и *Пётр Юрганов*, *бесплатно* получив личную свободу, унаследовал *неисполнимое* право *выкупить* свою

усадебу с участком земли у помещика, поскольку тот *продолжал* оставаться её владельцем.

Да, помещик *обязан* был предоставить *надел* земли крестьянину, освобождаемому волей Царского Манифеста, но крестьянин *должен* был этот надел *принять*, отдав своему бывшему хозяину, как правило, *все свои сбережения*, если, конечно, они у него *имелись*.

Поскольку, согласно Манифеста, освобождался не отдельно каждый крестьянин, а крестьянская община, *помещики* и *государство* имели отношения с *крестьянской общиной*, которая выкупала *земли* и платила государству *повинности*. Поскольку у крестьян денег на выкуп обычно не было (разве что у зажиточных, будущих «кулаков»), почти под корень как класс уничтоженных большевиками спустя 58 лет), то освобождать крестьян *в долг* помещики не хотели.

Государство взяло на себя роль *посредника*. Правительство единовременно оплатило помещикам 80 процентов выкупной суммы, а остальные 20 процентов внесла крестьянская община, которая получила от правительства кредит, под 6 процентов годовых, сроком на 49 лет. Не знаю, случилось ли точно так же в поместье Дубасовых, но его потомки имели реальные привилегии по сравнению с освобождаемыми крестьянами.

За пользование наделом и усадьбой, если бы помещик предоставлял их ему, крестьянин должен был в течение 8 лет *выполнять* для него *хозяйственные обязанности*. Предусматривались два вида такой обязанности помещику: *оброк* и *барщина*.

Свобода Петра Юрганова – отца трехлетнего Василия и малютки Павла, заканчивалась, едва начавшись, потому что выкуп земельного надела был Петру не по силам, а барщина мало чем отличалась от привычного подневольного труда в хозяйстве помещика, как, впрочем, и для *жены*

крестьянина. Обретя «свободу», похожую на бытие нынешних российских бомжей, крестьяне могли сняться с места и уехать куда глаза глядят, и то, если выплатят откупные общине.

В большинстве хозяйств России земля крестьянину была недоступна. В среднем по стране цена надела земли *превышала* её рыночную стоимость. Для прожиточного минимума семьи с детьми надо было иметь от 5 до 8 десятин (акров) на душу, включая родившихся на тот момент сыновей крестьянина села Дубасово – *Петра Юрганова*. А в среднем по России на каждого крестьянина получалось земли не более *3,4 десятины!* Перспектива разорения значительной части крестьянства стала *неизбежной*, что ожидало и *Петра Юрганова*, если бы он втянулся в торги с помещиком – потомком полковника Дубасова.

Напомню, что старшему сыну *Петра Юрганова* – *Василию Юрганову*, на момент провозглашения Манифеста об отмене крепостного права было около трех лет. Судьба моего прадеда *Павла Юрганова*, когда он родился, уже была предрешена: *сын безземельного крестьянина...*

...Доступной для детей Петра Юрганова оказалась только церковно-приходская школа, которая располагалась в селе Дубасово. Она была построена на церковные, а отчасти и на государевы деньги.

Духовная выживаемость человека во многом связана с условиями, о которых он имел хотя бы некоторое представление. Надела земли не было. Растущим детям передать в наследство нечего. Однако в большом селе есть церковно-приходская школа, дававшая начальное образование и позволявшая получить возможность читать, писать, знать основы географии, истории страны проживания, арифметики, родного языка. При этом обучение было платным, и *Петру Юрганову* – отцу малышей *Василия и Павла* – приходилось прилагать массу усилий, чтобы оплатить начальное образование сыновей.

Пётр Юрганов скорее всего понимал, что, отдав детей в церковно-приходскую школу, он обеспечит им только грамотность, а уж всё остальное в их судьбе будет складываться на жизненном опыте, основу которого, кстати, составит это начальное образование.

Нет никаких свидетельств того, как *Паша Юрганов* учился, но ясно одно: в момент окончания школы, спустя 3 года после поступления, он, помимо знаний церковного уклада и порядка, молитв и праздников, мог *читать, писать, знал основы естествознания, географии и родного языка*. Это был шаг вперед по сравнению с судьбой родителей, которые так и остались неграмотными.

...Армия в России на период 60-х годов XIX века была социальным институтом, где крестьянин, закончивший церковно-приходскую школу, мог получить множество необходимых навыков, а при крепком здоровье, отличной натренированности по возвращении домой мог найти наёмную работу в хозяйстве у помещика в своём селе или остановиться и жить в некоем городе, неподалёку от которого проходила его армейская служба.

Система власти в стране и местное самоуправление, царившие на местах нравы и традиции, их усвоение и следование им, во многом определяли жизнестойкость и социальную перспективу молодого поколения, качество

Ефрейтор
Павел Петрович
Юрганов
1885 год

его дальнейшей судьбы.

В 1882 году Павел Юрганов был призван на службу в армию. С первого января 1874 г. в России на смену рекрутской системе пришла всеобщая воинская повинность. Всё мужское население, достигшее двадцатилетнего возраста, без различия сословий, 6 лет служило непосредственно в строю и 9 лет числилось в запасе (для флота – 7 лет действительной службы и 3 года в запасе).

Отслужившие сроки действительной службы и в запасе зачислялись в ополчение, в котором пребывали до возраста сорока лет. От действительной службы освобождались призывники, у которых старший брат отбывает или уже отбыл срок действительной службы.

Старший брат Павла Юрганова – Василий уже служил на флоте и Павел мог бы не призываться, но в 21 год от роду

делать в деревне было нечего! Отбывать же барщину, как суждено было Петру Юрганову – отцу Павла и его матери – приятного мало! Вот и дал отец «добро» на призыв сына в армию, справедливо полагая, что и кормёжка, и обувка, и крыша над головой ему в государственной армии будут гарантированы.

Василий Юрганов служил на Балтике десятый год, хотя по срокам службы должен был уже и демобилизоваться, поскольку семь лет службы на флоте уже давно истекли. Остаться сверх срока в армии возможно – что же делать на селе безземельному? Так что в Дубасово Василий Юрганов так и не вернулся! Местом дальнейшего послеармейского проживания он выбрал Москву.

Что тогда происходило в России? Что ждало Павла Юрганова в царской армии и какие возможности созрели в ближайшее десятилетие его жизни там, в Дубасове, куда он должен был вернуться, отслужив свой положенный армейский срок?

В стране к власти пришёл Александр III – сын Александра II, погибшего 1 марта 1881 года от бомбы народовольца-террориста И. Гриневицкого, взорвавшего вместе с царём и самого себя. Нетрудно представить себе по рассказам Л. Н. Толстого и И. В. Тургенева, затем и А. П. Чехова жизнь крестьянства в тот период и в более позднее время.

Новости доходили до села Дубасово с большим опозданием и сильно искажёнными, но, тем не менее, главные события – терроризм в России, покушение на царя и гибель Александра II – были предметом разговоров в среде крестьян.

Пензенская губерния являла собой место, где события, происходившие в столице Российской Империи, были тесно связаны с политикой. Однако радикализм, питавший эту политику и со стороны террористов, и со стороны властей, не успевал пускать корни в обыденную жизнь помещного

Император
Александр III
1890 год,
город Москва

люда. Жизнь в деревне продолжала оставаться неизменной: скучной и однообразной.

Придя к власти, Александр III все либеральные реформы отца остановил. В них он видел причину наступления «крамолы», стоившей жизни его отцу. Генерал-губернаторы с министром внутренних дел страны получили право объявлять любой район государства на «*исключительном положении*». Местные власти могли высылать «*нежелательных лиц*», причем без решения суда, или передавать судебные дела на рассмотрение военного суда вместо гражданского, приостанавливать выпуск газет и журналов, закрывать учебные заведения. Положение дворянства стало укрепляться, а функции местного самоуправления свёртываться.

Пока Павел Петрович Юрганов служил в армии, следы либеральных реформ, введенных Александром II – *выборные земские должности, безусловные учреждения: мировые посредники, уездные*

учреждения по крестьянским делам и мировой суд, – были новым царем Александром III ликвидированы, а местное управление ограничено законом 1889 года созданием *земских участков* во главе с *начальниками*, причём должность занимали исключительно *дворяне*.

Земский начальник контролировал самоуправление крестьян, рассматривал мелкие судебные иски вместо *мирового судьи*, утверждал приговоры волостного *крестьянского суда*, разрешал *земельные споры* и т.п. Так или иначе, но возвращалась дореформенная *власть помещиков*. Крестьяне, по сути, были поставлены в личную зависимость от *земских начальников*, получивших право без суда и следствия подвергать крестьян *наказаниям*, в том числе и *телесным*...

В царствование Александра III Россия не вела ни одной войны, и служба в армии Павла Петровича Юрганова проходила без риска гибели на полях сражений. К тому же в момент его призыва проходила реформа в Армии и Флоте. Была введена новая форменная одежда, основанная на традициях русской одежды: шаровары, гимнастёрка (*от русской косоворотки*), высокие и удобные сапоги, меховая шапка с отложным низом (*в просторечии - ушанка*). Двадцатилетний парень, облачённый в удобную форменную одежду, приступил к несению службы, которая проходила в *стрелковом полку на Кавказе*.

В 1882 году (год начала службы *Павла Юрганова*) в армии только начинались проводиться реформы Александром III, поэтому её понятные тяготы смешивались с традиционной грубостью и жестокостью среднего и младшего командного звена, которые на себе чувствовал каждый солдат.

В семейной изустной истории семьи *Юргановых* памятен эпизод, характеризовавший *Павла Юрганова* как человека смелого, справедливого и лихого в конфликте со строевым младшим чином. Отец рассказывал мне такой случай из армейской жизни деда, который вошёл в мифологию нашего

рода Юргановых. «Прислал отец Павла Юрганова из Дубасова в полк, где он служил, гостинец – письмо с вложением царского рубля. По тем временам – деньги великие! То, что решился отец послать сыну деньги обыкновенной почтой, свидетельство его простодушия и доверия к «казённой okazji». Деньги дошли... Однако конверт попал в руки полкового старшины, который их присвоил, но спрятать или выкинуть письмо не решился. Тогда существовала полковая цензура переписки, но чтобы не давать письмо адресату – такого права у полкового старшины не было. Прочитав в письме о подарке и прекрасно осознавая реальную его цену, Павел Юрганов, обратившись по уставной форме к полковому старшине, попросил вернуть присланные деньги. Тот воспротивился, мол такими деньгами владеть непристало солдату, которого государь император одевает с ног до головы и кормит «от пуза». Удар в челюсть обидчику оказался такой силы, что была она сломана! Полковой старшина рухнул как подкошенный. Арестованный Павел Юрганов был посажен в карцер и ждал своей участи...»

Наверняка в российской армии того времени физическое покушение на полкового старшину считалось серьезной провинностью. Вполне возможны были и суд, и даже казнь виновника – расстрелом! Каково же было удивление Павла Юрганова, когда приказом командира полка он был от наказания освобождён и ему вручили украденный полковым старшиной рубль. Предупреждение командира полка прозвучало перед строем и стало уроком и солдатам, и младшим офицерам: «...При цензуре писем с родины, присланных солдатам денег не воровать, если оные будут обнаружены!»

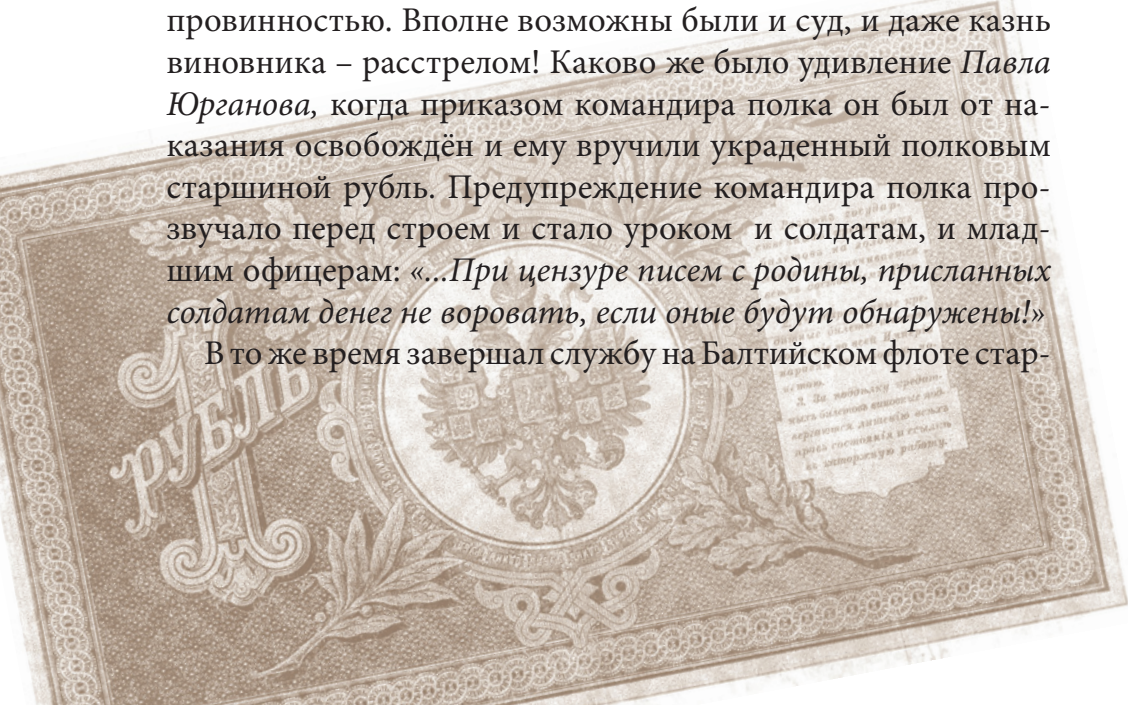
В то же время завершал службу на Балтийском флоте стар-

ший брат моего прадеда Павла Юрганова – Юрганов Василий Петрович. Морской флот уже активно модернизировался. Служба на флоте, в отличие от солдатской, была связана с современным оборудованием военного корабля, требовавшим от матросов и грамотности, и сообразительности.

Оба брата были после окончания церковно-приходской школы грамотными. Внешне выглядели мужчинами довольно рослыми, атлетически сложенными, физически выносливыми и крепкими. Как я упоминал, после демобилизации поселился Василий Юрганов в Москве – втором крупном городе Российской Империи, бывшей некогда её столицей. Он понимал, что возвращение в бедную, безземельную крестьянскую деревню не даст ему н и к а к о г о шанса! Мне трудно судить, какие мысли приходили ему в голову о судьбе его состарившихся родителей, оставшихся в деревне, и как его сыновий долг оказался столь терпимым к не исполненным перед ними обязанностям? Возможно, он рассчитывал на младшего брата. Не знаю...

Так или иначе, но служба на флоте по видимому предоставила ему возможность овладеть какой-то профессией и, устроившись в столице империи на завод, он женился на московской мещанке, а с появлением в семье дочери (история семьи не сохранила её имени) стал откладывать деньги на её гимназическое образование. По словам моего отца, дочери Василия Юрганова удалось окончить годичные женские Учительские курсы в Москве, что давало ей право преподавать в начальных классах российских школ. Откуда у него эти сведения мне тоже неизвестно. Дальнейшая судьба дочери Василия Петровича Юрганова неизвестна...

Цепочка памяти обрывается на сделанной в Москве фотографии Василия Петровича Юрганова. Фотография была датирована 1917 годом. Можно судить по одежде и особенно валенкам на ногах моего двоюродного прадеда что фотография могла быть сделана глубокой осенью или даже

Василий Петрович
Юрганов с дочерью
1917 год,
город Москва

в самом начале зимы, после октябрьских событий в России. На фотографии *Василию Петровичу Юрганову* 59 лет, а дочери не более чем 24-25. Судя по всему, она 1890 или 92 года рождения. Если она была замужем и кого-то родила, то случиться это могло в пределах её возраста до 30 лет. То есть с 1914 по 1922 годы.

...Любопытства ради, без особых надежд на успех, пишу письмо Андрею Львовичу Юрганову в Москву и узнаю, что его деда, со стороны отца, зовут *Николай Иванович Юрганов*. Значит прадеда Андрея Львовича звали *Иван*, а родно-

го брата моего прадеда Павла – *Василий!* Не сходится...

Более чем убедительный пример иллюзорности в поисках семейных корней: строить биографию близких тебе людей на сомнительных допущениях – занятие неблагодарное. Такова цена политики советской власти, когда семейная генеалогия представлялась «буржуазным опытом», который не мог прижиться в практике социализма. Какое там! По России пронёсся испепеляющий ураган классовой ненависти. Вожди «гегмона»-пролетариата присвоили себе привилегию создания *новой идеологии, социальных институтов*, в конечном счёте *государства*. Росчерком пера они лишили «*классово-неполноценных*» людей элементарных прав, отправили их на каторгу или на плаху. Спустя двадцать лет после «революции гегмона» сотни тысяч обыкновенных пролетариев и крестьян оказались «врагами народа», став неблагонадёжными, а вместе с ними – зарождающаяся трудовая интеллигенция! С лица земли исчезали люди, которые были носителями *культурной и генетической памяти*. Исчезали документы, удостоверившие от поколения к поколению приход к жизни и деятельность безжалостно уничтоженных граждан российского общества.

За семьдесят четыре года так называемой Советской власти в государстве «*рабочих и крестьян*» так и не сложилось в семьях должного уважения к документальным источникам, которые следовало бы не только сохранять, но и лелеять, чтобы по завершении жизни можно было бы достойно опереться на все *ответвления* родовых корней...

...Однако обратимся вновь к истории *Павла Петровича Юрганова* – моего прадеда. Из армии, после шести лет службы, как пишет его внук – мой отец, вернулся он «... *человеком далеко не благопристойным. Был любителем приложиться к спиртному, хотя к женскому полу проявлял великую сдержанность. Здоровья был отменного, физической силы немеряной, характером – нелюдимым и молчаливым.*

Деревенским сверстникам часто доставалось от его кулаков, и относились к нему сельчане скорее с осторожностью и нелюбовью». После армии при нём остались военная форма и ефрейторское звание, коими он очень гордился.

В семье моего отца не было проблем алкоголизма в такой мере, как в семье моей матери, где из семи детей, рожденных бабушкой Прасковьей Кузьминичной – матерью моей матери Зинаиды Никитичны, один оказался жертвой «зеленого змия». Об этом рассказ впереди... Хочу глянуть на проблему злоупотребления алкоголем в России в период зрелости прадеда Павла Петровича Юрганова. Трудно отнести его к категории хронического алкологика, но к категории сильно пьющего – вполне возможно.

Русский ученый Д. Н. Бородин в 1910 г. опубликовал исследование «*Кабак и его прошлое*». Вся его работа пронизана яростной критикой налоговой политики царизма, начиная с Ивана IV и заканчивая правлением Николая II. По его мнению, правящие круги России всегда преследовали фискальный интерес в производстве и продаже спиртных напитков и никогда серьезно не боролись с пьянством. Политика русского правительства «... Привела к тому, что пьянство стало национальной чертой русского народа...» Д. Н. Бородин убежден в том, что ни акцизная система, ни казенная винная монополия не только не принесли пользу борьбе с пьянством, но и не дали выгод в фискальном отношении. Причину смены акцизной системы питейной монополии он видел в упадке доходов в казну от питейного налога, а доходы от казенной продажи вина были перекрыты огромными расходами на нее. В питейной монополии исследователь не отметил ни одного положительного результата и пришел к выводу, что она только усугубила пьянство и увеличила «податное бремя» народа.

Профессор М. Я. Киттары (середина XIX века) пишет: «*Масса наших потребителей пила вино не так, как пьют*

его цивилизованные иностранцы – не определенной небольшой порцией, ежедневно перед завтраком, обедом или ужином, но пьёт его по большинству путём чистого отравления, выражающегося в пьянстве, или случайном, при первых свободных деньгах, периодически составляющем известную болезнь – запои».

Расходы на спиртное занимали значительное место в крестьянском бюджете середины XIX века. 7,5 процента от ежегодного крестьянского бюджета в среднем шла на выпивку. Безземельные, к коим относился мой прадед со стороны отца Павел Петрович Юрганов, тратили на вино – 62,8 процента денег на питание и добывали водку, исполняя самую тяжёлую и грязную работу у своих зажиточных соседей.

Далеко не все крестьяне, ставшие свободными после реформы 1861 года, были внутренне готовы к новому состоянию. Малоземелье, отсутствие средств вели к ослаблению чувства частной инициативы и к унынию. «*Выпьешь бутылочку, зашумело в голове – вот и весело, вот и всё наше мужицкое веселье!*» – говорили мужики деревни Дубасово.

...Обедневший помещик, потомок подполковника Дубасова, давшего деревне своё имя, насмотревшись на пьяные «проделки» отставного ефрейтора П.П.Юрганова, призвал его как-то к себе на беседу. Причина для разговора случилась нелепая, но могущая стоить Павлу Петровичу жизни.

Возвращаясь домой после очередной попойки, решил он водицы напиться. Подошёл к колодцу и неосторожно перегнувшись, угодил «с пьяных глаз» в его чрево, окунувшись в студёную воду. Мигом протрезвев, понял, что стоит он почти на носках в длинной колодезной штольне по горло в воде. Стал истошно кричать, прося о помощи! Но время было позднее, народу – ни души, да и голос его очень скоро осип от напряжения и холодной воды. Но Господь сжалился над грешником и вскоре Павел услышал мужские голоса... Вытащили его добрые люди из колодца верхом на бадье.

Здоровье не подвело – выжил, хотя всю свою жизнь Павел Петрович Юрганов после своего «подвига в колодце» был крайне чувствителен к простуде и склонен к бронхитам.

У помещика Павел Юрганов работал по хозяйству плотником. Слыл большим мастером и вполне работоспособным человеком, если бы не его «загулы». По нравам того времени, почти тридцатилетний холостяк, любитель подражаться и выпить, был человеком ненадёжным, хотя в его характере было немало достоинств: честность, грамотность, бережливость, строгость к разгильдяям и лентяям.

Помещик был уверен: Павла Юрганова надо женить, чтобы обыденная семейная забота оторвала бы его от «дури» и приобщила к нормальной жизни крестьянина – поселанина. Поскольку работу давал помещик, а её хватало: надо было содержать усадьбу в отменном порядке, ремонтировать все приходящие в негодность пристройки и т.п., сделал он П. Юрганова управляющим своим именем. Тут же потребовал, в месячный срок, найти «справную бабу» и... жениться! В качестве стимула к скорому исполнению поставленной перед ним «задачи» помещик отдал Павлу Петровичу Юрганову примыкавший к помещичьей усадьбе флигель. Тому предстояло помещение капитально отремонтировать и поселиться со своей семьёй, которую, судя по всему, предстояло создать немедленно!

...Влечение к экзотической породе женщин роднит моего сына Дмитрия Юрганова с его пра-пра-пра-парадедом Павлом Петровичем Юргановым. Женился Дима Юрганов на девушке из семьи иммигрантов из Гватемалы, смуглолицей красавице Бетти Трухильо, в браке с ним ставшей Бетти Юргановой. Точно как 131 год назад безфамильная цыганка Мария вышла замуж за Павла Петровича Юрганова, став в браке с ним Машенькой Юргановой. И вот как это случилось...

На момент разговора с помещиком, примерно в 1889 году,

в августе, в лесной балке, неподалеку от села Дубасово остановился цыганский табор. Цыганский барон обратился к Павлу Петровичу Юрганову, как управляющему помещичьим именем, с просьбой разрешить короткий постой цыганского табора в местности, которая примыкала к владениям помещика Дубасова.

Желая посмотреть, где расположился табор и не покусился ли цыганский барон на хозяйских лошадей, П. Юрганов отправился на место стоянки цыган. Он заметил там красивую молодую девушку, которая сразу же ему приглянулась.

Наша семейная мифология представила потомкам эту девушку ярко: и стройная, и длинноволосая, и певунья, и танцовщица... Несомненно одно: любовь случилась с первого взгляда. Стали встречаться. Ремонтируя помещичий флигель, Павел Юрганов жил пока в родительском доме, на краю деревни. Братья Марии доложили цыганскому барону о «баловстве» русского мужика и их сестры. Решено было проучить обоих.

Однажды ночью два брата Марии подкрались к окнам дома Павла Юрганова, зная, что там сестра ночует, и попытались проникнуть в дом, чтобы повязать его и притащить на «судилище» в табор.

Цыганка Маша,
жена Павла Петровича
Юрганова,
мать Сашеньки –
его сына.
(реконструкция
Т. Солодиловой)

Получилось совсем не так, как предполагалось. Павел «гостей» перехватил. Повязал их же ремнями и поволок в табор, как ни просила его Маша не делать этого и братьев отпустить. Зол он был непомерно! Бросил «гостей» у ночного костра, перед сидевшим бароном и ушёл, не сказав ни слова. Барон понял, что силу Павла Юрганова недооценил и решил пойти на мировую: «*Ты Машу бери себе в жёны, – сказал он, – а то получается у вас с ней как-то не по людски!*» Сам на следующий же вечер снялся с места, даже не попытавшись, по традиции, прихватить коней из помещичьего хозяйства Дубасовых...

Отец пишет: «*Чары моего деда оказались сильнее законов табора, отрицавших «чужаков», неодобрительно относившихся к браку с чужеродными...*» Сельский священник одновременно и окрестил Машу, и повенчал новобрачных. Вскоре они стали жить уже в том флигеле, который Павел Петрович Юрганов полностью отремонтировал, приспособив к семейной жизни.

17 декабря 1891 года Маша Юрганова родила мальчика, которого нарекли именем, царствовавшего на тот момент Российского Императора – Александром. Он был похож на свою мать, как две капли воды! Через три года и Сашенька, и Павел Петрович – осиротели: Маша Юрганова, будучи беременной вторым ребёнком, упала, с размаху ударившись животом о камень, и... умерла.

Гибель жены Павел Петрович Юрганов пережил тяжело. Был мрачен, нелюдим. Два года маялся с мальчонкой, не зная, как ухаживать за ним и растить при массе тех забот, которые были на его плечах и при крайней скудости своего быта. Однажды в его дом пришла деревенская девушка, сельчанка по имени Липа. Полное её имя Олимпиада Семеновна Волкова, младше Павла на 10 лет (1871 года рождения), которой судьба мальчика оказалась близкой к сердцу. Она предложила Павлу Петровичу Юрганову *себя* на роль

жены и приёмной матери его сына. От добра – добра не ищут! Тот согласился. Справили они скромную праздничную трапезу после венчания в церкви села Дубасово, и стала Липа – Олимпиадой Семёновной Юргановой – верной женой Павлу Петровичу Юрганову и приёмной матерью его малолетнему сыну – Александру Юрганову...

Как я уже писал, служил Павел Петрович Юрганов на Кавказе, в стрелковой роте. Дослужился до ефрейтора и отправлен был в запас с правом возвращения на родину по месту жительства – в село Дубасово... Активные военные действия на Кавказе давно завершились, но край, оставшись в памяти солдата императорской армии, начал его манить.

С рождением сына, да так и не преодоленной нищетой, пришли заботы о перемене мест, но решиться, так вот запросто, сняться и уехать куда глаза глядят было непросто!

Олимпиада Семеновна
Юрганова
1904 год, город Баку

Однажды в селе Дубасово появился заезжий солдат, служивший в Закавказском крае. Разговорились... Вспомнили муштру солдатскую, обычные служивые заботы. Наговорившись, солдат снялся с постоя и ушел по своим делам, а Павел Петрович, теперь решил уже окончательно: пора искать счастья на юге Российской Империи.

К тому же до Пензенской губернии слухи дошли, что переселение в Южные края Империи поощряется правительством. Право на переезд получали все желающие, независимо от имущественного положения. Закон 1904 года освобождал от *круговой поруки*, когда сельское земельное начальство могло выставить поселянину свои требования. К тому же расширялись льготы и пособия переселенцам, но Павел Петрович их не дождался, а вот железная дорога была недавно открыта и добраться от Пензенской губернии до города Баку особого труда не составляло. И всё же ехать в Баку, незнакомый и чужой город, было рискованно. Тогда решил Павел Петрович податься в Бухару, где жил бывший однополчанин, адрес которого у него случайно сохранился.

По тогдашним правилам жизни, Олимпиада Семеновна никогда и ни в чём мужу не перечила. Знай ухаживала за маленьким Сашей и помалкивала. Так вот и снялись они в 1896 году с деревенских «якорей». Сын Саша подросток. Ему было уже пять лет и все невзгоды переезда он вполне мог уже выдержать.

Вот как пишет мой отец Борис Юрганов о том моменте в жизни своего деда: *«Собрали скарб, и на накопленные за годы гроши снялись с места. Сначала добрались до Саратова. Там их встретила родня Олимпиады, коротко пообщались и оттуда – до Баку по недавно построенной железной дороге. В Баку решили не останавливаться. Сразу же отправились в Красноводск и, наконец, окончательно остановились в Бухаре...»* Неведомо как память солдата сохранила имя однополчанина с длинной кличкой: «Иван –

город Бухара, начало XXвека

нечистая сила». Тот встретил Павла Петровича приветливо, предложил у себя временный постоя, а позже помог найти и снять квартиру для семьи с женой и ребёнком.

По видимому в своём суровом Пензенском крае Павел Петрович порядком намёрзся в колодце, куда угодил по пьянке, раз жизнь в Бухаре показалась ему пригожей. Жара там стояла почти круглый год и сильно утомила русского мужика из Центральной России. Стал он, уже через год, думать, куда бы податься отсюда?

Снова – Красноводск. На частной шхуне, по Каспию, П. П. Юрганов добирается с женой и сыном до Баку. Трудно сказать, чем привлек его этот город. Наверное, там сравнительно легко можно было найти работу. Нуждались в рабочих руках нефтяные скважины, крупные фабрики и нефтеперегонные заводы. Набирали темпы развития множество иностранных акционерных обществ.

Устроился Павел Петрович Юрганов стрелочником на Кавказскую железную дорогу. Получил он на стрелочной развилке казённый домик с плитой, отапливаемой мазутом. Зарботок ему положили – 22 рубля 35 копеек.

Мой отец пишет о положении, которое было обычным в том социальном слое, к которому принадлежал мой прадед. Прокормиться в городе ветренном, солнечном, с теплым

летом, но с холодными зимами, было непросто. Пришлось искать работу его жене – Олимпиаде Семеновне – приёмной матери моего деда – Александра Павловича Юрганова, бывшего в ту пору, 1897 году, шестилетним мальчишкой.

Они жили неподалёку от окраины Баку и Олимпиада Семёновна нашла место экономки-кухарки в семье хозяина мельницы – Самуила Лазаревича Шифрина с оплатой за работу 20 рублей в месяц. В своём доме хозяин предоставил ей комнату. Кулинарное мастерство Олимпиады Семёновны оказалось «вне конкуренции», и ему очень хотелось удерживать при себе такую мастерицу.

Павел Петрович вскоре тоже перебрался к хозяину мельницы, потому как прошедшие годы жизни, связанные с переездами, нищенскими заработками его сильно утомили, а на мельнице применение его «золотым» рукам было всегда.

В год наступления нового XX века в семье Павла Петровича Юрганова наконец-то сложился достаток, в том смысле, что было и чем кормиться, и где жить, и даже задуматься о том, как дать сыну – Сашеньке Юрганову – образование.

Надо признать, что встреча с Соломоном Лазаревичем Шифриным – строителем и хозяином первой мельницы в Баку, в доме которого Павел Петрович Юрганов жил вместе со своей женой и сыном, внесла в его судьбу некоторое успокоение. Сашенька Юрганов – мой будущий дед – даже не догадывался, что в немалой степени и сам поспособствовал тому. Это может показаться странным, но так оно и было!

В семье С.Л.Шифрина рос его единственный сын – Абрам, почти ровесник Саши Юрганова. Мальчики крепко подружились. Их общение было искренним и трогательным настолько, что отцу – С. Л. Шифрину – очень захотелось, чтобы дружба мальчиков продолжилась. Самуил Лазаревич предложил Павлу Петровичу отдать его сына – Сашу Юрганова – в классическую гимназию, куда с годами отправился учиться сын хозяина мельницы.

За время скитаний по «югам» России Павел Петрович понял: главное в жизни – всего надо дробиваться своими руками и головой. Он видел, что Самуил Лазаревич – человек и в самом деле деловитый и добрый, но его предложение Павел Петрович оценил трезво. С присущим ему прагматизмом и суровой категоричностью он решил, что в лучшем случае окончание гимназии даст его сыну Саше перспективу поступления в университет. Но для учёбы в нём требовались немалые деньги. Вон Соломон Лазаревич так и предлагает: после окончания гимназии направить Сашу Юрганова и его сына Абрама в Париж, где оба они будут жить и учиться *на деньги* Соломона Лазаревича. Но мир людей изменчив! К тому же жизнь в Париже – полна соблазнов. Вряд ли его сыну нужны эти испытания!

Павел Петрович Юрганов так и остался с образованием, полученным в церковно-приходской школе, обогащённым его жизненным опытом. Роль образованности он мог знать по её практической ценности. Окончание сыном бесплатной начальной городской школы, а затем его поступление в четырёхклассное городское училище в Баку – уже хорошо! Затем, Саша мог сразу же поступить и завершить двухгодичные курсы в Реальном училище. Сын освоит конкретную профессию и всё это – большая удача!

Выслушав соблазнительные предложения С.Шифрина, Павел Петрович осторожно, но достаточно твёрдо заметил, что у его сына «...в жизни задачи практические...» и ему надо думать о своём образовании иначе, чем сыну хозяина мельницы. Это была *позиция* и трудно было отказать ей *в логике*...

...В Баку в середине XIX века проживало 2.154 жителя. Будучи столицей Азербайджана, город привлекал к себе крестьян из обедневших сел со всей России, не говоря уже о представителях других национальностей, в частности, евреев.

Иммиграция подданных Российской Империи в Баку началась сразу же после окончания Русско-Иранской войны 1826-1828 гг., когда был подписан *Туркманчайский мирный договор*, который закрепил господство русского государства в указанном регионе.

Заселение ускорилось после завершения строительства из Центральной России до города Баку железной дороги и принятия закона от 6 июня 1904 года, который существенно поощрил миграцию населения Российской Империи в Бакинскую губернию.

К моменту приезда Павла Петровича Юрганова в Баку в 1897 году здесь развивалась добыча нефти и установилась нефтеперерабатывающая индустрия, привлекавшая в регион все новые и новые потоки обездоленных и предприимчивых иммигрантов со всех концов России и Европы.

Например, к началу XX века в городе проживало уже около двух тысяч трёхсот сорока евреев, в основном *ашкенази*. Они вносили достойный вклад в развитие нефтяной промышленности Баку. Достаточно сказать, что первый магистральный нефтепровод Баку–Батуми финансировался французскими семьями финансовых магнатов Европы – Ротшильдов. Все ведущие позиции в строительной компании занимали евреи.

В Баку в ротшильдовской орбите пребывало два или три десятка фирм. В контакте с ними свое дело вели такие предприниматели, как К. В. Кальман, специалисты-нефтяники Ю. Л. Лев, О. Е. Лейтес, Е. С. Липмен и уже известный нам владелец мельницы С. Л. Шифрин. Теперь понятны интересы Соломона Лазаревича Шифрина к Франции и его желание отправить туда на учёбу своего сына, что и было им сделано, когда его отпрыск завершил учёбу в Бакинской классической гимназии...

Александр Юрганов, сын Павла Петровича Юрганова, завершив в 1902 году начальное образование, поступил в че-

тырёхгодичное училище, которое окончил в 1906 году.

...Известия о волнениях в Петербурге, переросших в революцию 1905 года, пришли в Баку на фоне кровавых столкновений между армянами и азербайджанцами, которые спонтанно развивались в Шуше, Ленкорани, Нахичевани и Карабахе. Эти две национальные общины в Азербайджане были наиболее многочисленными и между ними периодически возникали жестокие конфликты, которые очень беспокоили царскую администрацию региона.

Подавление царским правительством восстания рабочих Путиловского завода, расстрел в Петербурге правительственными войсками мирной демонстрации в столице империи, ставшей началом революционных выступлений рабочих, разнеслось по всем окраинам России. Достигли они и Баку, став одновременно со столкновением азербайджанцев с армянами в Шуше и Карабахе, случившемся в конце 1904- начале 1905 года, основанием для волнений в столице Азербайджана. К лету 1905 года резня открыто готовилась в Баку. Царская администрация города использовала межнациональный конфликт в собственных целях, пытаясь ослабить организационное и политическое усиление двух наиболее многочисленных общин региона, натравливая их друг на друга. Колониальная политика «*Разделяй и властвуй!*» главенствовала в арсенале управления Азербайджаном.

Полиция конфисковывала оружие в армянских кварталах и одновременно раздавала его «...для самозащиты...» татарам (так царские чиновники называли коренных азербайджанцев). Среди *татар*, живущих в Баку, возникло мнение, что «...*армяне в Шуше взяли верх, надо в Баку отомстить за шушинских мусульман...*»

18 и 19 августа в гостиницах «Мадрид» и «Исламия» происходили совещания лидеров азербайджанской общины, а на улицах тем временем появились шайки вооружённых с ног до головы армянских боевиков. Возник слух, что

в субботу «...будет резня...». В пятницу девятнадцатого августа 1905 года многие состоятельные азербайджанцы предупреждали знакомых армян, рекомендуя им не выходить на улицу. В тот же день в азербайджанском квартале началась стрельба из окон и с крыш, а в субботу, 20 августа, произошло очередное нападение забастовщиков – служащих конки – на конку. Трое армян убили солдата-кучера, а затем преследовавшего их казака.

Это стало сигналом к столкновению. Лавки немедленно закрылись, конку убрали. На этот раз в самом городе резня не имела таких трагических последствий для армян, как в феврале 1905 года, поскольку они сосредоточились в армянском квартале и организовали самооборону. Азербайджанцы, со своей стороны, кинулись на нефтяные промыслы в Балаханах и подожгли их. Две тысячи русских рабочих, собравшись в круг, поместив в середину женщин, детей, отступили к зданиям Совета съезда нефтепромышленников, промысловой больницы и засели там.

Свидетель пишет: *«Три дня Балаханы, Забрат, Раманы напоминали ад: озверевшая толпа азербайджанцев била, грабила, расстреливала, жгла. Некоторых русских щадили. Других азербайджанцы истребляли так же, как и армян. Раненых швыряли в горящие мазутные ямы или дорезывали. Возле промыслов Манташева окружили безоружную толпу человек в 30 и всех искрошили кинжалами. В Раманах замутили, перестреляли, сожгли более 300 человек».*

Царские войска предприняли решительные меры, как против азербайджанцев, так и против армян. К концу августа резня утихла, но напряжённость в городе ещё сохранялась. В августе 1905 года в Баку прибыл царский наместник Воронцов-Дашков и предложил условия примирения, предполагавшие *круговую поруку* и взаимное возмещение ущерба. 14 августа между представителями двух общин был заключён мир...

...В сентябре 1905 года Александр Павлович Юрганов, воспользовавшись затишьем, наступившем в городе, поступил в Реальное училище, которое успешно окончил в 1908 году. Учиться он любил и, получив диплом с отличием, долго не раздумывая, сразу же поступил на курсы телеграфистов в Тифлисе.

Сын сорокалетнего Павла Петровича Юрганова – Александр Павлович, благополучно пережив с родителями в доме Шифрина, кровавые столкновения азербайджанцев и армян зимой и летом 1905 года, постепенно приближался к самостоятельной жизни.

С 11 октября 1910 года Александр Павлович начал работать в Баку в Почтово-Телеграфной конторе в «Белом городе». Это было условное название части Баку, в котором было немного заводов, с малым выбросом сажи и дыма в атмосферу, по сравнению

Александр Юрганов, 13 лет,
ученик Бакинской
пушкинской школы
1904 год, город Баку

Александр Павлович
Юрганов
1912 год, город Баку

с тем городским районом, в котором располагались десятки старых мастерских и заводов, которые, постоянно дымя и коптя, дали название месту – «Чёрный город».

В своей служебной униформе юный чиновник почтово-телеграфного ведомства города Баку обретает солидный вид и привыкает к не менее солидному обращению: «Александр Павлович...»

Пока отец моего деда Александра Юрганова Павел Петрович – мой прадед – жил со своей женой Олимпиадой в доме С. Л. Шифрина, посвятим некоторое время важным вехам личной жизни его сына, который в свободное от работы время отдавал любимому делу – драматургии, а точнее театральной режиссуре, при постановках любительских спектаклей.

Надежда Георгиевна
Юрганова-Волковская
1912 год, город Баку

Он организует *драматический* кружок в рабочем клубе при заводе предпринимателя Манташева¹ и знакомится там с очень симпатичной шестнадцатилетней девушкой – Надеждой Волковской.

1) Второго января 1910 года «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали: «...состоялся малый новогодний прием, на коем присутствовали Его Величество Император Всероссийский с семьей и приглашены были 20 богатейших людей России. Номера их приглашений соответствовали капиталу их на 1 января минувшего года». Граждан России (не говоря о национальности и вероисповедании) на приеме у Николая II было только трое – финансист и фабрикант Путилов, нефтепромышленник Манташев и грузинский князь Чиковани. На руках у Алексея Ивановича Путилова был пригласительный билет за номером 12, у Александра Ивановича Манташева – 13.

23 июня 1915 года, Александр Павлович Юрганов переходит на Бакинский Центральный телеграф, где работает начальником смены, проживая на казённой квартире, предоставленной ему в Белом городе. Там он работает до конца зимы 1918 года, то есть почти до времени бегства в Саратов из Баку, погруженного в хаос вооружённых столкновений.

О молодости и браке Александра Павловича Юрганова мой отец – его сын Борис Юрганов – пишет так: «...В Белом городе Александр Павлович Юрганов вращается среди рабочих в основном русской национальности. Надя была приёмной дочерью коммивояжёра фирмы швейных машин Зингера – Георгия Амбарцумяна и хвалынской мещанки Александры Волковской. В клубе ставились пьесы А. Горького «На дне», драмы А. Чехова и А. Островского. Надежда Волковская была влюблена в Александра Юрганова – молодого, эрудированного чиновника, режиссёра драмкружка. В 1912 году, осенью, у Александра и Нади состоялась свадьба. Жениху – двадцать один, невесте – шестнадцать. Надя Волковская училась на курсах портних-модельеров и была очень собой хороша!»

Некоторые странности, обнаруженные в её родословной, всё-таки требуют объяснений. Мать Нади – Александра Волковская, будучи замужем за коммивояжёром Георгием Амбарцумяном, почему-то оставила свою девичью фамилию – Волковская. Надя – её дочь, как и положено, носила фамилию своей матери – Волковская, но по отчеству была «Георгиевна», по имени мужа матери – Г. Амбарцумяна. Стало быть матушка Надежды – Александра Волковская, вступая брак с Г. Амбарцумяном в 1896 году, почти в год рождения дочери Надежды, избегла церковного бракосочетания, то есть венчания, потому что незадолго до брака уже носила под сердцем ребёнка! Беременность, по-видимому, случилась от «проезжего молодца» яркой наружности – жгучего брюнета, как оказалось по прошествии лет, глядя на лицо

Наденьки – девушки весьма привлекательной, а по характеру – горделивой и весьма оригинальной.

Скорее всего факт беременности Александры необходимо было утаить. Следовало спастись от пересудов: Хвалынский город маленький и требовалось продемонстрировать хоть какие-то приличия и скрыть плод тайной пламенной любви...

Избранник Александры Волковской – армянин Г. Амбарцумян – был значительно старше её и с весьма обширной лысиной. «Брачный компромисс» с новым мужем Александры состоялся, и с рождением у Надежды появилось... «законное» отчество – Георгиевна. Сам «спаситель» женской чести, в награду за сговорчивость, получил право откликаться на зов девочки – «папа!», хотя фамилия у Нади осталась материнская – «Волковская...»

Александра Волковская прожила что-то около десяти лет с Георгием

Александра
Волковская-Соловьёва
с дочкой Надей

Александра
Волковская-
Соловьева
с дочкой Верой
и мужем Иваном
Соловьевым
1906 год

Амбарцумяном. Разошлись... Он навсегда уехал из Хвалынска. В 1906 году Александра Волковская, легально выходит замуж за жителя Хвалынска *Ивана Васильевича Соловьева*. Она живёт с ним уже в законном церковном браке, до самой смерти мужа, случившейся в окаянные дни Гражданской войны. Тогда же, после венчания, Александра фамилию «Волковская» сменила на фамилию мужа – «Соловьева» и родила от него дочь Веру, которая стала Надежде Георгиевне Волковской сводной сестрой.

Получается, что родовой код – национальность – Надежды Георгиевны *неизвестен*, как и *неизвестен* её отец, следы которого безнадежно утеряны. Однако в лице *моей бабуш-*

ки – матери моего отца Бориса Александровича Юрганова, *жены* моего деда Александра Павловича Юрганова, весьма заметны *следы* жгучих брюнетов – *южан*. Во внешнем облике *моей бабушки* примесь её матери – славянки, слегка ослабила южный акцент «*проезжего молодца*».

Цыганская вспыльчивость в характере Бориса Юрганова, полученная от Александра Павловича Юрганова – сына цыганки, и южная, «жгучая» выразительность неведомого возлюбленного его бабушки *Александры* – сопровождали моего отца всю жизнь!

Судя по облику на фотографии, где изображён второй муж Александры и второй отчим Надежды Георгиевны – *Иван Васильевич Соловьёв*, родной отец сводной сестры *моей бабушки* Веры Ивановны Соловьевой, был, скорее всего, крещеным евреем. Обрусевший, выбившийся «в люди», сумевший приобрести в Хвалынске большой дом, который после его смерти достался жене. Александры, отъезжая в 1923 году из Хвалынска, будучи вдовой *Ивана Соловьёва*, дом продала и переехала в Баку с дочкой Верой, которой к тому времени исполнилось 17 лет. Туда же из голодного Саратова возвратилась с мужем и сыном старшая дочь Александры – Надежда Юрганова...

... С владельцем фамилии *Волковский* душевная близость Надежды Юргановой по-видимому была. Я сужу по тому, что, обретя фамилию *Юрганова*, она о фамилии *Волковская* никогда *не забывала*. Напомню – спустя 83 года своей жизни она даже просит моего брата Александра Юрганова, бывшего её душеприказчиком в последние дни жизни, похоронить себя в Баку, в могиле своего мужа Александра Павловича Юрганова... под фамилией *Волковская*! Почему?

Момент архиважный, если учесть, что последняя воля бабушки *не была исполнена* в полной мере. У моего брата на то были свои *резоны*. Как показали мои расследования, история фамилии *Волковский* весьма значительна! Однако

желание бабушки – неумелая попытка хоть как-то увековечить польского предка с фамилией *Волковский*, который связал свою судьбу в XIX веке с её хвалынской семьёй...

...Волга – Хвалынский – место рождения, взросления, обретения девичьей стати *Александры* – матери Надежды Георгиевны, урождённой *Волковской*. А какого *сословия* были родители *Александры*? Узнать доподлинно этого не удалось, но скорее всего – *мещане*. За свою жизнь они нажили всего лишь крохотный домик, в котором и родилась их дочь Александра.

Пытаясь найти разгадку *привязанности* моей бабушки Нади к фамилии «*Волковский*», я выяснил, что фамилия эта – польская. Принадлежать могла участнику польского восстания 1863-1864 годов, родившемуся и жившему в Варшавском Генерал-губернаторстве – провинции Российской Империи.

Волковский, которому на момент участия в *восстании* 1863 года в Польше могло быть лет 25 (*таков средний возраст участников бунта*), был сначала сослан в Сибирь. Затем, лет через 15-25 (*средний срок наказания для участников повстанческих групп*) получил право вольно-поселенца (*или по состоянию здоровья...*) в Поволжье, в крохотном городке Хвалынский.

Скорее всего в 1877 году *Волковский*, уже отбыв в ссылке около 14 лет (1863-1877), встретился в Хвалынке с *матерью Александры*, когда той было от роду лет 18 или 19 (не исключая – может и больше). Имя бабушки Надежды Георгиевны Юргановой, как я уже писал – увы! – осталось неизвестным, как неведомо имя её избранника сердца – ссыльного польского дворянина *Волковского*.

Итак, от брака польского *бунтовщика-дворянина* с русской девушкой из Хвалынска *родилась дочь...* Нарекли её *Александрой*, скорее всего по имени царя Александра II, что было тогда единственным *извинительным* актом сомни-

тельного брака русской мещанки, горожанки Хвалынска, с польским дворянином-бунтовщиком и католиком, пребывавшем на вольном поселении в этом крохотном волжском городке.

Новорожденная *Александра Волковская* была окрещена в православной церкви города Хвалынска. Поляку-католику ничего не оставалось, лишь согласиться с этим обстоятельством. Поскольку у родителей Александры – брак был законным, с её рождением они *передали* ей фамилию *Волковская*.

Александра Волковская выросла, созрела и тайно сошла, как я понимаю, с неотразимым «*проезжим молодцом*». Забеременела... Возникла угроза для девичей чести! И тут в Хвалынский является коммивояжёр-армянин Георгий Амбарцумян, торговавший швейными машинками компании «*Зингер*». Не исключаю, что коммерсант был на постое в доме родителей Александры и... согласился жениться на ней с её «наследством», избегнув венчания и прочих церковных формальностей.

К концу века в брачном кодексе Российской империи уже наметилась либерализация, достигшая и глухой провинции – волжского городка Хвалынский. Вот почему Александра решилась «*вступить в отношения*», названные «*гражданским браком*» с коммивояжёром, ссылаясь на то, что узаконивать брак с ним нет никакого резона, поскольку он армянин и брачному кодексу русской православной церкви не «*подотчётен*». Так «*сошел с рук*» грех молодости *Александры*, а сам «плод греха» – Надежда Георгиевна *Волковская*, наслушавшись рассказов бабушки и матери о польском бунтовщике и красавце – дворянине, прониклась глубоким сочувствием к этому человеку, память о котором столь глубоко укоренилась в её памяти и чувствах.

Такая почтительность вызывает у меня невольное уважение, но пределы имеет и оно! Брак с Александром

Юргановым у Надежды Георгиевны был гражданским, а не церковным. Отец Александра Павловича в решение сына не вмешивался, Олимпиада Семеновна шла вслед за мужем и новобрачные были просто зарегистрированы в мэрии Баку, а не венчаны в церкви. При Советской власти Надежда Георгиевна и Александр Павлович свой брак перерегистрировали по новым советским правилам. Стало быть желание Надежды Георгиевны быть похороненной под именем *Волковская* выглядело даже *оскорбительным* для памяти мужа. Такова была логика рассуждений и решительного вердикта внука Александра Павловича Юрганова, моего брата Александра, отказавшегося следовать капризу престарелой восьмидесятитрехлетней бабушки.

Хоть и с трудом, а точнее с некоторым напряжением совести, я должен признаться еще кое в чём, что проливает свет на нежные чувства, которые питала моя бабушка к участнику польского восстания дворянину Волковскому.

Году в пятьдесят четвёртом, так случилось, я жил у бабушки. Было мне 15 лет и отличался я редким любопытством! Однажды к ней в гости пришла её подруга, с которой прошли они в гостиную и, плотно притворив двери, стали «сплетничать». Улёгшись у самого нижнего края двери, я тал прислушиваться к их разговорам. Лежал я так долго, что мне надоело! Говорили женщины о косметике, маникюрах и прочей белиберде. Едва я собрался встать, как меня остановила произнесенная фамилия «*Волковский*». Она показалась мне знакомой и я насторожился. Некоторое время бабушка молчала, но подруга настаивала. Наконец, бабушка встала, подошла к двери, да так резво, что я едва успел отодвинуться. Убедившись, что никого нет, она присела на диван к подруге и стала рассказывать примерно то, что я сейчас пересказал. Я думаю, что из признаний самой бабушки история с близкой её сердцу фамилией, а точнее человека, который её носил, выглядит очень убедительно. И хотя не-

хорошо подслушивать чужие разговоры, я только сейчас могу похвалить себя за пронырливость, поскольку молчал на сей счёт почти 60 лет и теперь вношу ясность в упорное желание Надежды Георгиевны Юргановой, уйдя в мир иной, оставаться Волковской.

Со временем я заметил, что бабушка не слишком почтительно хранила память о браке с Юргановым Александром Павловичем. Моему папе было в год смерти его отца около тридцати или тридцати одного года. Он рассказывал мне и брату Александру о своём уважении к Александру Павловичу. Ничего подобного от бабушки я не слышал. Не припоминаю годовщин рождения или кончины мужа, отца и деда, вроде бы необходимых для упоминания *раба божьего Александра*. Уже с приближением старости Надежда Георгиевна зачастила на кладбище к могиле мужа и то по инициативе сына Бориса, написавшего в свои преклонные годы: «*Моя жена Зина перед смертью моего отца дежурила в больнице, где он лежал. Она и была невольным свидетелем его духовного одиночества и откровенных разочарований в личной жизни...*»

В мою бытность в доме на Низами 28, в квартире № 5, я не видел ни одной фотографии деда. Ссылка была одна: *якобы он не очень любил фотографироваться*. Повзрослев, я в этом усомнился, глядя на множество фотографий Александра Павловича Юрганова в отцовском альбоме. Наверняка любовь супругов быстро *иссякла*, а времена на дворе были довольно *суровыми*. Да и *климат* совместной жизни супругов Юргановых с возрастом стал весьма *прохладным*, что, как мне кажется, сказалось на отрочестве и юности их сына – моего отца Бориса Юрганова...

...Люди *низшего сословия* в России мечтали подняться на престижно-родовую ступеньку выше, используя *институт брака*. Выйти замуж за *польского дворянина*, пусть бунтовщика, сосланного в дальние края России,

затем вольнопоселенца, измученного и постаревшего, было для хвалынских *мещан*, будущих родителей Александры Волковской, значимым актом! Потому и вышла с *превеликим удовольствием* честолюбивая мать Александры – *прабабушка* моего отца Бориса Юрганова и моя *пра-пра-прабабушка* – замуж за дворянина Волковского. Хотя, судя по всему, прожил этот поляк не очень много. Наверняка даже не увиделся со своей внучкой – Надеждой, столь почтительно отнёсшейся к его происхождению, судьбе и фамилии.

Работая над этой книгой я изрядно покопался в интернет-архивах и убедился, что после *мятежных событий в Варшаве 1863-1864 годов* против засилья на их земле русского царизма, факт пребывания в ссылке польских *повстанцев-дворян* на территории России документально подтвержден. Нашел я и несколько диссертаций о судьбах несчастных *поляков-поселенцев* и в Поволжье, и в Сибири, сосланных царским правительством в наказание за участие в вооружённом восстании в Речи Посполитой...

...Вторая дочь Александры Соловьёвой – Вера Соловьёва закончила в городе Хвалынске семилетку, а среднее образование получила, живя в Саратове, на квартире у сестры Нади Юргановой, которая работала с мужем в Саратовском ЧК. Потом Вера с матерью в 1923 году уехала в Баку, в то же время, когда её старшая сестра Надежда Георгиевна Юрганова, с мужем и сыном Борисом, отправились туда же из голодного Саратова. *Александра Соловьёва* тогда была уже вдовой, похоронив в Хвалынске мужа. Была она при деньгах, поскольку продала дом мужа и сняла квартиру в Белом городе. Напомню – супруги Юргановы в 1925 году получили квартиру по улице Торговой (потом переименованную в честь великого поэта-просветителя Азербайджана Низами), дом 28, кв. 5.

...*Вера Соловьёва*, после окончания школы второй ступени в Саратове, поступила в Бакинский университет, на истори-

ко-философское отделение. Могу сказать только, что судьба у *Веры* была типичной для *выдвиженцев* того времени с «подходящей» биографией и происхождением. В полном соответствии с большевистскими *стандартами* и её сталинским контекстом Вера усваивала общественные науки, и прежде всего марксистскую философию.

Отдаю должное её природному таланту, любви к учению, хотя не перестаю удивляться, как эта девочка выжила в Хвалынске, где в начале двадцатых годов свирепствовал голод. Не иначе, как помогло искусство экономки – матери и кусок земли при доме, где отец, Иван Соловьёв, выращивал самое необходимое для пропитания в тяжкие годы.

Защитой при «красных» служил факт работы в Саратовском ЧК родни: Надежды Георгиевны и Александра Павловича Юргановых. Своё «чёрное дело» – увы! – голод и лишения сделали: *Иван Васильевич Соловьёв* скончался в Хвалынске, когда Вере было 10 лет.

Карьеру *Вера Ивановна Соловьёва* делала умеючи. Поработала на заводе. Вступила в партию – КП(б) Азербайджана. Потом

Вера Соловьёва

трудилась в райкоме этой партии, в том же Баку. Со временем перешла на преподавательскую работу в Бакинский университет. Сделала верный выбор – вышла замуж за рабочего *Тузова Андрея Ильича*. В этом браке родилась дочь Ирина. Но с мужем случился развод, поскольку пил он довольно много и часто. Вера больше не выходила замуж, а уехала в Москву и защитила там докторскую диссертацию, начав работать в столичном Институте философии...

Судьба её дочери *Ирины* не сложилась. В пятидесятых годах, едва закончив десятилетку, она рассталась с матерью и приехала из Москвы к отцу, жившему в Баку. Вышла замуж за азербайджанца-таксиста и... Сведений о её судьбе нет. Как и нет сведений о её отце – *Андрее Ильиче Тузове*.

Забвение – плотный *покров*, утаивший время смерти и место захоронения не только *Александры Соловьёвой*, но и её родителей. То же постигло судьбу её зятя – *Тузова Андрея Ильича*, его бывшей жены *Веры* – дочери *Александры* и *Ивана Соловьёвых*. Известно, что скончалась она в Москве во время приступа гипертонии... Неведомо место упокоения дочери *Веры Ивановны* – *Ирины*. Все остались под покровом неизвестности и забвения...

...Как ни пытался я найти «труды» *Веры Ивановны Соловьёвой-Тузовой*, ничего не получилось. Так что судить о её вкладе в «*марксистско-ленинскую философию*» не могу. Мои обращения в Московский Институт Философии остались без ответа...

Страдала она от гипертонии и я могу лишь предположить, что умерла *Вера Ивановна* от гипертонического криза в Москве. Её сводная сестра, моя бабушка *Надежда Георгиевна Юрганова*, была еще жива, потому и записала дату смерти: 1963 год. Однако мой отец утверждает, что дата смерти *Веры Ивановны* другая – 1957 год, хотя причина та же – гипертония. Был ей – пятьдесят один год...

...Вернусь, однако, к истории жизни *Павла Петровича*

Юрганова, моего прапрадеда и *Олимпиады Семеновны* – его жены. Своего внука – моего отца *Бориса Юрганова* дедушка *Павел Петрович Юрганов* впервые увидел, будучи в возрасте 53 или 55 лет. Встреча деда с внуком произошла в тревожный час – уже шла Первая империалистическая война.

Пока *Боренька Юрганов* готовился появиться на свет, его мать *Надежда Юрганова* решила отправиться в *Хвалынск*, чтобы рожать сына в тихом провинциальном городке, в доме, где жили ее мать *Александра*, с мужем *Иваном Васильевичем Соловьёвым*, с их дочерью *Верой*.

Муж *Надежды Георгиевны Юргановой* – *Александр Павлович Юрганов* – остался в Баку. Он исполнял обязанности чиновника почтово-телеграфной конторы и в военное время не подлежал мобилизации. Остался он в Баку потому, что подчинялся требованиям своего начальства, указания которого обретали в годы войны силу приказа...

Вместе с женой *Олимпиадой Семеновной Павлом Петрович Юрганов* съехал из дома хозяина мельницы *С. Л. Шифрина*. Случилось это уже в самый канун Первой мировой войны. Отправился *Павел Петрович* в *Ленкорань* – город почти у самой границы с Персией. Похоже, кто-то из старых его знакомых по службе в армии там остался и решил мой пра-прадед податься из Баку, который постепенно становился тревожным, в глубинку Азербайджана...

... Между тем в Баку с июля по октябрь 1913 года бастовали рабочие. Это был изнурительный марафон: всеобщая городская стачка бакинского пролетариата. В первой половине этого года здесь прокатилась волна частичных забастовок, проходивших в разное время на отдельных промыслах и предприятиях. Наконец Бакинский комитет *Российской социал-демократической партии (большевиков)* решил организовать всеобщую городскую стачку, которая началась 25 июля 1913 года. Рабочие выдвинули перед предпринимателями 45 политических и экономических требований:

город Баку

введение восьмичасового рабочего дня и шестичасового – перед праздниками; отмена сверхурочных работ; право на месячный оплачиваемый отпуск; празднование Первого мая; признание профессиональных союзов и промыслово-заводских комиссий; увеличение заработной платы; введение гарантированного минимума заработной платы; оплата дней забастовки; ускорение строительства благоустроенных рабочих поселков; ремонт жилья рабочих; учреждение больничной страховой кассы за счет предпринимателей; расширение существовавших и создание новых медицинских учреждений для рабочих; создание клубов, библиотек, школ и курсов для обучения рабочих и их детей; освобождение всех арестованных забастовщиков.

Почти непрерывная цепь стачек тянулась до 17 октября 1913 года. Всего в ней принимали участие около 35 тысяч человек. Через восемь месяцев 28 мая 1914 года началась новая забастовка. Ею руководил Бакинский комитет РСДРП (большевиков) во главе с С. Г. Шаумяном, при активном участии М. А. Азизбекова, И. Т. Фиолетова, А. М. Стопани. В стачечный комитет входили И. М. Дорофеев, С. С. Гафуров, Н. Н. Карташев, Г. Ф. Стуруа и др.

город Баку

Повторяя требования 1913 года, бастующие выделили новые: *признание органа рабочего представительства – Совета уполномоченных бакинского пролетариата, правомочность его заключить коллективный договор с предпринимателями.* В стачке участвовало около 50 тысяч человек. В ответ на репрессии рабочие провели митинги и демонстрации, имевшие политическое значение. В июле 1914 года рабочие вынуждены были прекратить стачку в связи с началом 1-й мировой войны.

Несмотря на репрессии, забастовщики твердо стояли на своем. Однако длительная борьба истощила рабочих. Наконец, удовлетворившись уступками предпринимателей, бастующие приступили к работе. Но, в свою очередь, забастовали *городские телефонисты, рабочие ткацкой фабрики Тагиева¹, извозчики, служащие конной трамвайной тяги.*

И в этот раз забастовка не затронула коллектив Почтово-телеграфной конторы в Белом городе, где работал Александр Павлович Юрганов. Это было государственное учреждение с существовавшими в нём привилегиями и ясной тарифной

1) Гаджи Зейналабдин Тагиев родился в 1823 году. К началу 80-х годов

XIX века тагиевской фирме принадлежали 30 десятин нефтеносной земли в селениях Балаханы и Биби-Эйбат, две шхуны для перевозки нефтепродуктов, склады в Царицыне, Нижнем Новгороде и Москве, два завода: керосиновый и по выпуску смазочных масел. В связи с созданием фирмы «Мазут» – торгового предприятия ротшильдовского Каспийско-Черноморского товарищества – по совету Гаджи Зейналабдина местными капиталистами во главе с Чолаг Агабалой Гудиевым было создано акционерное общество нефтепровода «Баку—Батуми». Нефтепровод, считавшийся в то время грандиозным сооружением, должен был протянуться от Баку на 800 километров — через Куринскую низменность, склоны Малого Кавказа, подножье Сурамской крепости и Рионскую низменность, — соединив берег Каспия с берегом Черного моря. С вводом в действие нефтепровода бакинская нефть открывала себе широкую дорогу на международные нефтяные базары. Строительство нефтепровода началось в 1897 году, а завершили его десять лет спустя – в 1907 году. В начале ноября 1887 года Тагиев вместе с пятью другими капиталовладельцами создал акционерное общество конно-железных дорог. В городе началось сооружение конки. Дорога вступила в строй в 1889 году и произвела настоящую революцию в городском транспорте. В начале века заработала хлопчатобумажная фабрика Гаджи Зеналабдина Тагиева. Хозяин построил для рабочих мечеть, а для их детей — школу, из различных мест пригласил учителей, установил для них приличное жалованье, организовал для рабочих вечерние курсы самообразования, открыл аптеку и медпункт. Построил мельницу.

сеткой заработков, планом карьеры и порядком начисления пенсий для телеграфных чиновников всех уровней.

Терпя убытки, нефтепромышленники выразили готовность удовлетворить часть экономических требований, но отказались рассматривать политические требования. Как справедливо считали предприниматели, они относились к компетенции правительственных властей.

Война России с Германией была уже объявлена и как я уже отмечал, А. П. Юрганов, будучи почтово-телеграфным чиновником, мобилизации не подлежал, однако тревоги в Баку росли и жить становилось сложнее.

Родив 6 июня 1914 года мальчика, которого назвала Борисом, и прожив в Хвалынске чуть больше полутора лет, Надежда Георгиевна Юрганова с сыном и матерью Александрой Соловьёвой вернулись в Баку. Муж её матери Иван

Борис Юрганов
6 месяцев
1914 год

Соловьёв и дочь Вера, сводная сестра Надежды Георгиевны, остались в Хвалынске.

Александр Павлович настоял, чтобы жена закончила курсы телеграфисток и начала работать на Бакинском телеграфе.

Как нельзя кстати оказался приезд из Ленкорани в 1916 году Олимпиады Семеновны в Баку, с желанием

Дом,
где родился Борис
Хвалынский
Саратовская губерния

Борис Юрганов
1 год 2 месяца
1915 год

взять туда малыша – Бореньку, чтобы как-то помочь семье невестки, которая уже начала работать на телеграфе. *Александра Соловьева* получила возможность вернуться в Хвалынский к дочери и мужу.

В Ленкорани тогда и состоялась встреча бабушки *Павла Петровича Юрганова* с маленьким внуком – *Борей*. Как ни была бабушка Липа и старательна, и аккуратна, как ни пыталась она содержать дом в чистоте, порядке, следить за питанием внука, несчастье всё-таки случилось! В середине 1916 года двухлетний Боренька Юрганов заболевает тяжёлой формой дизентерии. У внука случилась болезнь скорее всего от пребывания в месте, где постоянно стояла жара, да и условия жизни были весьма далеки от норм гигиены и санитарии.

К такому быту привычны взрослые, с опытом трудной

Надежда Георгиевна
и Борис Юргановы
город Баку, июль 1916 года

крестьянской жизни, а малютка – нет... Напуганные за судьбу Бореньки, чувствуя, что с его болезнью не справятся, Павел Петрович Юрганов и его жена Олимпиада Семёновна, уже в самом конце 1916 года, срочно возвращаются из Ленкорани в Баку и поселяются в *Завокзальном районе*, где Павел Петрович устраивается на завод *Левинсона*, занятого производством и ремонтом бурового оборудования. Слава Богу, Бореньку Юрганова выжили...

Наступило 27 февраля 1917 года. В Санкт-Петербурге разразилась буржуазная революция. Верховная власть перешла в руки Временного правительства, которое должно было действовать до созыва *Учредительного Собрания*, избранного демократическим путем и в недалёком будущем. 9 марта гражданская власть в Бакинском крае была передана вновь созданному *Особому Закавказскому Комитету (ОЗК)*.

Комитет состоял из депутатов, представлявших *национальные* группы региона в Государственной Думе. Председателем – ОЗК был русский кадет В. А. Харламов, членами: азербайджанский кадет М. И. Джафаров (впоследствии *мусаватист*), грузинский меньшевик А. И. Чхенкели, грузинский социалист-федералист князь К. Абашидзе и армянский кадет М. И. Пападжанов.

Почти одновременно создавались как *Советы рабочих депутатов*, так и *местные органы Временного правительства – Исполком Общественных Организаций*, что сразу привело к фактическому *д в о е в л а с т и ю* в Азербайджане.

Павлу Петровичу Юрганову на тот момент было 56 лет и он, скорее всего, суть происходивших событий по-своему *осознавал*. То, что царь Николай Второй отрёкся от престола и был арестован, вряд ли Юргановых сильно взволновало. По их представлениям, уж больно много дурного тот совершил, чем не вызывал в народе ни *сочувствия*, ни *поддержки*. И в самом деле! Давка на Ходынском поле, «кровавое воскресенье», ленский расстрел, сурово и жестоко подавленная революция 1905 года. Она была еще в памяти Юргановых в связи с кровавыми столкновениями азербайджанцев с армянами в Баку, Шуше, Карабахе. Об итогах революции 1905 года – более чем скромных реформ в политическом устройстве России никто не вспоминал!

Реальность оставалась взрывоопасной. Аграрный сектор страны пребывал без радикального переустройства. Крестьянам не хватало земель, которые после отмены крепостного права оставались в основном во владении помещиков. В промышленном секторе экономики Российской Империи причины революции оказались еще более разительными. Индустрия развивалась бурными темпами, а положение рабочих все более усугублялось многочасовым трудом и тяжкими условиями быта. Не было трудового кодекса, никаких социальных гарантий. Политические причины революции

были очевидными: монархия *изжила* себя и власть уже *не отвечала* требованиям давно назревшей *модернизации*, крайне *восстребованной* в обществе.

Гибель десяти тысяч человек в процессе подавления восстания 1905 года в России стала грозным предупреждением царизму о близости его бесславного конца, а поражение в русско-японской войне стало свидетельством беспомощности всех институтов управления *моралии*...

Февральская революция 1917 года, которая привела к куда более радикальным преобразованиям: смене *системы*, получению народным массам основных гражданских свобод и т.д., чрезвычайно интриговали мало-мальски грамотных и образованных граждан Баку, но времени для переживаний не было, потому что события в столице Азербайджана разворачивались и *стремительно*, и *неоднозначно*.

В ночь на 7 марта был окончательно сформирован *Совет рабочих депутатов* Бакинской губернии в составе пятидесяти двух депутатов, из которых, кстати, *только 9 были большевиками*, остальные – меньшевики и эсеры, избранные от 52 тысяч рабочих и служащих города Баку.

В выборах принимало участие около 2/3 всего рабочего населения столицы Азербайджана. Пока развитие событий шло по мирному сценарию, особых волнений в городе не было. В первые дни после Февральской революции *Совет рабочих депутатов* фактически заменял собой почти все политические организации, взяв на себя в какой-то степени их функции. Буржуазный орган власти – *Комитет Общественных Организаций* включил в свой состав представителей как *Совета рабочих депутатов*, так и *Городской Думы* и *других общественных организаций*. Председателем *Комитета* был избран Л. Л. Быч, членами – А. К. Леонтович, Я. И. Смирнов из право-меньшевистской организации «Единство», а также И. Е. Ионесян (кадет), И. Е. Аншелес (меньшевик).

Александр Павлович Юрганов уже работал на Центральном

телеграфе в Баку. В 1917 году ему было 26 лет. Женат, ребёнку шел четвёртый год. Забот у него было больше чем достаточно, чтобы *разумно* относиться к происходившим вокруг него событиям. Да и по характеру он был весьма далёк от авантюрных устремлений, осознавал ситуацию реально, никогда не стремился использовать политическую конъюнктуру в целях личной корысти.

События, которые разворачивались в Азербайджане, всё более отчётливо отражали интересы подавляющего мусульманского большинства, образованного национально-этнического сообщества. Хотя прослойка политических кадров, имевших знания и опыт, была в городе Баку чрезвычайно тонка. В ней отражались острейшие противоречия *армянской и азербайджанской* диаспор – наиболее многочисленных из проживавших в Азербайджане этносов.

Формирование в Баку органов управления государством шло трудно, хотя и без эксцессов. Март-апрель 1917 г. можно охарактеризовать как *период объединения всех демократических сил общества Азербайджана, поддерживающих Временное правительство, отсутствия в них фракционной борьбы, признание эсеро-меньшевистского большинства как политической реальности.*

Партия «Мусават» («Справедливость») вышла из подполья. Вернулись в Баку из Франции и Британии её вожди. Они осмысливали реальные возможности воплощения в жизнь идей своей национально-освободительной доктрины. В столице Азербайджана – Баку проходил процесс объединения политических сил социал-демократии *правого толка*. Представители большевиков в Азербайджане в эти дни оказались силой *малочисленной*, к тому же сказывалась *отдалённость* Петрограда от Баку.

Не разбираясь в оттенках политической палитры, Александр Павлович Юрганов трудился на телеграфе, не вникая в эволюцию власти и не чувствуя особых тревог за себя, отца,

город Баку, здание телеграфа, 1912 год

приёмную мать и за свою семью с маленьким сыном Борей.

10 марта 1917 г. на объединённом *общегородском собрании* представителей большевиков и меньшевиков был избран объединённый временный *комитет РСДРП – «Общегородской центр»*. В его состав вошли по 10 представителей от *общегородского собрания* и от членов партийных фракций Бакинского *Совета рабочих депутатов*. В объединённом *комитете* преобладали меньшевики и это, повторяю, было *реальностью*.

Вольно или невольно следовало считаться с большой диспропорцией в национальном составе политических сил Азербайджана в Баку. Столичный рабочий класс продолжал оставаться в своём большинстве сравнительно однородным: азербайджанцы, а язык межнационального общения – азербайджанский. Русификация в Азербайджане – национальной провинции Российской Империи – насаждалась чрезвычайно активно, однако иммигрантское сообщество тоже отражало *многонациональную* палитру Российской Империи. Иначе говоря, в Баку сосредотачивались

евреи-ашкенази, молдаване, русские, татары, киргизы, таджики, армяне, грузины, молокане и т.п. представители населения России. Они объединялись в *моноязычных* землячествах. По-русски, так или иначе, говорило в Баку большинство населения, хотя их политическая активность пока оставалась крайне слабой.

Социальная и культурно-образовательная зрелость русскоязычной общины в Баку была явно недостаточной, чтобы использовать возможности, предоставленные Февральской революцией 1917 года. *Политическую платформу* для воплощения своих интересов в Азербайджане русским надо было создавать. Для этого требовалось время, которого у общины уже не было – национально-демократические вожди мусульман в Азербайджане умело и весьма успешно *конкурировали* с ними в борьбе за свои права и политические приоритеты. К тому же азербайджанский язык был *родным* для представителей коренных национальностей или *близким* для целого ряда иных мусульманских этносов.

Качество русского языка в Азербайджане сильно зависело от места рождения, времени проживания иммигрантов, а также их общения друг с другом. Иначе говоря, языковая *конкурентоспособность* у русских была слабой, поскольку у русскоязычной диаспоры время лингвистической адаптации в Баку было значительно меньшим, чем у этноса, владевшего азербайджанским языком.

1828 год – время подписания Туркманчайского перемирия с Ираном и раздел Азербайджана и лишь спустя тридцать пять лет, в стране сложилась ситуация относительно успешной руссификации. Причём проходила она на фоне отмены крепостного права в 1861 году и отсутствия в Российской Империи внятного иммиграционного законодательства, отражавшего материальную поддержку царским правительством переселенцев из России.

Масса русских иммигрантов в Баку состояла из беззе-

мельных российских крестьян, *приговорённых* стать в Баку пролетариями, лишёнными уважения к чужим традициям, языку и религии. К тому же переселение из национальных окраин Российской Империи шло весьма вяло, зато из соседних Закавказских краёв – Грузии и Армении – весьма активно. Особенно из Армении...

К Февральской революции межнациональные отношения рабочего класса Азербайджана, как явления *политического*, только начали формироваться. Социал-демократические идеи и особенно радикальная их часть – большевизм – оставались не столь *авторитетными* по сравнению с национально-освободительными, сложившимися в партии «Мусават», имевшие мусульманскую ориентацию. Эти факторы привели к политическим *противоречиям* в самоопределении народов, населявших Азербайджан. Особенно ярко эти противоречия проявились в Баку, где русскоязычное население значительно *преобладало* по сравнению с мусульманскими этносами.

В марте 1917 г. в Баку был сформирован временный Исполнительный Комитет партии эсеров. Спустя четыре месяца после Февральской революции – 25 мая 1917 г. большевики собрали свою отдельную конференцию в Балаханах, где имели наибольшее влияние среди рабочих нефтяных промыслов. Они провели свою резолюцию, исключив меньшевиков из рядов своего комитета. 1 июля 1917 года большевики приняли решение называться Азербайджанским сектором РСДРП(б). В противовес им в начале июля был избран самостоятельный меньшевистский комитет в составе 14 человек. Так начиналось политическое *размежевание*. Протекало оно пока *спокойно*, причём партия «Мусават» предпочитала наблюдать со стороны за происходившим процессом *размежевания* между большевиками, меньшевиками и эсерами, *накапливая силы*, ожидая удобного стечения обстоятельств в стране для провозглашения своих

националистических амбиций.

Павел Петрович Юрганов, трудясь на заводе австрийского магната Левинсона, где ремонтировалось и изготавливалось буровое оборудование, продолжал обеспечивать свою семью, ухаживал, как мог, за внуком, поощряя свою жену – домашнюю хозяйку – делать всё возможное, чтобы Борис был здоров и хорошо чувствовал себя в его бакинском доме, куда он с женой часто его забирал, желая хоть как-то помочь семье сына Александра Юрганова и его жене Наде Юргановой.

Между тем обстановка в городе становилась тревожнее. Как и следовало ожидать, Февральская революция привела в движение широкие мусульманские массы. 27 марта 1917 г. в Баку был образован Временный Исполнительный Комитет Бакинского мусульманского национального Совета. Первым председателем его был избран М. Г. Гаджинский – член партии «Мусават».

Массовость партии «Мусават» была очевидной. С первых же дней выхода из подполья она проводила легальную политическую и организаторскую работу среди местного населения Азербайджана. Теперь, после Февральской революции 1917 года, политические цели партии стали гораздо отчётливей, а приоритеты в отражении интересов местного населения – гораздо очевидней.

Большевистская фракция социал-демократов Азербайджана тоже стала приобретать национальную окраску. 3 марта 1917 г. возобновила свою деятельность азербайджанская партия «Гуммет», имевшая пробольшевистские политические ориентиры. Главой временного комитета стал Н. Нариманов, а членами – М. Азизбеков, М. Н. Исрафилбеков и Г. М. Султанов.

Бакинские гумметисты во главе с Н. Наримановым публично объявили о своих пробольшевистских амбициях, однако первичные организации «Гуммет» в провинции вы-

разили свое тяготение к меньшевикам, доминировавшим в остальной части Азербайджана. Меньшевики не столь оголтело, как большевики, говорили о диктатуре пролетариата, а их национально-аграрная программа была гораздо ближе интересам мусульман. Первая попытка конкретизировать чаяния азербайджанцев в условиях революционного подъема была сделана на съезде мусульман Кавказа, проходившем в Баку 15-20 апреля 1917 г. Идеологическим «куратором» съезда была партия «Мусават».

Вопрос о будущем политическом устройстве России и о правах малых народов был главным на этом съезде. По докладу М. Э. Расулзаде была принята резолюция «О национально-политических идеалах мусульман Кавказа».

И всё же в сознании многонациональных масс, в основном малограмотных и политически неискушенных, пёстрый калейдоскоп событий не успевал укладываться в отчётливую картину последствий, и на политической карте Азербайджана очаги политической активности партий складывались противоречиво. Наиболее активная деятельность, безусловно, ощущалась в Баку, где был представлен почти весь спектр политических партий с различной степенью влияния на многонациональные слои населения города.

Сын Павла Петровича Юрганова – Александр Павлович с 1915 года работал начальником смены на Бакинском телеграфе. Работа требовала от него напряжения всех его сил. Жена – Надежда Георгиевна Юрганова – работала там же, телеграфистской. Каждое утро, после завтрака, они отправлялись на работу, запрыгнув в конку, направлявшуюся к центру города, где располагалось здание Бакинского Центрального телеграфа. Входили в его здание, разбегаясь каждый по своим рабочим местам: Александр Юрганов – в свою каморку начальника смены, а Надежда Юрганова – в огромный операционный зал, где стучало множество аппаратов Морзе и Бодо...

Отец Александра Павловича – Павел Петрович Юрганов – отпралялся на завод Левинсона, где среди рабочих только и шли разговоры о политике, особенно на перекурах и перерывах, но понять, о чём речь, было непросто в многоголосом шуме станков, национальных языков и наречий, перемежавшихся с русскоязычной речью.

Наверняка в этой среде были те, кто занимался агитацией, что-то доказывал, говорил от имени созданных Советов рабочих депутатов, участвовал в избирательных кампаниях. Однако в рабочей среде считались мало с доморощенными агитаторами, хотя время от времени «выражали свое доверие» Совету рабочих депутатов, особенно те, кто хорошо владел русским языком, то есть для кого он был родным.

Павла Петровича Юрганова интересовала только его работа и заработок. Требовалось кормить семью и особенно заботиться о Бореньке – внуке. Мальчик жил в маленькой бакинской квартире деда, неподалёку от завода, где он работал, которую снимал вместе с женой – Олимпиадой Семёновной...

По мере укрепления политических партий, отражавших национальные интересы народа Азербайджана, Советы рабочих депутатов, сосредоточенные в основном в Баку, центрами власти в республике так и не стали. Исполнительный комитет Бакинского Совета рабочих депутатов, во главе с С. Шаумяном, желая ослабить влияние в обществе национальной партии «Мусават», попытался так продумать процесс новой предвыборной кампании во властные структуры Азербайджана, чтобы изолировать национальные партии. Иначе говоря, переизбрание Бакинского Совета рабочих депутатов рассчитывалось провести с целью получения ими большинства. Но результаты состоявшихся 22 октября 1917 г. выборов в Бакинский Совет рабочих депутатов привели именно к усилению роли несоциалистических партий. Итоги выборов превзошли все ожидания:

Флаг партии «Мусават»

«Мусават» получил 9.017 голосов, эсеры – 6.305, большевики – 3.823, дашнаки (проармянская партия) – 5.268, меньшевики – 687 голосов. Результаты выборов опровергли утверждение о якобы сильном влиянии большевиков среди рабочих промышленных районов.

С 25 по 29 октября 1917 года состоялся I съезд партии «Мусават». На съезде был избран руководящий состав и принята первая программа партии. Председателем ЦК партии был избран М. Э. Расулзаде. Программа партии «Мусават» состояла из 9 разделов и 76 пунктов, охватывающих земельные, рабочие, национальные, религиозные вопросы и гражданские права населения. I съезд партии «Мусават» определил тактику и стратегию партии в ее дальнейшей политической борьбе и предоставление Азербайджану национально-территориальной автономии в рамках Российской Федерации.

В области гражданского права партия выдвигала равенство перед законом всех граждан федеративной республики, независимо от национальности, вероисповедания, партийных убеждений. Все казенные и частновладельческие земли раздавались крестьянам бесплатно и безвозмездно. Земля переходила в полную собственность крестьян. Устанавливался минимальный размер владения землей. Частная собственность распространялась только на поверхность земли.

Недра же земли должны были принадлежать государству. *В рабочем вопросе партия «Мусават» в основном согласилась с рабочей программой РСДРП, принятой на II съезде (1903 г.)...*

Павел Петрович Юрганов, как легитимный житель Баку, тем не менее, не мог воспользоваться всеми привилегиями, которые объявила партия «Мусават» для граждан Азербайджана. Во-первых, он не владел азербайджанским языком и не мог вступить в переговоры с администрацией провинции, чтобы овладеть наделом земли. Во-вторых, он утратил «инстинкт» землепашца, поскольку своего надела у него никогда не было и только его руки, способные что-то делать, были его «средствами производства». Живя в Баку и пребывая в социальной прослойке – «рабочий-ремесленник», Павел Петрович Юрганов не испытывал никакого давления со стороны властей и «эксплуататоров». Те политические привилегии, которые открывались перед ним Февральской революцией 1917 года, его абсолютно *не интересовали*, поскольку его политическая закалка так и *не состоялась*. Работая и живя под крышей дома Шифрина, затем работая на заводе Левинсона в Баку, Павел Петрович Юрганов не чувствовал к себе «пренебрежения» со стороны работодателя из класса «буржуев-кровопийц» и не накапливал «классовой» ненависти к «эксплуататорам».

Довольствуясь малым, он исполнял свою социальную роль «добытчика», «содержателя семьи», не страдая от избытка пролетарской гордыни, возбуждаемой РСДРП (большевики), и не стремился к социальному лидерству как «гегемон». Ему не были присущи фальшивые ценности большевиков, возбуждавшие в характере «низов» чувство классового превосходства и лживое достоинство *революционной пролетарской исключительности*, якобы дающее им право решать судьбы нации и государства, тем более такого многонационального, каким был Азербайджан. Хотя он и обладал недюжинной физической силой и крепкой во-

лей, Павел Петрович Юрганов от природы был человеком готовым *реально* оценивать и свои возможности, и происходящие вокруг него *события*.

Его сын относился уже к иной социальной прослойке. Будучи «*техническим чиновником*», работая на Бакинском Центральном телеграфе, Александр Павлович Юрганов не питал никакого интереса к *земельной реформе* и не собирался становиться *хозяином надела земли* в Азербайджане.

Его интерес складывался вокруг тех занятий, которые составляли теперь весь смысл его жизни, заставляя думать о *перспективах* трудовой деятельности, которые укладывались в понятие – «*карьера*». Тот уровень образования, который он имел, давал ему возможность освоить должности, которые были ему доступны. Препград на телеграфе к тому не было *ни по его происхождению, ни по вероисповеданию, ни по национальности*.

Итак, события в политической жизни Баку с февраля по октябрь 1917 года не предвещали никаких *опасений* проживанию там Юргановых – Павла Петровича, Олимпиады Семёновны, Александра Павловича и Надежды Георгиевны, включая их трехлетнего сына Бориса.

Тревоги и риски наступили почти сразу после появления В. И. Ленина в Петрограде, объявления им курса на «*социалистическую революцию*» и в конечном счёте взятие большевиками власти в Петрограде 25 октября 1917 года.

С получением известия о большевистском *перевороте* в Петрограде состоялось *чрезвычайное собрание расширенного Бакинского Совета рабочих и военных депутатов*. Разгорелась острая политическая борьба трех политических партий, входивших в Совет – эсеров, меньшевиков и дашнаков. Коалиция партий выступила с заявлением о том, что *защита революции* (имеется в виду *Февральская буржуазная революция*) требует *ликвидации восстания*, начатого в Петрограде большевиками В. Ленина. Делать это следует

безболезненным, мирным образом и вся власть в стране должна быть передана Учредительному Собранию. Однако, ввиду недостаточности революционной силы у существующей власти – Временного правительства – следует передать власть в Петрограде широкой политической ассамблее.

Между тем успехи питерских большевиков подстегивали активность их бакинских классовых собратьев по РСДРП(б). Заручившись поддержкой членов промышленно-заводских комитетов, бакинские большевики 31 октября 1917 г. вновь прибегли к уже испытанной тактике созыва расширенного заседания Совета рабочих депутатов. Членом самого Совета было в несколько раз меньше, чем привлеченных со стороны представителей промышленно-заводских, полковых и флотских комитетов. Это позволяло большевикам Баку «сыграть» на массовости и преодолеть организационную малочисленность, а смена «формата» – Конференция, где преобладали большевики, вместо Совета с большинством меньшевиков, эсеров, дашнаков и мусаватистов, давала им шанс захватить власть в городе хотя бы номинально! Потому Конференция большевиков объявила себя местным революционным органом.

Мусаватисты, принимавшие участие в работе Конференции, настороженно отнеслись к перевороту в Петрограде, но пока открыто не высказывались против предложений бакинских большевиков. Во-первых, зная их слабости, они рассчитывали в скором времени перехватить власть у них в своей стране. Во-вторых, на словах большевики высказывали те же идеи, что и мусаватисты в своих программных документах, так что особых разночтений не было. В-третьих, вожди мусаватистов не решались радикализировать борьбу за власть в условиях продолжающейся в Азербайджане легитимности Временного правительства, понимая, что узурпацию власти в Петрограде, на которую решились большевики, их союзники в Баку, судя по всему,

поддержать пока были не в силах.

После объявления Конференции большевиков революционным органом в Баку из зала заседания, где проходила Конференция, демонстративно ушли эсеры и меньшевики, заявившие о своей несогласии на переход в Петрограде власти в руки Советов рабочих депутатов. Но бакинским большевикам уход политических конкурентов был на руку. Мусаватисты и дашнаки остались в зале. Подписали итоговые документы Конференции. В этой ситуации молчаливое согласие мусаватистов с большевиками привело их в ряды сторонников Совета рабочих депутатов. Напомню, из него в знак протеста вышли эсеры и меньшевики, а тысячи мусульман, чьи интересы отражала партия «Мусават», оказались политическими союзниками большевиков! Кроме поддержки большевикам, оказанной «Мусаватом», им удалось установить союз с представителями Каспийского торгового флота, профсоюзами и городским военным гарнизоном. Таким образом, Совет рабочих и солдатских депутатов получил всеобщее признание в качестве центра политической власти в Баку.

2 ноября 1917 года был днем провозглашения Советской власти в Баку, но эта власть не была реальной. Это признавал и сам С. Г. Шаумян, писавший по этому поводу в Питер В. Ленину: «Наша власть, называемая Советской, была в сущности, по своей экономической политике, властью буржуазной. Причина такого несоответствия лежит в нашей слабости...». Очевидно можно говорить лишь об авантюрном и насильственном установлении гегемонии большевиков в Советах, но никак не об установлении легитимного единовластия Советов рабочих, солдатских депутатов в Баку.

Реальными оставались в Баку и Азербайджане другие политические институты законной власти Временного Правительства: Исполнительный Комитет Общественных

Организаций, Городская Дума.

Тогда, для придания «политической однородности» власти в Баку, 12 ноября 1917 года произошла насильственная ликвидация буржуазного органа власти – Комитета общественных Организаций. Тем самым был сделан еще один шаг к *установлению единовластия Советов рабочих и солдатских депутатов*. Единственным потенциальным соперником большевистского Совета теперь оставалась только *Городская Дума*, избранная на демократических выборах. Обстановка в Баку постепенно *накалялась...*

В этих условиях партия «Мусават» стала действовать более *решительно*. Войдя в союз с Грузинской социал-демократической партией (меньшевиков), «Дашнакцутюном» (армяне) и с правыми эсерами, партия «Мусават» 11 ноября 1917 года провела в *Тифлисе* совещание. Был опубликован *отказ* признать власть большевистского правительства России и вынесено решение о создании «Независимого правительства Закавказья». 15 ноября 1917 года был образован *Закавказский комиссариат*.

Деятельность Закавказского комиссариата по времени совпала с началом иностранной интервенции на территории России, проводившейся прежде всего со стороны Антанты и США. При этом правительства Англии, Франции и США уделяли *особое* внимание поддержке антибольшевистских сил в Закавказье. Вместе с тем в Баку иностранные правительства *не обнаруживали* открытого вмешательства в развивавшиеся там события. Их устраивало, что в области внешней политики деятельность *Закавказского комиссариата* по существу означала шаг *в сторону отделения* Азербайджана от большевистской России.

Партия «Мусават», несмотря на свою недавнюю нерешительность в оценке событий в Петрограде 25 октября 1917 года, событий в Баку, в момент борьбы большевиков за *единоличную* власть, теперь заявила о желании, при под-

держке международного сообщества, создать суверенную Демократическую Республику Азербайджан.

Однако большевики не сдавались. В конце января 1918 года политическая атмосфера в городе сильно накалилась. Достаточно было самого незначительного повода, чтобы произошли открытые столкновения противоборствующих сторон.

Теперь Бакинский Совет рабочих и солдатских депутатов стал рассматривать партию «Мусават» уже как главного своего *п р о т и в н и к а* в борьбе за власть. Защита национальных интересов заставляла партию «Мусават» добиваться *р а в н о п р а в и я* в отношениях с Россией, а не ограниченного членства в её составе, как представлялось лидерам большевиков и в Баку, и в Питере. Большевиками и мусаватистами суверенность Азербайджана понималась *п о р а з н о м у*, обостряя позиции, разделявшие обе партии.

К самом началу 1918 г. противоречия между Бакинским Советом рабочих депутатов и партией «Мусават» усугубились. К тому же концентрация в городе большого количества воинских формирований, подчиняющихся различным и притом противоборствующим политическим силам, создавали взрывоопасную ситуацию, грозившую вылиться в неуправляемую стихию кровопролитного столкновения. Этого уже невозможно было не видеть!

Разбирая сотни телеграмм из Питера и азербайджанской провинции, Александр Павлович Юрганов с тревогой констатировал всё нарастающий кризис власти в Баку. Его отец – Павел Петрович Юрганов замечал по высказываниям рабочих завода Левинсона, своих соотечественников, задиристые, агрессивные нотки. Стала возникать напряженность между рабочими – азербайджанцами и русскими, которые пытались доказать друг другу свою правоту. В городе пока не нарушался ритм жизни, продуктивное снабжение и железнодорожное сообщение. Нормально работала конка,

не слышались выстрелы, хотя на улицах Баку число военных значительно возросло.

29 марта 1918 года, при попытке нескольких сотен солдат и офицеров *азербайджанского* конного полка *отплыть в Ленкорань без разрешения* Бакинского Совета рабочих и солдатских депутатов *на пароходе «Эвелина», красногвардейский отряд Совета попытался их разоружить. Завязалась перестрелка.* 30 марта в городе Баку прошли массовые митинги против насильственного разоружения азербайджанского отряда, что привело к человеческим жертвам.

В тот же день был организован «Комитет революционной обороны» города Баку и его районов, названный позже – «Бакинской коммуной» во главе с С. Шаумяном. Комитет тут же объявил себя *высшим военно-политическим органом власти* в городе. Совет рабочих и солдатских депутатов эту инициативу поддержал, не возражая против такой трансформации власти в Баку. В состав Комитета входили большевики П. Джапаридзе, Г. Корганов (Карганян), левый эсер И. Сухарцев и другие.

Свое политическое коварство и вероломство продемонстрировал в мартовских событиях 1918 года в Баку *Армянский национальный совет (АНС)*, руководимый дашнаками, уже открыто конкурировавшими с азербайджанской партией «Мусават», забыв о недавних временах союза с ними в политической борьбе в Баку, после Февральской революции 1917 года.

Воспользовавшись организационной слабостью партии «Мусават», пока не готовой к воплощению в жизнь своих деклараций о независимости Азербайджана, Бакинский Совет рабочих и солдатских депутатов и «Бакинская коммуна» – Комитет революционной обороны Баку и его окрестностей, 31 марта 1918 года объявили себя властным органом в городе. К тому же Армянский Национальный Совет (АНС) предложил Комитету революционной обороны

Баку, возглавляемому С. Шаумяном, передать в его распоряжение воинские части дашнаков, насчитывавших в этот период до 4-х тысяч хорошо вооруженных и экипированных солдат и офицеров из расформированного армянского корпуса Кавказской армии. Согласие сразу было получено и вооружённые формирования армян влились в воинские части Бакинской коммуны.

Конфликт между вооруженными формированиями азербайджанцев и армян быстро превратился в *межнациональную резню*. Солдаты и офицеры армянского корпуса Кавказской армии принялись поджигать дома, убивать и грабить мирное азербайджанское население города Баку, защитить которых азербайджанские военные формирования были не в силах в связи с их малочисленностью. С обеих сторон в уличных боях в Баку приняли участие свыше 20 тысяч человек и продолжались они почти три дня. Достаточно отметить, что потери с обеих сторон только убитыми составляли более *двенадцати тысяч* человек.

Как ни пытались, руководимые *мусаватистами* солдаты – азербайджанцы организовать сопротивление резне, силы оказались неравными и к окончанию марта – началу апреля 1918 года восставшие азербайджанцы были вынуждены согласиться на условия, предложенные Комитетом революционной обороны Баку, оказавшимся во главе конфликта, чтобы вывести свои отряды за пределы города.

В ситуации постепенного нарастания военно-политического кризиса в первые месяцы 1918 года, когда борьба за власть приобретала общегородской масштаб и под пули обычно попадают все, кто оказался *не там и не вовремя*, Юргановым стало совершенно ясно: *из Баку надо бежать!*

Павел Петрович Юрганов с женой, воспользовавшись исправно ходившими, несмотря на политические баталии, поездами из Баку в Россию, отправились, в конце февраля – начале марта 1918 года в Саратов,

к родственникам Олимпиады Семеновны.

В свою очередь, двадцатидвухлетняя Надежда Георгиевна с сыном Борисом, на шхуне, которую таким же горемыкам как и они, чудом удалось использовать для бегства из Баку, *отправились, в феврале 1918 года морем, до Махачкалы (порт Петровск).*

Драматические события в Баку развивались столь *стремительно и безжалостно, что бегство из Баку всех Юргановых было спешным, а главное почти не согласованным* двумя семьями. *Каждый пользовался своими возможностями.* Поэтому неудивительно, что на некоторое время судьба Павла Петровича Юрганова и его жены – Олимпиады Семеновны выпала из поля зрения их сына Александра Павловича Юрганова, который всё еще *оставался* в Баку, пока его жена вместе с сыном, добравшись до Махачкалы, *выбиралась* оттуда на поезде, *в теплушках, в Саратов.*

Александр Павлович Юрганов размышлял, как вырваться из Баку, не разрывая деловых связей с Бакинским телеграфом. Он уже знал, что его отец Павел Петрович Юрганов, отдав Наде Бореньку, направился с Олимпиадой Семеновной в Поволжье. Однако точных сведений о месте его обитания в Саратовской губернии у него не было. Лишь предполагалось, что Павел Петрович остановится на острове Сазанка, неподалеку от Саратова, но насколько это верно, сын так узнать и *не успел.* Бегство семьи Юргановых из Баку было актом *спасения* от неразберихи и политической нестабильности, случившихся среди вооруженных конфликтов *противоборствующих* политических сил в Баку.

Конфликт явился результатом антиазербайджанской политики, *проводимой большевиком С. Шаумяном, который не гнушался заигрывать и блокироваться с дашнаками, когда это было ему выгодно.* Фактически он признал это и сам в письме к В. Ленину в Совнарком РСФСР от 13 апреля 1918 года: *«Участие последних (Дашнаков О. Ю.) придало*

отчасти гражданской войне (в Азербайджане) характер национальной резни, но избежать этого не было возможности. Мы шли сознательно на это. Мусульманская беднота сильно пострадала...»

Радикализм большевиков в межнациональных противоречиях, возникавших в борьбе за власть в регионе, не знал компромиссов. Во всяком случае тот острый период межнациональных отношений был тесно связан с целями большевиков – *захватить власть в Баку, лишить Азербайджан суверенитета и национальной независимости...*

В планы В. И. Ленина не входило национальное самоопределение Азербайджана, и войска 11-й Красной Армии, после длительных боёв на территории Азербайджана и Грузии с воинскими формированиями ополченцев-азербайджан и Армии Грузии, подавили сопротивление, захватив две столицы: Баку и Тифлис. Но случилось это через четыре года – в 1921 году. До *возвращения* семьи Юргановых в Баку оставалось еще почти пять лет.

Что происходило в Баку с ранней весны 1918 по лето 1923 года Юргановы не знали. В столице Азербайджана их не было. Добравшись до Саратова, они пытались адаптироваться в новых и весьма тяжелых условиях Гражданской войны, уже всюду бушевавшей в Поволжье, а затем наступившего голода, ставшего страшным испытанием для населения губернии...

...Друзья Надежды Юргановой в Саратове, тем более родня Олимпиады Семёновны Юргановой, мне вовсе не помнятся. Известна мне лишь фамилия Валентины Баландиной – подруги и сослуживицы Надежды Георгиевны по Саратовскому ЧК.

Судя по воспоминаниям моего отца Бориса Юрганова, Надежда Георгиевна – его мать, появившись в Саратове в начале марта 1918 года, чудом нашла эту старую свою знакомую еще по жизни в Хвалынске и переночевала у неё.

Назавтра она сразу же попыталась разыскать свёкра Павла Петровича Юрганова и его жену – Олимпиаду Семёновну. По видимому разговоры о бегстве из Баку всё же велись между двумя семьями еще до отъезда из столицы Азербайджана, и Надежда Георгиевна Юрганова запомнила – «...полуостров Сазанка...», упомянутый Олимпиадой Семеновной, знавшей эти края, где жила её родня и куда она, с мужем Павлом Петровичем Юргановым намеревалась отправиться из тревожного Баку.

Почему именно «Сазанка» – не знаю. Наверное, кто-то из родни Олимпиады Семеновны работал там и она предположила, что муж мог бы устроиться на тамошних отстойных железнодорожных путях, где стояли резервные поездные формирования. Надежда Георгиевна Юрганова решилась, на удачу, разыскать этот полуостров и, даст Бог, найти дедушку с бабушкой, чтобы оставить у них четырёх-летнего Бореньку.

Муж Надежды Георгиевны Юргановой – Александр Павлович Юрганов, в Саратов приехал буквально на следующей неделе, после её появления в городе. Он сумел оформить вполне законный отпуск, которым не пользовался 2 или 3 года, хотя имел на это полное право. Во время политических конфликтов и пертурбаций зимой-весной 1918 года Баку не был закрытым городом и Александр Павлович Юрганов вполне легально уехал оттуда в Саратов, зная, что жена отправилась именно туда. В это же время Надежде Георгиевне Юргановой, по приезде в Саратов, пришлось в одиночку искать родню, чтобы хоть как-то определить своего маленького сына...

Первые дни начала весны 1918 года в Саратове были снежными, ветренными и суровыми. Но делать нечего: собрав и укутав сына, Надежда Георгиевна посадила его на санки и отправилась через Волгу искать полуостров Сазанка. Выйдя засветло, она достигла берега Волги, которую всё еще ско-

город Саратов, вид с Волги

вывал прочный лёд, и отправилась, шагая по нему в очень условном направлении, которое ей показали местные жители.

Вот как пишет об этом отец: *«Мой дедушка Павел Петрович Юрганов к тому времени устроился хранителем отстойных железнодорожных вагонов на полуострове Сазанка и жил с бабушкой Олимпиадой Семеновной по месту своей работы в переоборудованном товарном вагоне. Он получал паёк, дававший шанс выжить в то суровое время. Волга, когда мы приехали в Саратов, стояла закованная льдом, и редкие поезда, шедшие на восток России, перебрасывались по рельсам, проложенным по льду реки... Когда моя мать начала свой путь – сильно вьюжило. Я сидел в санях, укутанный, голодный, с температурой под сорок. Скользя и падая, она тащила меня, как могла. Быстро темнело. Я смутно припоминаю, как выли волки, мать, останавливаясь немного передохнуть, нагибалась ко мне и всё спрашивала: «Боря! Ты живой?». А я выспрашивал её – скоро ли мы приедем к бабушке Липе. Я никак не мог понять, кто воет в темноте? Когда мать сказала мне, что воют волки, мне стало страшно. В моем сознании волк был из сказки Шарля Пьеро «Красная Шапочка» таким жутким и страшным, что мне стало не по себе. Волк воет не один, а целый хор! Впереди*

показался огонёк. Прошли небольшую рожицу, наконец, мать остановилась у одинокого товарного вагона. Из трубы на крыше шёл дым. Мать, без всякой надежды на успех, постучала в двери. Она даже не верила, что Всевышний сжалится над нами и приведет нас к заветной цели. Двери открылись. На пороге появилась Олимпиада Семеновна. Не узнав её в ночи, мать робко проговорила: «...Скажите, это Сазанка? Я тут с больным мальчиком. Нам бы погреться...». Олимпиада Семеновна схватила в объятия мать, потом меня, а я учуял тепло вагонного нутра, вкусный запах печёности. «Горемыки вы мои!» – причитала Олимпиада Семёновна, разворачивая меня полумёртвого от дальнего пути, избавляя от тяжёлого одеяла. Вышел к нам в тамбур и дедушка, схватил вместе с санками и затащил в тёплую комнату вагона. Слёзы радости, возгласы желанной встречи были великой наградой за наши страдания и страшный путь из бурлящего Баку в холодный и голодный Саратов...»

Отдав Бореньку дедушке с бабушкой – Павлу Петровичу и Олимпиаде Семеновне – и возвратившись в Саратов, Надежда встретила там с мужем – Александром Павловичем Юргановым, который уже приехал из Баку...

...В Саратовской губернии уже полыхала Гражданская война! Если кратко резюмировать причины этой жестокой бойни, длившейся четыре года, надо признать, что то была, бесспорно, самая большая трагедия для России. Она отбросила страну и общество, экономику и культуру на десятилетия назад, привела к невосполнимым людским потерям, сильно ослабила генофонд нации.

Что же стало реальной причиной Гражданской войны? Кто развязал эту масштабную и жестокую бойню, длившуюся с 1918 по 1922 годы практически на всей территории бывшей Российской Империи?

Царская Россия считалась одной из самых влиятельных стран мира. Она обладала мощной армией, достаточно

устойчивой экономикой. Однако в самой Империи долгие годы благополучия не было! Примерно 80 процентов населения составляли крестьяне, низкоквалифицированные рабочие, небогатые мещане и разночинцы. Национальные богатства страны создавала именно эта часть населения, живя при этом в бедности.

В большинстве своём масса народа была малограмотна и частично ограничена в правах. Тяжелая работа, отсутствие образования, пьянство, притеснения со стороны более богатых сограждан и государственно-чиновничей «машины» вызывали постоянное недовольство представителей низших слоёв населения, возбуждая в них желание радикально изменить условия своей жизни и, прежде всего, за счёт более богатых сословий.

Беднейшая часть населения, в особенности рабочие в городах, социальный слой которых стал бурно формироваться за счёт исхода обедневших крестьян из деревень после реформ 1861 года, затем вследствие экономического развития страны при Александре III, вольно или невольно обеспечила большевикам приход к власти в октябре 1917 года. При относительной малочисленности РСДРП (большевиков), длительном пребывании в иммиграции её вождей, острый период межвластия в стране, осенью 1917 года, спустя три года после Первой мировой войны, возникший политический хаос был использован В. Лениным и Л. Троцким в своих интересах.

Опираясь на доктрину К. Маркса о «диктатуре пролетариата», идею мировой революции, одновременно с этим понимая несвоевременность в ту пору радикальных лозунгов, большевики поначалу «пристроились» к политическим идеям эсеров. Будучи в оппозиции к власти Временного Правительства, опираясь на подавляющее большинство населения страны – крестьянство – они публично и весьма эффективно выражали их чаяния.

Между тем страна оставалась «многослойным социальным пирогом», и привилегированные сословия населения: дворянство, богатые крестьяне, купцы, мещане, духовенство, высшее офицерство, часть интеллигенции, даже не представляли себе, что носители доктрины «диктатуры пролетариата» – большевики, уже заявившие о своих претензиях на власть в стране, фактически приговорили их или к поражению в правах, или к массовому уничтожению как «эксплуататоров» и «классово чуждый» трудовому народу элемент!

Первая Империалистическая война усилила все противоречия общества. Последовавшая за ней Февральская революция, при продолжении войны, быстро обратилась в политический хаос. Захват власти большевиками в октябре 1917 года через несколько месяцев обернулся Гражданской войной – таков кровавый сценарий Смутного времени, вместивший *девять* жестоких лет: с 1914 по 1922 годы.

Беспрецедентным военно-политическим нажимом большевикам удалось хотя бы формально *легитимизировать* свою власть. Кстати, само это понятие происходит от латинского слова *legitimus* – «законный», «правомерный». Однако невозможно судить о процессе вхождения большевиков во власть в России на основе *закона и порядка*. Декларируемые ими «*революционная справедливость*» и «*правосознание*» основывались на тотальном насилии и убийствах. В годы хаоса никто из более или менее организованных социально-политических структур, действовавших на территории России, не в силах был твёрдо и умело противостоять большевикам.

В итоге, руководствуясь представлениями, почерпнутыми в марксизме, большевики воплощали в жизнь идеалы *диктатуры* лишь одного класса – пролетариата, поддерживаемого маргинальными слоями общества, а также десятками тысяч пленных иностранных солдат, мобилизованных

в Красную Армию. Они безжалостно уничтожали и в тылу, и на фронтах Гражданской войны представителей буржуазных и военных сословий, элиту российского общества. Вожди октябрьского переворота объявили *буржуазную идеологию* паразитарной, в основе которой – право на частную собственность, якобы чуждую как пролетариату, так и беднейшему крестьянству.

Семьдесят четыре года *главенства* на бескрайних просторах России и в её национальных провинциях власть, именуемая «*Советской*», в конце концов завершилась своим *полным крахом!* Так называемое «*народное государство рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции*» оказалось *мифом!* Случилась абсолютная дискредитация всех идей и концепций, которыми руководствовались коммунисты, воплотив их в государственно-политическую форму – СССР, Советской власти на просторах бывшей Российской Империи. Неистово и оголтело пропагандировался этот опыт, насильственно внедрялся по *всему миру*.

Революционный марксизм и его практическое воплощение СССР был подвергнут уничтожающей критике со стороны современных мировых философско-политических учений. *Теория* Маркса, Энгельса – «научный коммунизм», построенный на *объявленном главенстве* одного класса – *пролетариата*, диктатура которого выдвигалась как основа позитивных социально-революционных преобразований в обществе и мире, воплощённая В. Лениным и КПСС, в конечном счёте *потерпела полный крах!*

Между тем октябрьский переворот 1917 года и Гражданская война, жесточайшие репрессии И. Сталина в тридцатых годах и т.п. стали *платой* за тот кровавый *эксперимент* большевиков, который они воплотили в процессе «*революционного*» преобразования российского общества. Замахнувшись на весь мир, опираясь на ничем не подкреплённый и бесконечно амбициозный, а по сути *мифологический*

лозунг марксизма: «*Пролетарии всех стран – соединяйтесь!*» – большевизм почти целый XX век отравлял существование деятельного сообщества мира...

...Противостояла большевикам в России только мощная организационно-военная система, объединённая в «*белом движении*». Однако в её идеологии были весьма серьёзные расхождения от консервативно-монархических до социал-демократических. И всё же доминировали настроения *восстановления* в России демократического, парламентского политического устройства, частной собственности на средства производства и рыночных отношений.

Главное, на что рассчитывали руководители «*Белого движения*» – будущее российской государственности станет ясным после окончания Гражданской войны, когда возникнет возможность провести выборы в Учредительное Собрание. Несмотря на «...*Демагогические заявления и заверения большевистских лидеров, Советская власть воевала не за интересы народа, а против народа. Насильнический курс проводился в отношении почти всего крестьянства, при опоре на сельских маргиналов – пьяниц, лентяев, проходимцев... Смертельным врагом объявлялась вся буржуазия, включая «буржуазную интеллигенцию», то есть почти весь слой образованных, хозяйственно активных людей, несших на себе бремя экономического прогресса страны, являвшихся носителями её культуры. «Рабочую «аристократию» – квалифицированные кадры промышленных рабочих, слой которых в дореволюционной России неуклонно рос и увеличивался, большевики относили к «подголоскам эксплуататоров», а также «эксплуаторскую обслугу» – наёмных работников торговой сети, сферы общественного питания, домашнюю прислугу. Впитав в себя наиболее неустроенную, неквалифицированную и подверженную низменным чувствам часть промышленных и строительных рабочих, а также чернорабочих...»¹*

Уже через 15 лет правления Советской власти в России, в годы сталинских репрессий гибли в ГУЛАГе миллионы людей, которых невозможно было отнести к социальным слоям с «буржуазными» признаками. Едва зарождавшаяся советская интеллектуальная элита, миллионы убежденных сторонников «*мифологической*» доктрины коммунизма и бесклассового общества, внедряемой в практику *пролетарского* государства, гибли с клеймом «*врагов народа*» в кровавой колеснице, возведенной её вождями.

Цена, заплаченная за «легитимность» Советской власти оказалась для народов России невосполнимой прежде всего в годы Гражданской войны. Каковы же итоги этой «*кровавой жатвы*»?

За период с 1917 по 1922 годы население страны сократилось на 12,7-15 миллионов человек. Это означало, что в ходе Гражданской войны каждый десятый человек погиб или же вынужден был покинуть страну. Число иммигрантов составило примерно 2 миллиона человек.

Для сравнения: в ходе Гражданской войны в США 1861-1865 г.г. погибло примерно 540 тысяч человек, то есть лишь каждый пятьдесят седьмой житель страны. Если учесть, что людские потери для России следует исчислять, начиная с Первой мировой войны (1914-1917 г.г.), то безвозвратные потери России составили 3-4 миллиона человек.

Если сравнивать людские потери всех 38 стран-участниц Мировой войны с погибшими в годы Гражданской войны в России, то окажется, что составили они около 10 миллионов человек, то есть гораздо меньше, чем число погибших и пропавших без вести в годы Гражданской войны. В целом оценки сокращения населения России в Гражданскую войну

1) Красный террор в годы Гражданской войны (по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков). Под ред. Ю. Г. Фельштинского и Г. И. Чернявского. Издательство Терра; Publishing house; Book club; стр.14

колеблются от 11 до 15 миллионов человек, а демографические потери – от 20 до 25 миллионов человек.

То было следствием не столько природных факторов (неурожай, засуха), сколько итогом неумелой, крайне агрессивной и бесчеловечной позиции большевиков в российской деревне. Результатом практического волеизъявления идеологии диктатуры пролетариата в политике «народного» государства!¹

Столь подробно я излагаю политические, социальные и экономические предпосылки Гражданской войны в России потому, что необходимо понять, почему близкие мне люди, в частности, прежде всего мой дед Александр Павлович Юрганов, оказались на стороне большевиков и служили в карательном органе Советской власти – ЧК, как и его жена – Юрганова Надежда Георгиевна? Да, после Гражданской войны они оставили службу в саратовском ЧК, возвратившись в столицу Азербайджана и продолжили в Баку карьеру телеграфных чиновников. Однако опыт их судьбы сходен с миллионами таких же, как они, граждан России, последовавших за мифической идеологией диктатуры пролетариата, возделанной на крови и насилии. Почему?

Приходится считаться с тем фактом, что двадцатисемилетний Александр Юрганов и его жена – двадцатидвухлетняя Надежда Юрганова относились к категории граждан Российской Империи, в менталитете которых отсутствовали ясные, хорошо усвоенные родовые признаки, глубоко впитавшиеся в их политические, этнические и религиозные убеждения, которые позволяли бы им руководствоваться в условиях острого политического кризиса в стране.

Разрушение многовековой государственности, уничтожение нравственных, религиозных, социальных ценностей,

1) Урланис Б.Ц. Население России в XX веке. 2000 – Т.1: 1900-1939, стр. 94-95. Урланис Б.Ц. История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил Европейских стран в войнах XVII-XX в.в. Спб; М., 1998 – стр. 359-360

пассивные сторонники которых не смогли противостоять мощному и губительному валу, умело и весьма агрессивно мобилизованному большевиками, заставили молодых и по своей духовной сути идеологически аполитичных людей, коими были и Александр, и Надежда, руководствоваться сугубо прагматическими предпосылками, соглашаясь сотрудничать с карательными органами Советской власти, о политической сути которой они, в момент прихода туда, не имели ни малейшего представления.

Борьба с бандитизмом, ворами и маргиналами, во множестве обнаружившимися в реальной жизни в период насилия и упадка, была условием выживания. Захват Советами власти – обыденным явлением в борьбе с политическими конкурентами. Идеологическое оформление политических взглядов и представлений кадров ЧК взяли на себя большевики, стоявшие во главе карательных органов.

Они сумели обратить насилие и хаос в инструменты классовой борьбы, ссылаясь на доктрины, извлеченные из упрощенного марксизма и абмициозных трудов вождей Октябрьского переворота. Сотни тысяч рядовых сотрудников ЧК слепо усваивали примитивную политграмоту, руководствуясь такими же примитивными моральными постулатами, из которых вытекали не менее вульгарные истины, которые большевики внедряли в правоохранительную систему новой республики Советов.

Вековые основы справедливости, мудрости, чести, достоинства, веры утрачивали смысловую сущность и культурное содержание, потому что они подгонялись под идеологические лекала, которыми карательные кадры новой власти руководствовались, внушая их своим сотрудникам.

Я думаю, что в сознании Александра и Надежды Юргановых всё же происходил внутренний разлом. Их отказ оставаться в Саратове, желание возвратиться в Баку были сопряжены не столько с состоянием здоровья мужа и сына,

сколько с тягостными переживаниями, гнетущим чувством неизбежной ответственности за участие в карательных операциях Саратовского ЧК: расстрелами массы заложников – церковных иерархов, военной, юридической, торговой, политической элиты губернии, захваченной для осуществления мер устрашения и уничтоженных в огне *красного террора*.

Новая власть походила на *оккупационный режим*, отказ от требований которого карался расстрелом или голодной смертью. Служа власти, следуя её указаниям, Александр и Надежда Юргановы вынуждены были приспособляться к новой социально-политической *системе*, которая вырабатывала присущие только ей *идеологические штампы* и про-раставшие *новые* стандарты жизни, навязанные Советским государством. Следуя этим стандартам, они получали *шанс выжить*, получая продуктовые пайки, привилегированные квартиры, отобранные у «буржуев»...

Теперь попытаемся разобраться, что же происходило в Саратове за год до приезда в этот город моего прапрадеда Павла Петровича Юрганова и деда – Александра Павловича Юрганова с их женами, а также сыном и внуком Борисом, спасавшихся от бесчинств, разыгравшихся в Баку?

Уже известен сценарий Февральской революции 1917 года. Весть о ней дошла и до Саратова. После получения из столицы империи – Петрограда – первой шифрованной телеграммы о начавшихся волнениях в столице, состоялось *совещание* представителей высшей губернской власти.

Было решено занять *выжидательную* позицию до окончательного выяснения сути происшедших событий в столице Империи. Утром 1 марта 1917 года была получена телеграмма председателя Государственной думы М. В. Родзянко о низложении прежнего правительства и предстоящем формировании Временного правительства из числа членов Государственной Думы. Саратовский губернатор С. Д. Тверской

запретил публикацию этого сообщения в местных газетах. Во второй половине дня стали поступать новые телеграммы.

Полиция, получившая приказ губернских властей конфисковывать петроградские телеграммы и газеты, попыталась их перехватить. По Саратову поползли слухи о событиях в Петрограде.

В *этот же день* было проведено заседание Саратовской городской Думы, на котором обсуждались поступившие в город известия. Одновременно с заседанием думцев в клубе «Маяк» состоялось собрание представителей *революционных партий*, на котором было решено: на следующий же день 2 марта провести выборы в *Саратовский Совет рабочих депутатов*.

В десятом часу вечера 1 марта 1917 года заместитель городского головы А. А. Яковлев открыл *второе* расширенное заседание Думы, на которое были приглашены представители военно-промышленного комитета, Правления Рязанско-Уральской железной дороги, командиры гарнизона и представители некоторых других учреждений и обществ. Прибыла и делегация левых партий, собиравшихся в «Маяке».

Под гром аплодисментов были оглашены *последние телеграммы*, поступившие к этому часу в Саратов. В ходе прений выявились *два направления* действий. Одно возглавляемое кадетами С. П. Красниковым и А. А. Никоновым, по сути дела, солидаризированное с губернатором, предлагало не предпринимать никаких шагов, пока не поступят указания из Петрограда. Второе, которым руководили известные в городе лидеры саратовских большевиков М. И. Васильев-Южин, В. П. Милютин и представитель военно-промышленного комитета народный социалист Н. И. Семенов, *потребовали* немедленного организационно-политического *оформления* новой власти.

К концу заседания обе фракции пришли к компромиссному

решению – дать *приветственную телеграмму* в адрес Временного правительства и обратиться к населению с призывом сохранять спокойствие. Если в центре политических событий – в Петрограде – совместные действия между леворадикальными и либеральными силами оказались *невозможными*, то здесь, в *провинции*, удалось достичь взаимного согласия.

Хотя по приказу губернатора по городу были расклеены распоряжения о запрещении собраний и манифестаций, а полиция заняла все типографии и по-прежнему не давала публиковать известия из столицы, 2 марта 1917 года в Саратове стало *точно известно* о происшедшей в Петрограде революции, и обстановка в городе стала быстро накаляться. С утра на предприятиях города начались собрания *по выборам* депутатов в Саратовский Совет.

Несмотря на все попытки командования гарнизона города Саратова изолировать информацию о событиях в Петрограде, о революции узнали и выступили первыми солдаты третьего пулеметного полка, в котором служило особенно много рабочих-металлистов. Вооружённый полк, к которому примкнули солдаты некоторых других воинских частей, окружил здание Городской Думы.

На улице стихийно возник *первый в Саратове солдатский митинг*, на котором был избран руководящий орган – *Временный Военный Комитет (ВВК)*, который возглавили *саратовские большевики*.

Солдаты произвели аресты высших губернских чинов, около 300 полицейских и жандармов. Разоружили казачью сотню, заняли полицейские участки, почту. *Были освобождены политические заключённые*. Февральская революция в Саратове *оказалась бескровной*.

Однако если в Петрограде скоро возникло *д в о е л а с т и е*, то на местах, в частности в Саратове, было *– м н о г о в л а с т и е*. Кроме ставленников Временного

правительства, на власть *претендовали* различные партии, организации и учреждения. Энергично стали пропагандировать свою программу *кадеты*. Более популярными у масс оказались *левые партии: эсеры и большевики*. К маю 1917 года *организации эсеров* действовали уже в восьми уездах и насчитывали 10,5 тысячи членов.

Большевики *уступали* меньшевикам в количестве организаций, но опережали их *по численности состава*. *Со второго марта 1917 года был создан и работал Саратовский Совет рабочих депутатов*. В его *Исполнительный Комитет* вошли 4 большевика, 3 меньшевика и 1 эсер.

Первое заседание *Саратовского Совета рабочих депутатов* начало работу около семи часов вечера на первом этаже здания Городской Думы. Присутствовали 58 представителей от 29 предприятий города. Был избран Исполнительный Комитет, председателем которого стал большевик В. П. Милютин ¹.

...Следующим этапом Февральской революции было её *распространение* в деревнях и сёлах губернии. Весной 1917 года крестьяне *устраняли* царскую власть в лице земских начальников, полицейских, волостных старшин и избирали новые органы исполнительной власти – *Крестьянские Комитеты*.

19 марта 1917 года Временное правительство России вынуждено было признать законность новых органов крестьянского самоуправления во всей стране, временно возложив на них полномочия прежней волостной администрации.

1) В. П. Милютин – представитель мещанского сословия, сын учителя, он окончил Петроградский университет и Коммерческую школу, экономист по образованию. Участник III и IV съездов РСДРП(б), человек широких взглядов, после взятия власти большевиками 25 октября 1917 года, в столице Империи, В. П. Милютин стал председателем ВСНХ в связи с болезнью В. Ленина. Занимал ряд высоких постов в большевистском правительстве, в возрасте 58 лет, в 1938 году, репрессирован. Был расстрелян по приговору Военной Коллегии Верховного суда СССР. Реабилитирован в 1955 году.

Функции земских начальников переходили к уездным комиссарам, которые назначались губернскими комиссарами Временного правительства.

Становление органов новой власти проходило в условиях обострения экономических проблем. Нарушение экономических связей, изношенность оборудования и транспорта приводили к тому, что многие предприятия Саратовской губернии работали с неполной нагрузкой, а некоторые даже закрывались. Начались перебои с подвозом продовольствия. *В конце мая 1917 года в Саратове вспыхнули хлебные бунты: громились магазины, лавки, учинялись самосуды.* В июне городские власти были вынуждены ввести карточки на хлеб и сахар. Увеличилось количество безработных. В Саратове в мае их было зарегистрировано около 5 тысяч. Всё это приводило к росту *напряжённости* в обществе. В Саратове уже с апреля 1917 года началось *забастовочное движение, руководимое большевиками.* Наряду с экономическими требованиями выдвигались и политические, *потому что большевики стремились к власти.*

В уездах ширилось движение крестьян, которые в свержении самодержавия увидели шанс решения аграрного вопроса, но с приходом к власти Временного правительства *не дождалось радикальных аграрных постановлений.*

Уже в марте 1917 года в Саратовской губернии произошло *31 выступление, направленное против помещичьего, церковного и государственного землевладений.* Крестьяне выступали за *снижение платы арендуемой ими земли, но чаще всего захватывали и конфисковывали её.*

В сложившихся условиях стали приобретать влияние органы власти, созданные снизу, самим народом: советы, фабрично-заводские, солдатские комитеты, волостные, сельские исполнительные комитеты. Органы Временного правительства особым авторитетом *в народе уже не пользовались.*

Тем не менее, Конференция Общественных Исполнитель-

ных Комитетов (ОГИК) губернии в конце марта 1917 года подтвердила, что официальными органами Временного правительства в губернии являются ОГИК города, волости, отдельных сёл. *Саратовский ОГИК был признан губернским органом и вместе с Саратовским Советом рабочих и солдатских депутатов занялся формированием нового аппарата власти.*

ОГИК и Саратовский Совет вынуждены были сформировать органы по продовольственному снабжению губернии и провести ряд мероприятий по ограничению спекуляции хлебом. Подобные проблемы решались исполнительными комитетами и в уездных городах.

Саратовский Совет рабочих депутатов вначале поддерживал политическую линию и Петроградского Совета, и Временного правительства. По мере укрепления Советов, попавших под влияние РСДРП(б) в центре России, в провинции начало *меняться отношение* и к политике центральных органов Временного правительства, и к органам губернской власти, подведомственным ему.

По инициативе Советов, в течение марта – апреля 1917 года на предприятиях стали создаваться фабрично-заводские комитеты и новые профсоюзы, которые координировали деятельность рабочих и решали их насущные проблемы. По сути, *фабзавкомы* выступали как низовые органы Советов. В частности, они в явочном порядке вводили на предприятиях восьмичасовой рабочий день.

Советы попытались привлечь к себе внимание и крестьян. 5 мая 1917 года в Саратове открылся II губернский крестьянский съезд, в котором приняли участие делегаты от семи уездов. Съезд принял резолюцию «О земле», призывавшую к немедленной передаче крестьянам земли, её национализации и скорейшей разработке условий землепользования. Таким образом, к концу лета вопрос о противостоянии двух *параллельных органов власти* – представителей Временного

правительства и Советов – практически разрешился *в пользу Советов рабочих и солдатских депутатов.*

Об узурпации власти Временного правительства в практике взаимоотношений *Совета и ОГИКа* – двух *противоборствующих* властных структур в Саратове – можно судить по следующему факту.

5 марта 1917 года Председателем Саратовского Общественного Городского Исполнительного Комитета (ОГИК) был избран известный адвокат, народный социалист А. А. Токарский. В июне, по причине болезни, он не мог в течение месяца принимать участия в работе Комитета. В его отсутствие заседания ОГИКа не проводились, а все решения Совета рабочих депутатов, то есть *большевиков*, осуществлялись без согласования с ОГИКом. А. А. Токарский писал: *«Вступив в должность, я усмотрел, что они (заседания комитета) не могли состояться в течение месяца... Мало этого. За всё это время не было заседаний и Президиума Комитета».*

Обоснованные претензии А. Токарский предъявил губернскому комиссару Временного правительства меньшевику Д. А. Топуридзе, который, как оказалось, *намеренно* не созывал заседания ОГИК, руководствуясь директивами Президиума Исполкома Совета рабочих депутатов. Американский исследователь Д. Рейли пишет в своей монографии, посвященной этому периоду российской истории в Саратове: *«Осознание того, что роль ОГИК сыграна и что Совет оказывает на него давление, подтолкнуло А. Токарского к отставке. По видимому, А. Токарский счёл недопустимым давление Совета на Общественный Исполнительный Комитет губернии».*

Девять месяцев пребывания у власти Временного правительства в России, *«сотрудничество»* его органов власти в Саратове с Советами рабочих и солдатских депутатов привели к тому, что политическая инициатива практически

полностью перешла в руки Советов.

Большевистские лидеры Саратова В. П. Антонов-Саратовский, М. И. Васильев-Южин, П. А. Лебедев и другие, выпущенные из тюрем декретами Временного правительства, возглавившие Совет рабочих и солдатских депутатов города, проводили политику гораздо более *радикальную*, чем ОГИК. Буржуазное правительство в городе вынуждено было считаться с растущим в рабочей среде авторитетом Совета. Инициативы Совета были очевидны: *легально установлен восьмичасовой рабочий день, а для несовершеннолетних рабочих – шестичасовой рабочий день; крестьяне конфисковывали земли помещиков и создавали собственные органы власти в деревнях; большевики, меньшевики и эсеры солидаризировались с военными структурами губернии, избравшими своих представителей в низовые органы Совета рабочих депутатов.*

Тем не менее, *реального союза и согласия* между членами различных политических партий в органах власти, представительство которых в полной мере отражало бы социальную палитру сословий и классов российского общества, *не было.* Эсеры, меньшевики, кадеты, социалисты и большевики – каждый *«дул в свою дуду».*

При поддержке меньшевиков *буржуазии* удалось *ослабить позиции большевиков* в ряде мест Саратовской губернии. Однако *коренного перелома*, в условиях продолжающейся Первой мировой войны, Временному правительству достичь *не удалось.* Наступивший экономический упадок народного хозяйства в России и в Саратовской губернии, а также продовольственный дефицит, уже остро чувствовались, приобретая признаки приближающейся *катастрофы.*

Значительную роль в переходе всей полноты власти к Советам в Саратове сыграл мятеж 25-31 августа 1917 года под руководством Верховного Главнокомандующего Российской Армии генерала Л. Корнилова. Цель мятежа – установление

военной диктатуры в России. Причина – разрушительные последствия реформ Временного правительства в Российской Армии.

Для командного состава Российской Армии это было очевидно, но не для А. Керенского и правительственных чиновников, опьянённых революционными преобразованиями в Армии, которая продолжала вести тяжёлые бои на фронтах Первой мировой войны.

Введение института комиссаров и войсковых комитетов подорвало принцип единоначалия в армии, особенно в условиях военного времени, что сильно разлагало дисциплину. Корниловское выступление явилось реакцией на процессы разложения Армии либеральными чиновниками Временного правительства. Но главной задачей мятежа было предотвращение, с помощью военной силы, прихода к власти левых радикалов – *большевиков*.

В условиях *межвластия* в Саратове корниловский мятеж оказался крайне несвоевременной акцией. 31 августа 1917 года, в тот же день, что и в Петроградском Совете, в Саратове Советом рабочих и солдатских депутатов была принята резолюция, *осуждающая* мятеж. Это стало сигналом к *переходу власти к большевикам в Саратовской губернии*.

Медлительность, противоречивость в деятельности комиссаров Временного правительства, нерешительность в оценке актуальных проблем народа, при *готовности* большевиков *решать* их активно, немедленно, хотя далеко не всегда основательно и продуманно, рождало в народе *симпатию* к их политике, умножая их авторитет и влияние во вновь созданных властных структурах. Не случайно выборы 21 сентября 1917 года в Саратовский Совет III созыва закончились *полной победой большевиков*. В Совет было избрано *320 большевиков и только 103 эсера и 76 меньшевиков*. Председателем Исполнительного Бюро стал *большевик* В. П. Антонов-Саратовский. Заместителями председателя

стали *большевики* – М. И. Васильев-Южин и П. А. Лебедев.

Взяв курс на низложение Временного правительства, ЦК РСДРП(б), руководствуясь решениями IV съезда партии большевиков, *готовилось* к захвату власти в Петрограде и в провинциях России.

Осенью 1917 года гигантский размах получило забастовочное движение – *главное оружие большевиков, имеющих влияние в рабочей среде*. Одновременно стали возникать отряды *Красной гвардии* для борьбы с корниловским мятежом, что было фактической подготовкой и к *свержению институтов власти Временного правительства*.

14-15 октября 1917 года в Саратове состоялся *съезд Советов Поволжья*, на котором единственным выходом из кризиса съезд признал необходимость *немедленной* передачи всей полноты власти в руки *Советов*. Это было *призывом к вооруженному выступлению против городских институтов власти Временного правительства*.

Вооруженные рабочие отряды, созданные *Советами* под предлогом борьбы с корниловским мятежом, оказались реальным *инструментом* подготовки к вооруженному захвату *всей полноты власти в городе Саратове*.

В ночь с 26 на 27 октября на собрании Саратовского Совета было единодушно проголосовано *в поддержку петроградских рабочих* за переход власти к Советам. Обострялось противостояние Саратовского ОГИК – структуры Временного правительства – и Совета рабочих и солдатских депутатов.

Думские офицеры, верные Временному правительству, захватили склад оружия и вооружили своих сторонников. Вызвали казачью дивизию для борьбы против Совета. Комиссар Временного правительства Д. Топуридзе приказал от имени Городской Думы напечатать воззвания, призывающие силой оружия разогнать *Совет рабочих депутатов*.

Между тем Исполком Саратовского Совета открыл своё первое заседание, как *исполнительного органа пролетарской*

власти и по предложению председателя В. П. Антонова-Саратовского было решено захватить важные объекты города: железнодорожный узел, здание почтамта, телеграфа и телефона.

27 октября, в 5 часов утра, Исполком Совета рабочих депутатов принял обращение к населению столицы губернии, в котором объявлял о переходе власти в городе и во всей губернии к Совету рабочих и солдатских депутатов, а также об отстранении от власти губернского комиссара Временного правительства Д. Топуридзе. Большевик П. А. Лебедев был объявлен советским комиссаром. Властных полномочий лишались и все уездные комиссары. В тот же день Совет отправил своих представителей в уездные города по месту назначения.

Исполнительный комитет Совета запретил редакциям газет печатать материалы, порочащие Советскую власть. «Свобода слова» большевиков избавила новую власть от медийных дискуссий. Принцип «куй железо пока горячо» оказался решающим принципом вероломного захвата власти по петроградскому сценарию, где события разворачивались почти так же, как и в Саратове.

В городе началось формирование институтов новой власти – Советов рабочих и солдатских депутатов. Было обнародовано постановление о земле, согласно которому все помещичьи, монастырские, церковные, удельные земли Саратовской губернии передавались на учёт и в ведение Земельных Комитетов. При Исполкоме Совета был создан Военный Совет в составе М. И. Васильева-Южина, В. П. Антонова-Саратовского и кадрового офицера П. К. Щербакова, сочувствовавшего большевикам. Ему-то и было поручено командовать вооружёнными силами Совета. Он вызвал командиров полков Саратовского гарнизона, сообщил о своём назначении и приказал окружить Городскую Думу. Конфликт вооружённых формирований Совета и ОГИК привел

к гибели с обеих сторон 3-х человек. 10 получили ранения.

Тогда же, в декабре 1917 года, была создана губернская Чрезвычайная Комиссия (ЧК) и сорок пролетарско-крестьянских правительственных учреждений на местах. Началась национализация объектов народного хозяйства губернии. В результате аграрных реформ крестьяне Саратовской области получили 3.254.522 десятины земли.

Однако противоречия в деревне обострились, отражая расслоение крестьянства, возникавшее на основе культуры землепользования и различия качества жизни зажиточной части крестьянства. Этим воспользовалась Советская власть, опиравшаяся на бедняков и тяготевших к ним сельских маргиналов, повсеместно создавая «Комитеты бедноты» и вводя понятия «кулак», «раскулачивание», искусственно приблизив деревню к тяжкому кризису...

Ранней весной 1918 года, Павел Петрович Юрганов, его сын – Александр Павлович Юрганов и Надежда Георгиевна Юрганова – его жена с сыном Борисом, бежав из Баку, появились в Саратове. Здесь уже кипели страсти, а сам он стал форпостом новой большевистской власти.

«Из огня да в полымя» – так можно было сказать об итогах бегства семьи Юргановых из мятежного Баку в Саратов, окруженный враждующими регионами. Нарастала угроза со стороны астраханского и уральского казачества. Советская власть в Астрахани пала под ударами казачества, и казаки планировали двинуться на советский Саратов, чтобы вернуть власть ОГИКу – органу Временного правительства в губернии, чьи полномочия были ликвидированы большевистским Советом.

На Урале под командованием А. И. Дутова были собраны казачьи полки, которые готовились отправиться в Саратов, чтобы ликвидировать Советскую власть. Еще в середине октября 1917 года А. И. Дутов был утвержден в звании полковника главой Временного правительства А. Керенским,

а министр торговли и промышленности С. Н. Прокопович назначил его главным представителем Временного правительства с полномочиями министра по урегулированию продовольственных проблем в Оренбургской губернии.

Иначе говоря, боевой офицер получил все права для наведения порядка на Урале. 26 октября 1917 года А. И. Дутов вернулся в Оренбург, а на следующий день опубликовал приказ по войску: *«В Петрограде выступили большевики и пытаются захватить власть, таковые же выступления имеют место и в других городах. Войсковое Правительство считает такой захват власти большевиками преступным и совершенно недопустимым... Войсковое Правительство впредь до восстановления власти Временного Правительства и телеграфной связи с 20 часов 26-го октября 1917 года приняло на себя всю полноту исполнительной Государственной власти в войске».*

Город Оренбург, а затем и губерния были объявлены на военном положении. Свои действия А. И. Дутов осуществлял с согласия представителей всех политических партий, за исключением большевиков.

Восьмого ноября в городе Оренбурге, по инициативе меньшевиков, был образован Комитет спасения Родины и Революции (КСРР). Имелась в виду Февральская революция. В Комитет вошли все партии, кроме большевистской и недопущенной кадетской. В ночь на 15 ноября 1917 года с согласия Комитета казаки и юнкера, по настоянию А. И. Дутова, арестовали часть членов Оренбургского Совета рабочих депутатов, *готовивших восстание* в городе. В ноябре Дутов был избран от Оренбургского казачьего войска членом Учредительного Собрания.

Открывая 7 декабря 1917 года 2-й очередной Войсковой Круг Оренбургского казачьего войска, он говорил: *«Ныне мы переживаем большевистские дни. Мы видим в сумраке очертания царизма... но ясно, определенно стоит перед*

Александр Ильич Дутов

нами провокаторская фигура Владимира Ленина (предпосылки его возвращения в Россию Дутову были уже известны, как и обязательства, данные В. Лениным Правительству и Генштабу Германской Армии) и его сторонников: Троцкого-Бронштейна, Рязанова-Гольденбаха, Каменева-Розенфельда, Суханова-Гиммера и Зиновьева-Анфельбаума. Россия умирает. Мы присутствуем при последнем её вздохе. Была Великая Русь от Балтийского моря до океана, от Белого моря до Персии, была целая, великая, грозная, могучая, серая земледельческая трудовая Россия – нет её!»

Поход А. И. Дутова на Саратов – весной 1918 года – оказался неудачным: встретив сопротивление *Восточной Армии*, переименованной позже в *Саратовскую Армию*, возглавляемую В. И. Чапаевым, атаман обошёл город и направился к Уральску.

Именно в этот, самый острый момент жизни Саратова, в город прибыли и стали искать работу Юргановы – Надежда Георгиевна и её муж Александр Павлович.

Не думаю, что Александр Павлович знал о всех *перипетиях* борьбы за власть в Саратове между большевиками и институтами Временного правительства. К моменту его приезда и появления его жены – Надежды Георгиевны, власть в Саратове уже оказалась в руках Совета Рабочих

депутатов. Власти города не подвергали Александра Павловича и его жену ни допросам, ни дознанию. Было не до них. Да и кого мог заинтересовать в пучине становления Советов беглый почтовый чиновник и телеграфистка из Баку? Скорее всего мой дед предстал перед работниками Биржи труда, привычными к появлению мелкого чиновного люда, ищущего работу. А тут еще человек бежал из Баку!

О событиях в столице Азербайджана мало кто в Саратове знал. Но достаточно было сослаться на угрозу турецкой оккупации Баку, готовность британского экспедиционного корпуса войти в город, постоянную стрельбу враждующих сторон: армян – азербайджанцев, чтобы вызвать *сочувствие* со стороны саратовских властей прерывающих.

К тому же, судя по внешнему облику и речи, Александр Павлович Юрганов выглядел человеком довольно образованным. В форменной шинели чиновника телеграфного ведомства «*смотрелся*» он весьма внушительно. Потому и получил он на Бирже труда работу *начальника* складов реквизируемого властью оборудования. Как раз в это время в Саратове повсеместно проходила волна национализации всего и вся!

Между тем, Гражданская война, которая уже *бушевала* в регионе, заставила саратовские власти большевиков призвать А. П. Юганова в Красную Армию. Скрыться невозможно, даже если бы хотелось, вот он и был мобилизован в Саратовскую Армию В. И. Чапаева, которую потом переименовали в 4-ю Армию. Его, как чиновника-телеграфиста, направили в дивизион связи этой армии. Разумеется, его согласия в Военном Совете Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов не спрашивали. Армия спешно выступила в сторону Уральска на борьбу с войсками атамана А. И. Дутова.

Будь Саратов захвачен белыми, судьба моего деда сложилась бы точно таким же образом! Тогда служил бы он в ча-

стях Деникина или Врангеля, в зависимости от того, кто управлял бы регионом на тот момент. В смутное время судьба каждого отдельного человека напрямую зависела от той власти, которая, в случае «*гражданского непослушания*», располагала *силой и грозила* расстрелом! В этом смысле Советская власть в Саратове обладала такими же «*инструментами*» управления, как и любая другая, окажись она одновременно там же, где и близкий тебе человек.

Единственной возможностью, которая была у Александра Павловича Юганова, его жены Нади Югановой и отца – Павла Петровича Юганова, в начале весны 1918 года, при появлении в Саратове – *вынужденная адаптация* к условиям тамошнего существования. Убежав из Баку, спасшись от вероятности быть случайно убитыми, то ли азербайджанцами или армянами, то ли турецкими оккупантами или пришедшими в Баку британскими войсками, Югановы, появившись в Саратове, вынуждены были *приспосабливаться* к условиям *развязанной большевиками* Гражданской войны.

Пока Надя Юганова, отдав Бориса свёкру на Сазанку, советовалась в Саратове с редкими подругами, как ей быть в поисках места работы, пришлось ей привыкать к нищенскому существованию, живя у случайной подружки, знакомой по детству в Хвалынске. Муж, Александр Павлович, уже был мобилизован в Красную Армию, да так быстро, что едва успел попрощаться с женой. Собственная воля Александра Павловича Юганова мало что значила в этой запутанной ситуации. Он не состоял в партии большевиков, не знал чего они хотят в этой жизни, а просто получил приказ большевистской власти и вполне мог предположить, *что значит* не выполнить его! Так он оказался в рядах Красной Армии, ведомой В. И. Чапаевым.

В рядах чапаевских войск он отвечал за связь Саратовской Армии со штабом командования, находящимся в губернском городе, а также с подразделениями соседних

войсковых частей Красной Армии.

В воспоминаниях моего отца Бориса Юрганова об этом периоде жизни моего деда Александра Юрганова написано весьма романтично: *«Василий Иванович или телеграфировал или говорил с Саратовом... Вызывал моего отца – А. Юрганова и вместе с ним составлял экстренные телеграммы в штаб фронта... Телеграф работал с полной нагрузкой. Василий Иванович то и дело телеграфировал в штаб: «Запасы патронов истощаются, плохо с хлебом, но будем драться до последнего... И т.п.»*

Ясное дело! Каждая эпоха рождает и свои события, и героев этих событий. Неважно на чьей стороне они выступали. И в Белой Армии, и в Красной Армии можно найти примеры героического служения долгу на полях сражений. Разница была лишь в *понимании сути* этого долга!

В. И. Чапаев¹ герой Гражданской войны со стороны большевиков – был «вылеплен» писательским талантом Дмитрия Фурманова в его одноимённой повести «Чапаев». Автор не слишком *заботился о правде*. Братья Васильевы показали В. Чапаева с помощью знаменитого советского актёра Б. Бабочкина в фильме, ставшем советской пропагандистской *иконой*. В XXI веке, режиссёром Сергеем Щербиной, был снят еще один фильм о герое Гражданской войны – *«Страсти по Чапаю»*, с гораздо большей приверженностью истине.

Спустя тридцать лет, вряд ли кто-либо из реальных героев той проклятой войны был удостоен «почёта» *ожить* в тысячах анекдотов, созданных неведомыми авторами *о Василии Ивановиче Чапаеве*.

И всё же, во время Гражданской войны, реальная история которой начинается с похода на Уральск Саратовской Армии, командиром которой оказался В. И. Чапаев, он *проявил* реальный героизм и военную смекалку, за что и был *признан* народом и Советской властью.

Василий Иванович
Чапаев

1) В. И. Чапаев – участник Первой мировой войны, с 1915 по 1916 годы воевал в Галиции, Волыни и Буковине. Трижды был ранен, вырос от рядового до фельдфебеля. За мужество и смелость, проявленные в боях, награжден Георгиевскими крестами и Георгиевской медалью 4-й степени. На гарнизонном собрании 138-го пехотного запасного полка в Николаевске солдаты избрали его командиром полка. Весной 1918 г. началась гражданская война на Урале и в Поволжье. На территории Николаевского и соседних уездов разгорелись ожесточенные бои. Саратовская армия, куда вошли и Николаевские полки под командованием В. И. Чапаева, участвовала в боях с уральским белоказачеством. Бои, проведенные Пугачевской бригадой 20-21 августа 1918 года, показали умение командира ориентироваться в сложной обстановке боя и своевременно воспользоваться слабыми сторонами противника. В сентябре 1918 г. дивизия под командованием В. И. Чапаева в районе населенных пунктов Орловка и Левенка разгромила левобережную группировку чехословацкого корпуса и Самарской армии, сняв угрозу городу Саратову...

Хотя... Та же самая *«народная власть»* вряд ли дала бы ему умереть своей смертью. Лучшее тому подтверждение – судьба большевистского маршала Фрунзе, умершего на операционном столе под скальпелем хирурга, при содействии марионетки НКВД – анестезиолога А. Д. Очкина. Сгинувшие в лагерях и застенках НКВД советские маршалы Тухачевский, Блюхер... Имён – не счесть!

Александр Павлович Юрганов прослужил в дивизионе

связи Саратовской Армии непродолжительное время. Условия военной службы 1918 года, суровая походная жизнь 1919 настолько подорвали его здоровье, что вынудили просить войсковое начальство отпустить в Саратов подлечиться. Отпустили. Возвращение в Саратов сразу же заставило Александра Павловича Юрганова думать о хлебе насущном.

Когда мужа мобилизовали в Красную Армию, Надежда Георгиевна Юрганова устроилась на работу в Саратовскую губернскую Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем. На первый взгляд может показаться странным – двадцатидвухлетняя, юная и весьма симпатичная женщина так вот запросто устраивается в карательный орган новой власти, не имея рекомендаций, а главное, живя до недавнего времени в Баку, сбежав оттуда, боясь риска нелепой или случайной гибели в революционных пертурбациях в Азербайджане.

Мне трудно представить, чем руководствовалась молодая женщина, оставшаяся в Саратове без мужа, озабоченная добыванием хлеба и ночлега. Наверное, только обострившимся *чувством самосохранения!*

Бабушка никогда не рассказывала мне о днях своей молодости, хотя мой отец иногда делился своими впечатлениями, которые остались в его памяти от проживания в Саратове в возрасте четырёх или пяти лет...

Сложившийся опыт выживания заставлял Юрганову Надежду забыть, что она – мать, что её ждёт на Сазанке ребёнок, которому всего четыре года, что он страдает от одиночества. Бурлящая, полная опасностей, голода и нищеты обстановка в Саратове не располагала к «сантиментам». Впечатления о том периоде запечатлелись лишь в детской памяти моего отца, но о жизни в Саратове в самые мрачные годы бабушка предпочитала молчать. Даже в *барабанные* дни семидесятилетия так называемой Октябрьской революции, когда в квартиру Надежды Юргановой нагрянули

журналисты бакинской газеты «Молодёжь Азербайджана», чтобы взять у неё интервью «...о «славных» годах Гражданской войны и о службе «ветерана революции» в Саратовской ЧК...», участница тех событий предпочла ограничиться кратким изложением всем известных событий, а уж молодые ребята сделали из них «блюдо» на вкус того времени...

Между тем, в 1919 году, Надежда Юрганова уже работала в оперативном отделе Саратовского ЧК. Туда же она устроила мужа, демобилизованного по состоянию здоровья из Красной Армии – Александра Павловича Юрганова. В памяти моего отца то время начало как-то откладываться. Жил Боря Юрганов уже не с дедом на Сазанке, а в большой и добротной квартире своих родителей-чекистов, получивших целый пятикомнатный особняк на Грошовом переулке...

«Родители приходили домой поздно. Это помню хорошо. Я спал на полу, рядом – кошка с собакой, мои единственные друзья, с которыми я проводил время. Я был, конечно, заперт в той самой квартире по Грошовому переулку, которую родители получили в ЧК, реквизируя её у каких-то бежавших за рубеж купцов...»

...В 1962 году – в свои неполные 23 года – я работал в Саратовском Обкоме ВЛКСМ. Его здание находилось напротив здания Саратовского КГБ. Мой отец, приехав однажды ко мне в Саратов из Краснодара, где он постоянно жил, напросился посмотреть мой служебный кабинет. Пришли. Открываю. Садимся.

– Ну да, – воскликнул отец, – ваша контора была зданием клуба ЧК. Сюда я бегал, когда мать брала меня к себе на работу. Девать меня было некуда... Вот я, – он оглядел внимательно мой кабинет, маленькую комнатку метров 10-12, – пожалуй здесь и прятался. Он выглянул в окно, увидел двор... Решительно повторил: — скорее всего именно здесь я любил играть. В этой комнате, где сидишь теперь ты...

После этого разговора, мне захотелось прийти в здание

Здание ЧК
город Саратов

Саратовской КГБ и спросить, что известно о сотрудниках этой организации – Надежде и Александре Юргановых, проработавших здесь с 1918 по 1923 год. Шансов на удачу было мало. Всё-таки прошло 44 года...

Перейдя дорогу от порога Обкома ВЛКСМ до парадной двери здания КГБ Саратова, строения приметного, с балконами на втором этаже и центральной стрельчатой крышей посередине здания, я был вежливо впущен и дежурный, выслушав меня, кому-то позвонил по внутреннему телефону. В приёмную вошёл невысокий, плотно скроенный мужчина в гражданской одежде. Он представился, но я теперь его имя уже и забыл... Выслушав мою краткую речь о том, что я внук Юргановых, интересуюсь, нет ли в архивах КГБ каких-либо сведений о моих дедушке и бабушке, которые здесь работали с 1918 года.

Проверив моё удостоверение – это был уже второй контроль после дежурного у двери – сотрудник попросил меня посидеть несколько минут и вышел.

Я сидел за небольшим столом, рядом с которым стоял еще один стул, а шагах в десяти, у двери, стоял часовой, который только что меня впустил. Моя фантазия представила, как в эти двери выскакивал мой отец и, пересекая ту же улицу,

которую я недавно пересёк, пробирался в клуб чекистов, играл там, пока его не звала Надежда Георгиевна – мать или отец – Александр Павлович Юргановы – *моя прямая родня*.

Что это было за время, мне представлять не надо было, хотя, судя по строчкам воспоминаний, написанных моим отцом для домашнего пользования, ощущения можно было получить весьма впечатляющие. Главное было в другом – в этом здании карательного органа Советской власти, теперь именуемого не ЧК, а КГБ, служили в самые жестокие годы *красного террора* самые близкие мне люди, которые осуществляли, скорее всего не по своей воле, *революционные экзекуции* Советской власти. *Родня и Время* сконцентрировались в этом пяточке здания, где я сидел и ждал нынешнего исполнителя *воли власти нового поколения*. Я даже не мог себе представить, что буквально через два года стану свидетелем действий служащих Саратовского КГБ, осуществлявших *профилактические мероприятия* против моего друга Михаила Чернышёва – тяжелейшего инвалида и учёного-филолога, меня, наших друзей, собиравшихся у него на квартире в *самый разгар «оттепели»*, чтобы *посудачить о политической погоде на дворе, а главное о поэтическом творчестве саратовской молодёжи*. Что из этого вышло, я расскажу чуть позже...

...Вернулся человек в штатском. Он держал в руках толстый альбом. Присел за стол и пододвинул его мне, открыв на какой-то странице. Я увидел фотографию бабушки – Надежды Георгиевны Юргановой. Сотрудник КГБ молча, с любопытством, поглядывал на меня. Эту фотографию бабушки я никогда не видел. Ниже, на приклеенной бумажке, была напечатанная на машинке надпись: «Надежда Юрганова – сотрудник Саратовского ЧК 1919 год». Я перелистал страницу и увидел фотографию деда – Александра Павловича Юрганова: «Начальник стола кадров Саратовского ЧК...». Надпись была такая же – напечатанная на полоске бумаги

на машинке. Дед был в пиджаке, под которым – чистая белая рубашка. Аккуратная причёска, щеголеватые усы. Сидит за столом, на котором лежат какие-то папки. Наверное, был сфотографирован кем-то из своих товарищей.

Сотрудник Саратовского КГБ, увидев, что я собираюсь перелистнуть еще одну страницу, быстро встал и сказал: «Больше нет ничего...». Закрыв альбом. Я понял, что пора уходить. Проглядывая эти две фотографии, я немного расслабился и рассчитывал поспрашивать военного о своих бабушке и дедушке. Но я вовремя спохватился. Во-первых, ч т о он мог знать о годах, которые давным – давно минули, а во-вторых... Пора было уходить. Спасибо, что дал посмотреть на фотографии, которые я никогда не видел. Я вернулся в свой кабинет в здании обкома ВЛКСМ. Снова представил себе своего отца в детском возрасте, как он бежит здесь...

Мой отец перечисляет в своих записках имена большевистских функционеров, работавших в Саратовском ЧК с момента основания – февраля 1918 года – до преобразования в ОГПУ в двадцатые годы. Должен признаться, что фамилии названы правильно. Значит детская память удержала их от забывчивости. *«Решением Исполкома Саратовского Совета депутатов, – пишет отец в своих воспоминаниях, – принятого 25 февраля 1918 года «О создании отдела по борьбе с контрреволюцией» ему предоставлялись неограниченные полномочия по борьбе с врагами народа и революции, о чём было сообщено в газетах. Для руководства Отделом были выделены комиссары М. А. Дейч, М. С. Венгеров и И. Б. Генкин. Это были люди, прошедшие суровую школу борьбы с царизмом, сидели в тюрьмах за политическую деятельность».*

У Надежды Георгиевны Юргановой, в момент приезда из Баку в Саратов, наверняка нашёлся кто-то из друзей-земляков, уже работавших в ЧК со дня его основания. Скорее всего то была Валентина Баландина, о которой я уже пи-

сал... Возможно, они случайно встретились на улице. Соскучились. Разговорились. Иначе у молоденьких, двадцатилетних девочек и не случается. Одним словом, на работу Надя Юрганова быстро устроилась, к тому же получила продуктовый паёк...

Александр Павлович Юрганов после возвращения из Красной Армии какое-то время поработал в Саратовском управлении связи, но и он устраивается в ЧК с помощью жены. *Поначалу он работал там в Оперативном Отделе.* Потом – заведующим Столом Личного Состава ЧК. Такое доверие было оказано скорее всего по двум причинам. Его жена была председателем месткома ЧК, да и факт службы в Саратовской Армии В. И. Чапаева был весьма красноречивым.

Молодые, крепкие, грамотные люди, подходящего происхождения – *«из народа»* были крайне востребованы молодой властью во вновь создаваемых карательных органах Саратова. Скорее всего именно так и случилось «попадание» туда Надежды Георгиевны Юргановой.

Бабушка могла бы работать швейей, зарабатывая себе на хлеб. У неё было соответствующее образование и навыки. Однако состоятельных людей в то время скорее всего не было. Погибли... Разбежались... Попрятались. Сидели в тюрьмах. Новая власть уже *«зачищала слой буржуев».* Могла она пойти работать на телеграф, поскольку была телеграфисткой, да и опыт работы на бакинском телеграфе у неё был. Но...

У Советской власти уже складывались приемлемые критерии *«верности»*, *«полезности»* человека, служащего её интересам. Главными из них было – *происхождение.* Чем беднее, тем лучше! Надежда Юрганова происхождением была из мещан, а Александр Юрганов, имевший корни из сельской бедноты, получил среднее специальное образование. Оба для Советской власти были подходящими

кадрами. Но сами эти «кадры» особым выбором в трудоустройстве не располагали. Не думаю, что Александр Юрганов ушел со службы из Саратовского управления связи *«просто так»*. Нетрудно представить себе, что могла дать эта служба молодому человеку! Квартиры нет, даже казённой. С питанием – горькие проблемы! Работа – круглые сутки... Стоило ли «горбатиться» на такой работе, когда у тебя за плечами воинская служба в армии В. И. Чапаева, слава о котором уже была довольно громкой в те годы? Примерно так объясняла Надя своему мужу, предлагая работу в своём *карательном ведомстве*. Вот он и принял решение перейти в Саратовскую ЧК.

Вскоре условия быта чекистов – Надежды Георгиевны и Александра Павловича Юргановых и в самом деле улучшились. *«В квартире, – пишет мой отец, – всё было меблировано. Нечем было только топить зимой. Я уже помню, что улучшился и паёк, а в погребе была мёрзлая картошка. В углу стоял бочёнок, в котором было фунтов пять красной солины и конины, которые мать варила маленькими кусочками с чечевицей. Это считалось великим деликатесом. Как сын чекистов я получал пол-фунта хлеба в день – 200 граммов на месяц и фунт сахара. Чай заваривали пересушенной морковью...»*

Дальнейшее развитие событий в судьбе Юргановых проходило параллельно с судьбами миллионов, вовлеченных в Гражданскую войну в России, которая, начиная с первой половины 1918 года, становится ширкомасштабной, охватывая территорию фактически всей России. В зоне активных военных действий оказались районы Саратовского Заволжья и северо-восточных территорий Саратовской губернии. Переходили из рук в руки Хвалынский, Аткарский, Вольский и Балаковский. Красные части вышли к Уральску, но взять город им не удалось. Действия казачьих партизанских отрядов, потеря связи с Саратовом вынудили командование

Красной Армии вывести войска из уральских степей.

Весной 1919 года угроза Саратову исходила уже с Востока. В марте армия А. В. Колчака вышла в район Казани и Самары. В ставке белой гвардии обсуждался план соединения с войсками Добровольческой Армии В. И. Деникина в районе города Саратова с последующим развитием наступления на московском направлении.

19 апреля 1919 года Саратов и его окрестности получили статус укрепленного района и вокруг города стали возводиться оборонительные сооружения. Однако в конце апреля «красные» перешли в наступление, перехватили инициативу и отбросили «белых» от Волги.

Вскоре возникла угроза Саратовской губернии с Юга. Там завязались тяжёлые бои, поскольку к началу августа 1919 года войска генерала П. Н. Врангеля уже находились в 50-60 верстах от Саратова. Из города началась эвакуация некоторых советских учреждений.

Подробности утрачены – память людская хрупка, но кое-что и в самом деле достаточно достоверное сохранилось. Этот рассказ позже вошёл в памятные записки моего отца. Эпизод, приведенный ниже, бабушка рассказывала сыну – моему отцу, когда он был сравнительно молод. В сюжете и бабушка была юной женщиной, и события, освещенные в героическом контексте, выглядели привлекательно на фоне приближавшегося в 1987 году семидесятилетия Октябрьской революции.

«В гостинице «Астория» (когда я жил в Саратове с 1961 по 1970 годы я это здание гостиницы видел, но уже под названием «Европа»), по сообщению агентуры ЧК, должна была собраться группа белогвардейцев на совещание. Роль матери – сыграть ресторанную проститутку и познакомиться с некоторыми участниками собрания. В кульминационный момент, когда они должны были удалиться в отведенный для них салон, Надежда Юрганова должна

была спровоцировать громкий скандал, обычный в жизни ресторана. В зале сидели чекисты, одетые в костюмы, игравшие роль купцов, дельцов или интеллигентов. К 11 часам ночи вся гостиница была окружена боевиками ЧК. Имея незаурядные артистические способности, Надежда Юрганова ловко разыграла свою роль. Была она очень привлекательной женщиной, с изысканными манерами и без труда познакомилась с двумя белогвардейцами. Почуввав недоброе, один из них, обозвав проституткой, накинулся на неё. Она вырвалась из его рук, вынула из ридикюля браунинг и это было сигналом для сидевших в зале чекистов, которые скрутили заносчивых «скандалистов». Вся группа белогвардейцев была схвачена...»

Создание Саратовской ЧК для Советов было делом необходимым. Каждая власть стремится выжить, а криминалитет обычно пользуется хаосом и неразберихой, чтобы овладеть плохо хранимыми ценностями, зачёркивая ножом или выстрелом человеческие жизни.

Беспощадная активность карательных органов становится извинительным условием борьбы с бандитизмом. Однако именно эта активность, поощряемая новой властью,

нередко переходит границы, за которой всегда прячутся – злоупотребления, гибель невинных, смерть современников, участвовавших в пертурбациях, которые переживает общество. В этом смысле деятельность Надежды и Александра Юргановых в Саратовской ЧК не была исключением. Они рисковали жизнью, уничтожая бандитские «малины», расстреливая воров и грабителей, защищая жизнь людей, подвергшихся атакам криминалитета.

Однако Советская власть боролась не только с бандитами и ворами! Руками сотрудников ЧК карательные органы «народной власти» уничтожали «классовых врагов». В этой борьбе всегда было место и злоупотреблениям, проявлению тех качеств, которые столетиями зрели в сознании социального слоя, который вдруг, *неожиданно успешно*, отобрал всю полноту власти у легитимной структуры – Временного правительства! Оно, это правительство, располагало кадрами, *убежденными* в правоте своего дела! Их было много – квалифицированные, хорошо подготовленные люди: офицеры, государственные служащие, представители церкви, состоятельные мещане, интеллигенция, работники правоохранительных систем – прокуроры, приставы, судьи. Было немало генералов в отставке, сановных чиновников, исполнявших еще совсем недавно почётные государственные обязанности. Да, многие были не у дел – Февральская революция 1917 года лишила их былых привилегий, *но не жизни!* Многие готовы были вписаться в политическую систему власти, а их уверенность в завтрашнем дне питалась надеждами на созыв Учредительного Собрания, развитие государства по европейскому сценарию, в делах которого они могли бы найти своё место. Не удалось! Слишком быстро наступило время Советов, и все эти люди стали социально-политическим «мусором». Им требовалось приложить немало сил, чтобы выжить. Но как выжить, когда в *идеологии* новой власти *диктатура пролетариата* объявлялась главным

инструментом проведения «классовых зачисток».

Так называемый «белый террор» был ответом представителей класса буржуазии на тотальный захват *всех сегментов* власти теми, кто еще совсем недавно не имел к ней *никакого* отношения! Объявленный новой властью «красный террор» развязал руки работникам карательного органа – ЧК. Началось планомерное *уничтожение* «классово чуждых элементов». Произошло это именно тогда, когда Надежда и Александр Юргановы работали в Оперативном отделе Саратовской ЧК, которой руководила Коллегия, первым председателем которой был Макс Абелевич Дейч.

Он родился в 1885 году и был расстрелян Советской властью 30 октября 1937 года, а реабилитирован в 1956 году. Настоящее имя первого Председателя Саратовской ЧК – Мендель. Максом Дейчем он стал после возвращения в Россию из Америки.

Родился он в еврейской семье, в нынешнем Даугавпилсе, старое название городка Динабург. Двадцатилетним юношей он был приговорён Военно-окружным судом к смертной казни через повешение за покушение на пристава, но приговор был заменён пожизненной каторгой.

После отсидок в тюрьмах Вильно, Минска, Смоленска, Москвы, Мендель – Дейч был отправлен на строительство Амурской железной дороги. В 1908 году бежал из сибирской каторги в США. Работал там маляром в Бостоне, Нью-Йорке, Детройте. В 1909 году вступил в Социалистическую партию Америки. В 1917 году вернулся в Россию. Сразу вступил в ВКП(б), а в 1918 году стал комиссаром милиции города Саратова и членом Коллегии ЧК. В 1919 году Макс Дейч – председатель Саратовской губенской ЧК. Деятельность Юргановых Надежды и Александра ограничивалась в первое время борьбой с бандитизмом. Вместе с тем, местные ЧК губернских городов стояли на страже *революционного порядка* и принимали *меры для пресечения и пред-*

упреждения контрреволюционных выступлений, погромов и черносотенных беспорядков. Подчинялись они только ВЧК (всероссийской чрезвычайной комиссии...), но «давали отчёт» о своих действиях местным Советам рабочих и крестьянских депутатов.

Между тем, ЧК имела *п о л н у ю* административную власть на местах, что и было главной предпосылкой злоупотреблений, истоком насилия оперативных сотрудников.

Поначалу так называемый «Отдел по борьбе с контрреволюцией» при Исполкоме Совета рабочих и солдатских депутатов получил *«...право действовать всеми мерами вплоть до расстрела»*. 5 мая 1918 года он был переименован в «Чрезвычайную Комиссию», оставив за собой право убивать по собственному усмотрению, никому не отчитываясь о числе своих жертв.

Как я уже говорил, Дейч Макс Абелевич, был членом коллегии Саратовской губернской ЧК, одновременно занимая пост комиссара милиции города Саратова. Функция охраны порядка, борьбы со спекуляцией, охрана жизни и покоя людей в обществе, соблюдение общественного порядка, что присуще было милиции, вылилась в обязанности борьбы *«с классовым врагом»*, став главной задачей ЧК. Эти две функции Дейч (Мендель) Макс Абелевич держал в своих руках с согласия и центральной, и местной власти...

Ликвидация контрреволюционного мятежа в Саратове стала первым крупным делом карательного органа Саратовского Совета, в котором участвовали супруги Юргановы.

«Красный террор» был объявлен центральной властью в ответ на попытки агентов Белой Армии взорвать в Москве здание, где заседали важные политические лидеры Советов. Диверсия частично удалась: некоторые деятели были убиты и ранены. Получив директиву из Москвы, Саратовская ЧК 29 сентября 1919 года постановила – провести красный террор и расстрелять двадцать восемь гражданских,

военных и религиозных деятелей. *В Москве теракт случился, а в Саратове, как и в десятках городов России, расстреляли тысячи заложников...*

Реализовывалась единая система карательных действий, в основе которой лежала концепция уничтожения «классового врага» в общероссийских масштабах. Я не знаю, принимали ли участие в этих расстрелах Надежда Георгиевна и Александр Павлович Юргановы?

Скорее всего участвовали, если не в самих расстрелах, то в арестах – определенно, потому что арест и формирование заложников – дело хлопотное, общегородское, требовавшее привлечения всего состава сотрудников ЧК. Надо было составить списки людей, привезти на территорию внутренней тюрьмы ЧК и тому подобное...

Я нашел списки расстрелянных по распоряжению Дейча (Менделя) Макса Абелевича. Их было 30 человек. Расстреляны были *не за участие* в контрреволюционной деятельности, а в *отместку* за диверсию, осуществлённую неведомыми агентами генерала Деникина в Москве. Расстреляли ночью. На окраине саратовского Воскресенского кладбища. Там же и похоронили в братской могиле. Повторяю – в списке 30 фамилий: генералы, помещики, приставы, судьи, священнослужители, купцы, домовладельцы...

Реабилитация жертв репрессий случилась и с «той», и с «другой» стороны. Но далеко не равнозначная! Убийца – председатель Саратовской ЧК Дейч (Мендель) Макс Абелевич – был реабилитирован в 1956 году. У власти в СССР был Н. Хрущёв, по инициативе которого началась реабилитация жертв сталинских репрессий. Было *признано*, что расстрел 27 октября 1937 года по списку, подписанному Сталиным, Молотовым, Кагановичем и Ворошиловым, в котором было имя и председателя Саратовской ЧК Дейча (Менделя) Макса Абелевича был *несправедливым*...

А кто реабилитирует тех тридцать граждан России, рас-

стрелянных по его приказу? Только двое из них – А. В. Винтер и Н. И. Дементьев были *реабилитированы* по частному заявлению одного из дальних родственников. А как быть с памятью о миллионах тех, кого расстреливала ЧК, руководствуясь «классовой ненавистью к врагам народа»? Кто и когда будет их реабилитировать? «Вина» подавляющего количества жертв была лишь в том, что они принадлежали к «классово чуждому сословию», приговорённому вождями «гегемона», к уничтожению, руководствуясь бесчеловечной доктриной «о диктатуре пролетариата».

Только один пример реабилитации жертвы «красного террора». Старший прокурор отдела Саратовской облпрокуратуры Наталья Сафоновская сообщила, что прокуратура полностью реабилитировала *судью Казанского военно-окружного суда генерал-майора Андрея Винтера, расстрелянного в Саратове в 1919 году во время красного террора и похороненного в братской могиле на Воскресенском кладбище вместе с епископом Вольским Германом Николаевичем, генералом Владимиром Платоновичем Врангелем и другими жертвами так называемого «революционного террора». Церковь называет их святыми новомучениками...*

Кто же был генерал-майор Винтер А. В.? Учился в Императорском Казанском университете. Окончил Московское пехотное юнкерское училище. Получил диплом по первому разряду в Александровской военно-юридической Академии. Прошёл путь от кандидата на военно-судную должность до судьи казанского военно-окружного суда. Он даже успел поработать при Советской власти в Саратове. Будучи в звании генерал-майора, он был рекрутирован новой властью *делопроизводителем* в Губернском продовольственном комитете. Жил в Саратове на улице Крапивная дом 14. Арестовали 30 сентября 1919 года. Приговор весьма характерен для того времени: «*Применить красный террор, как к социально опасному элементу по политическим*

мотивам.» Изучив архивное дело А. В. Винтера, прокурор Н. Сафоновская была абсолютно убеждена, что был убит «...неординарный человек, с замечательным послужным списком, умница...»

Епископ Русской Православной церкви – Герман (в миру Николай Васильевич Косолапов). Расстрелян 10 октября 1919 года. Разграбленные храмы и тысячи расстрелянных священников лишь мала толика тех последствий своей власти, которыми могут «похвалиться» большевики. В чём же провинился епископ Герман? Он был арестован и осуждён за «...антисоветскую агитацию и как непримиримый враг рабоче-крестьянской власти...». Вместе с ним были арестованы десятки священнослужителей саратовских православных храмов. Обвинение одно и то же: «...за возмущение народных масс в церковной проповеди...»

Около 10 тысяч верующих Саратова и Вольска подписались под прошением об освобождении владыки Германа и арестованных священнослужителей. Поначалу чекисты не решились волновать народные массы. В декабре 1918 года приговор был отменен. Дело было отправлено на доследование, а сам владыка Герман был даже освобождён из под стражи.

В связи с наступлением войск Деникина на Саратов, 8 октября 1919 года, арестованные священнослужители, а так же отпущенный на свободу владыка Герман, были *решением* Саратовской ЧК *расстреляны*. Повод для этого убийства саратовских священнослужителей, как и тысяч других заложников, расстрелянных в сотнях городов России по приказу большевистских вождей, объявивших красный террор, чтобы отомстить за смерть секретаря Московского горкома РКП(б) В. М. Загорского, как оказалось, погибшего от руки... анархистов.

Я могу прибавить к расстрельному списку новомученика Константина Михайловича Юганова (родился в ок-

тябре 1877 года – расстрелян в 1918 году), священника, клирика Пермской епархии, священномученика¹. Меня терзает вопрос: был ли среди тех, кто расстреливал невинных заложников мой дед Александр Юрганов и его жена Надежда Юганова? На этот жестокий вопрос нет ясного и однозначного ответа...

Тот факт, что они не продолжили карьеру сотрудников ЧК в Саратове, а уехали оттуда в Баку, вернувшись к своей гражданской профессии – трудились на Бакинском телеграфе, даёт мне надежду, что работа в карательном органе Советской власти их не привлекла...

...В октябре-ноябре 1920 года по России стали разворачиваться крестьянские волнения, и Гражданская война вступила в свою новую, гораздо более опасную фазу. Лето 1920 года крестьянские волнения охватили всю Саратовскую губернию. Главной причиной недовольства явилась кампания по «выкачке» продовольствия из деревни. Саратовская губерния должна была поставить 25 миллионов пудов различных видов продовольствия.

Константин Михайлович Юрганов

1) Константин Михайлович Юрганов родился в 1877 году в Перми. В 1900 г. окончил Пермскую духовную семинарию. В том же году был рукоположен во священника к церкви Юговского завода (ныне посёлок Юг) Пермского уезда. Не позднее 1911 года был переведён в Крестовоздвиженский храм села Серга Пермского уезда. В 1918 году был арестован в Серге и увезён в Пермь. 15 ноября 1918 года был расстрелян в саду Пермской духовной семинарии. Причислен к лику святых новомучеников исповедников Российских на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года.

Бескомпромиссная позиция Москвы толкала местные большевистские власти на крайние меры в проведении *продразвёрстки*, вплоть до изъятия семенного зерна у крестьян.

Выполнить план продразвёрстки саратовские власти смогли только на 75 процентов. И здесь решающим аргументом властей в борьбе за хлеб для города оказались *насилие и террор*.

Репрессивные меры: конфискации, заложенность, аресты, расстрелы, – способствовали резкой активизации сопротивления крестьян, что, в свою очередь, приводило к росту рядов повстанцев. Политические программы крестьянских лидеров, требовавших упразднения продразвёрстки и переизбрания Советов, сильно расшатывали власть. К тому же голод 1921-22 годов послужил мощным катализатором антибольшевистской борьбы в деревне. Особо трагическим для Саратовского Поволжья был 1921 год. Кампания по выкачиванию продовольствия из деревни *подорвала экономику региона*. Она *спровоцировала массовый голод* и вызвала мощное восстание практически по всей территории Саратовской губернии. Анализ документов из открытых в девяностые годы XX века архивов свидетельствует, что весной 1921 года в губернии бушевала тотальная антинародная война, невероятно жестокая, разрушительная, которая привела к многочисленным жертвам.

Возможность слияния сил восставших из других регионов страны была реальной, а перерастание крестьянского недовольства в Саратовской губернии в общероссийскую борьбу с советским режимом вполне вероятной.

В ходе подавления восстания советскими карателями были разграблены и расхищены и без того скудные запасы продовольствия и других материальных средств. Восстание в Саратовском Поволжье сильно напугало новую власть. Пользуясь противоречиями внутри восставших отрядов из соседних уездов и губерний, большевикам, применив-

шим принцип «кнута и пряника», удалось погасить вспышку крестьянского возмущения в регионе...

Используя Части Особого Назначения (ЧОН) Советы с помощью этих мобильных карательных отрядов ликвидировали очаги крестьянских восстаний: к лету 1922 года крупные повстанческие отряды были разгромлены, а к концу 1922 года подавляющая часть мелких отрядов восставших крестьян была окончательно уничтожена...

...Павел Петрович Юрганов, отдав Бореньку матери – Наде Юргановой, продолжал жить на полуострове Сазанка вместе с женой Олимпиадой Семеновной. Он знал, что Александра Соловьёва похоронила мужа в Хвалынске и приехала в Саратов. Поселилась она в доме зятя на Грошовой улице, вместе с дочкой Верой, которая начала учиться в Саратовской гимназии, чтобы завершить среднее образование.

То, что происходило в губернии в 1920-22 годах, Павел Петрович знал не понаслышке. Он продолжал работать на отстойном железнодорожном узле, надеясь вернуться в Баку, к теплу, на Каспий. Как оказалось, о том же мечтал и его сын – Александр Павлович Юрганов, но до этого надо было еще дожить!

Голод в Саратовской губернии в 1920-1922 годы заставил международный Красный Крест создать специальную организацию во главе со знаменитым норвежским арктическим путешественником Фритьофом Нансеном, мобилизовавшем мировое сообщество для спасения голодающего населения Поволжья.

Перед глазами сотрудника Саратовской ЧК Александра Павловича Юрганова проходили муки голодающих людей. Не думаю, что на душе у него было спокойно от увиденной трагедии народа Саратовской губернии. Это был тот случай, когда молодой начитанный советский чиновник, служащий в *карательных органах* Советского государства, имевший некоторый опыт борьбы с контрреволюцией, увидел

реальность *в том виде*, в каком она *предстала* перед ним, как перед чекистом. Продолжались ежедневные рейды, по наводке оперативников, аресты «низколобых криминальных типов», схватки с белогвардейским подпольем, в борьбе с которыми никакого выбора у него не было: или ты их или они тебя! Вся сущность Советской власти могла *представляться* в то время скорее всего *в черно-белых тонах*. Сокрушить врага, значит спасти себя. Кто враг? Агитпроп представлял просто: буржуй. Белый офицер. Бандит. Поп. Они не дремлют, и ты будь бдителен. Их надо разоблачать, разоблачив, уничтожить – такова логика теории и практики «*классовой зачистки*» общества.

... С первых же дней своего существования Саратовская ЧК превратилась в идеологически-надзорный орган. Убедившись в лояльности своего сотрудника Александра Юрганова, руководство ЧК поручило ему осуществлять *идеологический надзор* за периодической печатью в Саратове.

С приходом Советской власти плюрализма мнений и свободы печати не было. Слабая модель свободы печати была только для прессы коммунистической, но лишь в пределах пропаганды советских политических доктрин и практических стереотипов социального опыта, одобренного «сверху».

Александр Павлович Юрганов мог осуществлять свои функции цензора, полагаясь на общепринятые идеологические критерии «за» и «против», которые были разработаны Агитпропом ВКП(б) и составляли стандартный набор Советской власти. «Плох» – буржуй, таков же и офицер – разумеется «белый», поп – любого ранга и, разумеется, бандит. «Хорош» – пролетарий, крестьянин – бедняк, работник Советской власти. Народной интеллигенции тогда не было, а все работники умственного труда: писатели, артисты, инженеры, медики, ювелиры и пр. подлежали тотальному недоверию и абсолютному контролю со стороны властных структур.

Пускать в рабоче-крестьянскую аудиторию то ли непро-

веренное кино, то ли заранее непросмотренный спектакль, то ли неотредактированный рассказ или статью, значит подвергать её чуждым идеологическим влияниям! Такого не могло быть в принципе: цензор – работник ЧК! Стало быть – «*шутки в сторону*».

Начитанность А. П. Юрганова, его увлечённость театром, начавшаяся еще в Баку, были замечены начальством ЧК города Саратова. Его старание организовать в самом ЧК любительскую труппу и ставить какие-то спектакли было замечено и поощрялось... Не удивительно, что, работая в ЧК, Александр Павлович Юрганов получил должность главного «цензора» города Саратова и стал идеологическим инспектором всех печатных и кинозрелищных предприятий города.

Мой отец писал о жизни моего деда – цензора так: «...*Своих киностудий в губернии не было, не снимались кинофильмы и в центральных городах России, а пользовались уже снятыми мелкими частными студиями: мелодрамы, банальные комедии, экранизированные водевили, трагедии неизвестных режиссёров. Не все фильмы можно было показывать населению в 1921 году, и мой отец, Александр Павлович Юрганов, по тем временам весьма образованный и начитанный человек, эрудированный благодаря самообразованию и страстью к чтению, по поручению Специального Отдела ГПУ просматривал фильмы, писал рецензии в газеты, вырезал ненужные детали из фильмов, давал разрешение на демонстрацию, посещал театральные репетиции, постановки, бывал в цирке, просматривал все программы и отвечал за политическую благонадёжность артистов, журналистов, за их моральный облик, нравственное содержание статей и пьес, и прочее...*»

Власть Советов была озабочена организацией развлечения населения, но еще не располагала базой изготовления собственной развлекательной продукции. Приходилось обращаться к «*старорежимной*» развлекательной

продукции, но ни один институт новой власти не мог похвастать проверенными кадрами, способными разобраться в хитросплетениях сюжета, связи текста и смысловых «подводных камней».

Наверняка начальство Саратовского ЧК звало Александра Павловича Юрганова и его жену тоже в ряды большевистской партии... У меня нет достоверных сведений на этот счёт, но вряд ли обошлось без подобных призывов. Как удалось моему деду избежать вступления в ряды партии большевиков, не знаю. Но он остался на всю жизнь *беспартийным*. Должен признаться, что именно этот факт заставил меня задуматься над их служебным поведением. В годы жесточайших репрессий, когда с обеих сторон погибали и союзники, и противники режима, вступление в партию было неким залогом «роста рядов», во всяком случае для власти, которая изо всех сил старалась удержать бразды правления в своих руках. Вступление в партию было обставлено процедурно *аскетически*. Иначе говоря, это была *акция*, подчёркнуто выделявшая соучастников, объединённых преданностью Советам, на которых власть рассчитывала опереться в первую очередь... «Отвертеться» от вступления в ВКП(б) было непросто, но *возможно*, когда со стороны потенциального «кандидата» звучали искренние признания о политической и общественной ограниченности, неготовности к проявлению ответственности, неумении брать на себя дополнительные обязательства и т.п. Отказываться от вступления в большевистскую партию тоже надо было умеючи, особенно людям с «подходящим» происхождением, с хорошим самообразованием, показавшим себя настоящими профессионалами. Так или иначе, но чекистам Юргановым удалось «отвертеться», и, вполне возможно, что это спасло им жизнь в роковые тридцатые годы, когда в Баку «загребали» в ГУЛАГ прежде всего коммунистов, неважно – правы они или виноваты...

Я не был знаком с Александром Павловичем лично, потому что умер мой дед в 1945 году от почечной недостаточности. Меня он, как мне кажется, видел лишь во младенчестве, потому что всё детство, почти пять лет, я провёл в противотуберкулёзном санатории в Бузовнах.

Могу только догадываться, как Александр Павлович Юрганов адаптировался к той жестокой, бесчеловечной эпохе. Понимал ли он *коммунистические идеи, смысл мировой революции, суть интренационализма, доктрину диктатуры пролетариата?* Не думаю... Ему приходилось молча соглашаться с теми штампами, о которых советская пропаганда постоянно трубила. Эту *идеологическую смесь* ему приходилось *проглатывать*, а если заставляла нужда, послушно *проговаривать* на собраниях, чтобы не *терять лицо*, особенно служа в ЧК цензором. Мне кажется, что в душе Надежды Георгиевны и Александра Павловича Юргановых время *красного террора* – пика бесчеловечного насилия и жестокости Советской власти – оставило тяжкий, ноющий след на всю оставшуюся жизнь...

Бабушку я знал неплохо, поскольку жил в её доме, когда у моего отца возникли проблемы с квартирой. Мне было что-то около 11-14 лет и подростковая наблюдательность «отметила» её скрываемую от людей религиозность. Нет, ко мне она не приставала с требованиями «помолиться», но сама ходила в церковь после того, как Сталин разрешил открыть в Баку несколько православных храмов. В её спальне висела икона Божьей Матери и репродукция Караваджо: «Кающаяся Магдалина». В то атеистическое время эти атрибуты религиозности были весьма скромны, но и они вызвали удивление в моём, конечно же, «*атеистическом мозге*».

Потом в нашем доме появился высокий пожилой священник, с которым бабушка часто под ручку ходила в церковь. Было это в Баку, и я тогда сильно недоумевал, с чего бы это?

Носила бабушка и крестик на шее, чем тоже меня сильно озадачивала. Скорее всего она была крещёной. Родившейся в провинциальном городке на Волге девочке вряд ли удалось бы избежать этой сакральной участи...

В свои 11 лет я даже не догадывался, что она – бывший агент ЧК. Возможно, на её совести расстрелянные в 1919 году саратовские священнослужители Русской Православной церкви. Теперь я начинаю думать, что вся долгая жизнь Надежды Георгиевны Юргановой была сопряжена с *памятью*, в которой так и остались невинные жертвы Советской власти. Скорее всего она не представляла себе сколь преступен был режим, вложивший в её руки оружие. Сколь бесчеловечна идеология «диктатуры пролетариата». Сколь пусты были надежды «на светлое будущее – коммунизм».

Между тем, наступил 1921 год. «...Весной, – пишет отец, – моя мать в отпуск съездила в Хвалынский и привезла в Саратов мою бабушку Сашу и свою сестру Веру – мою тётку, которой было в то время 13 лет. Поселились они в нашем доме на Грошевой улице, в котором было пять комнат. Моя вольная жизнь кончилась, и мне частенько доставалось от бабушки Саши. Но порядка в доме стало больше. Стало теплее и чище. Бабушка Саша расчёсывала мне волосы, уничтожала паразитов ногтями, ожесточённо раздражаясь...»

Хоть и скудный, но стабильный «паёчный» достаток удерживал семью Юргановых от голода, но Борис – их сын – часто болел воспалением лёгких. «...Однажды я простудился и заболел сыпным тифом. Даже не знаю, как остался жив. Павел Петрович Юрганов приехал в Саратов и опять забрал меня к себе на Сазанку на всё лето и часть осени 1922 года. Потом дедушка с бабушкой вернулись в Баку, а я снова оказался дома на Грошевой улице с отцом и матерью. Паёк нам улучшили. Я получал белый хлеб, появился сахар, подсолнечное масло. Через три года, в июле 1923, уволившись из ГПУ,

Павел Петрович Юрганов
и его жена Олимпиада
Семеновна
город Баку 1922 год

мои родители уехали в Баку, к теплу и морю, вместе со мной, бабушкой Сашей и Верой...»

Предстояли долгие годы жизни моей семьи Юргановых в столице Азербайджана. Вплоть до 1960 года, когда отъезд в Россию стал насущной необходимостью моего отца, а вслед за ним – его жены, моей матери, меня с братом – его детей.

У Александра Павловича Юрганова жизнь в Азербайджане завершилась в возрасте пятидесяти четырёх лет. Его жена – Юрганова Надежда Георгиевна – намного его пережила. Она скончалась в Баку в 1971 году, в возрасте восьмидесяти трёх лет.

...Итак, приезд в Баку Юргановых: Павла Петровича

(62 года) и Олимпиады Семеновны (52 года), их сына – Александра Павловича (32 года) с женой Надей (27 лет) и сыном Борисом (9 лет); родственниками – Александрой Соловьёвой (53 года) – тещей Александра Павловича, её младшей дочери (сводной сестры Нади) – Верой (17 лет) случился *летом 1923 года*. С учётом почти пяти лет службы в Саратовском ЧК-ГПУ-НКВД Александра и Надежды Юргановых азербайджанская советская власть сняла *дежурные* подозрения и с них, и с их родственников. Они никогда не преследовались и не репрессировались карательными органами Советского Азербайджана.

Нужда в квалифицированных кадрах на Бакинском телеграфе была чрезвычайной, поскольку революционные пертурбации и время зарубежной интервенции в Баку, военный террор войск 11 Армии Советской России, осуществившей разгром патриотических войсковых формирований Азербайджанской Демократической Республики, привели к гибели или бегству многих специалистов с Центрального Бакинского телеграфа.

Несмотря на недавно завершённые политические преобразования в Азербайджане, вхождение республики в состав Закавказской Федерации – неразберихи хватало! Не было установившегося порядка и на Центральном Бакинском телеграфе, куда супруги Юргановы пришли устраиваться на работу. К счастью, сохранилось заявление Александра Павловича Юрганова об отпуске, хотя возвращение его к работе было сильно просрочено. Да и организационная «ломка» на телеграфе продолжалась, а если учесть, что среди старых кадров фактически мало кто остался, режим привыкания Юргановых к относительно спокойной работе был затруднён, да и возможности для карьеры оказались минимальными, как и заработки. Однако выбирать не приходилось! Надежда Георгиевна стала рядовой телеграфисткой, и Александру Павловичу пришлось, по крайней мере

в первое время, согласиться на такую же работу.

Правда сдвиг в его карьере быстро наметился: стали формироваться местные конторы новой государственной структуры – «Сюзпечать». Поскольку Александр Павлович Юрганов по саратовской своей работе был цензором, это учли и новые власти в Баку. Однако он не стал инспектировать периодическую печать, а осваивал чиновничью работу в финансовом отделе «Союзпечати» и решал проблемы с доставкой по территории Азербайджана новых советских газет и журналов. Чуть позже эту работу он оставил. Вернулся на Бакинский Центральный телеграф. Работал там сначала в отделе снабжения, а потом вернулся в большой телеграфный зал, где работал начальником смены...

Александр
Павлович
Юрганов
город Баку
1929 год

Материнские родовые корни...

Напомню, что моя мать, в девичестве – Юрьева Зинаида Никитична – родилась в 1910 году, 14 ноября, в городе Баку. Прожив в Азербайджане почти полвека, она уехала в Россию и умерла в своём доме, в Краснодаре, 2 сентября 1989 года, в возрасте 79 лет.

Родители моей матери – *Прасковья Кузминична, урождённая Туровская* и *Никита Карпович Юрьев* – мои дедушка и бабушка, со стороны матери, родились, соответственно, в 1858 и 1856 (?) году в *Тамбовской губернии, Козловском уезде, Богоявленско-Суремской волости, в селе Туровка* – в бедной, крестьянской, безземельной семье.

Сведения о *Никите Юрьеве* – крайне скудны. Был ездовым у барина, а может быть, и конюхом. Сужу по тому, что только с опытом управления лошадьми он мог работать по приезду в Баку на конке. Его отец *Карп Юрьев* – мой прапрадедушка тоже был крестьянином, бедным, безземельным, как и отец *Прасковьи* – *Кузьма Туровский*. Имя её матери, моей прабабушки, мне неизвестно. Впрочем, имя матери *Никиты Карповича* – второй моей прабабушки, – тоже неизвестно. Откуда же произошёл род *Туровских* и *Юрьевых*?

...Со времени ранней колонизации Тамбовских земель заселялись эти края в основном российским военным и служивым людом. Задача у них была одна: отбиваться от татаро-монгол, которые набегали в эти края постоянно. Коренные племена, обитавшие в Тамбовском крае, мещеры и мордва в 1237 году практически были полностью истреблены или разогнаны татаро-монголами по разным глухим краям. Когда русский царь Иван IV (Грозный) озаботился приращением новых земель к своему государству, он приказал на исходе второй половины XVI века построить в среднем течении реки Цны укрепленный город Шацк. Эта крепость, построенная в 1553 году, служила не только для предотвращения грабительских набегов татар, но и стала опорным пунктом

в расширении восточных границ русского государства.

Под прикрытием гарнизона Шацка крестьяне, бежавшие от муромских, владимирских, рязанских бояр – феодалов, группами и в одиночку продвигались вверх по реке Цне и стали основывать новые поселения. Позже они были объявлены властями вотчиной московских царей. За пользование землёй, пастбищами и сенокосными угодьями крестьяне вновь образованных волостей несли государево тягло, то есть платили деньги и доставляли продукты своего труда к большому царскому двору.

Населенные пункты возникали стихийно. Люди семьями и в одиночку, в основном бежавшие от своих притеснителей-феодалов, не зная друг друга, часто устраивали свои жилища в лесистой местности Тамбовщины.

Со временем селяне переносили свои поселения на безлесную местность правого берега реки Цны. Во второй четверти XVII века Московские правители предпринимают новые меры, чтобы прекратить грабительские набеги татаро-монгол на вновь возникшие крестьянские поселения. В 1635-1636 годах начато строительство городов-крепостей *Козлова и Тамбова*.

Строительство оборонительных сооружений увеличило приток людей в край. Вокруг крепостей возникли поселения Пушкарская, Стрелецкая, Полковая. Не удивительно, что эти *слободы* были заселены солдатами, пушкарями, стрельцами, казаками.

В последней четверти XVII века стали осваиваться земли Северо-Востока. На побережьях рек Хмелинки, Малого и Большого Ломовиков, Керши стали обосновываться новые сёла, вплоть до реки Челновой, в районе которой была построена крепость Козлов и выросли сёла *Чуриково, Юрьево, Богоявлинское*, стоявшие на реке *Сурене*. Жители этих сёл тоже были служивым людом: казаками, стрельцами, солдатами, драгунами – конными воинами...

Грабители – татаро-монголы – атаковать поселения безнаказанно уже не решались и постепенно их натиск ослабел. Последний крупный набег на Тамбовщину, предпринятый татаро-монголами, закончился их полной неудачей и случился он в 1676 году. К концу XVII века набеги полностью прекратились. Нужда в служивых людях и в строительстве крепостей перестала ощущаться, и правительство стало сокращать контингент военных. Освоение земель на юге Тамбовщины продолжалось, но заселялись они уволенными в запас солдатами и стрельцами. В бассейне рек Лесной Воронеж, и Польный появились новые сёла, а также по берегам рек Иловая, Матыры, *Сурены*, Липовицы, Кариана. Именно в XVIII столетии выросли здесь сёла – *Юрловка, Туровка, Юрьево*, где и зачинались родовые корни *родителей* моей матери Зинаиды Никитичны, в девичестве Юрьевой – Прасковьи Кузминичны *Туровской* и её мужа

– Никиты Карповича *Юрьева*, наверняка потомков того служивого люда, которые, уйдя в отставку, обосновались в здешних краях.

Особенностью этих сёл было то, что среди жителей были не только служивые люди – однодворцы, но уже и состоятельные персоны, относившиеся к сословию помещиков, со своей дворовой прислугой и крепостными крестьянами. Вполне возможно, что бабушка и дедушка со стороны матери работали в помещичьих семьях, приехавших на тамбовские земли в конце XVIII века. Нельзя исключать и то, что родовые корни Прасковьи Кузминичны и Никиты Карповича были из стрельцов, направленных Иваном Грозным на охрану новых земель от татаро-монголов, уволенных затем в отставку и попытавшихся заняться крестьянским трудом. Правда, без особого успеха...

Целым рядом указов московские правители поощряли заселение тамбовских земель помещиками. Отдаваемые земельные участки Тамбовщины, уже заселенные, переходили во владение тем, кого царь награждал участками тамбовской земли. Вместе с землей в их распоряжение поступали и *жители этих селений*, после чего крестьяне, те же служивые люди, уже завершившие службу на Московское государство, превратились в крепостных крестьян. Такая судьба вполне могла постигнуть предшественников *Юрьевых* и *Туровских*. Таких примеров множество!

Александр Меньшиков получил от царя Петра Первого огромный земельный надел в районе острова Савалы, куда в начале XVIII века переселялись крестьяне из разных мест России. Павел Первый подарил село Ивенье (656 душ) контр-адмиралу Н. С. Мордвинову, село Гуммны (500 душ) пожаловано тайному советнику Н. А. Молчанову и так далее.

К исходу XVIII века в *Козловском уезде*, в районе которого располагалось село *Туровка*, было 490 помещичьих вла-

дений, причем большинство владельцев-помещиков проживали в Москве и Петербурге, в других крупных городах России или же за границей, пользуясь трудами своих крепостных на Тамбовщине...

Впервые село *Туровка*, упоминается в 1719 году в ревизской сказке (форма учетной записи населенного пункта, в которой указывалось наименование села, количество дворов, кому принадлежит и т.п. сведения). Село было основано и названо первыми поселенцами – однодворцами, *братьями Ильёй и Петром Туровскими*, роднёй моей бабушки Прасковьи, а также братьями Мещеряковыми. В 1782 году Туровка значительно пополнилась новыми поселенцами, и её население, к рождению Прасковьи Кузминичны, составляло 299 человек. Среди жителей деревни по численности семей выделились две фамилии: *Туровские* и *Юрьевы*.

...Прасковья Кузминична Туровская, моя бабушка со стороны матери – Зинаиды Никитичны Юрьевой, родилась в 1858 году, в крестьянской семье Кузьмы Туровского, в деревне Туровка Богоявлинско-Суренской волости, Козловского уезда, Тамбовской губернии. Через три года после её рождения был издан царский Указ об освобождении крестьян.

Прасковья Кузминична, в девичестве *Туровская*, скорее всего принадлежала к семье основателя деревни – *Туровским*. Когда в возрасте 20 лет, в 1878 году, она вышла замуж за Никиту Карповича Юрьева, то обрела его фамилию, став *Прасковьей Юрьевой*...

Душевой земельный надел крестьянина во многих уездах Тамбовской губернии достигал минимально необходимых 3–3,5 десятин земли.

Некоторые помещики *переводили своих крепостных в положение дворовых*, которые не имели наделов земли и работали в имении барина. Большинство тамбовских крестьян оставалось *на барщине*. На собственное хозяйство им не хватало ни земли, ни времени. Поэтому в семьях

помещичьих крестьян дети рано начинали работать и долго продолжали трудиться старики.

Трудное положение толкало крестьян на конфликты с помещиками, к отказу от барщины, особенно после 1861 года. Они уходили в города, нередко отправляясь в другие, очень дальние, национально однородные провинции Российской Империи: Туркестан, Узбекистан, Азербайджан. Иммиграция усилилась в период бурного строительства железных дорог на территории Российской Империи.

Между тем, развитие аграрного сектора на Тамбовщине постепенно приобретало капиталистические мотивы. Большую роль в подъёме деревни сыграла земская агрономия.

К исходу в Баку семьи Прасковьи и Никиты Юрьевых, к концу 1910 года, агрономы стали работать при всех 12 уездных земствах. На средства земств содержалась и сеть общеобразовательных, церковно-приходских и специальных сельскохозяйственных школ. Старшие дети Прасковьи и Никиты Юрьевых – Александра, Сергей и Миша, к моменту отъезда семьи в Баку, проучились по два – три года в деревенской церковно-приходской школе и могли уже самостоятельно писать, читать и даже считать.

В 1910 году губернское земское собрание Тамбовщины приступило к финансированию создания опытных агроучастков для отработки и усвоения крестьянским населением передовых агротехнологий по выращиванию злаков. При этом было признано целесообразным, чтобы на один агроучасток приходилось по 65 деревень и сёл с числом домохозяйств 7.604 и площадью крестьянских земель не менее 53.000 десятин. Уже в 1910 году было образовано 14 агрономических участков.

Между тем, *Никита Карпович и Прасковья Кузьминична Юрьевы* решили не оставаться на Тамбовщине и послушав советов пришлых людей, рассказавших об иммиграции в Азербайджан, отправились к теплу и Каспийскому морю.

Ссылка была на бурное развитие в Баку тамошней нефтяной промышленности, большую нужду в рабочих руках и сравнительно неплохие заработки. Оба – муж и жена Юрьевы – были людьми неграмотными, хотя в Богоявлинско-Суремской волости и в деревне Туровка церковно-приходская школа была еще во времена их детства. Семья Прасковьи Кузьминичны Туровской и семья Никиты Карповича Юрьева были на услужении в семье помещика, включая пореформенное время после 1861 года. Однако времени на учёбу не было. Хорошо хоть как-то удалось обучить грамоте троих старших детей – Александру, Сергея и Мишу.

Сама Прасковья Кузьминична, достигнув 10 лет, была определена отцом, Кузьмой Туровским, в помещичий дом на услужение. Созрев, вышла замуж за помещичьего конюха – Никиту Юрьева. Своё замужество Прасковья Кузьминична считала удачным: Никита – мужик справный, мирный, не пьющий, хотя и очень уж молчаливый.

Живя на Тамбовщине, в селе *Туровка*, трудясь на помещика, Прасковья от тяжкого труда долго теряла детей. Были выкидыши или, родившись, малыши умирали ещё во младенчестве.

Статистика смертей-рождений малюток в Тамбовской губернии на эти годы безжалостна: женщинами не вынашивались до 50 процентов зачатых детей, а почти каждый третий родившийся ребёнок не доживал до годовалого возраста. Остаётся только удивляться, как Прасковья, *достигшая среднего возраста – тридцати двух лет*, забеременев и трудясь в помещичьем доме, всё же смогла выносить и затем успешно рожать детей, с интервалом в год-два, не потеряв теперь ни одного ребёнка! Получается, что только в 1890 году Прасковье удалось выносить и сохранить первую дочь, которую родители назвали Александрой в честь правившего в то время царя – реформатора Александра III.

Шура росла крепкой девочкой и в 1910 году, в момент

иммиграции в Баку, семьи Прасковьи и Никиты Юрьевых ей было 20 лет.

Когда Прасковье Кузминичне исполнилось 36 лет, *она в 1893 году* родила второго ребёнка – сына Сергея. Мальчик выжил. К отъезду семьи из Туровки в Баку ему исполнилось 17 лет. Старшие дети Прасковьи Кузминичны – Шура, и Сергей трудились в семье помещика до отъезда родительской семьи в Баку.

В 1895 году у Прасковьи Кузьминичны рождается сын Миша. Ей уже – тридцать семь лет. В Баку Миша приехал в возрасте 16 лет, проучившись в церковно-приходской школе села, имея опыт работы в помещичьем хозяйстве.

В 1903 году, в возрасте сорока пяти лет, Прасковья Кузьминична родила Татьяну Юрьеву, которой в Баку исполнилось 7 лет, но поступить в церковно-приходскую школу села Туровка она не успела.

Через три года, в 1906 году, в возрасте сорока восьми лет, Прасковья Кузминична рождает еще одного сына – Николая. По приезде родителей в Баку ему исполнилось чуть больше четырёх лет.

В 1908 году на свет появляется Мария, которая приехала с матерью и отцом в Баку в возрасте двух лет, когда её матери исполнилось уже... пятьдесят.

Наконец, в 1910 году, когда Прасковья Кузьминична и Никита Карпович Юрьевы уже приехали в Азербайджан, воспользовавшись денежной помощью, предназначенной семьям переселенцев, уезжающим в Баку, дождливым, промозглым бакинским ноябрём родилась дочь *Зина*. Её матери в этот момент исполнилось *пятьдесят два года*.

Как ни тяжело было Прасковье Кузминичне после родов Зины, спустя неделю, она устраивается прачкой в богатые дома бакинских горожан. Никита Карпович начал трудиться ездовым на Бакинской конке...

Можно судить, хотя бы примерно, что забеременела

Прасковья моей матушкой Зиной еще в Туровке. *В марте 1910 года.* До своего отъезда в Баку. Нетрудно представить, как тяжело было женщине в её возрасте, да еще и беременной, добираться из Тамбова в Баку, а прибыв туда, едва родив малютку, принять на себя тяжкие заботы прачки! Главные хлопоты легли на её плечи и на старшую дочь Шуру, которой, как мог, помогал брат Сергей...

...Главная цель колониальной политики Российской Империи в регионе Закавказья и в Северном Азербайджане являлась *ассимиляция* местного мусульманского населения, его *русификация*, превращение этой страны в неотъемлемую *составную часть* обширной Российской Империи. Для этой цели российское правительство проводило в Северном Азербайджане, как и на всём Кавказе, *переселенческую политику*, которая являлась одной из составных частей *колониальной политики* царизма, важным звеном которой оказалось прежде всего *переселение* в пределы Азербайджана *христиан – иноземцев*.

Одним из первых среди них стали немецкие колонисты. Они двинулись в Азербайджан с юга Германии. В 1819 году переселенцы достигли территории, отведенной им для заселения. Здесь они основали, на заброшенных и опустевших землях бывшей Азербайджанской деревни Ханлыклар, колонию, названную в честь княгини Елены Павловны – Елендорф. Колония была в семи верстах от Елизаветполя (Гянджи). Второе поселение – Анненфелд, названно в честь царицы Анны Иоанновны. Было оно основано в 25 верстах от Елизаветполя на месте древнего азербайджанского города Шакир, где была казённая Шамхорская пустошь. В Елендорфе обосновались 127 семей – 600 человек, в Анненфилде – 67 семей – триста или четыреста человек.

Я рассказываю об этом столь подробно, потому что много позже в Баку, в 1910 году, прибыла на правах таких же переселенцев из Тамбовской губернии семья моей бабушки

с дедушкой по матери – Прасковья Кузминична и Никита Карпович Юрьевы. Они не попали под защиту и опеку переселенческих льгот царского правительства, коими были защищены и вскормлены поселенцы из Германии на основании Положения Комитета Министров от 1818 года.

По прошествии почти *ста пятидесяти* лет, а может и больше, потомки немцев из этих поселений познакомились с моими родителями в Баку и долгие годы были с ними дружны: Эля в девичестве Гребер, ставшая по мужу Столяровой. Сам Александр Столяров – её супруг, по профессии агроном. Мать Эли – бабушка Ада Гребер, две их дочери – старшая – Светлана и младшая – Ирина всегда бывали в нашем доме желанными гостями, а мы – в их семье...

Между тем, каждой немецкой семье колонистов из Южной Германии было выделено по 35 десятин земли. Всего в Елендорфе на всех пришлось 5.906 десятин земли, а в Анненфилде – 3.568. Согласно Положению от 20 февраля 1804 года «О Правилах для принятия и водворения иностранных колонистов» из государственной казны предназначалось выдать по 10 копеек на душу каждому колонисту – перселенцу и на 10 лет они освобождались от податей и повинности. Спустя этот срок колонисты-немцы приравнивались в правах с местными азербайджанскими государственными крестьянами.

Разумеется, русско-иранская война сильно порушила колонии и они были эвакуированы в более безопасные места Азербайджана, но после подписания Туркманчайского мирного договора с Ираном (Персией), в 1828 году, немецкие колонисты снова были возвращены на освоенные, но разорённые войной места. Каждому вернувшемуся семейству было выплачено из государственной казны по 172 рубля. В итоге Елендорфские колонисты получили 21.844 рубля, а Анненфелдские – 8.850 рублей...

Позаботилось Российское правительство и об образова-

нии колонистов, *помня* при этом, что адаптируются они на русской земле. 22 ноября 1890 года правительством был издан указ о подчинении протестантских школ колонистов-немцев Министерству Просвещения Российской Империи. С первого по второй класс включительно дети колонистов изучали родной язык – немецкий, затем государственный русский язык Российской Империи, со всеми школьными предметами, тоже на русском. К окончанию школы все учащиеся-колонисты овладевали русским языком на уровне коренного населения России.

Разумеется, за сто с лишним лет колонизации Азербайджана немецкие колонисты натерпелись немало бед, пришедших вместе со сменой власти, хотя, влившись в экономику Азербайджана, принесли много пользы народному хозяйству этого края.

Хочу теперь обратить внимание на статистику населения в Азербайджане к концу XIX века. 60 процентов населения составляли – *мусульмане-азербайджанцы*. В Бакинской губернии, наиболее интенсивно заселявшейся переселенцами, *коренное население составило* тридцать пять процентов. В Азербайджане русские составляли – девять процентов, а в Баку и окрестностях – двадцать четыре процента. Армян было 6,3 процента – в республике, а в Баку и окрестностях города – 12,3 процента. Немцев в крае жило почти 2 процента, а сколько их жило в столице Азербайджана – неизвестно, хотя памятник религиозной архитектуры – лютеранский собор, остался...

Реформа 1861 года, освободив российских крестьян, оставила подавляющее большинство из них без земли. На территории громадного государства традиция планомерной и рациональной колонизации земель, затрагивающей интересы самого массового сословия – крестьянства, так и не сложилась.

С правления Петра I внимание государя привлек людской

ресурс *Западной Европы*, а после его смерти сановные наследники догадались осуществить привлечение этого ресурса во вновь завоёванные края Империи, как говорится, «*через пень-колоду*». Переселенческий «ресурс» в составе крестьянского сословия России был затронут правительством лишь частично, хотя все национальные *окраины* Российской Империи имели русскоязычные диаспоры, несопоставимо *мизерные* по сравнению с *национальным* анклавом местного населения. Пройдя тяжкие муки *переселения*, обратив два-три поколения своих предков в могильный прах, придя к XX, XXI векам к реальному отчуждению потомков этнических русских в национальных окраинах *бывшей Российской Империи*, нынешняя Россия вынужденно принимает в свои пределы *многонациональные* диаспоры со всех краёв СНГ, *угрожая* титульному этносу. *Такова цена многовековой и крайне неэффективной иммиграционной политики царской России, затем – СССР, а сейчас Российской Федерации...*

...В 1904 году иммиграционные идеи в царском правительстве нашли некоторое отражение в документах о снятии круговой поруки – общинного налога – за отъезд крестьянина из деревенской общины в иные края и начислении иммигранту мизерной материальной помощи государства. На этом всё и закончилось. Никакого сравнения эти «старания» не выдерживают с экономическим вспомоществованием немецким колонистам, прибывшим осваивать земли Азербайджана!

... В конце 1910 года, снявшись с насиженных мест в Тамбовской губернии, Прасковья Кузминична и Никита Карпович Юрьевы отправились на жалкие «подъёмные» царского правительства в Баку. В «*поклаже*» семьи Юрьевых – семеро детей, да заботы о том, чтобы хоть как-то свести концы с концами. А с первых же минут прибытия в промышленный город, где семья Юрьевых никого не знала и где им

предстояло обустроиваться и найти средства к существованию, начались обычные «*иммиграционные сложности*».

Поселилась семья в «русском» районе Баку, на истоке Ольгинской улицы, неподалеку от Верхнего Базара, в большом помещении, похожем на грязный, запущенный склад. На первых порах места хватало всем, если учесть, что в помещении не было ни кроватей, ни какой-нибудь мебели. Прасковья Юрьева – женщина с железным характером, быстро заставила дочерей и сыновей всё вымыть, привести в порядок, а сама, подвязав живот, где последняя дочка Зина уже готовилась появиться на свет, пошла искать работу.

Она знала, что грязное белье накапливается в любой семье, и любая семья не откажется от услуг прачки. Так оно и оказалось. Район был населен в основном русскими, и она быстро нашла первый заказ.

Вернувшись домой, отправила мужа – Никиту на биржу труда, о которой узнала из разговоров с такими же бабами, как и она, но прибывшими в Баку намного раньше её. Никита конку уже видел, когда пересекал Михайловскую, по которой были проложены рельсы, двигаясь по улице Ольгинской к их жилью, адрес которого им дали первые случайные знакомые в Баку.

Чуть не потерявшись, Никита Карпович биржу нашёл и пришел с радостной вестью: есть работа ездового на трамвайной конке совсем недалеко от их дома. Его немного ошаршила многоязычная толпа на бирже, но о своих чувствах он промолчал, будучи ужасно рад, что работу нашел быстро, а главное по делу, знакомому с детства. Примерно так прошла первая неделя-две жизни семьи Юрьевых в Баку после приезда.

Прасковья Кузминична довольно быстро распределила работу на всех детей. Александра Юрьева – 20 лет. Может и стирать, и гладить пока сама Прасковья немного оправится после родов Зины. Сашенька всё превосходно делала в барском

доме в *Туровке*. Значит, будет помогать матери: и стирать, по заказам, и готовить еду на всю остальную ораву Юрьевых.

Сергею – 17 лет. Он может устроиться помощником дворника. Надо только договориться с живущим по соседству уборщиком дворов. Тот из русских, справный мужик. Хоть и неохотно, но согласился отстёгивать от своей зарплаты несколько копеек и давать Сереже за подмогу при уборке на дворах и улицах. Договорились... Умная Прасковья, чтоб договор закрепить, пообещала стирать дворнику белье бесплатно. Случайно узнала, что у дворника недавно умерла жена и тот, конечно, очень обрадовался неожиданной подмоге. Впрочем, пристроила Сергуньку в хорошие руки. Сыну Мише – 16 лет. И о нём Прасковья Кузминична тоже позаботилась: определила учеником к сапожнику, который жил неподалёку. Был он местным, но неплохо говорил порусски с забавным акцентом. На несколько копеек в день Мишу взяли. В конце-концов дело не в деньгах, а *в свободном времени*, которое для мальчишки опаснее любых соблазнов, потому и нужна хоть какая-то работа. Заработок придёт, если очень стараться работать.

Девочки: Маня, Таня – совсем уж маленькие. Из них старшая Таня – 7 лет. Пусть будет нянькой и для Маняши, и для Зины. Так вот и определились в делах и заботах по прибытии в Баку. Спасала деревенская сноровка. Опыт ранней работы в доме у помещика, ловкие руки, ранние навыки в исполнении массы мелочей, из которых состоял в городе Баку быт переселенческой семьи, приехавшей из *деревни Туровка Тамбовской губернии*.

А что происходило в Баку в декабре 1910 года? Ничего особенного! Кроме погоды, семью Юрьевых пока ничего не тревожило. А зима в городе оказалась уж больно ветреной и холодной в наступившем январе. Больше всех страдал от холода Никита Юрьев. Приехал-то в Баку Никита Карпович без тулупа и прочей зимней одежды, потому что денег

Бакинская конка, на которой работал Никита Юрьев в 1910 году

на приобретение не было. Недолго пришлось ему поработать на конке. Несчастье случилось очень скоро. Почти сразу же в наступившем, новом 1911 году. Заболел Никита Карпович то ли в марте, то ли апреле 1911 года. Слёг. Случилось у него воспаление лёгких. Не выдюжил болезнь, помер...

Для Прасковьи Кузминичны потеря отца-добытчика, была тяжким ударом. Отпели его по бедняцкому чину, в тюремной церкви. Похоронили на территории кладбища, где хоронили всех нищих и бездомных. Поплакали все вместе, помянули усопшего, а назавтра – снова за работу!

Могилы деда давно уж нет! Как только Азербайджан оккупировала 11-я Армия, здание тюрьмы снесли, церковь тюремную и подавно. По указанию В. Ленина Советская власть стала наводить в городе свои атеистические порядки. На том месте, где было кладбище с могилой Никиты Карповича Юрьева, Советы построили жилые дома. Точно такие же, как на месте взорванного большевиками большого собора Александра Невского, с прилегающим к нему старым православным кладбищем, где была похоронена Прасковья Кузминична Юрьева, когда настал её смертный час...

После смерти мужа в её семье всё как-то постепенно *устоялось*. Пришла осень 1911 года, и стала Прасковья

Семья Юрьевых
город Баку 1911 год

Кузминична искать школу для младших детей. Сама она была неграмотна, хотя разумом обладала деловым, а характером крепким и хватким. Старшая дочка – Шура могла писать, но читала по складам, еле-еле перешагивая через строчки. Главное – могла понять документ и расписаться! Значит школа ей больше ни к чему, как и Сергею, который умел всё то же, что и Шура, только получалось у него пошустрее! Пусть трудятся. Зарабатывают на жизнь большой семье...

Миша тоже мог писать и читать, причем ничуть не хуже Шуры и Сергея, так что и ему не следует от работы отвлекаться. Хоть и копейку принесёт, всё ж будет и от него толк для семейного кошелька. Кому следует учиться, так это Мане, Тане, Коле. Зине в школу еще не скоро...

Таня, само собой, в этом, 1911 году, пойдет в школу. Ей уже 8. Может и справится с начальной школой. Даст Бог, вытянет!

Все дети в семье Прасковьи Кузминичны были крещеными, православными. Каждое воскресенье пробовали ходить в церковь. Пешком – далеко. Ехать на конке – дорого. Значит придётся хотя бы изредка ходить в храм Александра Невского...

А что происходило в Баку в 1911 году? Тоже не было никаких особых событий. Как обычно, на втором году жизни Юрьевых в Баку, пришла на двор зима. К холодной погоде все уже привыкли. В Туровке зимы куда более суровы. К ветрам приспособились. Зиму первую пережили. Прожитый год показал, что привыкнуть можно и к такой жаре, которая была прошлым летом. Никто из детей сильно не болел, но тяжелее всех было маленькой Зинушке, которой исполнился только год.

Жаль, отца – Никиту потеряли. Уже год как без него жить приходится. Но что ж делать? На всё воля Божья! Примерно так могла размышлять Прасковья Кузминична Юрьева – долгими ночами проглаживая вместе со старшей дочерью постиранное на заказ бельё, чтобы сдать побыстрее и получить заработанные деньги...

Моя мать никогда не любила вспоминать своё раннее детство. Было оно наполнено тяготами и лишениями. Эгоизм здоровых крепких братьев и сестер улёгся тяжким грузом на её память. *«Я думала, что они хоть как-то будут меня оберегать, а получалось совсем наоборот. Шура и Сергей были просто ко мне равнодушны. Никогда*

не спросят – сыта я или нет, холодно ли мне? Маня с Таней часто ссорились, а Колька всегда меня задирали и всё норовили выхватить у меня кусок хлеба, который я доедала. Когда все устраивались спать, вповалку, на полу, или укладываясь на деревянных топчанах, которые Сергей где-то на свалке нашёл, то получалось всегда так, что ночью я оказывалась на земляном полу и без одеяла, которое кто-то из сестер на себя перетягивал. Увидев это, мама стала укладывать меня к себе, на топчан, и мне было тепло и уютно, но ненадолго. Очень рано утром мама вставала и уходила с Шурой стирать. Постепенно поднимались остальные, но мне тоже надо было вставать, потому что в доме из еды могло ни крошки не остаться! Когда Сережа с Мишей уходили на работу, а Таня в школу, дома оставались Коля, Маня и я. По возрасту Маня была ближе ко мне, вот мы и игрались с ней, а Таня за нами присматривала, когда приходила из школы...»

Уму непостижимо, как неграмотная женщина, в окружении семерых детей, справлялась с заботами, выпавшими на её плечи, не потеряв в Баку ни одного ребёнка! Разумеется, трудна была жизнь деревенских ребят в большом городе, в районе со множеством беспризорников, хулиганов, требовавших от малышни Юрьевых бдительности и внимания. К тому же во главе семьи – пожилая женщина с маленькими детьми, еще не способными себя защитить, при слабой готовности со стороны детей-подростков (кто слушает советы матери в 15-18 лет?) следовать указаниям вдовы-матери... По правде говоря, они и сами еще нуждались во внимании и опоре.

И всё же... Проясняет всё, по видимому, деревенский опыт сплочённости семьи и авторитет матери – Прасковьи Кузминичны. После смерти мужа она осталась единственным человеком, чьё слово и воля определяли порядок жизни и каждый шаг детей. Это было непросто, если учесть, что

Шуре Юрьевой уже исполнился в 1911 году – 21 год и она, хоть и исполняла исправно все требования матери, но уже поглядывала по сторонам и каждую свободную минуту норовила поболтать с подружками, переселенцами из русских деревень, как и она, приехавшими в Баку за лучшей долей. Стала Шура поглядывать и на парней. Город – не деревня, с налёту жениха не найдешь, услугами свахи не воспользуешься, потому и надо хотя бы приглядываться, чтобы не остаться «перестаркой»...

Сергей, которому исполнилось в 1911 году восемнадцать, тоже обладал нравом разговорчивым и компанейским. Любил поговорить с парнями, такими же русскими, как и он, которые приглашали его на совместные выпивки по воскресеньям.

Спасала Прасковью церковь, которая была местом общения с местными переселенцами, да тихие молитвы за упокой души безвременно усопшего Никиты Карповича Юрьева, которого еще долго поминали и мать, и дети. Младшие дети слушались мать беспрекословно. Но долго ли так будет продолжаться? Они растут. Старшим, уж точно, скоро пора подумать, как дальше обустроить свою жизнь?

Неподалёку от Верхнего Базара, на исходе Ольгинской улицы, в тупике, напоминающем букву «п», зажатую двумя строениями – слева и справа, Пасковья Кузминична нашла квартиру, которую за недорого сдавала азербайджанская семья. Сооружение представляло собой двухэтажное строение, в котором верхнюю часть, напоминающую длинный деревянный балкон, заполняли множество квартир, которые занимали хозяева – большая азербайджанская семья. В нижней части периметра, начинавшегося с правой части входных ворот, стояли аккуратные, со множеством дверей и окон кирпичные пристройки, опоясывающие строение, которые примыкали к левой части тех же самых ворот, через которые люди заходили в широкий двор дома. Посреди

Улица Ольгинская и Михайловская
город Баку 1912 год

двора росло единственное дерево – старый вяз. Напротив дерева стояло длинное, приземистое сооружение, сильно сокращавшее размер двора. Это была уборная для жильцов. Была она «очков» на десять-пятнадцать, с обеих сторон строения, с входами с каждой стороны. Считай тридцать человек одновременно могли ею воспользоваться... В торцевой части здания уборных – большой водопроводный кран, с широкой каменной раковиной и блестящей сеткой на круглой дыре слива в канализацию.

Когда-то здесь скопом жили молукане. Они так запустили строение и уборные, что от одного вида места, где предстояло жить, тошнота подступала к горлу. Хозяева сочли за благо выгнать прежних жильцов и привести территорию в порядок, хотя бы внешне, чтобы сдать квартиры новым постояльцам. Первой жилищкой и оказалась Прасковья Юрьева, которая появилась здесь случайно. Принеся исполненный ею заказ на стирку для семьи, живущей неподалеку от этого дома, и возвращаясь домой, она заметила ворота, ведущие во двор. На воротах – большая цифра 5. Зайдя внутрь, она увидела пожилого азербайджанца, подметав-

шего территорию вокруг строения с открытыми дверьми – уборные, поотдаля от которого росло толстое дерево.

– Нет ли тут свободных квартир, господин хороший, – приветливо улыбаясь, спросила Прасковья Кузминична, и была очень удивлена, когда старик сказал ей на ломаном русском языке, широким жестом показывая стоявшие по периметру квартиры:

– Дарагая, бэри лубую!

Некоторые помещения уже были вымыты женщинами с чёрными волосами, в цветастых платках и платьях восточного покроя...

Прасковья присмотрела просторную квартиру, которая оказалась расположенной в тридцати – сорока метрах от ворот, неподалёку от дерева. Её-то она и облюбовала за большой размер.

Юрьевы перешли сюда, поселившись огромным семейством в самом начале 1912 года. Чистота квартиры была относительной, поэтому семейство Юрьевых долго всё мыло, буквально выдраивало, вычищало. Подобрали на мусорке разбитые стулья, кастрюли с битыми или примятыми боками, кое-какую кухонную утварь, оставшуюся от прежних жильцов. Так тут и обустроились.

Для стирки у Прасковьи Кузминичны условия были почти идеальные. Водопровод – рядом. Широкая дворовая площадка у самого порога квартиры. Туда ставили чугунный таган, который Сергей нашёл на свалке, а на него устанавливался старый прокопчённый котёл, блестящий изнутри, в котором кипятили белье. Тут же был и слив, уходивший в глубину канализации. Место это было в самой середине большого двора. По мусульманским праздникам хозяева приготавливали здесь плов, тоже устанавливая большой медный котёл на широкий чугунный таган с растопыренными «лапами», припаянными к кругу.

Понимая, что стирка белья – единственный заработок

этой женщины с целой оравой наследников, азербайджанцы не чинили препятствия делам Прасковьи Кузминичны. Самой трудной проблемой была – растопка огня под котлом. Но приспособились Юрьевы и к этому делу. Примерно в километре или двух от дома была свалка. Мальчики Юрьевы, перед тем как растопить огонь под котлом, отправлялись туда добывать все, что горело. Закладывали плотно под котёл всё, что собирали на свалке, поливали керосином и какое-то время огонь поддерживали, пока Прасковья Кузминична не заканчивала кипятить грязное бельё.

Весь двор – первое время, пока дом еще не заселили – был перетянут веревками, на которых постиранное бельё сушилось. Потом пришли сложности. Жить в этом районе стало опасно. Появились воры. Нередко они пытались украсть всё, что висело и сушилось. Тогда Сергею, которому было уже лет девятнадцать-двадцать, вместе с восемнадцатилетним Мишей приходилось палками отгонять воров, охраняя бельё. Иного выхода не было, кроме как запирали ворота, чтобы чужие не проникали во двор. Но хозяева дома сердились, потому что не все квартиры были еще заняты. Претенденты стучали в ворота, но им сыновья Прасковьи Кузминичны не открывали, думая, что воры. Иногда даже староста квартала не мог пройти на двор с инспекторской проверкой – соблюдения санитарных правил. Приходил он за взяткой – мздой, которую хозяева платили ему за терпение к неубираемой грязи на дворе, не освежённым известью нижним стенам дома, ствола дерева и внутреннему пространству уборной.

Постепенно все квартиры были сданы. Теперь стирать бельё стало и вовсе затруднительно – жители не хотели терпеть дым и стали жаловаться хозяевам. Тогда Прасковья Кузминична нашла хитроумный способ. За копейки она рано-рано утром покупала место в бане, стоявшей чуть в стороне от Ольгинской улицы и вместе с Шурой стирала бельё

семья Юрьевых город Баку 1913 год

там, на каменных скамьях. Давала служившему банщику – русскому из Курской губернии – какие-то деньги за воду и очень быстро, со старшей дочерью, всё простирывала, ополаскивала в горячей воде и наспех отжимала. Потом они втроём с Шурой и Сережей приносили домой на спинах огромные тюки сырого белья и развешивали на верёвках на дворе. Что-что, а хлеб свой насущный Прасковья Кузминична зарабатывала тяжким трудом.

Первой из семьи Юрьевых ушла «на свои хлеба» Шура. В 1913 году, в возрасте 23 лет встретила она Александра Ионову – рабочего городской то ли типографии, то ли литографии. Был он старше её года на четыре или пять. Жил Ионов в Баку уже лет десять или пятнадцать. Сам он был пришлым, из деревни, что в Воронежской губернии. Закончил

курсы мастеров литографии и работал на полиграфической фабрике. До семьи дело пока не дошло, но, когда родители умерли, стало ему невмоготу...

Шуру Саша Ионов приметил давно. На улице. Однажды подошёл, спросил, как её зовут и напрямик предложил – выйдет ли она за него? Выглядел он не по годам внушительно. Среднего роста, плотен, неплохо одет. Производил впечатление человека делового, основательного и серьезного.

Привыкшая к деревенским правилам жизни, а прежде всего к повиновению в семье, пришла Шура к матери и всё ей рассказала. Прасковья Кузминична, вздохнув, помолчала. Потом сказала с сожалением: «...Уж больно он молод...» Наверное, Прасковья Кузминична забыла, что её муж был на два года младше её самой! И хотя будущий муж Шуры был годами старше её дочери, казалось ей, что его двадцать пять не слишком солидный для семьянина возраст. А может просто не хотелось дочку отпускать в замужество, уж больно хорошей была она помощницей для матери. «Ну и что, – отреагировала Шура, – зато самостоятельный. У него родители умерли от какой-то болезни. Живёт один. Совсем недалеко от нас...»

Оказалось, что претендент на руку и сердце старшей дочери имел квартиру, и в самом деле совсем неподалёку

Шура Юрьева

на улице, которая была чуть ниже их тупика. Требовалось минут десять-пятнадцать, чтобы дойти до его дома, войти в ворота, потом пройти шагов десять и повернуть налево, к дверям квартиры Александра Ионова.

Прасковья Кузминична заметила, когда пришла к нему посмотреть на его обустройство, аккуратность молодого мужика, его чистоплотность и, судя по обстановке, – аскетизм будущего зятя. Чего ей не понравилось, так его нелюдимость и мрачность. «Шура готова выйти за него замуж, – подумала Прасковья Кузминична, – значит ей и решать!»

Свадьбу сыграли скромную. Тихую. В церкви обвенчали и начала жить Шура своей супружеской жизнью. Потом оказалось, что Ионов... выпивал. Не часто... Раз в неделю случалось... Бывало доставалось от его кулаков и Шуру. К мордобойю она насмотрелась в Туровке. Пили там мужики часто и нередко поколачивали собственных жен и детей. Кто ж из русских не пьёт? Лет через пять-семь Ионов пить перестал – испортился у него желудок. Хоть и был он еще сравнительно молодым мужчиной, но «остановился». Так пришлось... Сильно похудел. На том все мучения Шуры и закончились. Кухаркой была она превосходной. Готовила буквально «из ничего». Да так, что «пальчики оближешь». Тем окончательно и завоевала сердце своего мрачного Александра Ионова. С годами он серьезно заболел. Работал уже на лёгких работах, но там же, в своей литографии, которую называли при Советской власти – «Азернешер». Умер Александр Ионов в 1949 году, в возрасте 54 лет, от рака желудка. Умер тихо. Спокойно. Встретил смерть в собственной постели...

Хоронили его хорошо, потому что был Ионов классным мастером. Я видел эти похороны. Как тогда было принято, шли по улице Красноармейской, вслед за грузовиком, на котором был установлен гроб с телом покойного. Подъехали к зданию «Азернешер», где он работал всю жизнь. В толпе все мужики сняли головные уборы. Прозвучали прощальные

слова. Поехали на кладбище. Одним словом, ИONOва проводили достойно. Однако могилы его уже нет. Давным-давно! Разбили на его месте какой-то городской сквер. Построили жилые дома еще в самом конце восьмидесятых годов XX века...

...Шура родила от ИONOва троих детей. Первого – Володю, в 1922 году. Затем – Юру в 1923 году. А третьего – в 1927 г. Но выносила его неосторожно. Будучи на седьмом или восьмом месяце, споткнулась Шура у порога, когда в дом заходила. Там надо было спуститься на три ступеньки вниз. Оступилась... Упала и ударилась животом о маленькую скамеечку, которую сын – Володька не убрал. Через день или два – Шура родила мальчика, которого назвала Валентином...

С первых же дней Великой Отечественной войны Володя Ионов ушёл на фронт. Погиб в 1943 году на Воронежском фронте. Во время войны был призван и Юра Ионов. Был он милым высоким парнем с голубыми, васильковыми глазами. Домой вернулся с войны целым и невредимым. От такого счастья, наверное, у него «крыша и поехала». Слегка... Закончил ремесленное училище. Пошёл работать на завод, но начал «баловаться» наркотиками. И всё же встретил он женщину, Галей звали. Женился. Вскоре родилась дочь Татьяна. Обоих он любил... Казалось бы живи и радуйся! Но о своём пороке Юра всё-таки не забыл. А тут еще жена оказалась женщиной *неверной*. Разошлись...

Второй раз Юра не женился. Стал медленно угасать от туберкулёза. Лечиться отказывался. Наверняка жизнь ему была не в радость! Он умер 21 июня 1974 года, угаснув, как и его отец, в родительском доме, в возрасте 54 лет...

Третьего сына Шуры – Валентина – всю жизнь мучила эпилепсия – следствие предродовой травмы матери. Всю жизнь был тяжким инвалидом! Учёбу так и не одолел. Остался неграмотным. Говорил, еле-еле перебирая слова. Речевые спазмы сильно мешали. Раз в месяц преследовали

его эпилептические припадки. Каждый раз они случались, когда никого дома не было. Прямо фантом какой-то! Падал, ударялся лицом, разбивал в кровь... Но удивительным оказался его ум!

Буквально с налёта Валентин читал радиосхемы и ремонтировал приёмники. Потом, когда пришло время, телевизоры тоже. Тем жил и кормился до конца своих дней. Нежно любил голубей и рядом с порогом дома Шуры поставил оббитую железом голубятню... Когда все в его семье умерли, а дом снесли, дали ему квартиру, где-то на окраине Баку. Там он жил и тихо скончался в полном одиночестве. Нашли его дома почти усохшего. Выглядел, как мумия. Где похоронили Валентина ИONOва – неизвестно...

Сама тётя Шура скончалась в 1979 году. Нелепо и быстро: отравилась плохо проваренной свиной. Утром поела, ночью умерла... Так вот иссох без остатка весь её родовой корень... Её внучка – дочь сына Юрия, с тех пор, как она уехала с матерью в Краснодарский край, больше не давала о себе знать. Бабушка Александра ИONOва, урождённая Юрьева, отец внучки – Юрий Ионов – никогда её больше не видели...

...В тревожные годы, пришедшие в Баку совсем скоро, предстояло Прасковье Кузминичне выживать с детьми с большим трудом. Если в 1912-1913 годы в Баку было сравнительно тихо и дети год от года поднимались и росли под надзором матери, то с приходом Первой мировой войны 1914 года Сергей и Миша уже подлежали призыву. Шёл Сергею двадцать третий год и обрили его под мобилизацию, надели шинель и отправили на фронт за сорок восемь часов! В Действующей Армии Сергей Юрьев считался грамотным, потому что умел поставить свою подпись и прочитать документ. Причём не по складам, как старшая сестра Шура, а быстро и правильно.

На вокзал провожали его всей семьей. Тихо, без слёз, поскольку сама Прасковья Кузминична, в силу своего

Сергей Юрьев 1914 год

характера, «сырости» никогда не разводила, а уж дети – глядя на неё. Расцеловала она сына, едва доставая до щёк, что-то ему прошептала из молитвы, ткнув в спину ладошкой, направила к вагону, услышав зычный приказ старшего: «По вагона-а-а-ам!» Так же проводили через два дня и Мишу Юрьева. Спокойно, с поцелуями и добрыми словами от матери, младшего брата и всех сестёр.

«С отъездом Сережи, – рассказывала мне мать, – жить стало гораздо спокойнее. Баламут он был знатный. Мать его часто охаживала то веником, то просто палкой, которая стояла у дверей. Наш красавец не давал покоя местным девкам и пару раз случались драки с парнями округи. Мама боялась, что его или убьют или покалечат, такой вот беспокойный он был человек. Мне в четырнадцатом – пятнадцатом году было всего-ничего,

но помню, что мать писем от него так и не дождалась. Пришла то ли в пятнадцатом году, то ли в шестнадцатом официальная бумага, что Сергей пропал без вести. Так с этой вестью о сыне наша мамочка, Прасковья Кузминична, и ушла на тот свет!»

Умерла Прасковья Кузминична в 1918 году по недоразумению и мучительно. В русской аптеке пьяный провизор выписал ей лекарство, которым следовало натирать суставы, ноющие от артрита. По пьяни дал он раствор сулемы и прописал принимать вовнутрь. Выпила она лекарство, как было написано на сопроводительной инструкции, а оказалось оно сильным ядом! Так Прасковья Кузминична и отравилась. Через день или два – скончалась.

Надо отдать должное этой женщине. Ушла она в возрасте 60 лет, оставив в наследство своим детям – *каждой!* – немного денег. Будучи еще здоровой, но по неведомым признакам предчувствуя приближение конца жизни, она с помощью банковского стряпчего, составила *завещание*, а на месте подписи поставила крестик, поручив от своего имени заверить документ подписью стряпчего-составителя. Священник тюремной церкви был свидетелем сделки, и ушла она из банка, где всё происходило, со спокойной совестью. Умерла Прасковья, когда Временное Правительство – гарант вкладов – обеспечить их уже не могло. Так и остались эти деньги – *бумажками* и примером служения материнскому долгу, адресованным её детям...

Чтобы закончить с историями братьев и сестёр рода Юрьевых, продолжу рассказ с судьбы Сережи Юрьева. От него пришло письмо из Германии. Это когда Прасковьи Кузминичны уже не было в живых. *«Писал, – вспоминает моя мать, – что попал в плен после контузии и оказался в немецком лагере. Потом забрал его к себе какой-то немецкий «кулак», как рабочую силу. Наверное увидел, что мужик справный, рослый, ну и решил, что в хозяйстве пригодится.*

Когда подписали Брестский мир, стали потихоньку пленных возвращать, обменивать русских, попавших в плен к немцам, на их соплеменников, схваченных на русско-германском фронте. Вернулся и Сергей, но долгие годы о нём мы ничего не знали. Шура он написал короткую открытку кажется в 1930 году, или после второй войны, с немцами-фашистами. Был он каким-то чванливым человеком и жутким бабником. Потом из его письма ко мне, уже после Отечественной, я узнала, что жил он все эти годы в Новочеркасске. Женат был то ли два, то ли три раза. Были у него дети. Наверное и какие-то трудности были у него, но я не знаю...»

Трудности и в самом деле были, потому что Новочеркасск был в 1942 году оккупирован немцами, а на фронт дядю по каким-то причинам не взяли. Ушел в партизаны. Когда Новочеркасск был временно под немцами, образовался здесь Казачий стан, ответственный за формирование казачьих воинских подразделений, воевавших на стороне Германского Вермахта против Красной Армии. Ненависть казаков к Советской власти была столь велика, что не останавливала их ни врождённая любовь к родной земле, ни вековые традиции служения Российскому государству.

Сергей воевал в партизанах, чем сильно себя обезопасил в послевоенные годы, хотя моя мать и была сильно напугана невольным родством с баламутным братом, которому не верила и боялась его манер.

За время своего плена в Первую империалистическую Сергей Никитич Юрьев выучил немецкий язык. Во Вторую империалистическую, то есть в Великую Отечественную, язык пригодился. Но для культурного или образовательного намерения эту «случайность» мой дядя так и не использовал. Всю жизнь проработал невесть где и невесть кем, так и не оставив по себе заметную для Юрьевых память.

Сергей Никитич Юрьев прожил до 1985 года. Умер в возрасте девяносто двух лет и был похоронен в Новочеркасске,

где на городском кладбище по сию пору сохранилась его могила. Дядю Сережу я никогда не видел. Но однажды, в моё отсутствие – я жил тогда в Минске – приезжал он в Краснодар. По словам моего брата, был он в возрасте около восьмидесяти лет, выглядел бодро и даже в день своего приезда в гости к сестре затеял «роман» с женщиной, жившей неподалёку от нашего родительского дома. Покуролесив день-два и, по-видимому соскучившись по дому, он уехал. Удивительно отчётливо я представил себе старшего брата моей матери, как будто знал его всю свою жизнь, но ощущение это оказалось мимолётным, потому что никаких памятных следов для передачи моему потомству это впечатление так и не оставило...

...Когда другой мамин брат, мой дядя Михаил Никитич Юрьев вернулся с Первой империалистической – на войну его взяли рядовым – Александр Ионов, муж сестры Шуры, устроил его к себе в литографию и со временем стал он там превосходным мастером. Во время Отечественной ему дали бронь. На фронт не взяли, таким крепким он оказался мастером и так был нужен Бакинскому полиграфическому предприятию.

Там дядя Миша Юрьев проработал много лет. Женился на вдове

Михаил Юрьев

по имени Нина. Женщине худой, высокой, с грубым прокурненным голосом. Жили они в квартире его жены, неподалёку от литографии, поскольку работала она там же – контролёром.

Его я хорошо помню. Чувства о себе он оставил тёплые и сердечные. Высокий, худой. Много курил... Человеком был добрым, даже застенчивым. Я тогда уже сильно болел туберкулёзом обоих тазобедренных суставов и очень хотел научиться играть на аккордеоне. Денег на инструмент, конечно же, не было. Дядя Миша мечтал заработать и купить мне его в подарок. Этого не случилось. В 1956 году дядя внезапно умер от заворота кишок. Детей у него никогда не было.

В семье матери *прижилась* легенда, что дядя Миша взял подработку, чтобы заработать мне на аккордеон – надевать на литографские валики новые резиновые прокладки. Натягивать валики надо было, упираясь в живот. Несколько десятков валиков одолеть ему удалось. Однако след от торцовой части каждого валика, которым он упирался в низ живота, привел к завороту кишок, и дядя скончался. Красивая легенда! Разумеется, деньги за *продланную* работу, как мне запомнилось, получить не удалось...

Много хлопот у семьи Юрьевых было с Колей. На момент приезда в Баку исполнилось ему 4 года. Начальную школу в Баку он кое-как одолел. Когда умерла Прасковья Кузминична, Коле было 12 лет. В школе еле-еле успевал и толку от его учёбы никакого не было! Александр Ионов взял его вроде бы учеником в свою литографию. Пишу «вроде» потому что были с ним муки-мученические! Постоянно бегая между машинами, глядя на работу окружавших его мастеров, мешая им своими расспросами, он скорее только мешал, чем набирался ума-разума. И всё же Николай в конце-концов вырос в отличного мастера!

Однако Александр Ионов всё-таки недоглядел. Чтобы Коля не мешал, рабочие давали ему хлебнуть разведенного

Николай Юрьев

спирта. Им промывали части литографских машин. Глотнув «жаркой жидкости», бедовый пацан *заползал* куда-нибудь в укромное метечко и засыпал. Так на работе он и научился *пить*. В 1924 году, в свои 18 лет, Коля из литографии сбежал и поступил матросом на торговое судно. Тут же «*укатил*» в заграничное плавание в Иран. Обладая от природы пронырливым умом и ловкими руками, он постоянно провозил через таможенную золотые вещицы, спрятав их в брюхо сушеной рыбы, которая вялилась на солнце на палубе. Таможенники, в силу своей *недогадливости*, её не «потрошили». Таким вот образом дядя Коля провозил контрабанду. Шуре он подарил золотое кольцо с бриллиантом. Хоть и подделка, но очень ловко сработанная. Моей матери привёз часы...

Пил он регулярно, потому на следующую *ходку* в Иран его уже не взяли. Тогда он вернулся в литографию.

Вскоре дядя Коля женился на молодке, которую звали Женей. В 1942 году родилась у него дочь – Алла. Его она или нет, не знал толком ни он, ни его подруга, которая вскорости бесследно исчезла, бросив дочь и Николая Юрьева. Навсегда!

Малютку-дочь взяла к себе на воспитание Шура Ионова, старшая сестра Николая Юрьева. Не погибать же девочке! Растила её в своей семье, назвав Аллой, но оставив фамилию отца – *Юрьева*.

Тогда шла война, и дядю Колю, как и брата Мишу, не взяли,

уж больно хорошими были они специалистами. Его дочь Алла выросла, но судьба её ждала трагическая!

В подростковом возрасте у неё начались тяжкие проблемы с головным мозгом. Скорее всего – последствия алкоголизма родителей. По прошествии семи лет обучения школу ей пришлось оставить, потому как проходила учеба с великими муками. Потом Аллу Юрьеву даже поставили на учёт в психо-неврологический диспансер.

Когда Алле исполнилось 20 лет, болезнь неожиданно отступила. Кажется год или два она даже нормально работала в какой-то бакинской конторе. Но в 25 лет болезнь вернулась, теперь уже в очень тяжелой форме! Была она уже неизменяемой, и Аллу Николаевну Юрьеву поместили до конца жизни в психиатрическую колонию. Пребывая там в состоянии абсолютной утраты разума, Алла скончалась там без малейшего намёка на понимание, кто она, как её зовут и кто её близкие?..

Отец Аллы Юрьевой – Николай Никитович Юрьев – умер в 1975 году в возрасте 69 лет. Отравился он уксусной эссенцией. Хлебнул спростонья из водочной бутылки. Туда ядовитую жидкость налила отвергнутая дядей Колей любовница, такая же «мастерица» выпить, как и он...

Дядя Коля Юрьев удивлял меня невероятным сочетанием множества талантов и *беспробудного* пьянства. Был мастером наладки литографских машин и автором цветowych композиций поразительной красоты. Одним словом, в литографском деле среди коллег ему равных не было.

Как только с каким-нибудь сложным заказом возникал затор, литографское начальство вспоминало о дяде Коле Юрьеве. Приказывало найти его «...чего бы и сколько бы это ни стоило...» и привезти к машине «...в любом состоянии...». К той самой машине, которая как на грех встала и на которой предстояло откатывать тираж ярких плакатов или прочий важный заказ. В Баку равных дяде Коле специалистов

просто не было, потому его и находили! Уговаривали... Приводили... Давали выпить стакан коньяка... Ставили к машине... Дрожали от ужаса и... *восторга*. Созерцали его действия почти как зрители цирка, глядят на чудеса, вытворяемые дрессированной обезьяной! Еще бы! Самое большее через час – полтора машина «заводилась», и всё шло как по маслу... А сам «герой», пьяный в полный «дребадан», или спал где-то в углу машинного зала или осторожно отвозился домой, укладывался в постель до следующего случая.

Так было в 1959 году, когда я двадцатилетний парень готовился к отъезду в Краснодар с родителями и видел, как моего отца при мне благодарил какой-то усатый азербайджанец за то, что он помог разыскать дядю Колю и привезти его на бакинское литографское предприятие – «Азернешер»...

В молодости Николай Юрьев был весьма симпатичным юношей! Среднего роста, с русой шевелюрой и правильными чертами лица. С годами его лик превратился в подобие печёной *картошки*, а сам он обратился в сморщенного запойного пьяницу с трясущимися руками. Я до сих пор помню запах винного перегара, идущий от него, когда изредка мы встречались во дворе дома, где я жил с родителями, а у него была своя квартира, оставшаяся от его сбежавшей жены. Была она похожа на сарай – совершенно пустая с чисто вымытыми полами. Это старалась старшая его сестра – тётя Шура Ионова. Она боялась, что за грязь и запустение квартиру у брата отберут, и дочь Алла останется без жилья. Тётя Шура приходила раз в неделю в его дом и горячей мыльной водой выскабливала скребком *деревянный* пол квартиры своего непутёвого брата, добиваясь первородной желтизны широких досок.

В углу комнаты стояла кровать. Дядя Коля пролежал на ней день или два после отравления, с перевязанным горлом, из которого торчали трубочки для дыхания. Скончался Николай Никитович Юрьев ночью, покорно издав

Татьяна
Юрьева
1930 год

последний сиплый вздох...

Судьба сестры моей матери – Татьяны Никитичны Юрьевой – сложилась тоже не лучшим образом.

Напомню – родилась она в Туровке в 1903 году. По прибытии в Баку было ей 8 лет. Начальную школу одолела и оставила её, когда исполнилось ей 15 лет. Училась трудно. Много занятий пропускала, но все же считалась грамотной. Когда Прасковья Кузминична умерла, Таня Юрьева пошла работать ученицей на табачную фабрику, но вскоре оттуда ушла... Стала пробовать учиться швейному делу. Кое-как научилась шитью и крою. Через два года бросила. Снова вернулась на табачную фабрику. Её взяли... Там люди всегда нужны...

Жила Таня Юрьева вместе с младшей сестрой – моей матерью Зиной Юрьевой – в квартире, оставшейся после смерти Прасковьи Кузминичны. В том же дворе, где когда-то обосновалась их покойная мать.

Было у Татьяны Юрьевой несколько романов, то с моряками, то с мастерами из её табачной фабрики. Случились у неё несколько выкидышей. Наконец вышла она замуж за моряка. Бросила его, поскольку был он человеком легкомысленным и ненадёжным. Замуж вышла вторично. Но... Муж ока-

зался вором-уголовником и вскоре был посажен в тюрьму.

У тёти Тани Юрьевой было своеобразное лицо, обрамлённое короткими черными волосами. Походила на мать – Прасковью Кузминичну. Хорошо пела, танцевала. По характеру она была человеком капризным, «дёрганым» и крикливым...

Я все годы войны пробыл в противотуберкулёзном санатории, в Бузовнах. «Живописать» в своём воображении не мог ни смысл её жизни, ни тем более каждодневную событийность поступков её личности. Но в 1945 году, перед самым концом войны, я вернулся домой.

Тётя Таня жила у нас, в квартире моей матери. Я увидел иссохшую, некрасивую, но с яркими черными глазами женщину, которая несла на своих плечах тяготы жизни и чувств, которые она питала к мужчине, вернувшемуся с войны в 1944 году, который жил в нашем дворе. «Завязать с мужиками» у неё не получилось. Шёл ей сорок первый год и... кажется она... влюбилась. А может и нет! Просто истосковалась от одиночества. То был Николай Жуков. Они быстро сошлись.

Казалось ничего не предвещало трагедии, которая случилась через год или два. Жуков был мастером – краснодеревщиком. На войне был минёром. На mine же и подорвался. Отделался ранением ноги и контузией. Списали его *подчистую*. Что с ним случилось на фронте, Жуков рассказывать не любил. В Баку он кормился тем, что ремонтировал мебель прямо в своей совершенно пустой квартире, посредине которой стоял широкий верстак. Там пряно пахло деревом, лаками и политурой.

Спали они с Татьяной на полу, на широком матраце, брошенном в правом углу просторной комнаты. В другом углу, напротив, стояла керосинка, на которой Жуков, не доверяя жене, готовил себе пищу. Тётя Таня Юрьева много курила. Часами любила полуодетой сидеть на матраце, глядя

на работавшего у верстака Жукова, который наводил лоск на деревянные части ремонтируемой мебели.

Иногда он тётю Таню сильно избивал. *Просто так*, под настроение. Она с воплями убегала от него в... нашу квартиру. Жаловалась моей матери на его жестокость и запои. Пил Жуков, в самом деле, много и часто. В его скуластом, красиво вылепленном лице и черной шевелюре с прожилками седины, жила странная, почти звериная ненависть к окружающему его миру. Было невозможно понять, как в этом мастере, который изготавливал уникальные по красоте вещи, уживалась тонкая душа с поразительно грубым и жестоким нравом.

Спустя день или два, истосковавшись по Тане, Жуков приходил к окну нашей квартиры. Начинал истошно кричать: «Та-ня! Танька! Пошли домой! Мать твою перетак!» Он ругался с такой изобретательностью и остервенением, что казалось, будто читает *стихи*, непонятные и долгие, в которых чувствовались и злость, и боль, и досада, а в месте с ними – *любовь*. Готовность эту женщину носить на руках и лелеять... Чтобы через минуту... *убить*.

Татьяна Юрьева *сдавалась*. Возвращалась к нему. А порой хватала палку – ту самую, которая осталась от Прасковьи Кузминичны, теперь стоявшей в углу квартиры моей матери, и колотила Жукова в короткой и неистовой ярости. Он покорно сносил её удары, лишь закрыв лицо руками.

«Два несчастья случились с разрывом в год... В 1945 году, напившись один в честь дня Победы, Жуков забыл про горевшую керосинку и во сне случайно ударив её ногой, опрокинул. Начался пожар... Жуков проснулся... Мгновенно протрезвел... Вскочив, бросился бежать из горящей квартиры. Он горел весь – с ног до головы – потому что спал одетым, а накануне пролил на брюки политуру, которая мгновенно вспыхнула. Выбил двери квартиры, выскочил во двор и напрямик ворвался в распахнутую настесь уборную. Мотаясь из сто-

роны в сторону, между стенами, упал там, задохнувшись от дыма своего же горящего тела...». Мать рассказывала мне эту жуткую историю со слезами на глазах...

...Я помню... Проснулся, как от удара. На душе была тяжёлая тревожность. Матери дома не было. Ходить я не мог, лежал в кровати, в ожидании неведомого. Шла вторая неделя, как я вернулся из больницы. Татьяна Никитична Юрьева в эту ночь у нас не ночевала, и я с удивлением смотрел на чемодан, о котором знал, что в нём хранился весь её *скарб*.

Пришла мать вся в слезах. Вслед за ней зашла её сестра – тётя Шура Ионова. Мельком глянув на меня, мать снова разрыдалась и сказала слова, запомнившиеся мне на всю оставшуюся жизнь: «Тётя Таня умерла...» Это случилось спустя чуть больше года после гибели Николая Жукова.

Случилось это весной, в 1946 году. Татьяна Никитична Юрьева *повесилась* в том самом отсеке уборной, в котором сгорел Жуков... Потом я узнал, представив всё очень живо из рассказов матери и тётки Шуры, как ночью, стоя на ящике, тётя Таня, в темноте, умудрилась поддеть веревку на некое подобие крюка на потолке, где была закреплена защитная решётка для лампочки. Ей было 42 или 43 года. *Нелепая жизнь... Нелепая смерть...*

Мария Никитична Юрьева, ещё одна сестра моей матери Зины, была старше её на два года. Родилась она в 1908 году. В момент приезда в Баку семьи Юрьевых из Туровки ей было 3 года.

Начальную школу она закончила, но, как и моя мать, до взросления натерпелась предостаточно бед и неудобств в своём детстве. Хоть и были они с моей матерью близки по возрасту, но Мария или Маняша, как звала её Прасковья Кузминична, обладала, в отличие от тётки Тани и моей матери, веселым нравом и разговорчивостью. Однако поговорить ей было не с кем, потому что была она еще малюткой, и хотя её и тянуло к взрослым, приближаться к ним она

Мария Юрьева
1928 год

опасалась. Маня была напугана беспризорниками. Они отбирали у нее из рук кусок хлеба или конфетку, которой снабжала её сестра Шура, когда Маня приставала к ней с вопросами или мешала своими разговорами.

Те годы, которые растянулись на возраст её детства и раннего отрочества, из дома Маня выходила очень редко. В 1915 году Маняша Юрьева, наконец-то, пошла в школу.

С 1912 года по 1914-й в Баку проходило мощное забастовочное движение. Тысячи рабочих бастовали, требуя улучшения условий труда и жизни. Тогда в округе появилось множество праздных мужчин, которые не ходили на работу, собирались в группы, о чём-то споря или горячо что-то обсуждая. Но так было до начала Первой мировой войны или в первые её годы. Потом улицы опустели. Рабочие вернулись на заводы, а многих из них призвали в армию... Вот и брат Мани – Сергей Юрьев ушел на фронт. Почти вслед за ним ушёл другой брат – Миша Юрьев...

Когда пришла *Февральская революция*, Маня была девятилет-

ним ребёнком. Она запомнила её по демонстрациям на соседних улицах, разгоряченным лицам мужчин, которые жили в их дворе, и теперь, выкрикивая какие-то слова, выпивали, не боясь полицмейстера и старосты квартала.

Ничего не понимая в происходивших переменах, она продолжала оставаться со своим характером, привычками, новыми обязанностями школьницы, приспособиваясь к тем правилам жизни, которые постепенно начинали меняться. Но её выживание в чужом городе, в кругу большой семьи, эти перемены нисколько не облегчали.

Когда в 1918 году умерла мать – Прасковья Кузминична, Мане Юрьевой было 10 лет. Вряд ли она понимала, какой срыв более или менее устоявшейся жизни в Баку случился и у неё, и у Зины – самых младших дочерей скончавшейся женщины.

Года через два – три старшая сестра Шура Ионова стала брать маленьких сестёр к себе домой. У неё росли дети – Володя, Юра, малютка Валентин. Старшие мальчики росли хулиганистыми. Когда младшие сёстры, помогая Шуре, пытались за ними присматривать, мальчишки девочек обижали непослушанием или дерзкими проступками. Мать – старшая сестра девочек – могла наказать за проказы не своих сыновей, а сестёр!

...Общественные кризисы в Баку сказывались теперь на благополучии семьи. На их столе иной раз не было еды. Приходилось потуже затягивать пояса. Когда в Баку пришла власть Азербайджанской Демократической Республики, возникло относительное спокойствие, не сравнимое с недавним временем, когда в городе тут и там слышалась стрельба, а в их двор врывались вооруженные солдаты. Они шарили по квартирам, что-то или кого-то искали, ругались на незнакомом языке, грозили пристрелить, уходили, оставив грязь и страх.

Потом в Баку пришли турки. Они расстреливали без суда

и следствия мародёров и бандитов, которых было полно в городе, делая это прямо на улице.

У начала Ольгинской, неподалеку от Верхнего Базара, в том тупике, где жили Юрьевы, установилось относительное спокойствие, но было голодно, потому что страшно было высунуть нос на улицу, чтобы прикупить в лавке продукты на деньги, которые оставляла детям Шура, не имевшая времени приглядывать за младшими сёстрами.

Хоть после смерти матери и легла на её плечи забота о младших – Тане, Мане и Зине, но обычная занятость и жены, и хозяйки дома, и матери не позволяли ей во всём поспевать!

Сколько младшим было в 1917 или 1918 году? Да всего ничего! Тане – 14 лет, Мане – 9, а Зине всего – 7! Тягостные впечатления о пустынных улицах, стрельбе усугубляли тревожные ощущения, обещая новые страхи, кошмары, приглушая чувство голода.

В конце 1918 года и почти на весь 1920-й год в городе установился относительный покой. В Баку вошли войска Британского экспедиционного корпуса и начался короткий период Азербайджанской Демократической Республики.

Снова заработала школа, и Маня пошла во второй или третий класс. Теперь Зина Юрьева оставалась одна, терпеливо ожидая возвращения из школы сестры. С ними жил тогда Коля, которому было 13 лет. Хотя по возрасту он мог на работу и не ходить, потому что денег ему не платили, он пытался научиться профессии литографа, целыми днями глядя, как работают другие, или спал в куче обрывков плакатов в каком-нибудь углу, под шум машин. Иногда Миша приносил девочкам еду. Увы! Не часто...

У Николая и девчонок Юрьевых, после смерти матери квартира всё же была. С помощью Миши Шура помогала сёстрам её оплачивать. Да и хозяева-азербайджанцы – девочек жалели и не трогали их.

Потом наступил 1921 год. Тут уж началась настоящая во-

Сёстры Юрьевы:
Шура, Таня и Зина
город Баку 1917 год

йна. Маня с Зинушкой и Коля не знали, что в город подступали подразделения Одиннадцатой Красной Армии, которой никому не известный В. Ленин приказал разгромить гражданское ополчение Азербайджанской Демократической Республики, чтобы оккупировать Баку, ликвидировав независимость Азербайджана. Приказ был однозначным: присоединить республику, а главное нефтеносный край Азербайджана, к Советской России. Маня, Таня, Зина и Коля неделями отсиживались дома, пока в город не вошла 11-я Красная Армия и новая Советская власть не стала наводить в Баку свои порядки.

Как ни странно, Таню Юрьеву почти сразу же позвали в школу, её сестру Маню – тоже, но они отказались. Таня стала искать применение своим силам на табачной фабрике,

потом в профессии кройки и шитья, а Маня учиться уже не хотела, полагая, что раз она уже умеет писать и читать, образованности ей достаточно. Но местная власть учиться её всё-таки заставила, и она пришла в школу в шестой класс. Учиться ей было очень нелегко! Кое-как Маня два года школы одолела.

С 1922 по 1925 год Маня Юрьева помогала Шуру в её доме с детьми. То есть с четырнадцати до семнадцати возилась Маня с племянниками – Володей, Юрой и Валентином. Шура оставляла её у себя в доме на постоянной кормёжке, а Таня с Зиной жили вместе на старой материнской квартире. Наконец, Татьяна Юрьева окончательно рассталась с мыслью научиться шить, чтобы жить на заказах, и опять вернулась на табачную фабрику. Там всё-таки ей немного платили и можно было как-то жить с Зиной.

Новая Советская власть в 1923 году отобрала у хозяев жилья право на собственность, и теперь Юрьевым за комнату платить было не надо.хлопот доставлял только брат Николай, когда возвращался из литографии, к тому же частенько нетрезвый. Ему шёл семнадцатый год, но выглядел он гораздо старше. Летом 1923 года он сообщил, что его взяли на торговое судно, которое отправляется в Иран, и исчез из дома почти на полгода. Так это было или не так, кто знает? Но он вернулся. Загорелый, веселый, со смехом показывал всякие безделушки, которые пронёс, как он сказал, через «кордон». Тревожиться о нём у девочек не было ни времени, ни сил, ни желания...

В Баку постепенно установилось спокойствие. В 1923 году новая Советская власть создала свои институты управления, появились милиционеры, на улицах стало чище и сохранился хоть какой-то порядок.

В 1920 году Зине исполнилось 10 лет. Она была зачислена в 12 Советскую Единую Трудовую школу № 12 *первой ступени*, окончание которой позволяло поступать без экза-

менов в школу *второй ступени* или техникумы Азербайджана. Зина Юрьева была слабой, истощенной от плохого питания, неухоженности и климата, губельного для её слабого организма. Школа, в которой она училась, получила такое название с приходом в Баку Советской власти. Было много пропусков, перерывов в учёбе, потому что политическая ситуация в Баку периодически осложнялась, делая учёбу Зины в школе невозможной.

Во время относительной стабильности Зина Юрьева доучилась до 16 лет, завершив... шестой класс. О переходе в школу *второй ступени* не могло быть и речи! Зина тяжело заболела, скорее всего анемией, и медленно угасала.

Глядя на сестру, дядя Миша Юрьев сильно забеспокоился. Он не мог не заметить, что она очень исхудала, осунулась, была вялой и часто неподвижно лежала на топчане в своей квартире. Что можно было сделать в этой ситуации? Оставлять самую младшую и к тому же такую немощную сестру в Баку было нельзя!

Приближались осенние холода. Сёстры Таня и Маня, которым было в тот момент 26 и 25 лет соответственно, так или иначе, но свою жизнь устроили. Таня вышла замуж, а Маня вступила в брак с Петром Шевыревым. Им явно было теперь не до Зины. Только Шура Ионова изредка приходила к ней, принося кое-какую еду и помогая прибраться в квартире.

Старшие сёстры постепенно примирились с мыслью, что жизнь Зины в Баку заканчивается. Вряд ли она выдержит зимние холода и 1926 год будет скорее всего последним в её жизни.

Однажды Зина со слабой надеждой в голосе спросила Мишу: «*Может быть ты отвезёшь меня в Туровку? Я там никогда не была...*» Он тяжело вздохнул. Брат расценил эти слова, как *скрытое желание* сестры умереть там, откуда все они приехали.

Назавтра, он рассказал своему начальству в литографии,

Брат и сестра: Миша и Зина Юрьевы
город Баку 1927 год

где работал, о разыгравшейся в его роду драме. Получил короткий отпуск. Купил билет, и они с Зиной Юрьевой сели в поезд, идущий в Тамбов. В конце августа 1926 года они приехали в родную деревню рода Юрьевых – Туровку. Оставив Зину у дяди – брата его матери Прасковьи Кузминичны Петра Туровского, выжившего после подавления крестьянского восстания против Советской власти на Тамбовщине, Миша Юрьев тут же вернулся в Баку...

...Всего шесть лет назад здесь, в Тамбовской губернии, кипело восстание под предводительством Александра Степановича Антонова. Оно было самым грозным предупреждением «пролетарскому государству» о недопустимости политики зернового и продуктового разграбления крестьянства.

Подавление восстания удавалось «народной власти» с огромными трудностями. Численность советских войск на Тамбовщине непрерывно росла: к 1 января 1921 года – 11.870, к 1 февраля уже – 33.750, к 1 марта – 41.848, к лету

того же года она превышала уже 100 тысяч красноармейцев!

Стратегия подавления состояла в жестоком осуществлении *военной оккупации* восставших местностей. Суть стратегии была изложена в распространённых в пределах Тамбовщины приказах №30 Михаила Тухачевского от 12 мая 1921 года и №171 комиссии ВЦИК от 11 июня того же года. Указанный режим подавления вооружённого сопротивления крестьян включал занятие восставших территорий *регулярными войсками Красной Армии*, назначение сверхформ управления – участковые политкомиссии, сельские ревкомы с представителями армии и ЧК.

Применялось: *уничтожение хозяйств, разрушение* домов участников мятежа, *расстрелы* членов их семей, *взятие* заложников, *создание* концентрационных лагерей для пленённых восставших крестьян и их лидеров. Мотив репрессий однороден: *неповиновение, укрывательство* «бандитов» и оружия.

Покорность населения бунтовавших деревень достигалась репрессиями, которые обрушивались на всех – от детей до стариков. Особенно безнравственна была система заложничества, по существу каравшая мирных, не причастных к восстанию людей. Это еще более ожесточало повстанцев, которые в ответ брали в заложники семьи красноармейцев, коммунистов, советских служащих.

Ужасен был приказ №171 комиссии ВЦИК, вводивший расстрелы заложников в «бандитских» сёлах до полного подчинения, выдачи «бандитов» и активного участия в борьбе против «бандитизма». Документы сборника о практике осуществления этого приказа нельзя читать без содрогания: «*Без расстрелов ничего не получается. Расстрел в одном селении на другое не действует, пока в них не будет проведена такая же мера...*»¹ Подавляли восстание крестьян столь

1) [www.http://ricolor.org/history/kt//4/](http://ricolor.org/history/kt//4/)

Крестьянское восстание в Тамбовской губернии (1919-1921)

жестокими способами главари большевиков Антонов-Овсенко и Тухачевский. Почти в каждый дом края пришли смерть и разорение. К концу 1921 года активная фаза подавления восстания была завершена. Еще долгие годы в Тамбовской губернии, в том же Козловском уезде, включая и деревню *Туровку*, боевики регионального ЧК проводили дознания и зачистки.

Памятен приказ Тухачевского №0016 от 12 июня 1921 года о применении боевого газа. Теперь применение химического оружия против восставших крестьян документально засвидетельствовано. Например: артобстрел 12 августа 1921 года «...острова, что северо-западнее села *Кипец*...Выпущено 65 ирапнелей, 49 гранат и 59 химических»¹.

Мише Юрьеву власти города Баку выдали справку, в которой было написано, кто он такой, где живёт и работает и зачем едет в Тамбовскую губернию. Этот документ очень его выручил, хотя со времени подавления восстания прошло уже около пяти лет. Патрули на дорогах к губернии, а потом и к уезду проверяли документы на пути к *Туровке* и обратно. Чем дальше было от Тамбова, куда пришёл поезд, на котором приехали Миша Юрьев с угасавшей Зиной, тем спокойнее становилось на дорогах.

Бедность в *Туровке* была ужасающей. Из всей родни Юрьевых выжил только родной брат Прасковьи Кузминичны – Пётр Туровский, в доме которого Зина и поселилась.

В родной деревне Мишу и Зину встретили без радости, хотя сразу же узнали в возмужавшем Михаиле Юрьеве своего сельчанина, уехавшего с Прасковьей и Никитой Юрьевыми в Баку, почти десять лет назад. Зину вообще никто не знал. Оно и понятно! Она родилась в Баку...

То, что Зина не выживет, Миша почти не сомневался, на-

деясь, что если она умрёт, то пусть уж её похоронят на родине, чем в стороне от родных пределов, как их отца и мать. Дядя – Петр Туровский, озабоченный свалившейся на его плечи просьбой Михаила Никитовича Юрьева «...если можно, хоть как-то подними свою племянницу...», ломал голову, чем же он будет её кормить, и ничего лучшего придумать не смог, как всучить ей тятку, чтобы пошла прополоть огород. Кусок земли за домом у него был. Там он и посадил кое-какие овощи, готовые созреть еще до холодов, к первым числам сентября.

В *Туровке* шла своя жизнь. Выглядела она очень странно. С одной стороны, действовали люди новой власти, которые агитировали за вступление в колхозы, с подозрением относились к единоличникам, отбирали урожай, выращенный непосильным трудом. С другой стороны, слышались рассказы о разгромленном восстании Антонова, но говорили об этом меж собой мужики зрелые и осторожные...

К деревне и деревенской жизни Зина Юрьева привыкла быстро. Ей исполнилось 17 лет, и когда организм стал справляться с анемией и здоровье начинало набирать силы, всё происходившее в *Туровке*, было окрашено в тона более или менее оптимистические. Зина ходила со сверстницами в школу, хотя многое из того, что там преподавали, она знала неплохо. С приходом лета она ходила с сельскими девчатами в ночное, купалась в небольшой чистой протоке и спала так крепко, как никогда в жизни!

С удовольствием она работала и в хозяйстве самого дяди или в бригаде, которая была приписана к колхозу, недавно созданному на деревенских просторах *Туровки*.

Молодёжи в деревне было мало. Юная поросль еще не поднялась, да и сирот было среди них немало. Влияли войны: Первая империалистическая, с которой возвратились лишь калеки да сущие единицы здоровых мужиков, недавняя жестокая Гражданская война, борьба «народной

1) [www.http://ricolor.org/history/kt//4/](http://ricolor.org/history/kt//4/)

Крестьянское восстание в Тамбовской губернии (1919-1921)

власти» с восставшими крестьянами Тамбовщины.

Сельчане не понимали многое из того, что произошло в их недавнем прошлом, да и в нынешнем настоящем. Для многих оставалось невдомёк, почему крепких, старательных мужиков нынешнее деревенское «начальство» стало называть «кулаками». Отчего разграбили их хозяйства, а самих постреляли? За что оставшихся в живых сослали в Сибирь? Зачем нажитое тяжкими трудами добро раздали беднякам, которые скорее были таковыми от собственной лени и желания выпить, погулять, покуражиться...

К 1928 году стали возникать в Туровке какие-то «товарищества по совместной обработке земли», местное начальство и пришлые агитаторы заговорили о том, что сообща обрабатывать землю проще и выгоднее. Стали призывать отдавать свой сельскохозяйственный инвентарь, рабочий скот, транспортные средства в «*общие руки*». Одно дело, когда хранится у хозяина то, что приобрёл он тяжкими трудами, да и за скотиной хозяин ухаживает вовсе не так, как «*коллектив*»! К тому же инвентарь требует бережного отношения, совсем не так, как в «*общем пользовании*». Но под командованием бюрократов-коммунистов ТОЗ продержался до 1929 года и постепенно был модернизирован в колхозы.

К исходу второго года пребывания в деревне Зина Юрьева сильно вытянулась, посвежела и стала выглядеть невестой на выданьи! Туровка оказалась для её здоровья лучше всякого санатория. Дядя нарадоваться не мог, глядя, как старательно работает племянница. Его жена Авдотья – мастерица готовить всякие нехитрые разносолы – подкармливала Зину, и она вскоре так окрепла, что решила сама вернуться в Баку, к сёстрам и братьям.

На исходе третьего года жизни в Туровке Зина написала письмо Мише. Тот долго молчал, потом ответил, что квартира её, где живут Маня с Таней, всё там же, если она хочет вернуться, пусть купит билет и отправляется в Баку сама,

потому что его не пускают, а законный отпуск ещё не скоро.

В 1928-29 году Зине Юрьевой – взрослой девушке – уехать в Баку очень хотелось, но было боязно. Кругом была такая разруха, столько было беспризорников и бандитов, что рассчитывать на удачу не приходилось. В деревне шли разговоры о каком-то НЭПе, но что это такое, мало кто толком мог объяснить. Очевидцы говорили об оживленной жизни в городе Козлове и Тамбове, о множестве ресторанов и магазинов, открытых в этих городах. Денег у Зины не было. Какие деньги, когда в Туровке сельчане зарабатывали в колхозе трудодни, а жили натуральным хозяйством?!

Еще при жизни Зины в Баку голод выкашивал людей в Поволжье. Тогда много беженцев оказалось и в Баку, который считался городом благополучным, хотя и здесь с продовольствием были проблемы. Но в Тамбовскую губернию из Поволжья немало приехало несчастных спастись от голода. Некоторые осели в Туровке, но в деревне им были вовсе не рады. Рассказывали беженцы страшные вещи!..

...Когда умер В. Ленин в 1924 году, дошла весть об этом и до Туровки. Поползли слухи «...*что теперь, вроде бы, всё пойдёт вспять...*». Но нет, не случилось... А когда спустя два года, в Туровку приехала Зина Юрьева, услышала она от сельчан о Ленине отнюдь не ласковые слова...

Не знала Зина Юрьева, что 9 августа 1918 года В. Ульянов-Ленин отправил, например, указания в соседний Пензенский губисполком: «*Необходимо произвести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города*». В том же году по указу В. Ленина специально для перевоспитания (читай – для использования в качестве рабов на стройплощадках социализма) классовых врагов и инакомыслящих был создан первый при Советской власти концентрационный лагерь на Соловках. Лишь много позже, в 1937 году, когда Зине было 27 лет, она впервые узнала

о существовании концентрационных лагерей в Советской России, куда ссылались *«враги народа»*. Пропаганда уверждала о вредительской сущности их деяний, которые надо было *предотвращать* ради спасения «народного государства».

Повзрослев и уже работая в Баксовете, она видела, как *хватали и репрессировали* сотрудников, которых она хорошо знала, *отсылая, уже как врагов народа*, в эти концентрационные лагеря.

...Крещеная православная христианка Зинаида Юрьева долго ничего не знала о тех репрессиях, которым подвергались религиозные деятели со стороны Советской власти. Она не могла знать об указании В. Ленина Политбюро партии большевиков от 19.03.1922 года: уничтожить религиозных деятелей России *«...с беспощадной решительностью, безусловно, ни перед чем не останавливаясь, и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам... расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении не смели и думать»*. Правда, говорили обо всём этом люди пожилые, да и то шёпотом, потому что схлопотать можно было за такие разговоры и «срок», и даже расстрел...

...Спустя время, написала Зина письмо Шура с просьбой прислать ей деньги на билет. Шура ответила быстро. Письмо писал кто-то вместо неё. Почерк был красивым и очень разборчивым. Зина прочитала, что деньги Шура выслала в Козлов на почту до востребования. Их дадут Зине по доверенности, которую Шура приложила к своему письму.

Почти целый день Зина Юрьева добиралась в уездный город Козлов. Была осень. Погода стояла теплая, сухая. Медленно и лениво, вышагивая через кочки просёлочной дороги, тащила кляча телегу, на которой сидела Зина. Дядя Пётр Туровский вёз её в город, сам не понимая, получится ли у племянницы её план: взять с почты деньги и купить би-

лет. Всё получилось! Купила она в Козлове билет, поклонилась в пояс дяде, села в поезд, помахала на прощанье из окна и отправилась в Баку...

Всё, о чём я сейчас написал, мне рассказывала моя мать, та самая Зина Юрьева, которая в замужестве стала Юргановой. Растянулся этот рассказ с разными *«перепевами»* и *уточнениями, добавлениями*, перепутанными и уточнёнными годами и *описанием* её чувств, лет на десять или пятнадцать, когда она, уловив минутку, что-то мне пересказывала из своего раннего *детства*, потом из наступившего *отрочества* и, наконец, *юности*, которая началась в Баку с её возвращением из родной деревни...

Обнищавшая, разорённая большевиками *Туровка* спасла мою будущую мать – Зину Юрьеву, дочь Прасковьи Кузминичны Юрьевой, в девичестве – Туровской... Спасла от неминуемой гибели, которая ждала Зину в сажном Баку, с его ветрами и холодом, голодом и одиночеством зимой...

В Баку Зина Юрьева приехала осенью 1930 года. В городе шли дожди. Квартира была всё та же, в ней жила сестра Таня. Маня Юрьева вышла замуж за Шевырева Петра и жила с ним в его доме. Таня работала на табачной фабрике, расставшись со своим моряком – то ли первым мужем, то ли приятелем или, выражаясь на современном языке – «бойфрендом». Было ей 29 лет и, поскольку она курила (кто ж не курит, работая на табачной фабрике?), то и выглядела гораздо старше своих лет.

Перед отъездом Зины в Туровку внешность сестры – Мани Юрьевой, ставшей Шевыревой, была на зависть! Широкие чёрные брови, румянец в пол-щеки, алые губы, тело плотно сбитое, белое. Волосы длинные, черные. В тридцатом году она уже родила Альбину, и хлопоты семейные начисто «слизали» её былую статью, хотя молодая краса еще цвела...

За годы деревенской своей жизни Зина Юрьева брата Николая почти не узнала. Было ему 27 лет. Худ.

Очень загорел. Почти выцветшие волосы свисали патлами у висков, открывая большую лысину. Он работал матросом на торговом судне. Почти из каждого плавания привозил Мане и Тане с Шурой гостинцы: то золотые серёжки, то миниатюрные золотые часики, то браслет. Припрятывать эти вещи от таможи он был большим мастером. В Отечественную войну эти вещички сильно им помогли. Можно было на «кубинке» – так назывался вещевого рынок в Баку – с выгодой обменять на куль риса или муки. Но до этого времени было еще далеко!

Племянники сильно вытянулись. Они ходили в школу и теперь за ними приходилось приглядывать только самой Шуре. Валентин так и остался изуродованным болезнью. Говорил с большим трудом, иногда падал в припадке эпилепсии, которую определили врачи из Бакинского психо-неврологического центра. Конечно, это был след травмы, полученной матерью в последние недели беременности. Сама Шура справила своё сорокалетие, да и супруг её – Александр Ионов постарел. Выглядели они, как может выглядеть женщина и мужчина, которые несут на своих плечах тяжесть всех забот их возраста. У мужа Шуры уже начались нелады с желудком, но на хворь свою он мало обращал внимания. Пока болезнь ему «сходила с рук», хотя и прибавила больше седины в его коротко подстриженной шевелюре. Да и морщин прибавилось на его слегка вытянутом, худом лице. Шура держалась хорошо. Была всё такой же быстрой, неутомимой и мастерицей приготовить блюда из ничего, от которых – *пальчики оближешь!* Возвращению Зины она очень обрадовалась, потому что мечтала уложить на её плечи хоть часть своих домашних забот.

Увидев здоровую, красивую и явно расцветшую сестру, Миша Юрьев просто оторопел! Уж он-то помнил, какой привёз её в Туровку. Ему было уже 35 лет. Худой от природы, скорее всего в отца, выглядел он гораздо старше своих

Зина Юрьева
1929 год

лет. Жил Миша всё там же – в квартире Нины, своей жены. Оба работали в литографии...

С квартирой, где жила Зина Юрьева до отъезда в Туровку, тоже произошли перемены. Она стала государственной собственностью и теперь надо было в коммунальную службу платить за неё каждый месяц какую-то сумму. На верхнем этаже дома тоже произошли перемены. Старик-хозяин – азербайджанец – умер, а его наследники подросли. Кто они и чем живут, Зина никогда не знала. Единственно, кого она выделяла из детей бывшего хозяина дома, так это старшего сына – Али. Когда-то принадлежавшее семье его отца жильё, за которое они получали плату с жильцов, обитавших на нижнем ярусе дома, власти деньги брать запретили. Были хозяева-азербайджанцы мелкими ремесленниками и в классовом раскладе нового «пролетарского государства» относились к «мелким собственникам». Расстрелу они не подлежали: не буржуи, а так... «мелкая сошка».

Однако *национализации* не избегли. Теперь, живя в *собственном доме*, занимая весь его верхний ярус, платили «*квартилату*» за жильё, когда-то им принадлежавшее, как и все их бывшие квартиросъёмщики.

Добродушный азербайджанец Али, сын хозяина, умершего еще при Азербайджанской Демократической Республике, быстро выучил русский язык и со смешным акцентом разговаривал со своими бывшими квартирантами, ставшими теперь его соседями. Обычно Али часами сидел на ступенях лестницы, ведущей вверх, где жили все его сородичи: курил, перебирал чётки, молчал, наблюдая за жизнью двора...

Из газет Зина узнала, что в Баку открылся рабфак (рабочий факультет), куда можно было пойти, чтобы подготовиться к учёбе в институте. Потом рабфак преобразовали. Тем, кто сильно подрос, но не кончил среднюю школу, как Зина, можно было доучиваться на рабфаке и получить какую-нибудь профессию. Зине это понравилось. Она начала учиться делопроизводству и секретарским обязанностям.

Климат в Баку был для двадцатилетней Зины хоть и не очень привлекательным, но годы жизни в *Туровке* всё же укрепили её здоровье. Общась с сёстрами, Зина узнала, как Маня вышла замуж.

Случилось это неожиданно, в 1926 году, вскоре после отъезда Зины в Туровку. Мане тогда исполнилось 18 лет. Красивая, статная, довольно высокая девушка, уже обращала на себя внимание мужчин. Замуж ей очень хотелось! Обрыдло возиться с мальчишками Шуры – хулиганистым Володей, тихим, неразговорчивым Юрой и трудным Валентином, который внешне выглядел недоразвитым и был ребёнком очень сложным в общении.

С Петром Шевыревым, своим будущим мужем, Маня познакомилась случайно, во дворе дома Шуры. Там, в самой середине двора, был слив грязной воды в городскую канализацию. Когда Пётр выходил из квартиры своего товарища,

Маня Юрьева
1929 год

который жил по соседству с Александром Ионовым – мужем Шуры, он, увидев Маню, немного ошалел, то ли от выпитого у товарища вина, то ли от её внешности. Хоть и был он слегка навеселе, но в свои 23 года оказался парёнком привлекательным и улыбчивым. Белозуб, с соломенной шевелюрой и громким, немного резковатым голосом. Телом был крупен, даже слегка тяжеловат.

Маня выливали на улицу ведро грязной воды, оставшейся после мытья посуды, и по неосторожности немного испачкала широленные клёши Петра. Он успел отскочить, рассмеялся и... повод для знакомства случился. Слово за слово, разговорились. Потом встретились. Через неделю Пётр Шевырев, мастерской по ремонту паровых котлов на Каспийском морском пароходстве, мужик самостоятельный, готовый создать свою семью, предложил Марии выйти за него. Спросил, не будет ли она против? Маня Юрьева с радостью согласилась!

Влюбилась она в Петра с первого взгляда и была готова взять на себя роль и жены, и хозяйки. Не ведала Маня Юрьева, что ждёт её в доме мужа и какая злыдень у неё будет мать мужа – её свекровь, которая с первого же дня стала «*поедом её есть*», сокращая годы жизни, а муж, слушая нащёптывания матери, станет бить свою молодую жену смертным боем.

Шура теряла помощницу по дому, но на правах старшей сестры Маню благословила, тайно её перекрестив. Сестра – Татьяна Юрьева – ей страшно завидовала и даже не скрывала этого. У неё уже наметилась связь с моряком, но тот женитьбу всё откладывал и откладывал, отправляясь в долгие плавания. Возвращаясь, он клялся ей в любви, и снова отлынивал от свадьбы. Они жили вместе в квартире, по Красноармейскому тупику дом 5, которая принадлежала Зине. Так длилось почти те четыре года, которые Зина была в Туровке. Вскоре он бесследно исчез, а тут и Зина вернулась...

Маня Шевырева теперь виделась с сёстрами редко. Они долго не знали, как она терпела пьяные загулы мужа с многочисленными товарищами, как горько плакала, когда от пустых наговоров свекрови терпела побои Петра. Характер у Шевырева и в самом деле оказался на редкость крутым...

От мужа Маня родила троих детей. Альбину – в 1927 году, когда было ей 19 лет. Славу – в 1930, в возрасте двадцати двух лет, и Валеру в 1946, уже на исходе своих почти тридцати восьми лет. Дети подросли и ушли из дома быстро. Изредка навещали родителей, стараясь не докучать им своими визитами и проблемами.

Альбина, старшая дочь Мани, среднюю школу кое-как одолела, но потом нигде больше не училась. Слава окончил мореходку. Ходил в Иран помощником капитана. Несколько раз был женат. Родился сын, как и у сестры Альбины, которая тоже родила внука Мане с Петром Шевыревым. С мужем ей не повезло – вскоре после брака он был арестован и посажен в тюрьму за хулиганство. Отсидев срок, вернулся из тюрьмы больным и забитым. Умер в тридцать два года. Альбина осталась домохозяйкой, работая где-то то ли счетоводом, то ли бухгалтером. Племянница свою тётю Зину Юрганову не забывала. В году семьдесят пятом приехала в Краснодар в гости, увидеться с ней...

Валера – третий сын Мани Шевыревой, учился в инсти-

Мария Никитична
Шевырева
(в девичестве
Юрьева)
город Баку 1970 год

туте физической культуры в Баку. Стал спортсменом-гимнастом, однако ВУЗ так и не закончил...

Я был очень редким гостем в семье Шевырева. С Альбиной и со Славой встречался лишь пару раз. Валеру хорошо не знал – мальчишками общались иногда, да и то крайне редко. Помню его облик – худой, нервный парнишка...

...Пётр Шевырев, муж Мани, работал в трудных условиях. Всё время по щиколотки, а то и по колена в воде. Может быть характер портился у Петра от тяжкого труда? Пил он, вполне возможно, по той же причине, поскольку с его профессией ремонтника-котельщика иначе долго не протянешь. Получал хорошо. Был человеком заметным и знающим. Его даже в армию не взяли в Великую Отечественную. Всю войну ремонтировал пароходы в Каспийском ДОКе.

Со смертью матери Пётр вроде бы утомился, но на расправу был как всегда скор и горазд. Не задумывался – кто прав, кто

виноват... Это сказалось на детях, особенно, когда родился младший сын – Валерий. Был он ребенком слабеньким, крикливым и от распушенности отца, его пьяных окриков мальчишка даже слегка стал заикаться...

Умер Пётр Шевырев *14 мая 1966 года* от сердечной астмы. Мане тогда было пятьдесят восемь лет, хотя выглядела она на все семьдесят! От пьянок и мордобоя мужа, горестной своей судьбы домохозяйки на содержании *квалифицированного советского рабочего* – Петра Шевырева, бывшая красота моей тётки Марии Никитичны Юрьевой-Шевыревой выгорела *дотла!*

На восемь лет пережила Маня своего мужа. Сдала очень сильно... Я был буквально огорошен письмом матери, в котором она писала мне в Минск, где я тогда жил, что тётка Маня *2 октября 1974 года убила себя*, открыв кран газовой колонки в ванной комнате своей квартиры. *Ей было шестьдесят шесть лет.*

В роду Юрьевых это было уже второе после Татьяны Юрьевой самоубийство. Почему? Некая суицидальная наследственность? Не слишком ли много на семь человек Юрьевых, если учесть, что и сама Прасковья Кузминична, её старшая дочь – Шура, сыновья Прасковьи – Николай и Михаил Юрьевы умерли *вовсе не своей смертью...*

Чужбина убийственна! Может быть, совсем не случайно Сергей Никитич, так и не вернувшись в Баку, осев в Новочеркасске, прожил долгую жизнь и умер в 92 года, являя собой пример *сибарита с крестьянскими корнями*. Он знал цену жизни. Привык не отказывать себе в удовольствии и ушёл на *«тот свет»* в окружении своих сильно повзрослевших детей...

Шура, Таня, Маня – женщины рода Юрьевых, пусть не в равной мере, но познали тяготы мужского хамства, пьяни и мордобоя. Моя мать составила в этом горестном ряду Юрьевых счастливое исключение. Ей сильно повез-

ло в выборе мужа. По-видимому не случайно мой отец оказался на четыре года младше матери и в юности очень долго добивался внимания своей будущей супруги - Зины Юрьевой...

Шло время... Его следы откладывались в судьбах и характерах моих родителей, которые, не зная еще друг друга, жили в системе власти, при которой даже не подозревали, что рисковали и свободой, и репутацией, и даже жизнью. Попробуй проживи в социальной системе, пропитанной жестокостью, мифологической идеологией, ради которой уничтожались сотни и сотни тысяч, а десятки миллионов послушно усваивали примитивные агитпроповские истины, заменявшие им традиции, живительную правду вековых родовых истин и веру.

Окружавшая реальность, именуемая Советской властью, строилась по законам диктатуры и тоталитаризма, в основе которой жизнь граждан мало чего стоила и слава Богу, что эта жестокость политической системы, именуемой *«государством рабочих и крестьян»*, не омрачила жизненный опыт моих родителей, избегнувших беспричинных политических репрессий и рабского труда на колымских золотых рудниках...

Все политические катаклизмы, происходившие в Азербайджане с 1920 по 1925 год лишь частично затрагивали интересы Юрьевых. *Было голодно, периодически возникали риски быть ошибочно пристреленными*. Большевики применили красный террор против видных деятелей АДР (Азербайджанской Демократической Республики), руководителей партий и политических групп, солдат и офицеров Азербайджанской Национальной армии. Репрессированные национальные кадры были или расстреляны на острове Наргин или отправлены в российские военные лагеря. *В Азербайджане жертвами красного террора, по неполным данным, стали около 50.000 человек.*

город Баку, начало XX века

Попытки организованного сопротивления большевистскому режиму начались практически с первых же дней оккупации страны 11-й Армией, посланной в Азербайджан В. Лениным.

В начале мая 1920 года в городе Гянджа началось восстание против Советской власти. Основную ударную силу восстания составляли подразделения Азербайджанской Национальной армии, созданной Азербайджанской Демократической Республикой, но 31 мая 1920 года оно было подавлено Советами. Затем в июне 1920 года возникло Карабахское восстание. 6 июня 1920 года – Загатальское восстание, но 16 июня сопротивление было подавлено.

В Баку недовольство режимом проявилось в деятельности партии Иттихад, организовавшей группу «Родина или смерть», подготовившей секретный план свержения Советской власти. Однако 155 членов партии и её глава Гарабек Гарабеков были арестованы. Боевые организации Исламской партии, действующие под лозунгом: «Будь готов к смерти за веру», «Или смерть, или Родина» были раз-

громлены и в июне 1921 года 230 членов партии арестованы. Ведущей силой, идеологическим маяком сопротивления в Азербайджане была партия «Мусават». Она издавала нелегально газету «Истиглал»...

Тем не менее, 30 декабря 1920 года в Москве был подписан Договор «О военно-экономическом союзе между РСФСР и Азербайджанской ССР», который практически полностью ликвидировал национальный суверенитет страны.

Создание Азербайджанской ССР было не более чем пропагандистским актом. Именно поэтому в сентябре 1920 года в Баку состоялся Первый съезд народов Востока, где ради победы «мировой революции» коммунисты пытались объединить «пролетарскую революцию» с национально-освободительным движением. Главной целью Советской России было присоединение Южного Кавказа.

3 ноября 1921 года Кавказское бюро ЗКП(б) приняло резолюцию о создании Закавказской Федерации. 12 марта 1922 года полномочные представители ЦИК Азербайджана, Грузии и Армении утвердили Союзный Договор. Была создана Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика (ЗСФСР). 10 декабря 1922 года на I съезде Советов Закавказских республик был избран высший орган – Закавказский Центральный Комитет. *Азербайджанская ССР полностью утратила даже формальную независимость.*

22 февраля 1922 года было подписано соглашение между РСФСР и советскими республиками, которое давало РСФСР право представлять их интересы на международной арене. Накануне 30 декабря 1922 года на Первом съезде Советов Союза ССР было объявлено об образовании СССР путем объединения четырёх республик: РСФСР, Украины, Белоруссии, ЗСФСР. *Как член ЗСФСР Азербайджанская ССР вошла в состав СССР. ЦИК (Центральный Исполнительный Комитет) СССР стал высшим органом государства, а Н. Нариманов стал одним из сопредседателей этого Комитета.*

В 1924 году была принята *новая Конституция СССР*.

Все вышеизложенные процессы государственного обустройства Азербайджана на всех уровнях проходили *только «сверху»*. Руководители, сидевшие в Центре государства, *не были озабочены* необходимостью понимания «низами» этих *политических актов*.

Еще недавние подданные Российской Империи, захватившие в свои руки власть ценой кровопролитной Гражданской войны, *продолжали мыслить имперскими категориями*, утверждая формулу власти и структуру государства мало чем отличавшуюся от свергнутой ими Империи.

Со стороны членов семьи Юрьевых уж точно отсутствовало понимание происходивших организационно-политических процессов формирования Азербайджанской ССР, в которые они никак не были вовлечены, как *суверенные граждане страны*.

Четыре года, с 1920 – оккупация Азербайджана по 1924 год – принятие Конституции СССР (включая Азербайджан) лишь косвенно *затрагивали* интересы Юрьевых, живших в то время в Баку. В годы царизма, живя в условиях *ограничения* в правах, но располагая возможностью выехать из Азербайджана в любую точку страны (при наличии средств), семья Юрьевых в годы Советской власти, *обретя это формальное право*, испытала *поражение* в остальных правах. Объявленные конституционные нормы Азербайджанской ССР *не работали*, и сотни тысяч граждан республики испытали это на себе, лишаясь права голоса, привлекаясь к неправому суду и в конечном счёте, будучи уничтоженными в годы репрессий с клеймом «враг народа».

Между тем, реальные перемены пришли в крестьянскую среду Азербайджана. Аграрная революция в стране обеспечила мусульман землей, и разительные перемены произошли в системе водопользования.

Но очень скоро продрозвёрстка, раскулачивание, на-

сильственная коллективизация привели к *обесцениванию реформ*, *разочаровав* местное население, *спровоцировав* накопление недовольства крестьян-мусульман, враждебное отношение к власти. Насилие большевиков над исламом, *атеизация* населения сильно усложнили отношение мусульман Азербайджана к Советской власти, сделав атмосферу в республике взрывоопасной...

Вместе с тем к 1925 году процесс организационно-политического обустройства Азербайджана завершается. Оппозиция оказалась сломленной, но не полностью разгромленной, тайно эмигрировавшей за границу, оставив часть своих последователей в стране. Постепенно в Баку стал складываться *номенклатурный официоз*: политико-бюрократическая верхушка. В провинции Азербайджана происходило то же самое: стал формироваться актив из числа населения, готового слепо следовать директивным установкам властной верхушки. Начала оформляться *легальная культура социально-политического опыта* народных выдвинутцев-активистов, густо пропитанная ложью. Тонкий слой национальной элиты, впитывавший большевистскую идеологию и частично общечеловеческие интеллектуально-этические нормы, обслуживал обыденные интересы населения, его художественные, инженерно-технические и научные потребности.

Партийная *номенклатура* всех уровней и НКВД, комсомольские и профсоюзные структуры, созданные в Азербайджанской ССР зорко следили за политической благонадёжностью населения, беспощадно искореняя даже намёк на оппозиционные настроения, подвергая их носителей арестам, изоляции или уничтожая как «врагов народа»...

**Фантазии,
возникшие
из воспоминаний
об отце и матери...**

Мои родители не рассказывали мне в подробностях о своей молодости и времени жизни до встречи друг с другом, тем более о своём отрочестве, юности. Я случайно узнавал от них о самых кризисных ситуациях, возникавших в их жизни. Мне даже *неловко* признаваться, как это получалось...

...Мы долгое время жили в очень стесненных жилищных условиях. Комната, в которой спали родители и мы – дети, была настолько мала, что нередко ночное бдение супругов становилось временем их личных *объяснений*. В интонациях, предъявленных друг другу фактах, ссорах, взаимных упрёках, звучавших полушопотом или в полголоса, можно было выловить *свидетельства* пережитого, которое из ощущений не ушло, давило на их чувства и память.

В этот момент я, мучаясь бессонницей и болью в ногах, невольно прислушивался к шопоту, а иногда к достаточно громким голосам отца или матери. Так я узнавал о прошедших событиях в их жизни, которые не оставили их равнодушными, потому что не были ими забыты. Интригуя меня опытом, который просачивался в мою память, в мои чувства, будя мою любознательность, заставляя меня надолго задумываться.

Теперь, хорошо помня моменты моего совместного с родителями бытия в полумраке крохотной комнаты, когда я представлялся *«запоминающим устройством»*, своеобразным *«магнитофоном»*, который *«записывал»*, фиксируя отдельные фрагменты ночных признаний супругов, их эмоции, я не переставал удивляться *волнующему прошлому* родителей, которое постоянно стучалось в мою память, непрерывно провоцируя моё внимание.

Но чаще всего услышанное заставляло моё восприятие настораживаться, потому что я понимал в свои 15 и 16 лет, что родители, скорее всего, не желали, *чтобы я слышал, о чём* они говорят. Однако я *слышал...* То было уже

в послевоенное время. Потом наступило время хрущёвской «оттепели». В обществе наступила пора некоторого расслабления, но наш быт оставался таким же стеснённым, как и в сталинские годы. Я продолжал слышать невольные и, как правило, ночные откровения родителей и... *запоминал их*. Многие сюжеты *повторялись*, а некоторые «суждения» родителей *пересказывались* многократно – из года в год.

Повзрослев, я навсегда оставил отчий дом, приезжая лишь на каникулы или в отпуск. Примерно с начала шестидесятых годов мои родители построили дом и вселились туда, обретя к полувековому возрасту сравнительный комфорт и хрупкий покой.

Тонкая стена отделяла мою комнату от спальни родителей, кровать которых примыкала к стене, отделявшей их комнату от моей. Сначала был слышен неразборчивый гул голосов, потом ночь обретала тишину и ясность, а вместе с ней, если меня не одолевал сон, я начинал отчётливо слышать, о чем говорили родители.

Я понял – *история в лицах продолжается*, а точнее – повторяется. Мать и отец снова и снова излагали им обоим известные факты, то ли пребывая в состоянии многолетней обиды друг на друга то ли, наоборот, с удовольствием вспоминая *нечто* из своего прошлого. Могу сказать, что последнее было гораздо реже...

Случалось, что они приезжали ко мне в Минск, где я жил и работал. Теперь их ночные воспоминания оставались для меня недоступными. Спали они в дальней, изолированной комнате моей городской квартиры. Я с женой обитал в другой комнате...

Но возникало иное. Случалось, что на завтра мои родители выглядели утомленными после бессонной ночи и часто обменивались странными для меня репликами, в которых, при внимательном вслушивании, можно было найти следы ночных разговоров на... уже известные моей памяти темы,

Зинаида и Борис
Юргановы
город Краснодар
1972 год

которые так и *не оставили* их, хотя прошло уже много лет. Так я и проживал свою жизнь, постоянно наталкиваясь на события ушедших дней моих родителей.

Я здесь и сейчас использую этот источник событий жизни матери и отца в очень *условном* изложении. И то, полагаясь скорее на эмоции, которые сопутствовали рассказу-шопоту, чем опираясь на изложение, в основе которого лежит документальный факт.

Да, фантазия, которая у меня «работает» гораздо более эффективно, чем документ, оказывается *источником* моих переживаний, в которые вовлечены услышанные в пересказах *признания* моих родителей.

И всё-же, почему так случилось, что мать и отец так и не пришли к необходимости напрямую рассказывать мне о «*времени и о себе*»? Только теперь я могу догадаться о причинах такой сдержанности. *Повторяю – только догадываться об этом*. Родился я и сразу же оказался вне нормального физического развития ребёнка. Моё тело долгие годы *непонятным мне образом* подверглось уничтожающим атакам *костного туберкулёза* и очень скоро после моего рождения возникла грозная *вероятность* моей гибели.

С 1939 по 1944 годы я находился в Бузовнах в санатории. Восприятие меня как сына, любимого малютки, было у матери с отцом лишено тех привычных ощущений, которые сопровождают молодых родителей. Слишком часто я находился вдали от родителей. Мои же собственные ощущения, на которые я мог бы полагаться, строя представления о моём раннем детстве, скорее всего напоминают приблизительную *конструкцию* реальных воспоминаний – почти абсолютно лишённых «бумажной» документальности и *привязки* к случившимся событиям, конкретному месту и времени.

Доминируют абстракции: белый цвет. Чувство боли. Неподвижность. Общая интонация сочувствия людей, окружавших меня. Воспринимается озабоченность моим состоянием, исходящая из голосов и взглядов, зафиксированных моей памятью и чувствами. Преобладают некие пресные, с лёгкой горчинкой, вкусовые ощущения. Наверное, от обилия выпитых и разжёванных лекарств. И только однажды во всём этом абстрактном однообразии ощущений я почувствовал реальный и обжигающий холод пола.

Это ощущение стало для меня – «*эпохальным*», потому что возникло, *воплотилось в м и г* моей сумасшедшей жажды встать с постели на *собственные ноги*, бездействовавшие пять лет.

Этот *а к т* наконец-то, осуществился. Однажды ночью. Зимой. *Я коснулся своими стопами холодного пола и попытался встать*. Что за этим последовало – расскажу позже...

Еще было ощущение лица. Оно преследовало меня, как фантом. Правда – прекрасный! Полный нежности. Глубокого сочувствия. По-моему это было лицо моей матери, которая была в возрасте *тридцати лет*. В 1940 году она приехала в Бузовны, чтобы навестить меня, пребывавшего там с годовалого возраста. Она появилась в санатории, который стоял на берегу Каспия, куда я попал на острой стадии развития туберкулёза.

Вполне допускаю, что был я в полной памяти, насколько может быть *работоспособна* память двухлетнего ребёнка, и воспринимал я лицо матери более или менее осознанно. То, что осталось *т е п е р ь*, в этой же моей памяти уже *семидесятилетнего* человека, вырисовывается и сплавляется в образ некоего «плавающего» светлого пятна *с глазами моей матери, улыбки моей матери, голосом моей матери*. Теперь это *пятно* осталось со мной *навсегда*.

Я могу судить о *с в я з и* более осознанных ощущений раннего периода моей жизни, еще называемого *детством*, где-то с конца 1946 года. Эти ощущения впитывались в завершённую картину случившегося и со мной, и с моими родителями, по отдельности с каждым...

Вот так парадоксально укладывались в пласты моей памяти картины прошлого, которые были не только *моим прошлым*. Я в нём никогда не был сам по себе и один, а поскольку речь идёт здесь и сейчас о моих родителях,

то это прошлое *приходило* ко мне из их уст, их отношений друг с другом и их облика...

И отец, и мать редко обращались к устным воспоминаниям собственного детства, отрочества, юности специально, с целью зафиксировать своё *неразумное* бытие «для потомков». Во всяком случае я этого не помню в подробностях, за исключением каких-то мелких деталей. То есть у моих отца и матери, как мне казалось, не было особой готовности остаться в памяти своих сыновей, тем более внуков в облике *стартовых личностей, готовых скорее на ошибки, чем на продуманные поступки.*

Однако мать вспоминала, как было ей тяжело в годы детства от равнодушия старших, как их нежелание платить за её музыкальное образование остановило перспективы её судьбы. Отец живописал, как бабушка Александра отменно высекла его за подростковую грубость...

Их *взращение*, тем не менее, подготавливало *почву* для выращивания родительских идей, оформляясь в «идеологию» преемственности, без которой не может обойтись ни одна семья. Однако этот период наступил слишком поздно и... только у отца, к самому финалу жизни. И то обнаружился, как «зрелый инстинкт архивариуса», который заставил его привести в порядок множество фотографий и документов, аккуратно хранившихся в потайном месте. Он распределил их по времени и снабдил своими комментариями. «Инстинкт архивариуса» подсознательно сопровождал его едва ли не с ранней юности. Овладев фотоаппаратом, он стал фотографировать всё, что казалось ему важным и существенным в его жизни, а потом и в жизни его семьи. *Легендарная* его аккуратность с годами развилась в устойчивую и неумолимую *привычку.* Она оставила достаточно подробный *след* его пребывания «на этом свете». Но во многом этот *след* состоял из множества *второстепенных* документов, имевших лишь эпизодическое значе-

ние для его личной судьбы. Тем не менее и эти *следы*, запечатлевшиеся в его жизни, были *оставлены* для потомков, а к главным, на его взгляд, документам прилагались его личные *комментарии.* Это помогало представить главных действующих лиц его рода, эволюцию развития каждого члена его семьи, а множество документов свидетельствовало о его личном жизненном пути...

При весьма неплохой осведомлённости моего отца в технической области, в медицине, обыденной политике его *эрудиция* была соткана из *стереотипов*, главным источником которых была только *политическая и моральная идеология* Советской власти.

Честность, порядочность личности отца, техническая оснащённость его разума в пределах проблем, которые он решал в труде, и в обыденной жизни, *сосуществовали* с многочисленными *желаниями*, неутомно преследовавшими его с подросткового возраста до глубокой старости. Приходя к нему, эти *желания* зачастую оставались *надолго.* Они стучались в его память, фантазию и жизнь, но... разбивались о реальность, в которой *прятались*, так и не воплотившись.

Он *возжелал* сделать *карьеру*, сначала *идеологическую*, потом *техническую*, наконец – художественную, *желая* стать писателем и художником. И писал, и рисовал он совсем недурно! Он *желал* известности, став чемпионом Баку по боксу в легчайшем весе, сохранил любовь к спорту и до самой старости имел весьма недурную телесную статью...

Но ни одно из его многочисленных *желаний* так и не воплотилось в профессиональную деятельность. Хотя... Их влияние на его реальный опыт было значительным. Он обладал *красноречием* и владел *звонким* слогом. Правда, немного старомодным и витиеватым. Обладал *техническим* черчением, квалифицированным и выразительным. Был склонен к атакующему *стилю* спора, часто возникавшего по пустякам и с коллегами, и с товарищами, даже с женой,

демонстрируя следы цыганских ген, полученных когда-то от бабушки Маши – цыганки, жены его деда Павла Петровича Юрганова.

Очень любил *фразу*. Нередко – вслух или с пером в руках тщательно её оттачивал, укладывая на пространстве чистого листа своим превосходным и очень витиеватым почерком. Если в его работе обнаруживалась потребность сделать нечто такое, что требовало использовать и слово, и рисунок, и чертёж, и дизайн, и даже образ – графический или живописный, начертанный карандашом или кистью, желания активного самовыражения мгновенно *пробуждались*. Казалось, они дремали в нём всегда и были оснащены выученными с детства формами исполнения. Откуда эти формы пришли? Неведомо... Но *потребность* обращалась в *образ*! И как ему почти всегда казалось, вполне завершённый...

Помню в Крыму, куда мы с мамой приехали к отцу в 1946 году, в комнате квартиры, в которой мы поселились, висели гардины. Темно-коричневые с кокетливыми воланчиками вдоль и с рисунками милых цветов, нарисованными на поверхности ткани очень изящно и ярко. Я долго не мог понять, откуда из окружавшей нищеты и убогости, оставленными войной, появились эти *королевские гардины*, а по сути, обыкновенные занавески на дверных проёмах? Однажды я спросил об этом мать. Озабоченная моим здоровьем, она удивленно пожала плечами в недоумении. Спросила отца. Он молча подошёл к занавескам, расширил плоскость ткани и стало отчётливо видно, что на её поверхности нарисован масляной краской цветок с длинным стеблем и листьями, которые я никогда в жизни не видел. «Я подумал, – сказал он матери, – что тебе будет приятно...»

Разглядывая комнату, я заметил, как по верхней, перед самым потолком, границе карниза аккуратно были выведены орнаменты, которые отец запечатлел очень чисто и даже

изящно, придав стенам вид оформленного художественного соучастия в нашей жизни. Он нас ждал и сделал всё возможное, чтобы в доме было красиво и ярко там, где нам предстояло жить...

...Моя мать обладала весьма скромной образованностью, но глубокой природной нравственностью. Эта нравственность вписывалась в моральные стандарты *идеологического кодекса системы*, которую неустанно пропагандировала ВКП(б), затем КПСС, нисколько не заботясь о всестороннем воплощении этих же нравственных установок в практику чиновничьего опыта, в накапливавшуюся практику государственного, общественного и политического устройства государства.

Согласованность природной нравственности моей матери с прокламируемой «*коммунистической моралью*» огибали *жуткие* проблемы *политической реальности* Советского режима. Так было у миллионов советских людей, часть которых вступала в партию, поддавшись силе политической власти, использующей влияние событий (война), давление повсеместной ситуации (послевоенная разруха), авторитет субъекта (Сталин, КПСС, Политбюро и пр.), бесплатные общенародные привилегии (качество которых было весьма относительным) и тому подобное.

Следовать «*всеобщей политической линии, выстроенной ВКП(б)*», как случилось это в первый год Великой Отечественной войны, когда мать вступила в партию вслед за миллионами её сограждан по всей стране, испытавших шок от «*вероломного нападения*» гитлеровской военной машины, было желанием *показать* моральную солидарность с *государством и политической системой*, над которыми вознёсся *дамоклов меч* гитлеровской агрессии.

Потом, после войны, она, в силу *ограниченности своей осведомлённости* о подлинной сути и тупиковых перспективах политической системы, аккуратно исполняла

партийные поручения обычного, бытового характера: разбор семейных неурядиц тех, кто попадался на «грехах» и становился предметом разбирательства местной дворовой партийной организации. Исправно платила партвзносы, исчисляемые из копеечной пенсии и «накручивала партстаж», пока не ушла из жизни на семьдесят девятом году...

Помню получил её письмо... Я тогда жил в Минске. Она писала о жизни в Краснодаре, о своих тревогах за семью и детей младшего сына и неожиданно, без всякого перехода, написала: «...Скоро исполняется сорок лет, как я в партии. Недавно открыла свою красную книжечку и ахнула! Ничего хорошего от этой организации не видела, платила взносы и ходила на свои дворовые собрания с численностью в два с половиной человека...»

Не знаю, почему меня настигла «мифологическая» идея убедить райком КПСС, находившийся в этом городе, поздравить старейшего члена КПСС с юбилеем. Такое сумасшествие случается... На письмо мне не ответили. Тогда я написал своему старому приятелю Жене Комыхову, с которым изредка переписывался. Работал он Председателем Исполкома районного совета в Краснодаре, попросил вмешаться в ситуацию. Он согласился. У меня выдалось время и я тоже поехал в Краснодар.

И надо же такому случиться: в день моего приезда раздаётся стук в ворота дома. Открываю калитку. Прямо передо мной стоит Женя, мой приятель, с огромным тортом и букетом цветов. Моим появлением он был смущён, потому что никак не ожидал меня встретить, но успел шепнуть мне: «Ты мне не мешай, лады?» Прошёл в дом, из которого уже выходила моя мать, в лицо его не знавшая...

Почему так случилось, стало ясно уже потом. Отчего же Председатель Исполкома, а не секретарь райкома поздравляли старейшего члена партии? Оказалось, что все старания и напоминания Жени ни к чему не привели. Не было в но-

менклатурной «табели о рангах» КПСС правила поздравлять ветеранов с сорокалетней датой пребывания в рядах правящей партии. Моя инициатива оказалась настолько дремучей, что вызвала у аппаратчиков райкома приступ недоумения и желание отвертеться от собственной встречной инициативы. Тогда Женя Комыхов всё сделал сам. Купил торт, букет цветов, нашёл время и...

«Структура», именуемая: «Коммунистическая Партия Советского Союза» была конструкцией, приспособленной для исполнения политических приказов и для командования миллионами, не говоря уже о том, что в самой этой конструкции существовали все мафиозные признаки, клановые цели и эгоистичные задачи. Возникло государство, напоминающего тотальный военный лагерь, провозглашались мифологические задачи под видом политических целей, в реализацию которых не верил никто – ни первое лицо этой «мафии», ни широкомасштабное руководство – номенклатура. КПСС отражала свою многолетнюю несостоятельность, как организация, уничтожившая, тем не менее, ради воплощения в жизнь своей мифологической политики миллионы своих членов, и не только их! Люди, ставшие жертвами этой мифологии, и те, кто оказался прозомбированными субъектами, обладали всеми видовыми признаками Homo sapiens, поэтому они обладали разумом и эмоциями. Так возникали и воплощались в реальные действия масс ощущение личного горя в момент фашистской оккупации половины страны, ненависть к врагам, безграничная самоотверженность и героизм в лихую годину нашествия, счастье Победы, искренность слёз.

Тем не менее, слушая разоблачительные речи Н. С. Хрущёва о культе Сталина, возмущение соседствовало с очевидной нищетой, причём в самые благополучные годы «Брежневского застоя». Всё это та самая реальность, через которую вместе с членом КПСС – моей матерью прошли

миллионы советских людей. Эти же миллионы, кто обладал *здравым смыслом*, приспособившись к «*мифологической реальности*», не теряя многовековые цивилизационные признаки Homo sapiens, жили рядом с теми миллионами, кто оказался бессильным устоять перед процессом тотального зомбирования КПСС.

Здравый смысл никогда не покидал мою мать и, дожив до приближения самых первых раскатов предстоявшего развала СССР, она молча соглашалась с *неизбежным*, однако и ей не удалось почувствовать приближавшийся крах системы социализма. Обреченность этой системы она не поняла, из партии не вышла, *страшась самой мысли* об этом. Решиться на публичное признание для неё было *опасно*, а потому – невозможно.

Я тоже не посмел сделать такой же шаг, вступив в КПСС из сугубо *конъюнктурных* соображений. Я относился уже к иной генерации Юргановых, созревших в мирное время Советской власти. Это было время, «*беременное*» *легальным карьеризмом*, естественным в годы «оттепели», а затем уже и в годы «*развитого социализма*». Но об этом – потом.

Не случайно в отказе отца вступить в партию мать увидела присутствие *здорового смысла* человека, пережившего *травму от её же разоблачительной активности*. Жена сумела *мобилизоваться* и придать своей обиде женщины и гневу матери морально безукоризненному, а не стихийному – *публичность*. Она умело *пристёгнула* его к обыденным нравам советского общества, охраняемым *политической системой*. Волей своей *жены*, уже осознавшей меру своей власти *матери*, готовой привлечь *общественное мнение* в защиту *своих интересов*, отец, ушедший из семьи делать идеологическую карьеру, в *семью* же и был возвращён *властью системы!*

Попытка отца использовать уход из семьи, как *легальный побег к политическим иллюзиям*, противоречила про-

тесту жены – продукта советского *режима*. Такой протест для этого режима *не опасный*, тем не менее оказался *разрушительным* для отца, как рядового члена общества. Бытовизм *советской нравственности* был *легальным* орудием власти, которым Советская власть и КПСС гордились, преследуя «*грешников*» не правовым регулированием, а воплощая *общеупотребительные* продукты цивилизации – мораль и нравственность – в статье «... *кодекса строителя коммунизма*», обрекая их на забвение и презрительное игнорирование.

Завершая тему выхода *из партии*, будем помнить, что Борис Ельцин – единственный член КПСС, который публично вышел из партии, когда страна уже *громко трещала по швам*. Система уже вот-вот готова была рухнуть, а сам он, будучи крупным номенклатурным чином, чувствовал поддержку сотен тысяч союзников. В истории КПСС это был и остался *уникальный* случай публичного, транслируемого телевидением на всю страну *а к т а* добровольного *выхода из рядов*. Но это был формальный акт, не подкреплённый никакими нравственными ценностями, потому что их просто не было в личности этого человека...

Мои родители, как и я, в дееспособный период были типичными «*продуктами*» советской эпохи. Каким-то чудом нам удалось сохранить свою *индивидуальность*, а *молчаливое* принятие советской реальности, которая нас окружала, спасала от публичного или тайного преследования власти. Только с моим переездом в США в 1992 году я обрёл *способность внятно высказываться по поводу жизни в СССР*, его истории и царивших там нравов...

Мои родители пережили «*большой террор*», не напав на никого из своих современников. «*Большую войну*», отслужив на передовой и в тылу, при этом счастливо оставшись в живых. Они спрятали в памяти *тяжкую горечь* от множества *рукотворных подлых дел*, к которым

приложили руку неведомые им советские номенклатурные чины. Мать и отец сжились с «*большой ложью*», не веря ни на минуту в громко прокламируемое КПСС будущее – «*коммунизм*». Воспринимали крайне сдержанно «*большое человеческое счастье*», которое якобы «*выращивало*» многонациональное сообщество, именуемое СССР. Не предавались иллюзиям, хотя и не подвергали его публичному осмеянию. На всех стадиях существования СССР это было бы опасным *фрондёрством*.

Родители полагались только на собственную *реальность*, в которой, после десятилетий нищенской жизни, появился наконец-то их *первый и последний дом*. Они оба в нём скончались, получив *отказ в помощи от бесплатной советской медицины*, уже агонизировавшей в восьмидесятых годах XX века...

Жизнь моих родителей, вместившаяся в исторический сегмент времени «*советской власти*», заслуживает только *глубокого сочувствия*. Она была омрачена суровой правдой: *бедностью, никогда их не оставлявшей*, хотя и отец, и мать обладали заметными талантами, трудолюбием, готовыми обратиться в реальный достаток и благополучие, не подвергаясь беспрецедентному грабежу со стороны *плановой экономики СССР*.

Крах *Советской власти* – рождённой в головах политических авантюристов-зачинателей октября 1917 года – большевиков, затем выращенной их преемниками коммунистами, возведенной ими же в ранг «*исторической реальности*», был закономерным. Плод оказался *нежизнеспособным*. Однако жизнь моих родителей, вовлеченная в эту «*историческую реальность*», стала абсолютно неоправданным *жертвоприношением* иллюзиям большевиков. Они были омыты кровью миллионов – невинно и насильственно убиенных в годы детства, отрочества, юности моих родителей...

...Так случилось в судьбе нашей семьи, что разница в воз-

Зина Юрьева
1929 год

расте между моими родителями – четыре года. Напомню, моя мать родилась в 1910 году, а отец в 1914. Исходя из этого, до их встречи и заключения брака в 1938 году, прошло какое-то время и в момент бракосочетания Зинаиде Юрьевой было 28 лет, а Борису Юрганову – 24.

Что же происходило в Баку с 1926 по 1938 год? Что в судьбу моей матери, молодой, весьма привлекательной юной женщины по имени Зина Юрьева, вкладывала *Советская власть* в эти годы? Что определяло её характер, её интересы и её повседневные заботы?

Поскольку Баку был отдалён от центра России, а Зина не увлекалась политикой и не вступила в комсомол, политические события, происходившие в столице Российской Федерации, а точнее – СССР, в Москве, её не очень занимали.

Учась на рабфаке, который был преобразован через год в училище, где она изучала секретарские обязанности, делопроизводство, Зина всё свободное время проводила с детьми старшей сестры Шуры Ионовой – племянниками Володей, Юрой, Валентином, за которыми она помогала сестре ухаживать.

Маня Юрьева уже вышла замуж. Стала жить в доме мужа – Петра

Шевырева. Начались её супружеские будни. Шура уже не могла рассчитывать на её помощь. Таня Юрьева никогда не проявляла готовности соучаствовать в домашних делах старшей сестры, и только самая младшая – Зина Юрьева готова была помочь Шуре по хозяйству и с детьми.

Свои учебные домашние задания Зина иногда выполняла в своей квартире, адрес которой теперь назывался так: «Красноармейская улица тупик 2, дом 5.» Так новые власти переименовали Ольгинскую улицу. Как только заходишь в калитку больших ворот, отделявших тупик от просторного двора с растущим посередине большим, старым вязом, попадаешь в довольно узкий проход между домами слева и длинным приземистым строением общественных туалетов. Примерно шагов через десять-пятнадцать от дерева можно было увидеть двери квартиры номер пять. Здесь и жила Зина Юрьева...

Иногда к Зине приходила сестра – Таня. Брат Николай жил в том же дворе, в квартире 10, куда он подселился к молодой по имени Женя, которая родила ему дочь и бросила её, *исчезнув в никуда* через год, после её рождения.

Таня Юрьева вышла замуж вторично, но скоро стала вдовой. Её муж оказался криминальным типом и через полгода после свадьбы был осуждён в связи с ограблением банка. Срок ему дали небольшой – три года, но из тюрьмы он вышел больным: забитый и покалеченный. Вскоре умер.

Работала Таня Юрьева всё ещё на табачной фабрике. Вела бедовый образ жизни. Правда, с Зиной всегда была дружна. Чем-то сестра её *усмиряла*. Может быть, терпимостью, готовностью помочь старшей своим долгим молчанием или тихим словесным утешением? Из всех сестёр Таня и Зина были, пожалуй, самыми близкими.

...Я помню, было мне не больше семи лет. Жили мы с мамой в этой квартире. Отец вскорости после войны уехал в Крым и должен был вернуться в Баку к августу 1946 года.

В том же доме с нами и жила тётя Таня Юрьева. У неё возник очередной кризис в отношениях с новым её избранником – Николаем Жуковым и она, в очередной раз после стычки с ним, от него ушла и жила в нашей квартире.

В это время в Баку происходила крупная передислокация войск Красной Армии и часть военных расквартировали в домах по Красноармейской улице. На несколько дней и в нашу квартиру подселили троих красноармейцев с офицером.

Хорошо помню, как Таня – она хорошо играла на гитаре и пела – сделала густую пасту из ботвы редиски. Время было голодное, послевоенное – 1946 год. В пищу шло всё, что можно было хоть как-то приготовить. Из плодов редиски делался салат, а из ботвы – паста. Как мне казалось, только тётя Таня могла приготовить поразительно вкусную пасту. Насколько я помню, листья, оставшиеся от редиски, она слегка припаривала в миске, стоявшей на мелком огне

Татьяна Юрьева
город Баку, 1934 год

керосинки, добавляла соль, лук, подсолнечного масла и приминала большой ложкой. Вкуснятина была поразительная! Справа от нашего дома, по соседству, жил военный. Полковник милиции по имени Абрам Эпштейн. Добродушнейший человек! Его две дочери, Ирина и Женя, были старше меня лет на десять-пятнадцать. Жена – Сара частенько подбрасывала моей матери какие-нибудь «вкусности», которые приготавливала к своему столу. Таня Юрьева просила соседку не выбрасывать ботву редиски и получала от нее мешочек с листьями, которые тут же «запускала в дело».

Когда у нас жили два солдата и офицер, Таня приготовила большую порцию этой рукотворной пасты. Помню, ел её с аппетитом, слушая разговоры взрослых.

Солдаты были из первогодок. На войне побывать им не довелось, а офицер – воевал. Немного. Около года. Он сидел на сундуке, расстегнув пояс, отстегнув верхнюю пару пуговиц на воротничке военной гимнастёрки. Солдатики сидели за столом, жевали салат из нарезанной редиски, громко хрумкая, а мать пила чай.

Таня пела какой-то романс, искоса поглядывая на офицера, но тот, думая о чём-то своём, был к ней равнодушен. Атмосфера, как помню, была очень тёплая, хотя за окном уже долго, недели две или три, стояла дождливая и сумрачная погода.

Неожиданно Таня спросила офицера: «А вы, товарищ капитан, женаты?». Тот молча кивнул. Потом сказал грустно: «...Моя жена меня не дождалась, умерла... Пришел я в позапрошлом году домой, в Смоленск... Отпуск у меня был. На три дня дали... Мне сказали соседи, что Катя моя умерла от голода...» И он снова умолк. Надолго. Я лежал на тахте в противоположном конце коридора. Стало ужасно жалко капитана.

Посмотрел я на мать, представив себе неожиданно и явственно, что она – та самая женщина, которая умирает от го-

лода. Я подозвал мать, прижался к ней, не сказав ни слова... Она удивлённо на меня посмотрела и погладила по моей стриженной голове. Тётя Таня отложила гитару, вынула пачку папирос, предложила солдатикам, и они вышли за порог покурить. Оказывается капитан не курил. Всё это я помню явственно и представляю теперь поразительно свежо и зримо. Но я опять забежал вперед...

...1932 год. Зине Юрьевой исполнилось 22 года. Выглядела моя юная мать очень привлекательно. Черты её зрелости постепенно обретали яркость и сочность. Золотистые волосы. Стройная фигура. Быстрые движения. Большие зеленые глаза. Всё привлекало внимание парней. Деревенские корни, та мера свободы, в которой было больше самоограничений, чем внутренней готовности к общению с ними, надёжно охраняли девушку от *соблазнов*. К тому же у Зины Юрьевой... хронически не было свободного времени!

Вставала она засветло. Если ночевала у старшей сестры, сразу начинала готовить завтрак для Шуриных детей. Вскоре просыпались и они. Минут через тридцать были готовы отправляться в школу, которая была неподалеку от дома. Шура кормила завтраком мужа, который уходил на работу. Зине, по возвращении из школы, предстояло накормить Валентина, посадив его к себе на колени. Затем она что-то *«перехватывала»* сама и, пока было время, шустро мыла полы, выбивала половики, наводила лоск в квартире у старшей сестры. До занятий еще оставалось много времени. Она одевала Валентина, сажала в самодельную коляску, сделанную его отцом – Александром Ионовым, и, гремя подшипниками, установленными вместо колёс, отправлялась в соседний скверик, прихватив свои тетради с конспектами.

Если была весна или ранняя осень – время для неё и Валентина благодатное: тепло, солнце пригревает, можно и позаниматься. Она открывала тетрадь с конспектами и погружалась в чтение. В тридцатые годы учебников было мало,

Зина Юрьева
с племянниками
Володей и Юрой
Ионовыми
город Баку 1927 год

приходилось делать очень подробные конспекты...

Когда Зина ещё училась в школе первой ступени, в Москве, на II съезде Советов СССР, проходившем с 26 января по 2 февраля 1924 года, Сталин предстаёт как верный ленинец и наследник политической доктрины, получившей название «ленинизм». После смерти В. Ленина был объявлен массовый призыв в ВКП(б), затем была утверждена новая Конституция СССР.

23 мая 1924 года начал работу XIII съезд РКП(б). Мало кто знал, что перед съездом Н. Крупская – жена умершего вождя огласила его «Письмо к съезду», названное «Завещанием В. Ленина». Однако слухи поползли тревожные, по-

тому что И. Сталин на этом же заседании впервые заявил о желании уйти в отставку. Большинство делегатов съезда высказалось против отставки и за оставление И. Сталина на посту Генерального секретаря ЦК РКП(б). Против него голосовали лишь сторонники Л. Троцкого.

Конфликт двух лидеров партии в конечном счёте перерос в непримиримое противостояние, которое так или иначе предвидел Ленин, не предложив однако никаких реальных альтернатив. В его письме указывалось на «небольшевизм Троцкого» и «грубость Сталина». Там же были оценены теоретические воззрения Н. Бухарина, которые «...с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нём есть что-то схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)». Был назван Г. Пятаков, как человек «...слишком увлекающийся администраторством, чтобы на него можно было положить в серьёзном политическом вопросе...» Все названные В. Лениным соратники в конце-концов были И. Сталиным уничтожены, разумеется, как враги народа.

В 1924 году Зина Юрьева училась в четвёртом классе 12 бакинской школы первой ступени. Она не имела никакого представления о происходивших в ВКП(б) противоречиях. «Ленинский призыв» в партию подхватить по малолетству не могла. Слухи никак не воспринимала, поскольку была она совершенно неискушённой девочкой.

Между тем, в эти же годы возникли Молдавская Автономная Социалистическая Республика, Таджикская ССР, Узбекская ССР, Туркменская ССР, и пропаганда в Баку твердила о «триумфальном шествии Советской власти».

Азербайджанский агитпроп опирался на местную большевистскую печать, которая послушно повторяла события, происходящие в центре страны. Политические баталии излагались «для народа» в примитивном агитационно-пропагандистском стиле. Акцент делался на инструктивные идеи,

которые из центральной партийной печати (газета «Правда», журнал «Большевик» и пр.) получали пропагандисты политкружков, а также из партийных источников ЦК КП(б) Азербайджана и Бакинского горкома партии. Разумеется, к оригиналам работ *оппозиционеров* Троцкого, Бухарина, Рыкова, Зиновьева и пр. никто не прикасался! Рядовые советские люди просто *зомбировались*, попадая под власть местных официальных «комментаторов», послушно *гнувшись* линию И. Сталина, демонстрируя отъявленную нетерпимость к «оппозиции».

Между тем, в 1926 году Зина Юрьева, когда ей исполнилось уже 16 лет, прочитала первые произведения советской литературы: поэму В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин»; роман Л. Леонова «Барсуки», стихи С. Есенина «Возвращение на родину», «Русь Советская» и о Баку. Ей очень нравились напевные, нежные, милые стихотворения С. Есенина, которые она читала с большим увлечением.

На экраны Баку выходит первый полнометражный фильм С. Эйзенштейна «Стачка» и фильм Л. Кулешова «Необыкновенные приключения мистера Веста в стране большевиков».

Фильм «Стачка» затронул чувства Зины Юрьевой лишь отчасти. Она понимала логику событий, происходящих в фильме, сочувствовала людям, о которых шёл рассказ, хорошо представляла себе развитие сюжета, однако на этом всё и заканчивалось! Не было в ожесточенном классовом конфликте, взятом в основу сюжета, *ощущения правды*, которую Зина никогда не видела своими глазами. В эпоху реальных классовых конфликтов, происходивших в Баку, матери было не более четырёх лет. Забастовки, противоречия между рабочими и хозяевами бизнесов проходили совсем не так, как показывал в своём фильме Сергей Эйзенштейн. Его фильм был адресован примитивному восприятию, к тому же подвергнутому идеологическому зомбированию. Был гротеск, сатира в подаче отрицательных героев: директора

завода – толстого, надменного; его управляющих, которые вызывали чувство брезгливости; мастера – хитрого, постоянно подмигивающего субъекта; шпионов, карикатурно изображенных в агитпроповской манере. И была масса протестующих *рабочих-стачечников*, с предъявлением на экран их *лиц*, в которых *читалось благородное негодование и справедливый гнев*. «Стачка» была обычной агиткой...

Фильм Л. Кулешова заставил смеяться ужимкам артистов, нелепым, но смешным поступкам героев. Так и осталась не востребованной в истории советского кинематографа времен НЭПа насмешка над американскими представлениями о «народной власти», замешаными на действиях криминальных субъектов, жаждавших облапошить мистера Веста.

Советская пропаганда и советское искусство в лице первых советских деятелей культуры, писателей, поэтов, кинорежиссёров, стала осуществлять *пропаганду идеологии победившего строя*, именуемого *Советской властью*. Прimitивность художественных вкусов молодой аудитории – главное «достоинство», которое использовалось пропагандой в первое десятилетие существования нового государства. Аудитория с низкой культурой и образованностью быстро поддающаяся политическому *программированию*, и стала той людской *массой*, которая на веру принимала всё, что происходило в стране, особенно *театрализованные политические процессы*, требовавшие от народа только *слепого согласия и массового возмущения*. Со временем это оружие пропаганды и искусства стало более утончённым, привлекая эстетические и художественные ресурсы кинематографического, театрального и музыкального мышления.

Все годы Советской власти искусство «*принадлежит народу*», оставалось *подведомственным* ЦК ВКП(б), КПСС, агитпропу, превращаясь в *орудие* оболванивания народа.

Для Зины Юрьевой, как и для сотен тысяч её сверстников, кино становится практически единственным видом

искусства, доступным для неё. На книги, театральные постановки не хватало времени и средств, кино же было «по карману». В двадцатые годы чудовищный по уровню низкопробной лжи киноагитпроп через десятилетие, в тридцатые годы научился делать ложь более эстетичной, благодаря тому, что в кино появился звук...

Ложь оказалась самым ходовым «товаром» в жизни и на экране, потому что всё происходившее в стране нуждалось в тотальной конспирации. Взять, к примеру, звезду тридцатых годов Любовь Орлову. Считанные единицы знали о её аристократическом происхождении. Лишь в 1996 году, когда СССР «приказал долго жить», удалось представить документы, свидетельствующие об истинных датах рождения «советской кинозвезды»: 16 января 1902 года (по старому стилю) или 29 января (по новому), но никак не 11 февраля, как это фигурирует во всех энциклопедических изданиях СССР. Следовало «прикрыть» объективную дату рождения «советской кинодивы», для того чтобы «спрятать» правду о её происхождении. Отцом будущей народной артистки СССР был потомок тверской ветви Рюриковичей граф Пётр Фёдорович Орлов, статский советник, а мать была графиня Евгения Николаевна Сухотина.

После 1917 года отец стал «лишенцем», то есть власть *гегемона* мгновенно лишила «кровопийцу», «классового врага» всех прав, посадив на паёк – 200 граммов хлеба на члена семьи. Уехав в провинцию и тщательно скрывая происхождение, кормясь тем, что удавалось вырастить на куске земли, бывшая графская семья спасла себя от гибели...

В 1998 году вышла книга Дмитрия Щеглова «Любовь и маска», а в 2002 году «Любовь Орлова: жизнь и творчество», в которых впервые была бесстрашно представлена вся родословная Любви Орловой – замечательной женщины, сумевшей, как никто из её сословия, оказаться полезной «народному государству» и стать ярчайшей звездой совет-

ской власти, её культуры и даже символом целой эпохи!

Лучшая исполнительница ролей *советских домохозяек, ударниц коммунистического труда, слуг у высокопоставленных номенклатурных партийных чиновников* являлась потомком десяти русских православных святых, двое из которых – Великая Княгиня Ольга и Великий Князь Киевский Владимир – причислены к лику равноапостольных.

Как и тысячам советских кинозрителей моей матери нравилась картина Григория Александрова «Весёлые ребята», вышедшая на экран в 1934 году. Происходившие в фильме события были понятны и просты. Главные герои – Анюта – домработница, которую играла Любовь Орлова, и пастух Костя Потехин, которого играл Леонид Утёсов, мгновенно стали кумирами публики, а музыка Дунаевского и множество песен, которые исполнялись в фильме, буквально на завтра стали популярными.

Однако никто не знал, что сюжет фильма «Весёлые ребята» был словно списан с американской кинокартины Рубена Мамуляна «Love me tonight» («Полюби меня к вечеру»). Сюжетные истории оригинала в советской ленте были, разумеется, изменены.

Фильмы, подобные «Весёлым ребятам», совпадали со стандартами агитпропа, но охранники «советских ценностей» не могли стерпеть острый сатирический талант сценаристов Николая Эрдмана и Владимира Масса. Их провинность заключалась в том, что они «неправильно поняли» свободу творчества по «советски», подвергнув осмеянию в своих стихотворных фельетонах порядка, существовавшие в пролетарском государстве. Их арестовали и посадили в тюрьму, сняв имена с титров фильма «Весёлые ребята».

На исходе первого десятилетия Советской власти, смотря фильмы, «Конец Санкт-Петербурга» (В. Пудовкина), «Саламандра» (А. Роома), «Голубой Эксперсс» (И. Трауберга), деревенская девушка Зина Юрьева воспринимала

окружающий её мир *совсем иначе*, чем выглядел он в художественном отражении *новоявленного* советского искусства, поглощённого агитационным «энтузиазмом» и политической пропагандой. Выходившие на экран «однодневки» типа: «Катя – бумажный ранет» (Ф. Эрмлера), «Красные дьяволята» (И. Перестиани), «Закройщик из Торжка» (Я. Протазанов) и прочие – не давали ни единого шанса понять достойные подражанию деяния киногероев.

Хроническая бедность, чрезвычайная скромность возможностей в жизни была многолетним фоном советской кинопропаганды, фанатично увлеченной борьбой с *классовыми врагами*.

Качества характера, которые всё отчётливее проявлялись в личности моей матери: готовность помочь своей семье, открытость, дружелюбие, преданность своим братьям и сёстрам, отражали её крестьянское происхождение, выделяя бережливость, аккуратность, чувство собственного достоинства в среде таких же, как и она, деревенских девушек, с трудом осваивающихся среди населения, проживающего в промышленном и многонациональном Баку.

Между тем, атмосфера, пронизанная жестокостью и классовой ненавистью в первые годы после переворота 1917 года, названного «*социалистической революцией*», затем репрессии тридцатых годов, медленно меняли ментальность граждан, встретивших крупные социальные преобразования большевиков в юном возрасте. Многие из них ничего не знали о злодеяниях большевиков, с которых начался их приход к власти. Искусство и культура, доступные моей матери, «*советский поп арт*», который внедрялся в практику жизни народа, был лишён сколь-нибудь объективных эстетических ценностей, готовых оставить глубокий нравственный след в душах людей.

Советская власть, едва возникнув, разогнала «*идеологических конкурентов*» в иммиграцию, сослав профессуру,

истинных российских интеллектуалов в Европу и Америку буквально с первых же лет красного переворота!

«Философским паропаромом» были названы два немецких судна – «Oberbürgermeister Naken» (29-30 сентября 1918 г.) и «Prussia» (16-17 ноября 1918 г.), доставивших из Петрограда в Штеттин более 160 человек, в основном, философов и университетских преподавателей.

Многие из высланных российских интеллектуалов стали родоначальниками новых научных направлений на Западе и в США. Одним из них был выдающийся русский социолог Питирим Сорокин, прославившийся в Соединённых Штатах Америки. Туда же эмигрировали Зворыкин – изобретатель телевидения, и Сикорский, создатель первого в мире вертолёта. Поражает воображение цинизм авторов этой бесчеловечной акции.

Лев Троцкий так прокомментировал высылку российской интеллектуальной элиты: «*Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно*».

19 мая 1922 года В. Ульянов-Ленин писал: «*Всё это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация её слуг и шпионов, и растлителей учащейся молодежи*.» Эта акция была началом изгнания и истребления интеллектуальной элиты России, думающей и потому опасной не только для создателей *новой системы власти*, но и для идеологии примитивизма в искусстве, вранья и пустой пропаганды.

Тем не менее слова В. Ленина «*...Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически их высылать за границу*» стали многолетним руководством к действию. Едва ли не до последних дней Советской власти. Зина Юрьева об этом ничего не знала, как и сотни тысяч её сверстниц.

Выдвинув в двадцатых годах лозунг: «*Искусство принадлежит народу*», Советская власть не справилась

с духовными потребностями «простых смертных», обладавших скромной мерой восприятия искусства. Главным инструментом пытливого разума являлось... *сомнение*, а с ним Советская власть бесцеремонно расправлялась. Потому и стало киноискусство – звеном пропаганды.

Такие же, как она, живя в Баку, оккупированном 11-й Армией, присланной В. Лениным для захвата власти большевиками, не знали о том, что в России с 1918 по 1925 год политическим репрессиям подверглись 33.251 человек, а конкретно в Азербайджане с 1930-го до начала 1950-х годов, почти за весь период жизни Зины Юрьевой в Баку, было репрессировано около 70.000 человек. 29.000 из них были представителями интеллигенции страны. Только в 1937-м году было расстреляно 16 азербайджанских генералов. А всего было убито 150.000 азербайджанцев, *28.000 из которых были расстреляны без суда и следствия*.

Среди репрессированных были имена таких известных азербайджанских научных, культурных и общественных деятелей, как Аббас Мирза Шарифзаде, Айна Султанова, Бякир Чобанзаде, Джамшид Нахчыванский, Гусейн Джавид, Микяил Мушфиг, Гамбай Везиров, Рухулла Ахундов, Юсиф Везир Чаманзаминли, Омар Фаиг Неманзаде, Ахмед Джавад и др. Потеря таких личностей нанесла невосполнимый урон национальному интеллекту Азербайджана. Советская интеллигенция была еще в *«колыбели»*, но её ожидали лагерь, судебные процессы, бегство за кордон...

Привожу мой разговор с матерью. Был мне тогда 21 год. Я окончил первый курс Саратовского университета и приехал домой в Краснодар на каникулы. И мать, и я были членами КПСС. Вступил я в партию во время работы в Саратовском Обкоме комсомола в 1963 году по рекомендации первого секретаря Юрия Ковалёва. Мать, пребывая в территориальной первичной парторганизации по месту жительства, занималась разбором семейных ссор, дворовых

конфликтов и прочей «мелочью», которая просачивалась в повестку дня партсобраний из обыденной жизни местного населения. Я вышел из партии, как из затхлой квартиры на свежий воздух. Что испытал при этом и как жил коммунистом – рассказ впереди...

Мать в партию вступила в 1941 году, когда был объявлен «сталинский призыв» и отвергнуться от вступления ей не удалось. Хотя... Я не думаю, что в тот период угрозы гитлеровской оккупации Баку, а такая угроза всё-таки существовала, она могла бы думать о *нецелесообразности* этого шага. Вступление в коммунистическую партию было актом проявления *патриотизма*. Как еще в эти годы Отечественной войны мог вести себя человек, проживший сознательную жизнь при советской власти?..

Я не знаю почему, но я спросил мать о репрессированных уже в довольно зрелом возрасте. Скорее всего после прочтения книги А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Мне исполнилось 22 года. Интерес к этой теме *«вышел из подполья»*. У меня он начал складываться с книги Дудинцева «Не хлебом единым», опубликованной в 1956 году в журнале А. Твардовского «Новый мир». Роман вызвал большой резонанс в советском обществе, породив острые дискуссии. Это рассказ об изобретателе, который во времена Сталина ведёт *тщетную* борьбу с засильем партийной бюрократии, пока с ним самим не расправляются, прибегнув к клевете. *«Этот роман выделяется не художественными достоинствами, а открытым изображением разрыва, существовавшего в СССР между изолированным правящим слоем и народом»*, справедливо подметил один из критиков. Мне было 17 лет и я читал роман в журнальном варианте, как *запрещенную* совсем недавно литературу.

Спрятавшись в большой комнате бабушкиной квартиры, я читал о событиях и поведении *советских людей*, мало чем отличавшихся от представителей общества, разгромленного

в кровопролитных гражданских схватках двадцать пять, тридцать лет назад. Их называли иначе, но суть их поступков была такой же, а показанное в романе общество было так же расслоено, как и то, по телу которого бессмысленно и жестоко прошёлся «красный каток»...

Между тем возвращались из мест заключения многочисленные «политзеки», а сам тиран Иосиф Сталин вместе со своим подручным Л. Берия были уже мертвы. Но это обстоятельство на меня не очень повлияло, потому что было мне 15 или 16 лет и я не имел ни малейшего представления о происходивших событиях в стране. Только через четыре или пять лет, когда на журнальные страницы стали прорываться разоблачительные публикации, к тому же ещё написанные «эзоповым» языком, я решился задавать вопросы моей матери!

«...Что тебе сказать, – начала мать, – об этом? Я мало что знала и знаю. Так получилось, что когда я работала в Баксовете, меня только после нескольких лет технической работы допустили к должности секретаря председателя Баксовета. Кажется спустя три года после поступления

Бакинский городской совет
1936 год

на работу. Рабфак преобразовали в училище, и я окончила его через три или четыре года. Нужно было работать. Начала в Баксовете курьером. Потом – делопроизводителем... Второстепенная работа... Готовила документы к архивному хранению. Так вот... Иногда до меня доходили... Слухи... То одного возьмут, то второго. Из НКВД приходили... Кого конкретно брали, я не знала. Молодая была, мало знала людей. А вот года через четыре – пять, когда я уже стала работать секретарём, тогда мне пришлось даже видеть, кого именно брали. Придёшь на работу, видишь – человек на месте. Улыбается, шутит, что-то указывает... Назавтра – его уже нет. Что случилось? Куда человек делся? Спрашивать боялась... Постепенно соображала... Взяли... НКВД... Очень нервничал мой начальник – председатель горисполкома. Сейчас и не припомню, кто тогда был. Внешне помню его, а фамилию забыла...»

В момент нашего разговора на дворе стоял 1961 год, и матери исполнился 51 год. При трагических событиях, случившихся в Баку в промежутке между 1932 и 1936 годами, ей было 22-26 лет.

Теперь уже стал общеизвестным факт, что Азербайджан занимал первое место среди всех республик бывшего Союза по числу репрессированных на тысячу человек населения. Глава республики Багиров, в недавнем прошлом глава Азербайджанской ЧК, затем НКВД, изо всех сил старался показать центральной власти свою ретивость! Если в 20-х годах прошлого века подвергались репрессиям и ссылались на Соловецкие острова однозначно «контрреволюционеры» – представители Азербайджанской Демократической Республики (АДР), мусаватисты... то в репрессиях 30-х годов людям просто и огульно присваивали ярлыки «враг народа», «пантюкист», «панисламист» и... у н и ч т о ж а л и.

В этом водовороте репрессий в большинстве были коммунисты. Видные представители коммунистической

партии Азербайджана не смогли избежать гибели. Репрессии в семьях членов Политбюро Азербайджанской компартии свидетельствовали о том, что независимо от политической принадлежности исключений не делалось никому. На тот же период был разработан особый план по уничтожению азербайджанского населения, который предполагал расстрел каждые 3 месяца – 1500 человек. В 1937-1938 годах даже был издан указ об осуществлении репрессий вне суда.

Действовавшая на всей территории Азербайджана карательная сессия принимала решение при отсутствии государственного обвинителя, защитника, а во многих случаях даже самого обвиняемого. Ничем, кроме как банальным убийством, эти акции назвать было нельзя! Убивало государство – Азербайджанская ССР. Убивали властьпредержащие. Иначе говоря убийцами были люди, получившие право уничтожать сограждан без суда и следствия!

Под пятой репрессий оказывались любые сотрудники Бакинского Исполкома, о чём и рассказывала моя мать в том памятном разговоре в 1961 году. «Боялась ли я за себя? Ты знаешь, я была совсем еще юной девчонкой. Работала с бумагами, в которых ничего особенного не было. Всякие хозяйственные отчёты, какие-то накладные, короткие справки. Я ничего не читала, а просто аккуратно подшивала, согласно существовавшим правилам работы с документами, и отправляла их в архив. Потом, когда я работала секретарём в приёмной Председателя, я вела учёт посетителей, кратко записывала причину визита, фамилию, имя, отчество того, кто пришёл на приём, и так далее. Мне говорили, что надо делать это внимательно, потому что в коллектив Общего отдела, где я тогда работала, мог обратиться человек с какими-то преступными намерениями... Было страшно... Случайно я услышала разговор Председателя Исполкома с каким-то важным чиновником, который выходил из кабинета вместе с ним. Тогда я услышала такую фразу: «...И когда, на-

конец, перестреляют всех врагов народа?» Я сидела на своём рабочем месте. Эту фразу сказал, я сама видела, председатель Баксовета. Слова «врагов народа...» меня заставили вздрогнуть. Я посмотрела на него и сильно покраснела. Щёки мои были алыми. Он проводил чиновника до дверей, а потом пригласил меня в кабинет. «Что это вы так раскраснелись, Зиночка?» – спрашивает. Я молчу, не знаю, что ответить. Он улыбается, открывает ящик стола, вынимает огромное яблоко с красными боками: «Хочу вас угостить...», говорит. Я стою, как перед расстрелом. Он протянул яблоко. Потом вышел из-за стола, подошёл ко мне и вложил яблоко мне в руку. – «Вчера мама прислала из Шемахи...Идите, работайте, и постарайтесь ничего не бояться... Красивая русская женщина, как вы, не должна ничего и никого бояться...» Я ушла, а через месяц его забрали...»

Я не думаю, что между моими родителями были разговоры о репрессированных в годы, когда волна уничтожаемых была на гребне в довоенное время и в послевоенный период. Нашу родню минула эта острая коса смерти. Никто не был репрессирован, но тогда никто в советском обществе, в том числе и в Азербайджане, не мог избежать отношения к этим страшным событиям.

...В 1936 году – 19-24 августа, состоялся первый открытый судебный процесс в Москве, названный «процесс 16-и». В числе обвиняемых: Г. Зиновьев, Л. Каменев, Г. Евдокимов и И. Смирнов. Подсудимые обвинены в создании «террористического троцкистско-зиновьевского центра». Все обвиняемые признались, что поддерживали связь с Троцким (который к тому времени был изгнан в эмиграцию), принимали участие в убийстве С. Кирова, готовили покушение на И. Сталина. Все они были расстреляны 25 августа 1936 года...

Спустя много лет, в том же разговоре с моей матерью, о котором я рассказывал выше, я спросил её: «В 1936 году тебе было 26 лет. Тогда были судебные процессы

над Зиновьевым, Каменевым...» – « Да, для нас, рядовых работников Баксовета, это было большой неприятностью... Во всяком случае для меня уж точно! Собирались собрания... На партийные я не ходила, еще в партии не была, а на общие собрания коллектива нас собирали. Встаёт докладчик, рассказывает о процессе. Говорит яростно, громко, аж мурашки по спине бегают. Ну а потом, надо принимать резолюцию собрания или митинга, осуждающую этих «предателей». Ставит этот докладчик вопрос на голосование. Все дружно поднимают руки. И я тоже... А что делать? Я никого их не знаю, этих Зиновьева, Бухарина, Каменева... Что они натворили такого, что их следует расстреливать, тоже не знаю. Но нас – то заставляли «линию партии» поддерживать, одобрять расстрел врагов народа!»

...Все должности, которые занимала моя мать с 1930 по 1939 год, эти 9 лет были в основном техническими, связанными с документами Бакинского Горисполкома. В 1930 году она – рассыльная Исполкома, через два года – 20 марта 1932 года – переведена на должность экспедитора при Бакинском Горисполкоме. 3 июля 1933 года моя мать работает деловодом в Канцелярии Президиума Совета рабочих и красноармейских депутатов, а 15 мая 1934 года она зачислена в Орготдел Баксовета техническим секретарём. Уже через пять месяцев работает в Президиуме Баксовета ответственным секретарём – исполнителем делопроизводства. Через год – 1 февраля 1935 года – она работник по учёту личного состава и исполнитель протоколов. 21 июля 1937 года Зина Юрьева уже ответственный исполнитель Общего отдела Бакинского Совета. Ей 27 лет и в сентябре 1937 года она становится Заведующей Канцелярией Бакинского Совета пролетарских и красноармейских депутатов. В это же время в стране самый разгар репрессий. Не проходит и дня, чтобы из аппарата Бакинского совета не «взяли» какого-нибудь из «врагов народа». До замужества Зины Юрьевой

и моего рождения оставалось два года.

Казалось бы, какая связь? Не будем забывать, что «адаптированная» к советской идеологии «чиновничья и партийно-номенклатурная братия» Азербайджана тайно отражала свои национальные интересы с учётом исторически сложившихся межнациональных «оттенков». Азербайджанцы продолжали ненавидеть армян, армяне – азербайджанцев. Мусульмане крайне настороженно относились к русским, русские к мусульманам. Попробуйте найти видимые подтверждения враждебности межнациональных отношений в реальной политике, которую осуществляла азербайджанская властная номенклатура в 1937 году. Ничего не получится! Дружба народов процветала и в партийных решениях, и в постановлениях правительства Азербайджана, и в публичных речах номенклатуры, в произведениях искусства, на театральных подмостках, в журнальных публикациях, в газетных статьях, на экранах кинотеатров.

Однако Зина Юрьева оттенки в реальности видела, когда вспоминала факты репрессий в 1937 году. «Армянин «стучал» на азербайджанца, как и тот на него. Сказывалась многолетняя враждебность и месть. Русский мог погибнуть от клеветы, автором которой был скорее азербайджанец, чем представитель какой-то иной национальности, потому что русские были колонизаторами... Примерно так...» Палитра национальностей в республике была замешана чрезвычайно густо, но национальная политика была выражена очень хитроумно! Главным лицом партийно-номенклатурного ранга в республике был азербайджанец – Мир Джафар Аббас оглы Багиров. Тогда никто не знал реальной биографии этого человека. Лишь в 1954 году, когда во время следствия в Бутырской тюрьме, а его допрос лично вёл генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко, выяснились тщательно скрываемые подробности его жизни. Стало известно, что он состоял в дашнакском отряде

под командованием Амазаспа, известного армянского военачальника, который в 1918 году оказался в Баку, где была провозглашена Советская власть и был назначен С. Шаумяном в бакинское предместье Куба для подавления выступления азербайджанского населения против Советской власти.

Багиров был сыном *духовного лица Кубинского уезда*, принадлежал к мусульманским шиитам, поскольку приставка «Мир» в имени, как самого Багирова, так и его отца, свидетельствовала об их принадлежности к потомкам пророка *Мухаммеда*. Носителями этого почётного религиозного статуса являлась лишь часть этого течения ислама.

По мере допросов, после ареста, было установлено, что после Февральской революции Багиров был заместителем Кубинского уездного комиссара-мусаватиста, капитана Али – бека Зизикского. Однако *в том же году* он стал заместителем председателя Кубинского революционного комитета, вступив в РСДРП(б) в марте 1917 года.

Такая резкая смена *политических пристрастий* оказалась подозрительной даже для самого Багирова и при перерегистрации в 1920 году он указывает *время и место* вступления в партию – *Баку 1918 год...*

На допросах Багиров оплакивал родственников, погибших от рук дашнаков Амазаспа, живших в Кубе. Однако сам он и участвовал в погромах, ссылаясь на приказ уполномоченного Бакинского совнаркома в Дагестане *Найешвили*, который якобы послал его, как *коммуниста*, удержать дашнаков от *зверских расправ над повстанцами-азербайджанцами*.

Амазаспа был расстрелян в феврале 1921 года после установления в Армении Советской власти, а Багиров в 1919 году во главе 290-го полка с неслыханной жестокостью подавил восстание в Астрахани! В 1920 году, после установления Советской власти в Азербайджане, Багиров вернулся в Баку, побывав в марте 1919 года на первом конгрессе Коммуни-

Мир Джафар Багиров

стического Интернационала в Москве. Быстро ориентируясь в системе политических течений и направлений, складывающихся в Азербайджане, Мир Джафар Багиров 10 февраля 1921 года был назначен московской центральной властью председателем ЧК *Азербайджанской ССР*.

Наступал период тотальных чисток и террора в республике. Требовался местный «Малюта Скуратов», чтобы подавлять недовольных. Тогда же М. Д. Багиров знакомится с Л. П. Берия, делает его своим заместителем в Азербайджанской ЧК. Отношения Багирова и Берии были настолько близкими, что в Кавказской партийной организации их называли *«сиамскими близнецами»*. По свидетельству людей, хорошо их знавших, сближало обоих палачей неуважение к людям, грубость, нечистоплотность...

Партийная власть в Азербайджане, с момента оккупации её 11-й Армией, долго не могла стабилизироваться. Первые лица в руководстве Азербайджанской Коммунистической партии устанавливались Москвой. Предпочтения отдавались русским, но политические претензии большевиков на *демократизацию* заставляли их искать персон с азербайджанскими корнями.

Давуд Гусейнов был назначен Москвой и избран на первом съезде Азербайджанских коммунистов в 1920 году. Сын священнослужителя, он окончил реальное училище, и по видимому имел недостаточно *пролетарское* происхождение. Пробыл на посту первого секретаря ЦК компартии Азербайджана *три месяца*, сохранив за собой пост министра финансов республики и другие звания и должности, поскольку знающих коммунистов, имевших образование и опыт в хозяйственных делах, *было немного*. В том же 1920 году его сменил Виктор Нанешвили. Прослужил тоже чуть более *трех месяцев*, а в сороковых годах был репрессирован и *расстрелян*.

Е. Д. Стасова оказалась главой республиканской партийной организации тогда же в 1920 году, с 9 сентября по 15 сентября. Что-то около *недели*...Затем последовали Думбадзе, Каминский с такими же смехотворными сроками пребывания у партийной власти. Дела в Азербайджане никак не налаживались. Наконец, был прислан С. М. Киров, который проработал на посту Первого секретаря ЦК компартии Азербайджана с 1920 по 1925 год. Его сменил тоже русский функционер В. И. Полонский, но должность эта оставалась 5 лет (!) *свободной*, пока центральная власть не нашла и не одобрила его кандидатуру и, наконец, провела *избрание-назначение*. Это случилось 5 августа 1930 года.

В эти годы моя мать уже приступила к работе в Бакинском Исполкоме и всю эту подковёрную возню за власть в республике никак не могла ни видеть, ни воспринимать. Ей было 20 лет. Как взрослый человек, она начинала свою карьеру в самом *нижнем ярусе* власти, на технических должностях.

Между тем глава Азербайджанского ЧК-ГПУ-НКВД Мир Джафар Багиров сурово подавляет недовольство в ряде провинций Азербайджана и делает это жесточайшим образом, добиваясь усмирения народа и положительной оценки И. Сталина. В письме В. М. Молотову от 21 августа 1930 года

вождь пишет: «Багирова (несмотря на его грехи в прошлом) *придётся утвердить предчека Азербайджана: сейчас он единственный человек, который сумеет справиться с поднявшими голову мусаватистами и иттихадистами в Азербайджанской деревне...*». Иначе говоря, высшее руководство страны прекрасно было осведомлено о жестокости Багирова, предпочитая сохранить «у руки» зверя, сумевшего беспощадными мерами усмирить недовольство населения Азербайджана «народной» властью.

Однако наглость Багирова переходит всякие границы, и центральные власти поспешно снимают его с поста председателя ЧК-ГПУ-НКВД. Третьего августа 1930 года ЦК ВКП(б) принял постановление «Об азербайджанских делах», отметив, что среди партийных функционеров КП(б) Азербайджана *группировочная борьба приняла совершенно недопустимый характер*... Ситуация стала выходить из-под контроля центральных властей, потому и пришлось *усмирять* номенклатурную стаю с азербайджанскими корнями, рвущуюся к неограниченной власти. В 1931 году интриги вновь *обострились*.

Теперь члены обновленного Политбюро ЦК компартии Азербайджана ополчились против своих *русских коллег*. Во главе ЦК Аз.КП(б) стоял русский – В. И. Полонский и за период его правления в Азербайджане с 1930 по 1933 год его позиции оказались сильно *подорванными* азербайджанскими коллегами во главе с...Багировым. Центральной власти ничего не оставалось в этой ситуации, как вновь *призвать* его к управлению республикой, *забыв* о неистово прокламируемых большевиками политических принципах *законности и справедливости*, которые оголтело пропагандировались в советской печати и в практике партработы по всей СССР. Полонский был убран и для *видимости* во главе партии в Азербайджане в начале поставили Р. Г. Рубенова. Он *девять месяцев*

оставался у власти, кстати сказать, чисто номинально, пока всё руководство органами государства и в партии переходило, с согласия ЦК ВКП(б), к... Багирову.

В октябре 1932 года он возглавил Совет Народных Комиссаров Азербайджанской ССР, а 1 декабря 1933 года стал секретарём Бакинского городского комитета КП(б) Азербайджана. Через неделю, 15 декабря 1933 года, он был избран (*назначен*) 1-м секретарём ЦК Компартии республики.

Если до прихода Багирова во всех властных структурах решающую роль играли русские, армяне, лезгины, грузины, евреи, несмотря на публично пропагандируемую политику *коренизации* управления, с приходом Багирова на смену им пришли местные *национальные* кадры. С приходом времени репрессий 1937 года эта старая *элита* была им полностью *уничтожена*.

К примеру, в 1926 году в Азербайджане проживало 13 народов, причём их численность в Бакинском регионе сильно отличалась от всего национального пространства республики.

В Баку проживало 2 процента турок, почти 17 процентов армян, 26 процентов азербайджанцев и 37 процентов русских. Азербайджанская политическая *номенклатура* республики использовала сталинские репрессии, чтобы хоть как-то «*выровнять перекосы*» национальностей в *сегментах власти*, с одной стороны, и их количественный состав в *общенациональном масштабе* – с другой.

Разумеется, это не было *очевидной* целью, но оснований для применения такого *метода* у Багирова на долгие, почти двадцать лет, ставшего единовластным руководителем Азербайджана, были! В эту *мясорубку*, как мне кажется, *попал и я*, родившись в Азербайджане в 1939 году. Но об этом позже... Моя мать выжила. Став секретарём у Председателя Баксовета, она продолжала работать в Горисполкоме города Баку...

...Чистка коснулась и гордости Советской системы – Первой Советской Энциклопедии. *Народная власть*, впопыхах, создала и издала в 1926 году Советскую Энциклопедию. Общеобразовательные сведения *перетаскивали* из уважаемых и проверенных временем источников. Философские догмы с позиций новой власти и большевистских вождей изложили уже собственные *советские* профессора. Политические *сегменты* заполнили фотографиями так называемых *соратников* В. И. Ленина, и то далеко не всех...

...В начале 1950 года я жил у бабушки на квартире по адресу: Баку, улица Низами 28, квартира 5. Было мне десять или одиннадцать лет. Я только что вернулся из противотуберкулёзного диспансера и по просьбе отца, его мать приютила меня в своей квартире, поскольку условия её жизни были гораздо лучше, чем в доме моих родителей.

Тогда я впервые начал читать книги, собранные дедом Александром Павловичем Юргановым за время его работы в системе «Союзпечать» и запёртыми бабушкой в книжном шкафу, стоявшем в холле – большой комнате без окон. Очень быстро я справился с замком в шкафу и, начиная с раннего утра, когда бабушка уходила на работу на Бакинский телеграф, я открывал шкаф и вытаскивал тяжёлые тома *Первой Советской Энциклопедии*.

Тогда меня *поразило* значительное количество аккуратных черных полос, замарывающих статьи и фотографии изображённых в Энциклопедии вождей так называемой *Октябрьской революции*, Гражданской войны и Советской власти. Я не имел никакого представления о значимости лиц, которых цензура спешно хотела убрать со страниц томов, нехстати попавших туда еще в момент издания многотомного собрания Энциклопедии. То были Г. Зиновьев, Н. Бухарин, М. Томский, А. Рыков и другие, которые стали преследоваться сталинскими *карателями* в момент, когда печатание книг Энциклопедии уже было завершено и они

отправлялись подписчикам.

Много позже я понял, что издатели Энциклопедии торопились показать миру и народу *«революционных преобразователей»*, но просчитались. Попав в период продажи готовых томов под удары сталинской гильотины, репрессированные *«вожди»* обратились во *«врагов народа»*, утратив ореол *«святости»*, и были уничтожены. Чтобы слова властей не расходились с делом, изображения *новоявленных врагов* были в Энциклопедии тщательно заштрихованы. Делать это было гораздо проще и дешевле, чем осуществлять переиздание дорогих и трудоёмких в изготовлении книг. Не что подобное случилось со следующим изданием, предпринятом с 1949 по 1968 год. *Привычки властей остались прежними*: был «разоблачён» и расстрелян М. Багиров – первый секретарь Азербайджанского ЦК Компартии, и его друг – Л. П. Берия. Их фотографии вымарывались со страниц уже нового издания Советской Энциклопедии, при Н. С. Хрущёве, бывшем главой Советского государства и КПСС...

Снова обращаюсь к статистике, чтобы попытаться *«ухватить»* тенденцию межнациональных отношений в республике с момента прихода *«самой справедливой, подлинно народной власти в мире»*.

В 1926 году в республике проживало – 26,2 процента азербайджанцев, представителей так сказать *титульной нации* края и 36,9 процента русских, то есть потомков колонистов – мигрантов со всех концов сначала царской России, затем Советской. Между тем, вместе с расстрелом *«врагов народа»* и всех граждан, неудобных *«народному государству»*, колонизация Азербайджана *продолжалась*. Только шла она под политическим *«соусом» пролетарского интернационализма*. В 1939 году, к моменту моего рождения в городе Баку, я получил в статистических сводках скорее всего *«звание» коренного жителя* столицы Азербайджана, будучи по национальности *русским* и проживая там до 1959 года вместе

с 43,6 процентами моих этнических собратьев.

Получалось так, что я и моя мать, родившиеся в Баку, оказались *«коренными азербайджанцами»*, то есть живущими на территории республики с рождения! При этом мы не говорили на национальном языке, не имели ни малейшего представления о культуре нации, её религиозных и этнических предпочтениях.

В 1939 году титульное население республики – азербайджанцы исчислялось только 27,4 процента. Разумеется, ни мать, ни отец, ни я азербайджанского языка изучать не собирались. От этого нас ограждала Азербайджанская Конституция. Миллионы армян, русских, грузин и т.п. национальных меньшинств обладали *конституционным правом* писать, читать, говорить на своём родном языке. Никаких обязательств овладеть языком титульной нации у представителей иных национальных групп населения не было. Лишь сами азербайджанцы являлись хранителями лингвистических и культурологических основ своего этноса. На основе Конституции Азербайджанской ССР, принятой в 1920, затем в 1924 годах, *размывалась национальная культура титульной нации...*

К моменту моего окончательного отъезда из Баку в 1959 году, по статистическим сводкам, в Азербайджане проживало – 34,7 процента русских, по сравнению с 32,9 процента азербайджанцев. Никаких принципиальных перемен *в положении титульной нации*, как видим, не произошло! Этот *колониальный перекос* был полностью ликвидирован только к 2009 году, когда национальное государство *Азербайджан* стало развиваться абсолютно *самостоятельно*.

Случилось главное – очищение нации от потомков многочисленных мигрантов, которые окончательно покинули просторы этой страны. Русских в Азербайджане осталось 5,3 процента, зато представителей титульного населения – азербайджанцев – стало 90,3 процента. К тому времени

государственным языком не на словах, а на деле, стал азербайджанский. Титульный этнос наконец-то обрёл не выдуманные, а реальные лингвистические, культурные и религиозные признаки. При этом уважаются европейские ценности и мульти – этническое разнообразие, члены которого согласны с *обязанностью* знать и оберегать национальный язык страны проживания – Азербайджана, уважать историю и культуру его народа.

Потребовалось почти *двести лет*, чтобы справедливость восторжествовала, если считать справедливостью процветание народа мусульманского государства, избавленного от пяты Российского царизма и советской гегемонии.

Прошла целая эпоха со дня подписания с Ираном Туркманчайского мира в 1828 году, согласно которому Азербайджан переходил под юрисдикцию царской России, и началась его колонизация. Затем – оккупация республики 11-й Армией и превращение Азербайджанской ССР в марионетку СССР до полного краха Советской власти. Наконец в 1991 году был утверждён истинный суверенитет республики Азербайджан, чему, как бывший житель города Баку, я очень рад...

Перепись населения, проведенная в 2009 году уже в свободной Азербайджанской республике, с проточной точностью констатировала: избавление от колониального гнёта *осуществилось!* Нынче в стране проживает подавляющее большинство титульной нации, чей язык, религия, культура избавлены от преследований и стали реальной базой духовного и свободного развития азербайджанского общества, сохранившего тяготение к нормам современной цивилизации...

...Когда Зина Юрьева готовилась к *работе* в Баксовете, в её внешнем облике стали проявляться черты артистизма, которые обещали расцвести к зрелости, обратившись в яркую художественную натуру. Неожиданно у неё обнаружился сочный, глубокий голос.

Она очень любила петь. Нередко соседи заслушивались, когда Зина Юрьева пела народные песни: «*Ах вы сени, мои сени...*»; «*Однозвучно звенит колокольчик*»; «*Вот мчится тройка почтовая*». Не раз она слышала от незнакомых, да и от близких подруг: «Учиться бы тебе пению, Зинушка!» Честно говоря, она и сама стала задумываться об этом.

Вернувшись из Туровки, где она часто пела с подругами-сельчанами протяжные русские песни, она решила, наконец, поговорить со старшим братом Михаилом о конкурсном испытании в консерватории, сообщение о котором прочитала в газете «Бакинский рабочий» и задумала попытаться счастья.

Отреагировал Миша спокойно. Спросил: «А ты выдержишь?» Зина была в себе уверена. Михаил ничего не обещал, но участие в экзамене одобрил. Шура, узнав об этом, запротестовала: «Да ты что? А кто же мне помогать будет?» Под условие, что Зина только попробует выдержать это испытание, а там «*видно будет*», Шура немного успокоилась.

Тогда Советская власть в республике относилась к классическому, тем более вокальному искусству, осторожно, хотя спекуляций в Азербайджанской ССР на тему: «*искусство в массы!*» или «*искусство принадлежит народу!*» – было предостаточно.

Развитие национальной музыкальной культуры как первостепенной задачи в 1926 году в планы партийной номенклатуры Азербайджана не входило. Во-первых, были неотложные экономические проблемы. Актуальными оставались задачи борьбы с «врагами народа», среди которых оказалось немало музыкантов. Во-вторых – с позиций новых чиновников Азербайджанского Советского государства симфоническая музыка и опера продолжали оставаться «*буржуазным искусством*», хотя имели своих приверженцев в лице национальной интеллигенции, выжившей в огне *красного террора*.

Тем не менее, композитор Узеир Гаджибеков представил в Азербайджанском комиссариате народного просвещения доклад о необходимости создания в республике высшего учебного заведения музыкальной направленности. Ахундов, Рухулла Али оглы, тогдашний комиссар просвещения Азербайджана, идею одобрил, но в апреле 1938 года нарком был арестован азербайджанским НКВД, осуждён и расстрелян, как «враг народа». Автор двухтомного азербайджано-русского словаря, зачинатель первых переводов на азербайджанский язык произведений Маркса-Энгельса *был после расстрела карателями НКВД похоронен на секретном кладбище...*

За девятнадцать лет до этого трагического события, в годы Азербайджанской Демократической Республики (АДР), 25 мая 1919 года, было положено начало строительству здания Азербайджанской государственной консерватории и через двадцать лет, в 1939 году, оно было, наконец, *завершено*. Узеир Гаджибеков стал одним из его преподавателей, основав в консерватории восточное отделение, где преподавалась азербайджанская музыка.

Учебное пособие «Азербайджанские народные песни», написанное Узеиром Гаджибековым вместе с композитором Муслимом Магомаевым (дедом знаменитого советского певца Муслима Магомаева, о котором я расскажу в следующей книге), впервые было использовано в академической программе.

Итак, в 1931 году было решено провести в консерватории первый конкурсный отбор студентов на отделение классического вокала, в котором участвовала моя мать – Зина Юрьева. *«Я помню, как пришла на экзамен, – вспоминала моя мать, – хотя, что пела, кто слушал, сказать не могу, забыла... Скорее всего пела я какую-то русскую народную песню. Кроме меня участвовали и другие юноши и девушки, в основном азербайджанцы, которые на конкурсе исполня-*

ли национальные песни. Вобщем, спела... Мне даже кто-то из комиссии захлопал, то ли азербайджанец, то ли армянин. Его поддержал какой-то дядечка с усами, лет сорока, сорока пяти (похож на У. Гаджибекова – О.Ю.) Я убежала от смущения и стала ждать в коридоре. Мне потом сказали, что я прошла, но предупредили, что за учёбу надо платить...»

Чтобы завершить эту историю, расскажу, как она закончилась. Зина Юрьева принесла весть Шуре. Та встретила сестру мрачным замечанием: *«Ну так что?»* Тогда Зина пошла к Мише и сообщила ему, что конкурс прошла и готова учиться петь, но надо платить за учёбу. Миша растерянно развёл руками: *«Я бы рад, но у меня не такой большой заработок, чтобы платить за твою учёбу!»* Николай Юрьев и подавно отмахнулся: *«Ты что, с ума сошла? Где я тебе деньги достану?»* На том всё и закончилось.

Эту историю мать мне рассказывала очень давно. Повидимому этот эпизод глубоко пророс в её памяти. Рассказывала она с лёгкой печалью и в голосе, и во взгляде. Конечно, она понимала, что вряд ли её бакинская родня смогла бы собрать нужную сумму для учёбы в консерватории. Со временем история забылась, и Зина Юрьева устроила свою судьбу по иным лекалам, далёким от вокального искусства...

...Я не могу сказать, что использую в этой книге воспоминания. Это скорее всего *впечатления*, которые запали в мою память в момент, когда моя мать что-то мне рассказывала о своей жизни. Точнее, о своей ранней юности. Потому я *прозвал* эти впечатления *«фантазиями»*, что опираюсь на собственную память, черпая из неё следы прошлых лет, в которых застряли некоторые детали прожитой судьбы моей матери. Она могла рассказывать мне *«под настроение»*, потому что я *редко* задавал ей вопросы, поскольку был чаще всего *плох и вял*. Болезнь брала своё и надо было меня как-то отвлечь от боли и страданий, и тогда мать что-то о себе рассказывала. Однако часто я наталкивался на её молчаливое

нежелание повествовать что-то о своей жизни. Женщина далеко не всегда выдерживает давление тяжких обстоятельств, а болезнь её ребенка – куда ж тяжелее?

...В свои 16 лет я случайно наткнулся на тетрадь, исписанную её почерком. Оказалось – она вела дневник! Именно там я обнаружил её мысли по поводу *ухода отца*, с желанием *сделать карьеру в политике*. Там же мать писала о его возвращении в семью *после* публикации статьи-фельетона по письму Зины Юргановой в «Комсомольской правде». У меня не осталось сколь-нибудь определенного мнения по этому факту. Я отлично понимал отчаяние женщины и *стереотип*, который сложился в советском социуме: *предавать гласности* то ли в газете, то ли на партбюро или на партсобрании, или в профкоме сложные жизненные эпизоды, возникавшие в советских *семьях*. Об этом мы друг с другом не говорили. Мне было стыдно, что я прочитал записи в её тетради. Правда, мать, однажды выбросив её в мусорку, невольно дала мне понять, что предмета для разговора больше *нет...*

...Возвращаясь к истории поступления Зины Юрьевой в консерваторию, могу предположить, что моя мать, по видимому полагала, что и её внешность, и её природный вокальный талант *всё-таки* заслуживали *большее* внимания, чем случилось это в её судьбе. Но могла ли она рассчитывать только на собственные силы? Жила она в то время, когда «*о высоком*» надо было думать *осторожно*, потому что искусство, «*принадлежит народу*», осваивало *идеологию*, которую Советская власть этому же народу *предназначала*, а точнее – *предписывала*, превращая в заурядную *политграмоту*. Об этом свидетельствовало множество партийных постановлений ЦК КПСС, касавшихся и музыкальной культуры, и художественной литературы, и театрального искусства, и живописи. «Жрецы» верховной власти старательно «*выпрямляли*» всевозможные *искривления в искусстве*, в том числе и музыкальном, не забывая отправлять

в ГУЛАГ для каторжных работ или на *перевоспитание «художественных упрямцев»*, не останавливаясь и перед их *физическим уничтожением*.

Желание Зины Юрьевой получить музыкальное образование было сопряжено не только с затратами, которые её родная семья не могла обеспечить. Я пишу об этом потому, что на самой заре Советской власти музыкальное образование в национальных окраинах, в частности, в Азербайджане, было сопряжено с *задачами национального выживания и национального развития*. Самым безошибочным для национальной интеллигенции Азербайджана, во всяком случае, во времена репрессий и красного террора, было обращение к эстетике, духовным идеалам собственного народа. Осваивать мировую музыкальную классику, тем более учить новое поколение (*колониальных потомков русских*) азам вокальной культуры Западной Европы было явно не вовремя.

Родоначальники *национального азербайджанского искусства* – Узеир Гаджибеков и Муслим Магомаев-старший оказались малодоступными для обладателя вокального таланта моей матери – русской и по корням, и по национальной сути своего характера.

К тому же музыкальной интеллигенции Азербайджана приспособиться к пропагандируемой *советской идеологии* было очень непросто. Особенно, когда случился разгром Азербайджанской Демократической Республики (АДР), оккупация Азербайджана 11-й Красной Армией, внедрение в мусульманском государстве политических каноников *диктатуры пролетариата*, которая *калёным железом* уничтожала этнокультуру ислама, выжигала национальную эстетику и национальное своеобразие народа.

В 1919 году тот же Муслим Магомаев-старший, чтобы выжить в наступившее противоречивое время, с его крайностями и политическими недоразумениями, сразу

после приезда в Баку из Грозного, где он родился, начал преподавать в Бакинской средней школе физику и математику. Кстати, мой отец, Борис Юрганов, учился в его классе. Муслим Магомаев – старший был гораздо более известен в Баку в 1919-1928 году как замечательный учитель физики и математики, чем как первый автор азербайджанской оперы «Шах Исмаил», которую он писал урывками, в свободное от классных занятий время.

Он оставил после своей смерти большую коллекцию записей классической музыки. Слушая записи знаменитых итальянских певцов, он развивал не только свою духовную гармонию, но невольно *разбудил* и вокальный талант своего знаменитого на весь СССР внука – Муслима Магомаева-младшего, попавшего в середине семидесятых годов XX века на стажировку в Италию, в театр Ла Скала, где в своё время пели записанные на пластинки певцы из вокальной коллекции, собранной его дедом.

Я благодарен судьбе за то, что она однажды и меня свела с внуком Магомаева – старшего, ставшего великим певцом моей современности, оставив в моих чувствах неизгладимый след...

...Однажды, уже в подростковом возрасте, мне было лет пятнадцать, я просматривал фотографии в нашем семейном альбоме. Пухлый том, хранящий картинку с изображением следов времени. Старые «фотки», несущие в себе черты исчезнувшего в глубинах времени дизайна и мастерства фотографов прошлого. Здесь же отпечатки советских фотолюбителей, граздо более скромных и по качеству, и по содержанию. Всё это есть в каждой семье. Я не знаю, как получилось, что я почти полтора десятилетия не притрагивался к этим снимкам, а теперь открывал для себя изображения знакомых и незнакомых лиц, как бы прохаживаясь по залам портретной галереи.

Вот я вижу фото матери с чернокожей юной женщиной.

Одну...Вторую... «*Это – Лиза, – сказала мне мать, – а это – Ричел, по-нашему Рая. Я познакомилась с ними в парке Монтин в 1932 году...*»

Кто такой был Петр Монтин я узнал много позже. Во всяком случае, в Баку были названы его именем и парк, и станция электрички, и довольно большой посёлок, а всё: города, улицы, проспекты называли в Советской России и в Азербайджанской ССР тоже именами революционеров. Стало быть, Пётр Монтин и был таковым.

«...В парке была небольшая танцплощадка, куда я ходила с подругами немного развлечься, когда еще училась на рабфаке. Ходили мы вечером, но когда было еще светло, потому что не хотели возвращаться домой в темноте. Так вот... Я обратила внимание на чернокожую девушку, которая пересекала танцплощадку и шла по направлению ко мне. Подошла, кивнула мне и встала рядом. Кожа у нее была очень черная, а губы толстые и красные. Волосы были в мелких кудряшках. Негритянку я видела первый раз в жизни. Пока я раздумывала, как к нам в Баку попала эта негритянка и откуда она, девушка, на ломаном русском, призналась, что говорит на русском очень плохо, потому что приехала год назад из Америки. Скажу честно, я не знала этого слова – «Америка». Мы, деревенские девочки, мало что знали, и я спросила её: «Америка, это что или где?» Она махнула рукой куда-то вдаль и засмеялась. Я поняла, что сказала какую-то глупость, но не обиделась и спросила, что она здесь делает? «Давай познакомимся, хочешь?» Мы познакомились. Она сказала, что зовут её Лиза, ей 24 года. Своё имя она произнесла с буквой похожей скорее на «с», чем на «з». Мне тогда было года двадцать два – двадцать три. В общем, мы были почти ровесниками, хотя Лиза выглядела старше меня. Мы прошли в глубину парка и сели на скамейку. От неё я узнала, что в Америке она жила в Балтиморе и однажды услышала слова рабочего агитатора, который рассказывал, что есть такой город нефтяников

– Баку, куда русские большевики зовут всех желающих по-работать на нефтяных промыслах, чтобы помочь молодой Советской республике строить новую жизнь. Она закончила школу, но с работой в Балтиморе было трудно, потому что она черная, а люди с её цветом кожи в Америке живут плохо... Мы с Лизой стали общаться. Однажды я познакомилась с её подругой – Ричел, но звать её я стала Раей. И у неё была похожая история. Они обе были молодыми коммунистами. Говорили, что компартия в США собрала деньги на пароход, чтобы отправить их с большой делегацией в СССР. Однако денег на всех не хватило, и их отправили со специалистами из Техаса, где были нефтяные промыслы и работали знатоки нефтяной профессии. Перед поездкой Лиза и Ричел закончили курсы лаборантов и с двумя американцами-инженерами оказались в Баку. Встречались мы нечасто. Однажды решили сфотографироваться на память. Перед этим Лиза сказала мне, что ей и Ричел придётся вернуться в Америку, потому что... Тут она прикоснулась губами к моему уху и прошептала: «...Я боюсь, что меня считают вредителем...». Услышав эти слова, я и сама испугалась. Был 1932 или 34 год, и я нередко слышала про то, как хватали в Баку людей, обвинив их во вредительстве. Потом по радио слышала о судебных процессах над вредителями и врагами народа. Поскольку Лиза и Ричел приехали из Америки, легче всего было заподозрить их в этих делах. Мы были дружны, как девчонки-одногодки, но время было тревожное! Я работала в Бакинском Совете и мои встречи с американками могли бы сослужить мне плохую службу! Очень скоро я перестала видеться с Лисой и Ричел. Поняла, что они скорее всего уехали домой. А потом, совершенно случайно, я узнала, что один из их группы, американец, инженер-нефтяник, был арестован и расстрелян за якобы вредительские действия на нефтяных промыслах в Баку...»

Зина Юрьева
и американка Лиса
город Баку 1932 год

Волею судеб, в начале девяностых годов XX века, я оказался в США, в Балтиморе, получив здесь вид на жительство вместе с женой и детьми. Затем я стал гражданином этой страны. Мне очень бы хотелось найти корни Ричел и Лисы в США. Но как я мог это сделать? Я не знал ни их фамилий, ни где в Балтиморе жили эти две чернокожие женщины, прибывшие в Баку в середине тридцатых годов XX века по призыву Советской власти участвовать в строительстве социализма, сфотографировавшиеся вместе с моей матерью...

...Я не в силах воспроизвести достаточно верно повседневную жизнь моей матери до встречи с моим отцом в 1938 году и заключения с ним брака, в котором я и был рождён в следующем, 1939 году. Не думаю, что это надо обязательно делать, но моя фантазия опирается на мой собственный опыт жизни, которая несмотря на разительные отличия от опыта матери и отца, имеет, с ними много сходного.

Зина Юрьева, Борис Юрганов и все их родовые предшественники были коренными российскими крестьянами. С корнями, глубоко погруженными в землю, хозяевами которой они никогда не были. Страсть к выращиванию в земле хоть каких-то живых росточков, то ли в горшках, то ли

на миниатюрных грядках, была у моей матери сызмальства.

Я хорошо помню кухню нашей бакинской квартиры, плотно заставленную цветочными горшками, в которых росли домашние цветы. В соседских домах я ничего подобного не видел и могу судить о желании моей матери окружить себя зеленью, как о нестерпимой готовности *коренного землепашца*, оказавшегося в городской сутолоке, выделить хоть квадратный метр под зеленые насаждения. За порогом нашей квартиры было всего лишь четыре-пять квадратных метров периметра. Он был отменно удобрен и посажено было там всё, что могло расти: помидоры, огурцы и иная растительность, украшавшая листвой зелени и неприхотливыми цветами территорию земли у порога.

Сразу за воротами большого двора, поверхность которого была застлана кирпичами и где располагалась квартира Зины Юрьевой, проходила улица, покрытая асфальтом. Вела она в сторону выхода из тупика на Ольгинскую, переименованную затем в улицу Красноармейскую, открывавшую проход и проезд в *настоящий* город с трамвайными путями, неширокими тротуарами в обе стороны рельсового пути.

Вдоль Красноармейской улицы пройдёшь вниз метров двести, выйдешь на Михайловскую, так она называлась раньше, и мир уже совсем иной, требовавший большего внимания, готовности к многолюдным неожиданным встречам и даже определенным рискам, в зависимости от времени суток.

Главный маршрут моей матери, когда она вернулась из Туровки и жила в своей квартире, пролегал по Красноармейской улице до квартиры Шуры, которая жила на этой улице, точно уж и не припомню какой номер. Сегодня эта улица имени Самеда Вургуня, замечательного поэта Азербайджана...

...Чтобы попасть к тётке Шуре Ионовой, старшей сестре моей матери, надо было пройти вниз по Красноармейской,

войти в большие ворота, пройти сквозь длинную штольню входа с дверями по обе стороны, выйти на широкий двор, повернуть левее и, пройдя мимо двух заборчиков, оказаться у заросшего виноградником входа в квартиру тётки Шуры.

Там мою мать ждали заботы о племянниках, за которыми Зина присматривала в свободное от учёбы или работы время. Теперь, после окончания рабфака, Зина Юрьева могла помогать семье Шуры только в выходные дни, поскольку уже начала работать курьером в Бакинском Совете и все дни недели была очень занята.

Власть Советов *обустраивала* жизнь в Азербайджане через кровь насилия, репрессии и бесконечные обыденные заботы, которые каждое государство пытается выстроить, опираясь на здравый смысл и... свою идеологию. Элементарные догмы марксизма-ленинизма-сталинизма *внедрялись* в сознание народных масс через систему кружковой политсети. Не избежала этого и моя мать. В политкружке для технических работников Баксовета некий пропагандист утверждал *истины*: «советские», «государственные», «политические», подкрепленные конкретными газетными публикациями.

Оппозиции не было. Все газеты трубили одно и то же, неважно на русском они языке печатались или азербайджанском. Напомню – моя мать владела только русским языком.

Была *поднадзорной* и сама политическая лояльность пропагандиста. Если кто-то из слушателей политкружка задавал вопросы, не имеющие отношения к сути «*пропечатанной*» в советских газетах Азербайджана, его тут же брали на «заметку». В наступившей через какое-то время «*новой каденции*» репрессивных чисток его вполне могли «*загresti*», приписав уже полновесную вину (*шпионаж, диверсию, вредительство*) и отправить в лагерь. Это в лучшем случае, а в худшем – просто расстрелять под *благовидным* предлогом.

Привыкание к страху делало сам страх низведенным к почти нечувствительному состоянию души, онемевшей

от него. Моя мать рассказывала мне, что сама она никогда не сомневалась в правомерности Советской власти. Она в принципе не ведала ни о какой иной государственности, существовавшей в мире. Знала лишь политические, государственные «образы», внедряемые официальной пропагандой. Как и все граждане, она должна была испытывать страх, думая *не о советском*. Презирать всех, кто определенно тяготел к *не советскому*. Публично гордиться уникальным политическим устройством «первого народного пролетарского государства рабочих и крестьян». Страшиться *вольнодумства*. Воспринимать сомневающихся в *советских* политических ценностях, как потенциальных *врагов трудового народа*.

Когда она познакомилась с чернокожими американками, те рассказывали ей о расовой сегрегации в США. Разумеется, все ужасы насильственного расового разделения (сегрегации) на чёрных и белых в США были *реальными*, как и *рабство*, пережитое афро-американцами еще совсем недавно. *Рабство*, известное старшим родственникам Лисы и Ричел, получившим свободу при президенте Линкольне после победы в Гражданской войне. В их рассказах американская жизнь выглядела мрачно. В сравнении со «свободами», прописанными в Конституции Азербайджана, расовая сегрегация в США выглядела со слов чернокожих девушек настоящим *позором*. Но хронические подозрения во враждебных намерениях иностранных граждан на территории СССР оказались *первородным грехом* Советской власти! Он делал «народную власть» и «государство рабочих и крестьян» местом *опасным* для проживания даже *союзников* системы!

Зина Юрьева, которая общалась с двумя милыми чернокожими девушками, рассказавшими ей о расовой ненависти в США, ничего кроме сочувствия к ним испытывать не могла, но какое-то время, по её собственному призна-

нию, она *боялась* за себя! Что делать деревенской девушке, служащей Баксовета и уже *адаптированной* к социальным и политическим *стандартам* советской идеологии?

В поликружке речь шла о *тотальной* враждебности буржуазных «элементов», которые умело *маскируются* в советском обществе под «*привилегированные*» классы народного государства – рабочих, колхозное крестьянство... с единственной целью: нанести «удар в спину» пролетарскому государству.

Бегство домой, в США, двух чернокожих подружек по сути было бегством от жестокой насильственной советской системы, как ни странно, мало чем отличавшейся от той, которая была домом Лисы и Ричел, куда они вернулись. Однако сегрегация в США была *следствием* «цивилизационного тупика», который в конце концов был *преодолен* в шестидесятых годах XX века успешной борьбой за гражданские права чернокожего населения во главе с Мартином Лютером Кингом.

Советская же система была плодом *больного политического воображения большевиков*. Она была порождена «*утопическими*» принципами «*борьбы классов*» и «*диктатуры пролетариата*», извлеченными из трудов К.Маркса, воплощена в жизнь вождями РСДРП(б) ценой кровавого переворота, названного ими «революцией», и жесточайшей Гражданской войны. Затем подхвачена коммунистами – сталинцами в годы террора и бесчеловечных репрессий вместе с последующими «генсеками», которые умело *переплавили* эти идеи в *политический абсурд строительства коммунизма*. Полуграмотные партийные кадры, выращенные за годы Советской власти, опираясь на бредовые идеи, упрямо и неистово *вдалбливали в головы* миллионов граждан СССР этот откровенный политический блеф все семьдесят четыре года существования «*народного государства*».

«Я была очень старательной и никогда не отказывалась

от участия в работе нашего политкружка. То есть не пропускала занятия. Я была беспартийной и меня наверное воспринимали в тридцатые годы, как человека недалёкого и политически малограмотного. Вопросов я не задавала, хотя мне хотелось спросить, почему те, кто к нам приехал строить социализм, бегут назад, домой? Я очень тщательно всё конспектировала и прорабатывала те брошюры, которые изучались в кружке. Мне предлагали несколько раз вступить в ряды комсомола, но я отказывалась, ссылаясь на свою политическую неразвитость. Я работала и это было главным в моей жизни. Получала гроши, на которые невозможно было прожить. В глубине души я думала, что поскольку я только начинаю трудиться, потому и получаю так мало. Надеюсь – всё ещё впереди. Следы от недавнего поспешного бегства из Азербайджана моих двух чернокожих подружек-американок саднили, но я думала, что наверное для них это был лучший выбор, потому что в строительстве социализма в «одной отдельно взятой стране», как нам говорили в политкружке, слишком велик «вражеский соблазн навредить» трудовому народу. Но я никогда не думала, что Лиса и Ричел могли что-то плохое сделать здесь, в Азербайджане. Однако я молчала, сомневаться было опасно, так что выбора у меня не было...»

При разнице образованности, культуры, увлечений, времени жизни моей и матери невольные сходства событий, случившихся у меня и в её судьбе, иной раз просто поражают!

В 1977 году я познакомился в кафе «Березка» в Минске с африканцем по имени Аду Бансе из Верхней Вольты (так тогда называлось государство «Буркина – Фасо»). Была она бывшей колонией Франции, и мой новый знакомый учился в Минском политехническом институте, желая получить высшее техническое образование в Белорусской ССР. Аду жил в состоятельной семье, которая оплачивала все его расходы на образование, превосходно говорил на французском,

много лет жил и учился в Париже, даже стал дипломатом. Однако решил получить техническое образование и, уволившись с дипломатической службы в Париже, где он работал посланником своего государства, приехал в Минск.

Мы подружились. Бытовой расизм в Минске был, к сожалению, совершенно очевидным и в народе, и в среде партийного истеблишмента. В народе он был беззлобным. Скорее всего свидетельствовал о низкой культуре даже среди интеллигенции, зато среди номенклатурного партийного и чиновного люда оформился в какую-то странную и стойкую заразу. С ней приходилось сталкиваться студентам – африканцам, приехавшим учиться в Белоруссию.

Белорусские девушки, выходя замуж за африканцев – студентов, получили возможность выезжать за рубеж, раздражая «расовой неразборчивостью» партийную номенклатуру

Олег Юрганов и Аду Бансе
город Минск 1977 год

и местных парней. Иной раз на этой почве возникали потасовки или драки, однако не более и не менее чем столкновения среди жителей Минска друг с другом на танцплощадках или в клубах, в студенческих обежителях.

Аду Бансе был весёлый, остроумный человек, выходец из родовой элиты столицы Верхней Вольты – Уагадугу. На русском говорил вполне прилично. Был он третьим ребёнком в огромной семье крупного правительственного чиновника, имевшего трёх жён и пятнадцать детей. В Белоруссии Аду полюбил русскую девушку и женился на Наташе, которая заканчивала Минский пединститут. Этот брак стал для Наташи и её семьи разрушительным ураганом! За «*некорректный выбор мужа дочерью*» её отец – полковник советской армии – был своим начальством уволен из Вооружённых Сил СССР.

Когда Аду закончил институт и уехал на родину, справив в Минске свадьбу, женившись на своей любимой Наташе, я изредка с ним переписывался. Прошло три года. С Аду мы уже не общались и даже не переписывались. Заботы – как я думал – захватили его целиком, да и моя жизнь была полна всевозможных проблем.

В тысяча девятьсот семьдесят восьмом или семьдесят девятом году я был приглашён в Первый отдел крупнейшего военного предприятия в Минске, где я работал социологом. Чиновник Первого отдела, в задачу которого входило обеспечение секретности производственного процесса и конструкторских разработок, вызвав меня в свой кабинет, стал выпрашивать, имею ли я «...связи с заграницей...». Я, разумеется, всё отрицал, что было истинной правдой, и тут настал «*момент истины*». Выдержав паузу, чиновник спросил меня, прищурившись: «Кто вам Аду Бансе?» Я ответил, как и было в самом деле: «Мой хороший знакомый, который учился в Минском политехническом институте...» – «Однако он иностранный подданный!» Чиновник сорвался

на фальцет, а я невольно покрылся потом реального страха, от которого уж точно *никуда не деться!* И хотя это был короткий миг атавистического переживания, пришедшего с неведомых мне лет террора, воплощения идеологии «чисток», борьбы с миллионами «врагов народа», мне было крайне неприятно!

Да, времена и впрямь уже были другие... Я терпеливо выслушал *только* десятиминутную лекцию о бдительности, опасности «*кражи технологий*», «*подрыве военной мощи страны...*» и прочий *бред*. Но главное было то, что я не был арестован. Не подвергся жестокому дознанию. Не был расстрелян как «враг народа...»

Моменты знакомства и общения с иностранными гражданами, случившиеся в судьбе моей матери Зины Юрьевой и в моей жизни разделяли *почти сорок семь лет*, но советская *система* была насквозь пропитана секретностью и тотальной подозрительностью. Тем не менее её крах был *наследственно* неминуем, что и случилось в начале девяностых годов XX века...

...Начиная с 1931 года и до самой смерти, хранила мать память о дружбе с тремя бакинскими женщинами-подругами: Паней, Ольгой Гусевой и Элей Столяровой. Фамилию Пани я не знаю, а Ольгу Гусеву и Элю Столярову с дочерьми Ириной и Светланой, мужем – Александром Столяровым, помню хорошо. Это были превосходные друзья моей матери, которые общались с ней с молодых лет до дней болезненной старости. Подруги матери приезжали к нам в Краснодар, оживлённо переписывались, рассказывали о жизни, делились радостями и бедами своих семей и детей. Их жизненные заботы были полны только обыденными, каждодневными целями, характерными для каждой средней советской семьи: заработать деньги, найти подработку, чтобы «утрясти» жизненные проблемы. Все политические декларации властей, съезды КПСС, программы строительства

Зина и её подруги:
Оля и Паня
город Баку 1930 год

коммунизма и прочий политический «барабанный бой» проходили, как сквозь *сетку* этих *озабоченностей*.

Лживость *системы* была очевидной, усилия власти – *прилично выглядеть* – были смешными. Возможности Советской власти воспринимались и матерью, и её подругами, как *несущественные* для решения жизненно важных задач в их трудной, напряжённой повседневности. Они просто принимали её, как реальность, в которой был некий порядок, к которому они привыкли. Все надежды, связанные с вмешательством *народного государства*, были связаны со страхом наказания или обыкновенного обмана, на который были горазды советские чиновники. Скудость заработка толкала на дополнительные усилия, а поскольку они были связаны с необходимостью сокрытия дохода, это влияло на характер, например, Ольги Г. – ближайшей подруги матери делая её скрытной и осторожной, хотя их связывали почти тридцать лет дружбы...

Жизненные представления, привычки, потребности подруг моей матери я считал устаревшими, не связанными с *великими* целями советской *системы*. Почему? Причина формирования такой позиции у меня была проста: я был *продуктом* этой власти и этой идеологии. Повзрослев, готовился *приложить* усилия для её *дальнейшего* развития. Мне еще только *предстояло* понять *нежизнеспособность* социалистической *системы*, её *приговорённость* к неминуемой гибели...

В одном из наших редких разговоров, еще при жизни в Баку, мать призналась: «О чём мы говорили с Элей, Паней и Ольгой очень часто, так это о засилье азербайджанцев на работе. Это стало чувствоваться в середине пятидесятых и в начале шестидесятых годов. Азербайджанцы могли рассчитывать на кадровый рост гораздо быстрее всех остальных и уж тем более русских. Многие из азербайджанцев открыто нам говорили в случае трений или конфликтов: «Уезжайте в свою Россию, что вам здесь надо!» Это было неприятно, потому что в Баку, как нам всем казалось, мы жили дружно. Однако, как видишь, это была только видимость...»

...Пока же на дворе стоял 1938 год. Время молодости Зинаиды Юрьевой. Период её встреч и знакомств. Иной раз значительных, многообещающих, какими они кажутся девушке, которой уже исполнилось 28 лет.

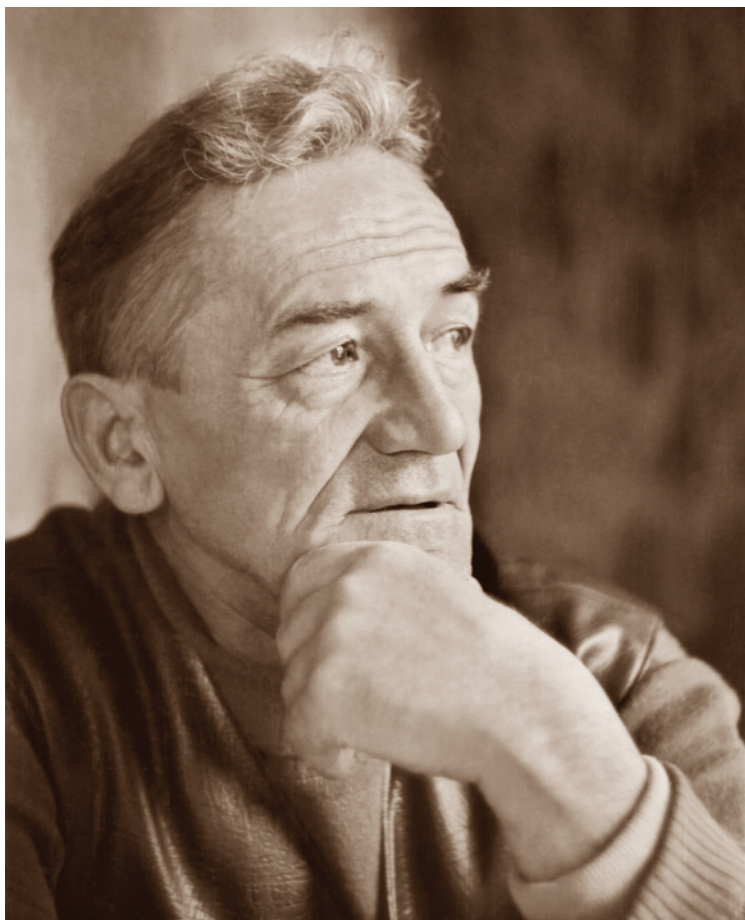
...Однажды Зина Юрьева познакомилась с улыбчивым весельчаком, смуглолицым пареньком с упругой походкой боксёра. Звали его Борисом, по фамилии Юрганов... Был он на четыре года младше. Она и не подозревала, что этот парень решительно «положил» на неё глаз. Супругами они стали 24 февраля 1938 года, а 27 февраля 1939 года на свет появился я – их сын Олег Борисович Юрганов...

**Мой отец –
Борис Александрович
Юрганов**

Когда дети пишут о своих родителях, возникает проблема *передачи* читателям их *правдивого* образа, *смысла* души, *мотивов* поступков. Нас, детей, двое: я – *Олег Борисович Юрганов* и мой родной брат – *Александр Борисович Юрганов*. Значит мнений могут быть два: моё и его. В чём-то эти мнения могут быть сходными, в чём-то различными. В принципе – ничего особенного! Однако часть жизни, и *немалую*, я прожил вне родительской семьи, в то время как мой брат непрерывно жил в одном доме с отцом и матерью...

Многочисленные мои «командировки» в противотуберкулёзные больницы, диспансеры, санатории, где меня пытались лечить от тяжёлого заболевания тазобедренных суставов, отвлекали меня от созерцания и восприятия *характера* отца, хотя с моим взрослением, особенно с приходом подросткового возраста и юности, понимание *личности* отца становилось углублённым. *Противоречивыми* мои суждения об отце были всегда, потому что я сам долгие годы оставался личностью, далёкой от устойчивых признаков *отчётливого* характера. Болезнь делала меня эгоистом, формировала волю, заставляла искать пути достижения актуальных для меня целей, которые могли быть непонятными для моих родителей.

Теперь, отдаляясь от реалий *жизни* отца, вместившей 79 лет его пребывания на этом свете, я давно уже утратил *зависимость* от его взглядов, «*идеологии*» характера, поступков, свидетелем которых я был. Хотя, конечно же, эта зависимость не может быть утрачена полностью, потому что смысл многих моих *поступков* во многом результат врожденных и приобретённых основ моей личности, которые мне *передались*, подчинившись *таинственной* логике прорастания фамильных типов, взошедших из родовых юргановских корней, *если говорить об отце*, пройдя тот же путь, в котором складывались судьбы всех моих Юргановых *из поколения в поколение*. Вот почему так называемая

Борис Александрович Юрганов город Краснодар 1980 год

«идеология» моей личности, «персонифицировалась», то есть оформилась в моей душе за годы прижизненного сосуществования с моим отцом в том же пространстве и том же времени, в котором мы оба жили и даже какое-то время *взаимодействовали*.

Иначе говоря, мне становится легче *понять и передать* моему потомству всё, что было сделано моим отцом, потому что сам я приближаюсь к его возрасту *ухода*, достигая собственным родовым опытом мужа, отца, деда, работника и созерцателя жизни возможность понять, что и как происходило в *жизни* моего отца.

В этом смысле мемуары – особая часть активного бытия

их автора, в которых сосредоточены уже проверенные самой жизнью оценки прошлого, а твоё собственное нынешнее время так или иначе эти оценки отражает. Ты с гораздо большей точностью готов оценивать прошлое, вместившее жизнь отца, чем те моменты, которые он сам показал в своих записках. Наступит миг, когда мои дети (вполне возможно!) сядут за стол писать свои мемуары, в которых отразится моя нынешняя жизнь и тогда...

...Документов о себе мой отец оставил немного. Альбом с фотографиями всех близких ему людей с краткими комментариями – главный документ, в котором отложившиеся в его памяти впечатления о прожитых днях, представления о важнейших событиях, оценки, в которых запечатлены персоны и явления, оказавшиеся *его прижизненной реальностью*.

С рождения в 1914 году и по возвращении из Саратова в Баку в 1923 году Борис Юрганов уже кое-что успел увидеть и прочувствовать. Ему было 9 лет, когда его семья – Александр Павлович Юрганов – отец, Надежда Георгиевна Юрганова – мать, вернулись в Баку, уволившись из Саратовского ЧК, в надежде продолжить свою трудовую деятельность на Центральном телеграфе в Баку – столице Азербайджанской ССР.

То, что происходило вокруг него с 1918 года по 1923 год, Борис Юрганов понять не мог в силу своего малолетства. Ему – 9 лет и он пребывает в Саратове, под редким наблюдением своих родителей Надежды Георгиевны и Александра Павловича Юргановых, бабушки Саши – матери Надежды Георгиевны и тёщи его отца Александра Павловича. Изредка его навещает дед – Павел Петрович Юрганов и его жена – Олимпиада Семёновна.

По возвращении в Баку в 1923 году квартиру Александр Павлович Юрганов получил довольно скоро. По адресу: город Баку, улица Торговая, дом 28, квартира 5.

Это – просторное помещение бывших продуктовых складов, переделанных под жильё и предназначенных для проживания первого поколения советских чиновников, начавших свою карьеру до 1917 года и сумевших *приспособиться* к превратностям «советского государства рабочих и крестьян».

Чтобы войти в квартиру, надо было пройти через овальный широкий проход с улицы Торговой, которая после Великой Отечественной войны стала называться улицей Низами.

Пройдя во двор, оказываешься в довольно просторном дворе-«колодце», четыре стены которого представляли собой множество входов в нижний ярус складов, переделанных под квартиры. На мощных стенах этих складов стояли два этажа здания с просторными, достаточно обустроенными квартирами. К ним вели железные лестницы. Когда-то в этих квартирах проживал состоятельный люд, занимавшийся торговлей, как оптовой, так и в мелкую розницу в многочисленных лавках и магазинах, которые располагались на нижнем ряду здания по улице Торговой.

После оккупации Азербайджана 11-й Красной Армией и установления Советской власти квартиры «перераспределили», тем более, что бывшие владельцы разбежались кто-куда, спасаясь от «диктатуры пролетариата». До 1923 года, то есть до возвращения Юргановых в Баку, эти квартиры уже были заселены новой советской номенклатурой, то есть людьми, «нужными» Советской власти.

Ко времени возвращения в Баку Александра Павловича Юрганова не занятыми оставались несколько пустовавших внизу складских помещений, которые местные власти «побыстрому» приспособили под жильё.

А.П. Юрганов, по прибытии в Баку, был назначен работать сначала на телеграф, потом ему предложили возглавить новую организацию – «Союзпечать». Как советскому чиновнику достаточно высокого ранга, ему предоставили

квартиру в том самом месте, о котором я пишу...

...Войдя во двор со стороны Торговой улицы, надо было сразу же повернуть налево и пройти метров пять или десять вдоль помещений с входными дверьми, ведущими внутрь четырёх квартир. Они были уже заселены, а пятая ждала своего хозяина. В шестой уже жил какой-то чиновник – высокий импозантный армянин с женой и дочерью – школьницей.

На момент превращения в жильё этих помещений они представляли собой внушительные пустые ангары, тщательно вычищенные и вымытые. Пятая дверь была заперта на замок.

...Нащупав в кармане пальто ключ, отперев двери, Александр Павлович Юрганов спустился на три ступени вниз и шагнул на бетонный пол. Пройдя вперёд, он оказался во втором помещении, абсолютно тёмном, с угадывающимся контуром-аркой третьего помещения, с проходом к почти невидимой, широкой отштукатуренной стене. Проведя рукой по штукатурке, едва видимой под сумрачным светом угасающего дня, Александр Павлович подумал, что сюда придется провести электричество...

Чтобы превратить это помещение в приличное жильё, ему и его отцу Павлу Петровичу Юрганову пришлось приложить немало сил. Бывший мучной склад таковым и оставался, даже когда его тщательно «вылизали» старательные телеграфистки операционного зала Бакинского телеграфа, решившие помочь своему коллеге.

У самой входной двери вплотную к стене соседской квартиры была пристроена небольшая площадка. Она стала кухней. Справа от неё, поставив высокую, до самого потолка, перегородку, Павел Петрович Юрганов обустроил террасу-столовую, которая занимала пространство между входными дверьми с улицы и широкими трёхстворчатыми дверьми, которые тоже сделал Павел Петрович, ведущие

во внутренние помещения квартиры.

Слева от входной двери, в глубине ниши, образовавшейся между стеной соседнего жилья и перегородкой между кухней и террасой-столовой, была поставлена сначала керосинка, а чуть позже – газовая плита. На стенах кухни Павел Петрович Юрганов прибил множество полочек и шкафчиков для хранения продуктов и кухонных принадлежностей. Там же он установил и подключил водопроводный кран и поставил раковину с узкой железной раковиной. Был он большим мастером, особенно по плотницкому делу и приезжал каждое утро к сыну Саше из Баладжар на электричке, чтобы довести «до ума» его жильё.

Входя со двора в дом, вы оказывались в довольно просторном помещении, обставленном для приёма пищи или вечернего чаепития. Когда наступало закатное время, скупые лучи солнца проникали в столовую – террасу, огибая края крыши противоположной стороны здания дома, освещая столовую 20-25 минут...

В 1945 году я оказался в этой квартире, приехав из санатория, находившегося в Бузовнах, где меня почти пять лет лечили от туберкулёза обоих тазобедренных суставов. Жильё было уже хорошо обжито, поскольку прошло почти 23 года с момента его заселения семьёй телеграфного чиновника Александра Павловича Юрганова, уже покойного к моменту моего появления в его доме.

...Посреди террасы-столовой стоял массивный квадратный стол, покрытый скатертью. Вдоль стены, напротив стола и застеклённой широкой рамы, которую тоже сделал и поставил двадцать лет тому мой прадед Павел Петрович Юрганов, стоял диван, накрытый холщёвым покрывалом. У стены, которая была к дивану на 45 градусов, стоял второй, точно такой же, с таким же холщёвым чехлом. Получалось, что оба дивана стояли напротив стола буквой «Г», а противоположные стороны стола заполнялись венскими

стульями с изящными спинками.

Открыв входную дверь, вижу впереди слева нишу. Это – крохотная кухонька уже с газовой плитой и водопроводным краном с раковиной.

Делаю шаг-другой вперед и замечаю стоявший у стены, отделявшей кухоньку от столовой-террасы, длинный и довольно узкий дубовый комод с зеркальным верхом. Выглядел он произведением деревянного «зодчества»: с резными «выкрутасами» по бокам, тщательно подогнанными ящиками, кокетливо изогнутыми ножками. Если пройду вперед между комодом и спинками стульев, стоявших у стола в столовой-террасе, упираюсь в трёхстворчатую дверь. Вела она в просторную гостиную. Мои впечатления от квартиры деда оказались очень живучими!..

...В самом центре потолка гостиной, тщательно отштукатуренного и побеленного, высотой в два или три метра, свисала на длинном металлическом шнуре с мелкими звеньями цепи круглая люстра. Была она с широким ободом, по краям которого свисало множество зеленых «ниточек». В центр люстры была вкручена довольно большая лампочка. Люстра включалась крайне редко. По стенам гостиной, обклеенным обоями, были укреплены многочисленные бра и во множестве развешаны картины в аккуратных рамках с изображением сюжетов, написанных русскими художниками: И. И. Левитаном, П. А. Фёдоровым, А. К. Саврасовым... Конечно, то были превосходно сделанные литографии, но во всегдашнем полумраке гостиной картины выглядели свежо и оригинально.

Внутри гостиной, сразу за широкой дверью, стоял по соседству с большим книжным шкафом добротный кожаный диван, с длинными круглыми подлокотниками. Шкаф был плотно набит книгами, собранными, по словам матери моего отца – Надежды Георгиевны Юргановой, её мужем – Александром Павловичем Юргановым.

Чуть дальше от дивана стоял круглый столик, покрытый темно-розовой бархатной скатертью. Посередине столика, освещенного висевшим на стене бра, стояла миниатюрная пушка – папиросница, искусно сделанная, со всеми деталями. Вплотную к стене, представлявшей собой перегородку со входом в третью комнату, стояло глубокое кожаное кресло с двумя небольшими подушками. Оно было накрыто большим толстым покрывалом. В этом кресле, по словам бабушки, любил сживать отец Бориса, Александр Павлович Юрганов, выговаривая сыну за его *проступки* или *читая книги*.

В противоположной стороне гостиной, в углу, между перегородкой с входом в третью комнату и стеной, стояла кровать. Она была аккуратно застлана белым ажурным покрывалом, а у изголовья возвышалась гора белоснежных подушек. Вслед за кроватью стоял плотно прислонённый к боковой стене, изящный ломберный столик с красивой инкрустацией на столешнице. На нём возвышалась латунная фигура верблюда с гордо поднятой головой.

Сразу за ломберным столиком – возвышались два массивных стула с высокими спинками черно-шоколадного цвета, а всё пространство до противоположного угла занимала большая ножная швейная машина «Зингер». Бабушка

редко усаживалась за неё. Лишь иногда я видел её, придерживающей шитьё, в очках, с деловитым видом, а на стене висела картина П. А. Фёдотова «Свежий кавалер».

Если пройти вдоль гостиной, в сторону полого, висевшего на овальной перекладине, отделявшей гостиную и третью комнату, можно было, отвернув его край, оказаться в маленьком помещении. То была спальня матери Бориса Юрганова, моей бабушки – Юргановой Надежды Георгиевны.

Когда был жив Александр Павлович Юрганов, родители моего отца Бориса спали здесь. Широкий коричневый пол, перегораживавший проход в спальню, всегда был опущен. По его краю располагались толстые и круглые «*висюльки*», пришитые по краям полого. Они придавали занавесу уют, а помещению таинственную значительность. Внутри комнаты, в верхней части стены, вдоль которой стояла кровать бабушки, почти у самого потолка, был вделан небольшой квадрат с решёткой. То было вентиляционное отверстие, ведущее на улицу – Торговую-Низами. В комнате всегда было свежо...

Обстановка спальни была связана с её предназначением: от стены к стене, отражая в ажурных, никелированных деталях скупые световые блики, стояла большая длинная кровать. На широкой стене, обклеенной обоями, висел ковёр, на котором была прикреплена большая литографская копия «Кающейся Магдалины» Тициана в красивой раме, с тусклой позолотой.

У задней части кровати стоял большой умывальник с толстой мраморной накладкой, в которую было вмонтировано овальное зеркало. По его бокам были укреплены полочки для стаканчиков с зубными щётками, мыльницей, бритвенными принадлежностями дедушки. Чуть ниже – ажурные крючки для полотенец. Внизу, у самой раковины, гордо торчал довольно массивный кран с красивой поворотной

ручкой. Его нижний конец был опущен к белоснежной раковине, установленной поверх шкафчика с двумя дверцами. Внутри стояло ведро, принимавшее воду умывающегося человека. В водосборник, укрепленный позади мраморной накладки, наливалась вода для умывания. При своей массивности умывальник тем не менее много места не занимал. Он представлялся в интерьере спальни предметом уместным и даже очень красивым.

«Удобств» в квартире Александра Павловича и Надежды Георгиевны Юргановых не было. Осуществлять естественные *нужды* приходилось до примитивности просто: *делать* всё необходимое в ведро, стоявшее в столовой-террасе, на которое на ночь набрасывалось толстое покрывало.

Специально для бабушки под кроватью стоял белоснежный фаянсовый *горшок* с такой же крышкой. Однако, как я довольно быстро понял, туда можно было «ходить» только «по маленькому». Утром «общее» ведро, которое называлось «поганым», выставлялось за двери столовой – террасы.

Отправляясь на работу, телеграфный чиновник Александр Павлович Юрганов прихватывал *поганое* ведро и выливал его содержимое в дворовую уборную, находившуюся шагах в пятнадцати или двадцати от его квартиры. Возвращаясь, он ставил опорожненное ведро под столиком в крохотном садике, у самого порога своей квартиры, спускался на кухню, тщательно мыл руки и отправлялся на работу – Бакинский телеграф...

После его кончины это была обязанность Надежды Георгиевны Юргановой, а вслед за ней «*послушание*» продолжил Борис Юрганов, за которым эта *забота* тянулась вплоть до его ухода на фронт.

Приходилось и мне *озаботиться* тем же, держа ведро с ночными «*гостинцами*» в правой руке, таща его через весь двор до уборной, опираясь на свой левый костылик. Потом дошла очередь и до брата Александра...

Бытовой *консерватизм* Советского государства оказался долговечным. Пережить его удаётся не сразу, даже со сменной власти, и я не сомневаюсь, что и по сей день *санитарные* обязанности нынешних хозяев бабушкиной квартиры продолжают в «*советском*» духе, хотя государство «*рабочих и крестьян*» в Азербайджане рухнуло в конце XX века...

...Квартира Надежды Георгиевны Юргановой была *уникальной*. В том смысле, что десятилетиями в ней ничего, *решительно ничего*, не менялось. Во всяком случае, судя по рассказам моей бабушки, интерьер этой квартиры *всегда* оставался *неизменным*. Я имел возможность убедиться в этом, проживая здесь годами, вплоть до своего окончательного отъезда из Азербайджана в Россию в 1959 году.

Я прощался с *квартирой* бабушки и дедушки, где прожил несколько разных лет, отметив про себя поразительную сдержанность её *облика*, включая и «*бессмертный*» кожаный диван, и круглый столик-долгожитель с розовой бархатной скатертью, и... Да, книжный шкаф! Он стал для меня хранилищем сокровищ, обогативших мой ум и дух. Несколько сотен книг, накопленных дедом, я перечитал, включая Первую Советскую Энциклопедию с заштрихованными фотографиями «*вождей революции*», выдающихся военачальников Красной Армии, ставших, по мнению НКВД, *предателями* и казненными по инициативе Сталина... Все картины в рамках, с теми же сюжетами, которые я впервые увидел здесь почти двадцать лет тому и, разумеется, абсолютно *нетленную* зингеровскую швейную машину.

Долгожительство облика объяснялось просто: в большой комнате и спальне *всегда* царил густой полумрак. Дневной свет туда *никогда* не проникал. С помощью настенных бра читались книги, а раз в год, по особым праздникам: Новый год, день рождения бабушки... зажигалась люстра. Главное место, где проводили время члены семьи, была столовая-терраса.

Здесь накрывался стол, принимались гости, звучали то-сты. Двери в гостиную тогда были почти всегда закрыты или наполовину распахнуты...

В этой квартире жил мой отец – Борис Юрганов примерно с 1923 года. Здесь никогда не жили сестра Вера и её мать Александра Соловьёвы, но часто приходили в гости к старшей дочери-сестре – Надежде, к зятю-дяде – Александру Павловичу, внуку-племяннику – Борису.

Напомню, что, продав дом умершего мужа в Хвалынске, мать Надежды Георгиевны – Александра Соловьёва – приехала в Баку с деньгами и снимала с дочерью Верой комнату в Белом городе столицы Азербайджана, более-менее чистом, не прокопчённом.

Они приходили в квартиру на Торговой (Низами) 28, кв. 5 обычно на день, без ночёвки, чтобы приглядеть за Борисом, что-то приготовить, убрать, постирать бельё... Тогда быт в квартире Александра Павловича и Надежды Георгиевны Юргановых еще не сложился, а мебель только накапливалась. Года через два или три интерьер квартиры Юргановых приобрёл завершенность.

Появившись здесь в шестилетнем возрасте осенью 1945 года, я застал уже вполне сложившийся уют и тот особый запах жилья, который складывался в предшествовавшие десятилетия жизни моих Юргановых: Надежды Георгиевны, Александра Павловича и Бориса...

...Мой отец был ребёнком весьмамышлёным. «В Саратове, до отъезда в Баку, в 1921 году, когда мне было 7 лет, пошёл я в школу, в первый класс. Учительница моя была старенькой, звали её Мария Ивановна. Худенькая, тщедушная, ходила в шляпке и в стареньком, поношенном пальто. Ознакомившись с моей подготовленностью, она сказала матери, что в первом классе мне будет скучно. Я бегло читал, писал, умел считать и делать арифметические действия до 100. Я знал уже часть таблицы умножения, а научил меня

Александр Павлович,
Надежда Георгиевна
Юргановы, их сын Борис
город Баку 1923 год

всему этому мой отец. Он достал мне старенькие книжки издательства для юношества П. П. Сойкина. С большим увлечением я читал книгу Даниэля Дефо – «Робинзон Крузо»...

В моём классе было много сверстников с потрёпанными букварями. Они не умели читать и не знали даже букв. Одежды были бедно, обуты в разбитые ботинки, промокавшие сапоги, натянутые на портянки. В классе было нетоплено, мы сидели за партами, одетые в верхнюю одежду. Лица у ребят были худые, болезненные, на переменах, мы хоть и были полуголодными, но бесились, как все дети. На завтрак мать давала мне кусок чёрного ржаного хлеба, иногда к нему – кусочек конины, красной, горько-солёной от селитры, но сколько голодных глаз моих сверстников с завистью смотрели, когда я начинал свой завтрак...»

Судя по заметкам моего отца, климат в Саратове оказался и для него, и для Александра Павловича Юрганова достаточно суровым, а пережитые годы Гражданской войны сильно подорвали их здоровье. Вернуться в Баку, к морю и теплу, было крайне необходимо. У Бориса четыре раза

случилось в Саратове крупное воспаление лёгких, и риски здоровью были слишком велики.

Родители вместе с дедом – Павлом Петровичем Юргановым, его женой Олимпиадой Семёновной - решили вернуться в Баку. Они уже знали, что в Азербайджане установилась Советская власть, хотя и не вдавались в подробности, какой ценой это произошло. Причина переезда была слишком очевидной, и *товарищи* из Саратовского ЧК даже не просили остаться идеологического инспектора, иначе говоря, губернского *цензора* Александра Павловича Юрганова и его жену – *оперативного сотрудника* ЧК Надежду Георгиевну Юрганову.

В Баку Борис Юрганов продолжил учиться в школе 1-й ступени имени А. С. Пушкина. О своём детстве и раннем отрочестве отец рассказывал скупно, к тому же я больше времени проводил в больницах, туберкулёзных диспансерах, чем дома. В таких условиях откровенность – редкая гостья в душе отца, потому что я далеко не всегда готов был слушать о его проделках в раннем отрочестве, возбуждаемом здоровым желанием творить нечто невообразимое, чего я, слабый, болезненный мальчик, мог и не понять.

По своему личному отцовскому опыту знаю, что когда сыновья переживают собственное детство, рассказывать им о таких же годах своего можно только в случае, если оно не было отягощено многолетними болезнями и страданиями.

Моим детям я почти не рассказывал о своём детстве. Подрастая, они видели ненормальность моих движений и шагов, но не успевали ничего понять о причинах, потому что видели, как я, их отец, бегал по утрам вместе с ними и зимой, и летом, «баловался» гирями и гантелями... Впечатление жалостливого сочувствия ко мне никогда не возникало, в чём я был очень даже заинтересован!..

Судя по очень кратким фрагментам высказываний моего отца о времени его жизни от пяти до тринадцати или че-

тырнадцати, могу судить, что ничего хорошего ему увидеть не довелось. Голодная, безжалостная неразбериха – частая гостья эпохи Первой мировой, переворот большевиков в 1917 году, лихо названный «*революцией*», Гражданская война, красный террор, затем тотальный страх сталинских репрессий... Всё это сильно *отвлекало* родителей моего отца от их воспитательной роли.

Думаю, заслуживает уважения тот факт, что Александр Павлович Юрганов всё-таки приложил усилия к обучению сына азам грамотности, привив ему вкус к пониманию учения, как дела *заслуживающего* усилий.

Однако и мой отец в отрочестве и мои дети в его возрасте, будучи мальчиками, рано обнаружившими проявление черт характера, которые вполне можно назвать авантюризмом, задиристостью, готовностью действовать не задумываясь над последствиями, не слишком стремились к *реальной образованности*. Их амбиции обращались к идеям, как им казалось, обещавшим быстрый и очевидный успех. Да, усваивались новые навыки, если того требовало новое дело, проявлялись чудеса упорства, если к тому «*призывало*» увлечение. Однако неизбежно и *вдруг* наступало *разочарование*, *скука*, а то и вовсе возникали *новые желания*, которые требовали... навыков, упорства и времени. Так было, во всяком случае, в ранней молодости с моим отцом и с большинством моих детей...

...Сейчас отвлекаться на подробности не буду, скажу только, что рассказывать о бедовых проделках моего отца в отрочестве мне не придётся, потому что подробностей я не знаю, а отдельные намёки, о которых что-то слышал, излагать смысла нет, можно ошибиться... Лишь однажды я случайно услышал рассказ отца о путешествии, которое он совершил по Кавказу в отрочестве. Проще говоря, сбежал из дома. Причины были...

В Саратовском своём периоде жизни Боря Юрганов

хорошо запомнил отменную порку, которой был подвергнут капризной и властолюбивой бабушкой Александрой Соловьевой – матерью Надежды Георгиевны Юргановой. Ему было тогда лет восемь или девять...

Когда родители Бориса Юрганова, живя в Саратове, работали в ЧК, дома они появлялись изредка. Это во многом было связано с тяжким смутным временем бытия, и Борис часто вспоминал, как целыми днями сидел дома в обществе собаки и кошки, единственными своими друзьями по одиночеству.

Когда Надежда Георгиевна Юрганова в 1921 году привезла в Саратов свою мать Александру Соловьёву и её дочь Веру, то было решение *вынужденное*. Вера закончила семилетку, следовало продолжать учёбу, а в Хвалынске десятилетки не было. К тому же Надежда Георгиевна Юрганова просто не знала, как ей быть с сыном? Он требовал внимания и ухода, часто болел. Слишком мал был по возрасту.

Александра Соловьёва предложила приглядывать и за внуком. В итоге её дочь Вера могла продолжать учиться в Саратове, в старших классах средней школы. Семья Юргановых приобрела домовитую экономку и одновременно умелую, хотя и очень суровую, гувернантку. Она живо вывела из шевелюры Бориса всех «насекомых», стала готовить обеды, перестирала всё бельё и вообще навела в доме настоящий порядок.

Особняк, в котором жили Юргановы в Саратове, на Грошёвом переулке, обрел очень приличный вид, а с достижением семи лет, Борис пошёл учиться в школу, оставаясь под присмотром бабушки Саши.

До двадцать первого года работа, которую родители моего отца исполняли в Саратове, была губительна и для их сына, и для них самих. Вызов из штаб-квартиры ЧК мог прийти в любую минуту, а если «труба звала», то это – надолго! Малышу приходилось оставаться дома без родительского

пригляда и сутки, и двое, и трое, пока папа с мамой не появлялись дома. Принеся продукты, кое-как перекусив, они валились спать и на сына, измученного одиночеством, страхами, грязью и голодом, времени просто не было. Это сказывалось на психике, питании, в конечном счёте, на здоровье мальчика. Дед – Павел Петрович Юрганов жил со своей женой на Сазанке и добраться до города ему было очень непросто. Иногда он приезжал к внуку, но мог уделить ему внимание всего лишь день-два и вскоре снова уезжал...

...Жизнь Бориса Юрганова в Саратове, даже под присмотром бабушки Саши и сестры Веры, была *непростой*. Вера была вечно занята с учебой и книжками, была отличницей, девочкой молчаливой и нелюдимой. Бабушка Саша внука держала в строгости, не спуская его проделки и нещадно наказывая за провинности. Пришлось Борису к *режиму* приспособливаться, больше читать, а не хулиганить с дворовыми пацанами...

...По возвращении семейства Юргановых в Азербайджан Борису исполнилось девять лет и он перешёл учиться в третий класс средней школы города Баку. Положение в его семье стало хуже в том смысле, что теперь он снова был предоставлен сам себе.

В 1923 году на Бакинском телеграфе был «*долгоиграющий аврал*». Родителям Бориса приходилось работать сутками, чтобы обеспечивать связь с городами Азербайджана и Советского Союза. Правда, и в этот раз уход за Борисом облегчил приезд бабушки Саши в Баку. Взяв на месяц тещу с дочкой в свою недавно полученную квартиру, пока она найдет жильё в Белом городе Баку, Александр Павлович в свой неустроенный дом брать её надолго не захотел.

Александра Соловьёва была озабочена образованием своей дочери, которая, окончив десятилетку в Саратове, хотела учиться дальше, но в Саратове было голодно, а освободившийся особняк Юргановых на Грошёвой улице

прибрало ЧК сразу же после отъезда их в Баку. Тогда мать Надежды Георгиевны отправилась вслед за семьёй старшей дочери в Баку. На деньги, оставшиеся от проданного в Хвалынске дома, она сняла скромную квартиру в Белом городе, предоставив возможность дочери Вере поступить в Бакинский университет.

То, что Борис нуждается в пригляде, Александр Павлович Юрганов понимал. Однако его занятость на работе, как и его жены Нади, никак не позволяла уделять должного внимания сыну-подростку. По-видимому в семье шли какие-то дискуссии по этому поводу, но к лучшему ничего так и не менялось...

Когда дед Павел Петрович начинал ремонтные работы в квартире своего сына – отца Бориса Юрганова, было проще. Приезжал он каждое утро, оставался на весь день, а то и два, а внук тут же, рядом *вертелся*, помогая дедушке. Иногда дед приезжал с женой Олимпиадой. Та возилась с внуком, прибиралась, приводила в порядок квартиру. Но так продолжалось недолго. Завершив все дела в квартире сына, Павел Петрович Юрганов стал работать слесарем на заводе имени Лейтенанта Шмидта. Так в Баку назывался теперь завод Левинсона, где производился капитальный ремонт нефтедобывающего оборудования.

В свои шестьдесят четыре года это был крепкий, мастеровитый человек, привычный к нагрузкам. На предприятии, где он работал, в 1925 году организовали школу фабрично-заводского обучения. Что-то наподобие ремесленного училища при действующем заводе. Он подумывал о том, что внуку Борису было бы очень кстати получить здесь хорошую профессию и пройти рабочую закалку. На заводе Павел Петрович Юрганов проработал недолго – года три или четыре. Затем уехал в посёлок Сабунчи под Баку, на берегу Каспия, где жил с женой Олимпиадой до самой своей смерти, случившейся в 1934 году в возрасте семидесяти лет.

Только в США я *догадался* о причинах его кончины, когда понял, что получил от деда по наследству болезнь – *избыточное воспроизводство холестерина*. У большинства сильных, физически неутомимых людей эта болезнь – частая гостья, поскольку *холестерин* служит и топливом для организма при больших физических нагрузках, и *ремонтным препаратом* для починки сосудов. Накопившись в районе аорты, *холестерин* закупорил её, что стало причиной смерти Павла Петровича Юрганова от *аневризмы*, которая привела к *параличу* сердца. Нечто подобное ждало и меня. Между первыми симптомами быстро приближающегося *кризиса* и оперативным вмешательством прошло трое суток. Жил я в США и мне сделали операцию на аорте. Заменяли пластиковым макетом повреждённый фрагмент аорты, накопивший *холестериновую бляшку*, а препарат, который я теперь принимаю, надёжно регулирует уровень *холестерина* в крови...

...Олимпиада Семёновна – жена Павла Петровича – пережила его на пять лет, скончавшись в 1939 году за несколько месяцев до моего рождения. Судя по словам моего отца, это был тот редкий тип русской женщины, чья самоотверженность и преданность Павлу Петровичу Юрганову, любовь к его сыну Александру, внуку Борису успешно *вытеснила* ошибку её женской природы – *бездетность*. Олимпиада Семеновна стала ангелом-хранителем для мужа и близких. Могил Павла Петровича и Олимпиады Семеновны Юргановых нет. Время, люди, их заботы и амбиции прошли за прошедшие семьдесят девять или восемьдесят лет по их могильным холмикам, сровняв их с землей...

...В 1925 году Александр Павлович Юрганов организовал в клубе Бакинского телеграфа театральную студию. Борису тогда исполнилось одиннадцать или двенадцать лет. Его отец оказался человеком, наделённым талантом режиссёра. Если в Саратове на его дарование времени не хватало, то теперь, в Баку, он и Надежда Георгиевна Юрганова, которая

Александр Павлович
Юрганов
город Баку 1930 год
(слева)

Надежда Георгиевна Юрганова
город Баку 1927 год

была женщиной, тоже награждённой от природы и яркой внешностью, и артистизмом, с удовольствием участвовали в постановках его любительских спектаклей.

Александр Павловичу было в 1925 году 34 года, а его жене – 27 лет. Молодость требовала своего, и никакие нагрузки, занятость на работе, превратности карьеры не могли помешать природному дарованию. В то время в Баку еще не было русскоязычного драматического театра. Театральные спектакли с костюмами, яркими декорациями, залом, набитым любителями зрелищ, *дразнили* воображение супругов Юргановых еще со времени их молодости, когда Александр Павлович и Надежда Георгиевна впервые ставили свои спектакли в актовом зале Бакинского телеграфа.

Русский театр, который назывался Сатир-Агиттеатром, появился в Баку в 1920 году, когда Юргановы находились в Саратове. Здесь ставились монтажи, состоявшие из одноактных пьес, частушек, обзрений, инсценированных стихов и песен, хореографических композиций на злобу дня, оживших в пластике картин революционных художников. То был театр малых форм для пролетарской бедноты, призванный осуществлять функции политической агитки. Этот

театр просуществовал до 1923 года, преобразованный в Рабочий театр.

Вернувшись в 1923 году в Баку, Александр Павлович, сходя на спектакли, разочаровался примитивизмом постановок и идеологической прямолинейностью спектаклей. Время и власть требовали от театра *«шагать в ногу»*, но Сатир-Агиттеатр был уж слишком упрощённой формой идеологической *обработки* масс. 25 октября 1923 года Бакинский Рабочий театр показал премьеру спектакля «Город в кольце» по пьесе С. Минина (режиссер Д. Г. Гутман, художник Вяч. Иванов). Однако театр так и не вышел за рамки откровенно пропагандистских постановок.

Александр Павлович решает ставить спектакли русской классики с самодеятельными артистами – работниками Бакинского телеграфа. Почти десять лет, с 1925 вплоть до 1934 года, продолжается период творческого самоутверждения Александра Павловича и Надежды Георгиевны Юргановых. В клубе Бакинского телеграфа они создали театральную студию. Идеологическая атмосфера Советов, заставляла считаться с *«потребностями времени»*. Бывший губернский цензор Саратова с пониманием отнёсся

Участники постановки «Степан Разин»
Княжна – Юрганова Н.Г. (в центре снизу)
Режиссер – Юрганов А.П. (снизу,крайний слева)
Клуб связи, город Баку
1928 год

к ситуации, и самым первым спектаклем любителя-режиссёра А. П. Юрганова стало – «Сказание о Степане Разине».

Мне как-то попалась фотография, на которой были изображены в гриме и костюмах самодеятельные артисты, занятые в этом спектакле. Молодые улыбающиеся лица, среди которых в самом центре я вижу бабушку Надю. По своей внешности она играла роль восточной княжны, которую Степан Разин выбросил в Волгу, откликнувшись на упрёки своей *разгульной братвы*. Слева сидит режиссёр спектакля Александр Павлович Юрганов...

...«Театральные романы» были у обоих. По нравам того времени, да и по темпераменту, почерпнутому из *родовых кладезей*, они исповедывали свободу, которая вольно или невольно *провоцировалась* после Первой мировой и Гражданской войн острейшим дефицитом мужчин и обилием молодых незамужних женщин.

В мусульманской окраине Советской России – Азербайд-

жане – Баку был фактически *русским* городом, где моральные устои были весьма условны, а мусульманские традиции властью игнорировались и сильно ослабели! В русскоязычной среде православные традиции и религиозные *скрепы морали*, на фоне формирующейся советской идеологии, насаждавшегося атеизма уже не сдерживали *стихию* свободных сексуальных отношений. Работая в ЧК, видя кровь и смерть каждый день, будучи свидетелями (как минимум!) оголтелого уничтожения храмов, расстрела священнослужителей, пребывая в Саратове в карательном органе Советской власти в юном возрасте, Александр Павлович Юрганов и его жена Надежда, сами того не замечая, *духовно грубели*.

Не удивительно! Потому что с большевиками пришло разрушение элементарных нравственных норм, считавшихся *буржуазными пережитками*, следовать которым было *политически* нецелесообразно...

...Летом 1925 года в Москве, столице большевистского «государства рабочих и крестьян», появилось общество «Долой стыд!» Его участники решили бороться со *стыдом*, как с буржуазным предрассудком. Группы людей по шестьдесят человек маршировали совершенно голыми по улицам, надев поперёк голого тела красные ленты, на которых было написано: «Долой стыд – это буржуазный предрассудок!» На дамах не было ничего кроме обуви и сумочек с документами. Они ходили так в кино, ездили в трамваях, в столовую.

Вот что писал бельгийский консул Жозеф Дуйе, увидев своими глазами практику этого сообщества: «В 1925 году при покровительстве советского правительства образовалось общество «Долой стыд!» Члены общества обязались отказаться от одежды и ходить голыми. Для пропаганды некоторые члены общества были посланы в агитационные поездки в Харьков, Ростов, Минеральные Воды, Саратов. Я видел их в костюме Адама и Евы в Ростове».

Видные большевички И. Г. Смидович, Л. М. Рейснер, А. М. Коллонтай и другие новоявленные феминистки пропагандировали идеи «раскрепощения женщины», защищая «революционную свободу нравов». Вот что писала И. Г. Смидович, кратко излагая суть сексуальной морали, царившей на заре Советской власти среди коммунистической молодёжи: «...Нынешняя мораль нашей молодёжи в кратком изложении состоит в следующем: 1. Каждый, даже несовершеннолетний, комсомолец и каждый студент «рабфака» (рабочий факультет) имеет право и обязан удовлетворить свои сексуальные потребности. Это понятие сделалось аксиомой и воздержание рассматривается как ограниченность, свойственная буржуазному мышлению. 2. Если мужчина вожделеет к юной девушке, будь она студенткой, работницей или даже девушкой школьного возраста, девушка обязана подчиниться этому вожделению, иначе её сочтут буржуазной дочкой, недостойной называться истинной коммунисткой...» («Правда» 21 марта 1925 г.)

В условиях, когда главная газета большевиков «Правда» пишет о нормах поведения молодых людей, которые не укладываются в цивилизованные нормы морали, оставаться человеком порядочным и нравственным в многовековом и цивилизованном смысле чрезвычайно трудно! 7 мая 1925 года газета ЦК ВКП(б) пишет: «...Коммунисты рассматривают любовь, как нечто очень скоро преходящее, долгую любовь они считают скучной, а понятие «супруга» для них – буржуазный предрассудок...» Та же «Правда» от 9 января 1928 года пишет: «Между мужчиной и женщиной у нас существуют только сексуальные отношения...»

В Советском государстве изнасилование в конце двадцатых годов стало просто бедствием. Не удивительно, что внедряемая в общественное употребление мораль обретала в среде молодых коммунистов формы агрессивного и циничного поведения с целью утолить сексуальные потребно-

сти! Противоречия между пропагандой плотских потребностей и судебными преследованиями кажутся *ответчикам* диким недоразумением. Иски растут! Одним лишь Московским судом в 1926 году рассмотрено 547 случаев изнасилования. В 1927 году это число для столицы пролетарского государства возросло до 726, а в 1928 году до 849 случаев.

Это явление получило название «чубаровщина», по названию Чубаровского переуллка в Петербурге, где в 1926 году двух молодых женщин насильовала целая банда молодых коммунистов, принадлежащих к «классовой элите» – рабочим, комсомольцам.

Тогда на суде стало ясно, чем руководствовались насильники: «Женщина – не человек, а всего лишь самка. Каждая женщина – девка, с которой можно обходиться как вздумается. Её жизнь стоит не больше чем она получает за половое сношение.» («Комсомольская правда» 18 декабря 1926 года). Невероятный цинизм большевистских взглядов на женщину был нормой в коммунистической среде, повсеместно используемой в обыденных отношениях полов.

В таких условиях реальную *порочность* представлений о том, что хорошо, а что плохо, осознавать не удавалось. С первых же дней обретения Советской властью контроля над людьми смысл половой морали был под тотальным политическим надзором партии и власти. Упрощённые идеологические стандарты власти оказывались первичными и вдалбливались в сознание в первую очередь. Всё остальное было делом выбора и желания самих молодых людей, чьи поступки были делом их индивидуальной культуры, как правило весьма низкой. Разрушение религии и церкви, тотальное насилие над церковными иерархами подстёгивали разврат, избавляя людей от чувства ответственности.

По приезду в Баку молодые супруги Юргановы, уже лишённые религиозного опыта и практики православия, усвоив азы государственного атеизма, поглощая

большевистский опыт «свободы от буржуазной морали», далеко не сразу смогли научиться жить в обществе с осмеянными большевиками нравственными канонами, которые столетиями утверждались *религией*. Функции *морального наставника* народа Советского государства взяла на себя ЦК ВКП(б), та его часть, которая называлась Агитпропом, а для беспартийных – профсоюз и Советы.

...Я хорошо помню, как в 1952 году мы жили в Краснодаре, в крохотной халупе, которую мой отец привёл в порядок, получив от предприятия связи, где он работал механиком. Я только вернулся из противотуберкулёзной больницы и расположился на сундуке в комнате, где все мы, скопом, в одной комнате, спали. Мои ноги сильно болели и заснуть для меня было непросто. Мои родители тихо о чём-то шептались в своей кровати, шагах в пяти от меня, боясь разбудить спящего в метре от них малыша, моего брата – Александра.

В таких условиях, хочешь-не-хочешь, а всё будешь слышать! Моё правое ухо уже совершенно не слышало. То был след застарелой болезни – гнойного *отита* в раннем детстве, стоившей мне потери слуха. Но левое – со временем обрело абсолютную чувствительность, и я слышал практически всё, о чем говорили мои родители.

Разумеется, я не могу воспроизвести сейчас с документальной точностью текст разговора, но его идеи, смысл рассказа отца был тесно связан с теми годами, о которых я здесь недавно вспоминал.

Мне было 13 лет. Возраст, когда моя только пробуждавшаяся пубертатность уже начинала меня тревожить, помогая мне осознавать содержание разговора родителей. И хотя отец выражался *аккуратно*, мне стало ясно о чём речь!

Я попытаюсь воспроизвести *рассказ отца и реакцию моей матери*, чтобы можно было представить не только суть разговора, но и понять... состояние моё – слушателя, хотя вроде бы и отстранённого.

Кажется поводом к ночному разговору отца были упреки матери, вполне возможно, кажущиеся, об «*избыточном его внимании*» к молодой одинокой женщине, которая жила через дорогу, напротив нашего дома. По-видимому, желая то ли успокоить жену, то ли перевести разговор с острой темы в плоскость «*обычных проблем мужчин и женщин*» или что-то в этом роде, *отец* стал рассказывать *матери* о своём отрочестве. Было ему 39 лет, а матери, которая родилась на четыре года раньше – исполнилось 43. По-видимому, такая разница в возрасте тоже влияла на психику женщины, заставляя её быть болезненно *подозрительной*...

Повторю – ни мне, ни брату, когда он подросток, отец редко рассказывал о своём детстве. Всё, что я знаю об этом, я услышал от матери или таким вот образом, как происходило в ту ночь в нашей семейной халупе...

«Ты зря меня *подозреваешь*. – Мать молчит... – Я понимаю, что твоё детство и моё – разное! Если бы ты знала, что мне пришлось пережить с моими родителями, когда мне было, как Алику (меня так звали родители.)» – Мать молчит... Отец продолжал: «Мы уже жили в Баку и мои родители работали чуть ли не круглые сутки.» Мать спрашивает: «А всё-таки, сколько тебе было?» Отец: «В двадцать восьмом году? Посчитай... Четырнадцать!..» Мать иронически: «И что... Ты всё помнишь?» Отец: «Как будто сейчас происходит!». Мать: «Они что, забыли, что у них мальчишка дома?» Отец: «Помнили или забыли дело не в этом. Факт, что приходили они домой за полночь и не одни! Я уже или сидел за столом, положив голову на руки, и спал... Или лежал на кровати, которая была в большой комнате... Ну там, где мы с тобой спали, когда жили в Баку у матери. Если они заставляли меня за столом, отец очень сердился. Брал меня на руки и относил в мою кровать. Сыт я или голоден никто не интересовался... Но я уже просыпался, потому что шум был большой...» Мать: «А кто шумел? Твои

родители?» Отец: «Это они после спектакля, который ставил мой отец на телеграфе. Приходили актёры в наш дом, чтобы постановку отметить... Выпить, и...»

Я не имел ни малейшего представления, что следовало за этой буквой «и...», но рассказ отца почти сразу же обрел полную ясность. Отец: «Обычно мой папа устраивался в столовой, выпив вина, а мать уходила в спальню в обществе какого-то мужика, проходя мимо моей кровати и осторожно закрыв толстый полог. Я ничего не понимал, что происходило там, в кровати моих родителей, и уж тем более там, в столовой. Мать настороженно: «Ты хочешь сказать, что твоя мать...» Молчание... Отец: «Не только мать, но и отец... Я просыпался поздно утром, обычно это было воскресенье, в школу не надо было идти. Но родители уходили на работу... На столе лежала записка от матери: «Боренька! Согрей себе супчику на керосинке...»

...Должен признаться, что отношения между моей матерью и бабушкой, которые мне пришлось наблюдать, когда я жил в квартире Надежды Георгиевны Юргановой были далеки от совершенства. Эти женщины по характерам сильно отличались от друг друга. В свои 10-12 лет я не удивлялся, когда они ссорились. Мне было понятно, что ссоры были неизбежными, потому что моя мать была человеком нетерпимым, страдала от обилия кошек в доме бабушки, которых та обожала. К тому же бабушка считала мою мать очевидной ошибкой выбора сына. Разница в возрасте супругов, да еще и в четыре года, Надежду Георгиевну Юрганову страшно раздражала, а привычная покладистость сына по отношению к жене казалась его матери признаком слабости... Время, расстояния сильно ослабили противоречия невестки со свекровью и моя мать постепенно угомонилась...

«Ладно...» – миролюбиво сказала моя мать. – *Всё ясно!*» Укладываясь поудобнее, отвернувшись к мужу спиной, лаконично закончила: «*Но твоё детство не даёт тебе ни-*

каких привилегий, мой милый.» Отец спохватился: «Ты меня неправильно поняла, Зина!» Мать строго и категорически завершила разговор: «*Всё я правильно поняла. Давай спать...*»

Я обращаюсь к этому эпизоду с *единственной* целью – показать как непросто было в годы восстановления страны от разрушительной Гражданской войны, приближавшихся сталинских репрессий, совпавших со временем начала взросления моего отца, перешагнувшего в 1928 году через первое десятилетие своей жизни.

Изуродованная социальная практика жизни его родителей в Советском Азербайджане, помноженная на трудный опыт выжившего в Гражданской войне взрослого поколения, выстраивали некие *надежды на будущее*, но традиционные духовные стандарты русского человека *лишь слабо просачивались* сквозь здоровые инстинкты молодости. Процесс этот был долгим и не однозначным. Множество душ в это окаянное время было искалечено. Немало изуродовано было жизней, только начинающих расцветать...

Я могу говорить о фактах, содержащихся в опыте жизни моего отца и его родителей, как о явлениях, заслуживавших *сочувствия* или... *снисходительности*. С той лишь разницей, что в непрочном моральном климате советского общества конца двадцатых и середины тридцатых годов властью утверждались прежде всего такие качества, как *идеологическая однозначность* и *деловая дисциплина*. *Сурово пресекалось неповиновение, жестоко подавлялось малейшее сопротивление властям*. В людях *произрастали* социальные рефлексы, которые *питались* глубокими традициями *предшествовавших* лет и поколений, как, например, у моей матери. Или как у родителей моего отца, о себе давала знать *стихия природной сексуальности*, проявляющаяся под влиянием пропагандируемых порочных большевистских *моделей поведения*, изобретенных *раскрепощенными* женщинами-коммунистками Смидович, Рейснер, Коллонтай и тому

подобными субъектами...

...Деревенская ясность смысла *добра и зла* была гораздо очевидней в личности моей матери, чем *скрытые* или *скрываемые* желания, *разбуженные* в характерах Надежды и Александра Юргановых, рано познавших во время своей службы в Саратовской ЧК разгул *насильственных страстей*, переживших соблазн убийственной вольницы гражданских конфликтов, когда властью инициировалось *уничтожение* представителей громадного сословного сегмента российского общества по единственному *мотиву*, внушаемому большевиками-карателями: принадлежность его *представителей к эксплуататорским* классам.

Что можно, а что нельзя моя мать инстинктивно знала с такой очевидностью, что все отклонения, которые обнаруживались в поведении родителей моего отца, его собственном и даже в моём характере в бытность мою ребёнком или подростком или юношей, *требовало* её немедленной и радикальной *оценки!* При таком прямолинейном *моральном консерватизме* моя мать была *сродни* более поздним нравственным установкам Советской власти и не сомневалась в справедливости её *идеологии*, во всяком случае в годы её молодости и зрелости. К осознанию лживости пропагандируемых нравственных установок власти, к которым она тяготела, мать пришла лишь в момент своей последней болезни и смерти, но никогда не посмела озвучить этот факт. Боялась...

...Надежда Георгиевна и Александр Павлович Юргановы свои *моральные привилегии* получили дисциплинированностью и точным следованиям всем требованиям Советского *режима*, особенно на пике его борьбы с *инакомыслием*. Адаптировавшись к Советам, исправно служа *режиму*, они получили свою *меру личного права* вести себя так, как считали нужным, *согласовывая*, свои желания с существовавшими в бакинском обществе советскими

моральными стандартами.

Со временем жестокие репрессивные инициативы *Советской власти* в тридцатых годах заставили Надежду и Александра Юргановых примириться с нормами жизни, которые были востребованы Советами. Их собственные представления о чувственных переживаниях, в которые они были вовлечены, в лучшем случае скрывались. Вот почему пережитые моим отцом факты из нравственного опыта его родителей, рассказанные им моей матери в том ночном разговоре, вызвали у неё однозначную реакцию – *то было зло!* С другой стороны, эти факты использовались моей матерью, в *«подходящий момент»*, для осуждения свекрови – Надежды Георгиевны.

Иногда *доставалось* моему отцу как человеку, *совершившему* два греха, корни которых моя мать видела в его родителях: легкомысленный брак с Еленой Севастьяновой в 1936 году и бегство, якобы оправданного желанием сделать карьеру для блага своей же семьи, в 1939 году...

Так, на почве моральных *нестыковок* – следов *разрушений устоев* – продолжалась в семье Юргановых своеобразная *гражданская война*, в которой они *по сути* не были виновны. *Страданий* в жизни моего отца было ничуть не меньше, чем в жизни моей матери, хотя *«замес»* их был у каждого *свой*...

...Только появление цыган в родовом генетическом *букете* наших Юргановых даёт мне основание подозревать, что симптомы *дромомании, клептомании и художественные таланты, а также искусное обращение* отца и моего младшего брата *с железом*, проросли из *цыганского* корня.

Восторженные высказывания моего отца о прочитанных приключенческих книжках Даниэля Дефо «Робинзон Крузо» и иных можно было бы отнести к переживаемым ощущениям, знакомым едва ли не каждому из его сверстников. Однако в возрасте тринадцати или четырнадцати лет отец

Борис Юрганов
город Баку 1927 год

из дома ушёл! Его не было что-то около трёх или пяти месяцев. Он бродяжничал по окрестностям Бакинской губернии, пока сам не вернулся домой...

Я могу только предполагать, что в жизни семьи Юргановых в 1928 году случился тот самый кризис, о котором я размышлял чуть выше. В это время Борисом Юргановым была окончена школа первой ступени и предстояло продолжать учиться.

По существовавшим тогда образовательным законам он имел право продолжать учиться в школе II ступени, чтобы завершить среднее образование или закончить техникум, приступив затем к самостоятельной работе по месту назначения. Мог поступить в Бакинский университет, как его сестра Вера Соловьева. Однако этого не случилось...

Родители работали на Бакинском телеграфе и, как мне кажется, не слишком заботились о его дальнейшем образовании. В 14 лет появились друзья-товарищи, одурманивал воздух свободы и скорее всего начались поступки, которые мало способствовали формированию того образа жизни мальчишки, который можно назвать *благопо-*

лучным. Внешне всё было вполне благопристойно. Семья жила на улице Торговой, дом 28, квартира 5. Борис пропадал целыми днями на дворе, *обрастал приятелями*, случались иной раз конфликты с родителями (у кого их не бывало!), но *кризис* в семье сказывался на поведении подростка, что и стало главной причиной его душевной усталости и бегства из дома...

Как ни покажется странным, но я не думаю, что этот период жизни был для моего отца *памятным*. Да, конечно, пришлось немало пережить. Уж во всяком случае голод – точно, а всяческие риски, характерные для бездомных детей его возраста были совершенно очевидными! Но бродяжническая *вольница*, особенно в первые дни летних, затем тёплых осенних месяцев, будоражили воображение *пацана!* О предстоявших разбирательствах не думалось, было не до того, а *приключений* – хоть отбавляй!

Это был 1928 или 1930, 1931 годы. Нетрудно себе представить, в каком состоянии был республиканский сыск при жутком количестве беспризорных детей, коими была так переселена страна после Гражданской войны, в том числе и Азербайджан...

Остаётся только догадываться, что происходило в бакинском доме по улице Торговая № 28, квартира № 5, которую занимал начальник смены Бакинского телеграфа Александр Павлович Юрганов с женой – Надеждой Георгиевной, которая работала там же телеграфисткой.

Я не думаю, что тайну семьи можно уберечь. Друзья и коллеги стали вольными или невольными свидетелями тревог матери, сдержанных переживаний отца. Всё это просачивалось сквозь канву разговоров с ними, их попыток что-то посоветовать родителям в поисках беглеца.

Тем не менее, рано или поздно всё случившееся в семье *вытесняется* под давлением событий, происходивших в обществе. 1928 – 1930, 1931 годы – время политических

пертурбаций в Азербайджане, коротких повстанческих выступлений, жестоко подавленных властями, установления государственности, принятия важных документов типа Конституции и пр. Происходившие в семье Юрганова события мало кого интересовали, а для советского общественно-го уклада то был факт «местного значения».

Сам *герой* событий – Борис Юрганов определенно нёс в своей душе следы неутолённых желаний, неоправданных надежд и нанесенных родителями обид, которые и были причинами его реальных страданий. Он их пережил скорее всего в момент, когда эти страдания возникали. Повзрослев, он наверняка вспоминал их со снисхождением прежде всего к тем, кто пробудил в его душе мотивы *ухода*. И уж точно, Борис Юрганов даже не думал, что бродяжничество – *сок* цыганских корней, а не только следствие разыгравшихся в его семье событий.

О себе могу сказать – я тоже склонен к *снисхождению*, потому что в свои годы хорошо знаю: человек слаб, грешен и до поры забывает о тех причинах, которые заставили его быть несправедливым к слабым и беззащитным. К тому же сам Александр Павлович Юрганов человеком был волевым, самолюбивым и жёстким. Как говорится, было в кого! Его отец Павел Петрович Юрганов эти признаки своего характера пронёс через всю свою жизнь! Эти же качества заставляли его сына Александра Павловича Юрганова утверждать самоуважение, а людей, его окружавших – прежде всего его жену, сына, друзей – заставлять *признавать* своё превосходство.

К 1928 или 1930 году Александр Павлович Юрганов являлся *совслужащим* с манерами и внешним обхождением, напоминавшими вышколенного чиновника департамента связи.

Наверняка, бегство сына он воспринял, как *нелепость*, *глупость*, ничем не оправданную *выходку подростка*, о чём

не стоило даже публично объявлять или сильно по этому поводу *переживать*. Быть может, он даже *удивился*, потому что сын его не был каким-то природным бродягой, а выглядел существом *разумным, начитанным и развитым*. С 1924 года, то есть в десять лет, Борис Юрганов вступил в пионеры, неплохо учился в школе I ступени, состоял в школьном пионерском отряде № 11.

Чувства Александра Павловича Юрганова к сыну были *крайне* рациональными, что позволило ему в своё время научить Бориса грамоте. Читал же он вслух мальчишке интересные книги, дабы вызвать в его душе *увлеченность*.

Помимо всего прочего, Александр Павлович Юрганов редко принадлежал себе! Его занятость в годы детства и отрочества Бориса никак не способствовала неукоснительному исполнению обязанностей, которые лежали на его плечах как отца! Весь саратовский период жизни сын оставался под надзором тётки – Александры Соловьёвой. Одновременно Александра Соловьёва своим уходом за Борисом *отрабатывала* право жить в саратовском особняке, на улице Грошёвой. Здесь жила её дочь Вера. Она училась в старших классах. Была целеустремленна и начитана. Так или иначе, но в общении с ней Борис получал от Веры интеллектуальное воздействие!

В Баку *всё* было иначе! Александр Павлович не согласился с проживанием тётки в своём бакинском доме, хотя, приехав в Баку в один год с ним, Александра Соловьёва намекала о своей готовности взять его семью и Бориса под свою опеку. Мотивы были прежними: Вера Соловьёва, окончив в Саратове десятилетку, поступила в Бакинский университет. Надо было как-то ей помочь... Однако А. П. Юрганов не согласился и пришлось А. Соловьёвой жить с дочкой Верой *своим* домом...

Отдушина у Юргановых всё-таки была – самодеятельный театр на Бакинском телеграфе. Он – *заглушал* страхи,

разбуженные удушающей атмосферой непрекращавшихся репрессий советского режима. Никто от них не был застрахован, а тут еще эта *нелепость* – бегство сына из дома...

...Возвращение Бориса домой произошло так же буднично, как и побег. Никаких наказаний не случилось – Александра Павловича Юрганова дома не было, уехал в командировку по делам «Союзпечати». Надежда Георгиевна, *незаметно всплакнув*, сразу повела сына в баню. Потом Борис спал почти сутки и отца увидел только пробудившись. Разговор был коротким. Полагаю, что Александр Павлович Юрганов ничего лучшего, чем *возвращение Бориса в школу*, придумать не мог. Учебный 1930-1931 год уже начался. *Краткая архивная справка об этом лаконично сообщает, что «...в списках учащихся Борис Юрганов оказался в 4-й Советской Единой трудовой школе в 7«б» классе...»*. Поскольку он учился и закончил I-ю ступень 3-й Советской школы, матери Бориса – Надежде Георгиевне – по-видимому, пришлось переводить сына в школу 4-ю, чтобы не объясняться с директором третьей, и дать возможность Борису продолжить среднее образование. Однако школьная учёба не задалась: подросток – *персона* непредсказуемая и хлопотная...

Однажды Александр Павлович Юрганов, с присущей ему категоричностью, коротко сказал, что Борис пойдёт учиться на завод имени Лейтенанта Шмидта. Наверняка дед – Павел Петрович Юрганов о Борисе всё уже знал. Работая на этом заводе, именно он и предложил отдать внука туда. В ФЗУ при действующем заводе парня научат профессии, а года через четыре или пять, глядишь, *угомонится*, а главное – сам начнёт зарабатывать на жизнь.

10 октября 1933 года, завершив курс обучения в заводском ФЗУ, Борис Юрганов получил написанную от руки «Рекомендацию» с девятью подписантами. Озаглавлена она была немного старорежимным стилем: «...Дана сия ученику учебного комбината имени К.И.М. (Коммунистического

Александр Павлович, Борис и Надежда Георгиевна город Баку 1933 год

Интернационала Молодёжи) товарищу Юрганову Б.А.» Далее следовало изложение мнений всех девяти педагогов, которые осуществляли обучение Бориса Юрганова и десятка других мальчишек согласно учебным программам, которые были усвоены с 1930 по 1933 годы.

Привожу текст этого уникального документа, неведомо как сохранившегося с момента получения до сей поры, пережив все перипетии достаточно беспокойной жизни моего отца.

«...Товарищ Юрганов за время своего пребывания в учебном комбинате был одним из лучших учеников; был примерным, добросовестным и аккуратным в любой работе. Служил примером и оригиналом для других. (Я, разумеется, сохраняю всю орфографию документа О.Ю.). В каждом деле, в любом начинании был застрельщиком и инициатором. Всегда с энтузиазмом, честностью и с любовью исполнял всякую работу и все возложенные на него обязанности; был одним из дисциплинированных ребят во всём цехе. За время своей работы товарищ Юрганов не имел ни одного прогула, ни одного опоздания, а так же никаких дисциплинарных взысканий. Я, как мастер учебного комбината (пишет составитель Рекомендации, взяв на себя всю полноту ответственности

за изложение фактической характеристики выпускнику) *рекомендую Бориса Юрганова на работу слесаря в любом предприятии, как испытанного... работника, лучшего из лучших моих учеников, виданных мною за всю мою долгую практику. 10 мая 1933 года*». Борису Юрганову в этот момент было 19 лет.

В Азербайджане, да и не только там, Борису Юрганову в течение жизни не раз приходилось убеждаться, что, «не загрузив» юность и молодость *высшим* образованием, человек обрекает себя весь срок своего бытия играть *вторые роли*.

Огромный практический опыт, плюс полученные в учебном комбинате практические навыки, основы знаний, которые без преувеличения можно было назвать *инженерными*, позволяли Борису Юрганову чувствовать себя *свободным* перед любыми сложными техническими задачами. Как ни странно, но именно это обстоятельство стало причиной его легкомысленного отношения к идее получения высшего технического образования. Зачем? Не было технических проблем, которые были бы неподвластны Борису Юрганову. Но он не представлял, что в кадровой политике Советского государства со временем появятся свидетельства подступавшей научно-технической революции.

Признаки реальной образованности, технического таланта, инженерной эрудиции, воплощённые всего лишь в *свидетельстве...* об окончании учебного комбината (или ФЗУ) не дали Борису Юрганову *шанса* обратить со временем всю эту сумму базовых знаний в достойную карьеру.

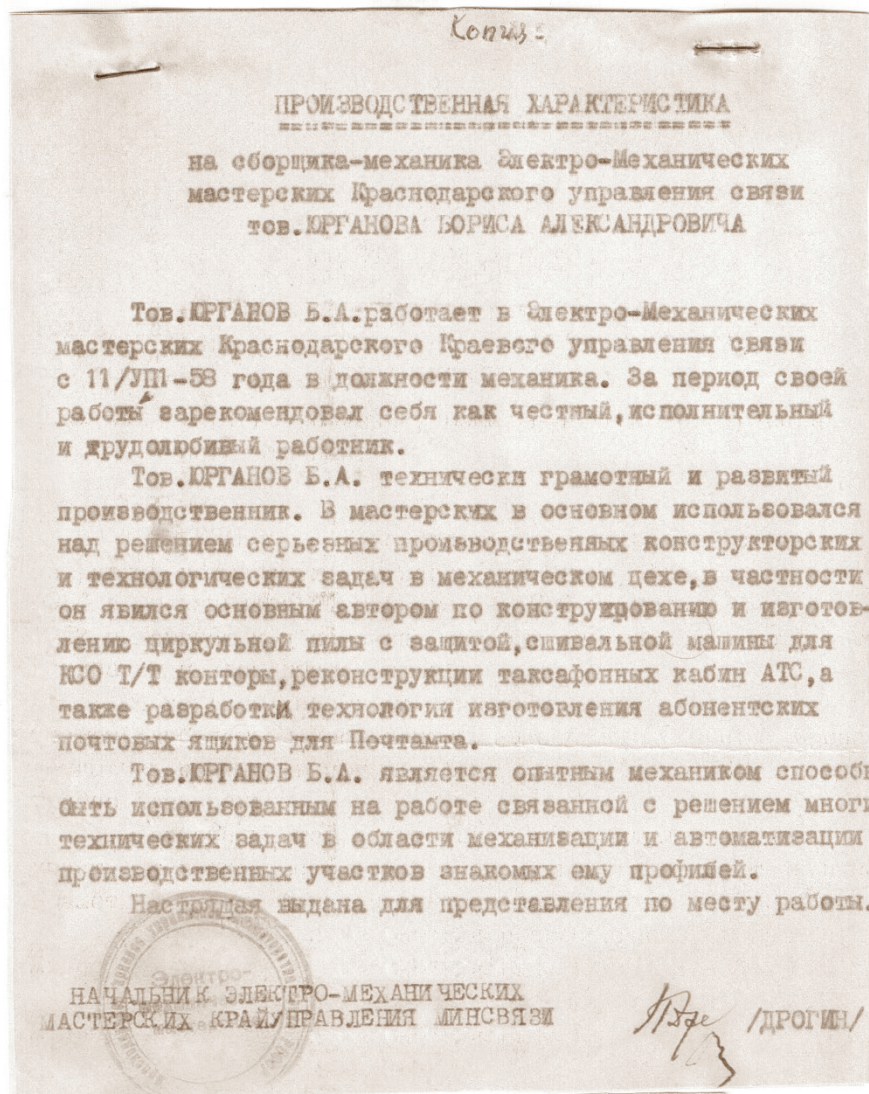
Уроdlивость вхождения *пролетарского государства* в лабиринты технического прогресса, сохранение в практике индустриального производства *вопиющих* противоречий, когда технология отставала от производства, а производительность труда на долгие годы задержалась преимущественно на ручном труде, стали причиной хронического отставания СССР от Западной Европы и Америки. К тому же

в тридцатые годы и особенно в послевоенный период советские амбициозные планы подготовки современных технических кадров Азербайджана при сохранении низкой социальной культуры, когда русские инженеры-практики были спешно заменены дипломированными азербайджанцами, чья техническая образованность была весьма *условной*, привели к топтанию на месте, особенно в *восстановительно-ремонтных отраслях, связи, техническом сервисе* и т.п.

Как ни пытались начальники Бориса Юрганова манипулировать имеющимися у них возможностями, чтобы удержать одарённого слесаря-техника, высокие должностные ранги в Азербайджане для него постепенно были *закрыты*.

По его собственному признанию, он был виноват отчасти в этом и сам. Учился три года, и *только* на комбинате при заводе имени Лейтенанта Шмидта, и курсы на Бакинском телеграфе. Да, он изучал множество нужных инженерных дисциплин: *теорию машин и механизмов, сопротивление материалов, начертательную геометрию, основы проектирования промышленных зданий и сооружений, инструментальное, слесарное, токарное дело, техническое черчение, основы технического дизайна, электротехнику, промышленную механику, основы технологий, основы технического конструирования, материаловедение*, разумеется, в тех масштабах знаний, которые были накоплены индустрией того времени. Главное случилось: Борис Юрганов получил прекрасную профессиональную выучку и глубокие *основы* теоретических знаний, востребованных в индустрии тридцатых годов.

Между тем это была база, ставшая *началом* будущего квалификационного развития дипломированного слесаря. Закончи вуз, основываясь на этой базе, Борис Юрганов мог бы получить блестящее инженерное образование! Быть востребованным на самых передовых производствах. Но окончания ВУЗа не случилось. При том, что стремление

Борис Юрганов
город Краснодар
1958 год

к высшему квалификационному уровню у Бориса Юрганова было всегда! Размах его знаний и умений значительно опережал тот профессиональный статус, на который он мог рассчитывать по существовавшим в Советском государстве правилам.

Каждый раз, когда судьба предоставляла ему возможность показать на что он был способен как профессионал, он тут же предъявлял дремлющие в нём профессиональные ресурсы. Проигрыша не было ни разу! Однако пойти простым путём – окончить инженерный ВУЗ – он посчитал делом для себя второстепенным и отказался, так и не получив формальных прав для резкого профессионального и должностного роста.

Жена с переездом в Краснодар была домохозяйкой. Она не приносила в бюджет семьи денег, хотя труд матери большого ребёнка, потом еще более тяжкий труд матери малыша, при отсутствии у семьи крыши над головой почти двадцать лет, не позволяли Зине Юргановой решиться на подвиг и заставить в послевоенные годы мужа учиться. К тому же годы были уже не те...

Когда стало ясно, что «кадровое вытеснение» в Азербайджане неизбежно, а в Краснодаре, в силу возникших тенденций в связи с научно-технической революцией, возможно – Борису было уже под сорок. Увы! Совсем не студенческий возраст...

Российское начальство шло на компромиссы. Назначало на должности, оплата которых была вполне приличной, но сами ставки изначально были настолько низкими, а производственные расценки – копеечными, что с трудом удавалось «натягивать средний жизненный уровень». Чаще получался уровень ниже среднего!

Можно было Борису Юрганову уйти на рабочие профессии в оборонном сегменте экономики, где ставки были гораздо выше, но на это надо было решиться. К тому же

не так-то просто уйти слесарем на крупный завод оборонного сектора индустрии, когда «поджимает» уже пятый десяток, а весь твой громадный опыт составляют знания и умения, оформившиеся в области техники связи...

И всё же последним, самым «громким» аккордом в его карьере, накануне ухода на пенсию, стала должность главного инженера в Краснодарском краевом Отделе Почтовых Перевозок (ОПП), когда моему отцу пришлось спроектировать и построить механические мастерские, оборудовать и запустить их в эксплуатацию, будучи в окружении молодого технического персонала... имевшего инженерные дипломы. Оказалось, что ограниченные технические знания и весьма узкий технический кругозор новоявленных инженеров не позволили им справиться с этой сложной задачей.

Начальство решило пойти на формальный риск, предоставив Борису Юрганову, уже приблизившемуся к пенсионному возрасту, инженерную должность, чтобы высокий ранг соответствовал расчёту достойной пенсии.

Идя на компромисс с инструкциями по расчёту пенсий, начальство Краснодарского Управления связи получило реальную выгоду, сэкономив значительные средства на дорогостоящее проектирование капитального сооружения: вся проектная документация была вручную изготовлена самим Борисом Юргановым. Все четежи и расчёты были сделаны им. Он же и руководил сооружением, а также техническим обустройством капитального строения. Им же – Борисом Юргановым – был произведен монтаж электросетей для сооружаемых мастерских, монтаж всего нового оборудования и так далее.

Год или полтора работы главным инженером в Краснодарском краевом ОПП был лебединой песней слесаря – механика, выпускника учебного комбината имени Коммунистического Интернационала Молодёжи при Бакинском заводе имени Лейтенанта Шмидта.

Недаром неведомый мастер, написавший *Рекомендацию*, не смог скрыть своего восторга прилежностью, старанием, дисциплинированностью и способностями своего ученика. Это свидетельствовало о том, что учебный комбинат, ставший первым опытом профессионального образования в Азербайджане на базе действующего крупного промышленного предприятия, оказался удачным.

Позднее я узнал, что 24 или 27 человек, которых выпустил учебный комбинат в 1933 году, оказались единственными выпускниками. В стране стала создаваться сеть ФЗУ и комбинат был вскоре преобразован в ремесленное училище с гораздо меньшим числом предметов и часов теоретической подготовки по сравнению с теми, которые прошёл мой отец...

«Мой единственный университет, – писал отец в оставленных для меня биографических записках, – был учебный комбинат в Баку, который я окончил в 19 лет, то есть в 1933 году. Пичкали нас азами: сопромата, высшей математики, начертательной геометрии, техническим черчением, теорией машин и механизмов и разным прочим. Картины работы в горячих и холодных цехах машиностроительных заводов, где я проходил практику, остались в памяти. Думал ли я, что более двадцати лет мне придётся решать инженерные задачи, работать в этой области. Несколько проектных и конструкторских работ, которые я защитил во время учёбы, были воплощены в жизнь...»

...В эти же годы отец обнаружил неожиданные для себя таланты: стал рисовать и писать стихи. Позже он увлёкся прозой и даже ходил в литературный кружок при рабочем клубе, который был неподалёку от его училища.

Стихами увлекалась его мать – Надежда Георгиевна Юрганова, передав своё увлечение по наследству сыну, но ничего серьёзного из её увлечения так и не получилось, ограничившись событийными *вириями* ко дню рождения мужа или сына...

С раннего возраста отец обладал богатым красноречием. Это признавала и сама бабушка, его мать, и даже моя мать, когда однажды мы с ней вместе присутствовали на собрании коллектива ремонтных мастерских Бакинского телеграфа, где работал отец. Он выступал в связи с годовщиной Октябрьской революции, умело манипулируя оборотами речи, играя интонациями и пользуясь формулировками, которые могли произвести сильное впечатление. Мать сказала, когда мы возвращались домой, а отец задержался в мастерских: «...*Учись говорить, как отец. Слышал, как он умеет это делать?*»

Сейчас я не могу сказать определённо, что заставило мать так высказаться – истинное восхищение красноречием мужа или желание использовать подходящий повод, чтобы заставить меня больше читать? Между тем, красноречие оказалось качеством, унаследованным большинством наших Юргановых. Во всяком случае я могу утверждать, что владение словом помогло мне в *идеологической*, затем *научной*, *журналистской* и *писательской* карьере, но некоторые из моих детей, которые так и не *удосужились* получить высшее образование, оказались всего – навсего *превосходными болтунами*...

...Развитие советского общества в период юности моего отца, до встречи с двумя женщинами, с которыми он в своё время заключил брак, протекало по двум параллельным направлениям. Жуткий, кровавый «азимут» развития: разрешение насильственным путём созревавших противоречий и кризисов во властных структурах *народного*, *пролетарского*, *рабоче-крестьянского* и *(тому подобного)* государства, жестокими и *разоблачительными* судебными процессами, *тотальными репрессиями*, чистками и расстрелами. И второе – оголтелая пропаганда всех и всяческих *достоинств* советского общества. Включая выдуманные, мифические, высосанные из пальца *политическими*

фантазёрами ЦК ВКП(б).

...Отец жил и учился в Баку, проводя время во дворе дома, в котором было множество его сверстников, выходцев из слоя, который был ему близок. Появились друзья, товарищи, среди которых были люди разные – озорные, умные, вороватые, хулиганистые, авантюрные. После начала учёбы в техническом училище имени КИИМ, здесь тоже появились друзья, среди которых оказались товарищи *долговременные*, связь с которыми растянулась на десятилетия. Но таких было – один-два, не больше. Их имён я не помню, хотя внешность двоих его друзей, с учётом их возраста, видимого мною – ребёнком, была настолько своеобразной, что застряла в моей памяти.

Один, назову его Николаем, был высоким, худым, с очень вкрадчивыми манерами разговора и обращения с женщинами. Второй, наоборот, был полноватым, большеглазым и очень молчаливым человеком, с каким-то простым именем, то ли Пётр, то ли Володя.

Николай отменно играл на балалайке и долгое время работал в Бакинской городской пожарной команде. Пётр окончил институт и после его завершения стал *неудержимо* профессионально расти. По-видимому, это обстоятельство дружбу с моим отцом немного *изменило*. Николай так и остался другом отца, пока не погиб при тушении пожара, а Пётр из Баку уехал. Кажется, в Сибирь...

Политика государства в тридцатых годах строилась на массовом охвате молодёжи спортивно-военными силовыми видами спорта. Стали возникать спортивно-оборонные общества ОСОАВИАХИМ, БГТО, ГТО, ДОСААФ. Красочные демонстрации во время праздников Первого мая, годовщин *Октябрьской революции*, привлекали спортсменов к организации ярких маршей, и в каждом из таких праздников Борис принимал участие. Вершиной его спортивной карьеры была победа на общегородских соревнованиях

по боксу, где он был объявлен чемпионом города Баку по боксу в наилегчайшем весе... Он окреп, возмужал.

Развитие его личности было противоречивым. В этот период, заполненный учёбой в индустриальном училище имени КИМ на заводе Лейтенанта Шмидта, дружба, скорее даже лидерство среди дворовых ребят, целиком им овладела! Юношеская энергия и далеко не всегда продуманные желания провоцировали свершение поступков, в которых зрела и прорывалась удаль, желание покрасоваться своей силой, ловкостью, атлетическим мастерством.

Когда мне было лет одиннадцать, я жил в квартире у бабушки, и отец изредка рассказывал мне о проделках, творимых такими же молодыми и ловкими приятелями, жившими во дворе дома в тридцатых годах. Сейчас, вспоминая это по оставшимся впечатлениям, я могу судить об отце в те годы, как о ловком, чрезвычайно спортивно одарённом юноше, ум которого, хоть и был насыщен знаниями и впечатлениями, полученными от нравоучительных собеседований с отцом Александром Павловичем Юргановым, тем не менее не слишком отличался глубоким осмысливанием бытия, окружавшего его.

По-видимому избыточность энергии, желание выделиться в массе сверстников, готовность к дерзким поступкам, разумеется, утаиваемым от родителей, которые не слишком за ним следили, сделали своё дело: в молодости Борис усвоил силовой принцип решения проблем, старался свой редкий среди боксёров, но очень эффективный инструментарий – хук левой – использовать чаще, чем разумные доводы.

Мне кажется, что такой стиль жизни в сравнительно молодом обществе и черта городских – дворовых, деревенских – удалых взаимоотношений во всех концах Российской Федерации, была характерной для мальчиков, юношей, молодых граждан советских граждан в тридцатых годах...

Закончив училище в возрасте девятнадцати лет, с блеском

сдав все экзамены, Борис вступил в *комсомол* и очень быстро сделал первый шаг к карьере, которая тогда в 1934 году его привлекла. Он был членом райкома комсомола, затем города и, наконец, республики. По большей части это была практически «*волонтирская*» работа. Тогдашняя «*номенклатурная поросль*» делала свои первые шаги в массовых рядах «*номенклатурных добровольцев*», из которых руководящие кадры комсомола Азербайджана вербовали штатные кадры для района, города и республики.

Я не знаю, чем отец занимался на «*общественной работе*», но скорее всего благодаря своему умению превосходно владеть слогом он мог заниматься *идеологической* работой.

Тогда же он увлёкся художественным рисованием. Мне довелось увидеть альбом с его рисунками. Должен признаться, что его акварели были очень свежи и довольно профессионально исполнены.

Цветы, море, этюды бакинских кварталов привлекали точностью рисунка и теплотой сюжетов. Мне казалось, что в его характере в тот период разнообразные увлечения боролись друг с другом, да так, что одно, в конце-концов, уступало место другому без особого развития и совершенства.

Кстати, после войны, уехав в Крым, в совхоз имени Чкалова, создавая там радиостанцию, совхозный клуб, он снова вспомнил о художественных увлечениях юности и нарисовал для клубного зала несколько картин маслом. Однако, вернувшись в Баку о художественных своих талантах напроць забыл и больше к рисованию не возвращался. Его последним, так сказать *отголоском* увлечений молодости, оказалась объёмная панорама: «*Парусный фрегат у морского причала*». Он сделал панораму уже будучи в преклонном возрасте. Поставил изделие на поверхность книжного шкафа, умело нарисовав на заднике черты морского города, смастерив красивый парусник, который был установлен у самого края шкафа...

...Однажды, в возрасте шестнадцати лет, подчинившись безграничному любопытству, я копался, в нарушение всех правил и норм поведения, в ящиках письменного стола отца. Было это в квартире у бабушки – Надежды Георгиевны Юргановой – матери моего отца.

Я наткнулся на толстую тетрадь, лежавшую в ящике. Перелистав её, я понял, что это художественные рассказы отца, с его же иллюстрациями, сделанными к описываемому сюжету чернильной ручкой. Помню там был рассказ о судьбе азербайджанской женщины, которая осмелилась отказаться от «родовых оков», брака по расчёту, скрепленного мусульманскими традициями, за что и поплатилась жизнью.

Рассказ был написан очень страстно, со множеством красочных деталей и знанием материала. Борис Юрганов жил в мусульманской стране. Перемены в стиле жизни происходили здесь только в больших городах республики, населённых иммигрантами из России. За пределами Баку, в *мусульманских провинциях* Азербайджана, при всех переменах, которые принесла Советская власть, исламские традиции маскировались, прятались, но *не преодолевались!*

Прочитанный рассказ произвёл на меня тяжкое впечатление. Я начинал постепенно понимать, что происходившие в мусульманской стране перемены, были всего лишь *видимой* частью схватки двух *идеологий*, неистово пропагандируемых агитпропом и с неменьшей страстностью – исламом. Агитпроп, вооруженный властью, угрожавший насилием в случае неповиновения, вытеснял ислам, заставляя его последователей и вождей накапливать ненависть и тайно растить своих приверженцев в стране.

Невидимая часть этого идеологического айсберга, принимала многочисленные жертвы тех, кто ради выживания следовал политическим мифам системы, жаждавшей уничтожить мусульманские ценности в сознании народа, исповедывавшего ислам многие сотни лет.

В массе родовых и национальных идей наметился тектонический сдвиг в сторону *отказа* от сакральных традиций и принятие *рукотворных, а говоря по простому* – придуманных идеологических *наставлений* советской системы, *соблазнявшей* молодых мусульман радикальными *образами* и *призраками* свободы. Это приводило к тяжким последствиям, которые описал мой отец в своём рассказе «Зульфийа».

Сейчас, трезво оценивая его литературный опус, могу сказать, что Борис Юрганов, как этнический русский, воспитанный на установках Советской власти, воспринимал *конфликт идеологий* с позиций, утверждаемых политическими *агитаторами* Советской власти. Иначе быть и не могло! Изложение сюжета рассказа, страстное, но *прямолинейное*, оказалось эстетически *беспомощным*, напоминавшим скорее *«агитку»*, чем художественное произведение...

Между тем спорт, художественные увлечения Бориса Юрганова, его писательские *упражнения* так и не сумели *отодвинуть* на задний план желание сделать *политическую карьеру*.

Когда в 1933 году он завершил техническое училище имени КИМа, острота желания сделать карьеру политика еще не была осознана и не воплощалась в целенаправленные действия. В летнее время, как комсомолец, он оставался *пассивным* функционером, руководителем пионерского отряда в детских лагерях и дворовых форпостах...

...Цыганские корни давали о себе знать. Ранняя сексуальность Бориса сильно его угнетала. Общение с девушками, несмотря на его привлекательную внешность, умение заводить разговор, лидерские навыки, мало помогали. Мешала сексуальная необразованность, множество заблуждений, почёрпнутых из дворовых сходов, весьма грубо толковавших *отношения полов*. К тому же *сексуальный опыт* его родителей так и остался тяжким грузом лежать в его памяти.

И всё же однажды он знакомится с девушкой по имени Елена с яркой внешностью, простым, доступным общением и сильно ею увлекается. Это случилось летом 1934 или 1935 года, когда общение с Еленой Севостьяновой вскружило ему голову.

Подробностей этих отношений не знаю, но, опираясь на «Свидетельство о разводе», определенно могу сказать, что брак всё-таки был заключён, поскольку официально он был прерван 18 декабря 1936 года, о чём записано в «Свидетельстве о разводе» с Еленой Севостьяновой, которой была приписана его фамилия Юрганова...

Однажды в остром разговоре между Надеждой Георгиевной Юргановой – моей бабушкой и Зинаидой Никитичной Юргановой – моей матерью, я впервые услышал о первом браке моего отца. Однако мне показалось, что у двух женщин: свекрови и невестки – представления о Елене Севостьяновой сильно *расходились*.

По-моему, бабушка *лукавила*, оценивая некие достоинства первой невестки. Скорее всего она хотела досадить моей матери, которую недолюбливала, как мне кажется, за её деревенские корни. Такая надменность была ей присуща, хотя и не выражалась в дерзких формах.

Да, у бабушки признаки *барыни* были. Она умела показать свою значительность, обладала хорошим вкусом, знала, и весьма неплохо, хорошие манеры, к которым однажды даже попыталась (не безуспешно!) приучить и меня...

...О первом браке отца я все же могу судить с его слов по «ночным» воспоминаниям, свидетелем которых оказался однажды, когда мои родители, *разговаривая* в постели, а точнее *шепчась* друг с другом перед сном, невольно *выдавали мне тайны* своей личной жизни.

Моя память предоставила мне *только сейчас* возможность черпать факты из их *разговоров*, смысл которых был связан с теми событиями, которые обоих задевали, став

предметом *размышлений* *полуночников*.

Не могу сказать, что моя мать была женщиной ревнивой. Скорее *обидчивой*, особенно, если она замечала, как взгляд её мужа, Бориса Юрганова, *задерживался* на *тали* или *ногах* чужих, но явно привлекательных женщин. Это могло стать *мотивом* короткой реплики, разговора, а иногда и *ночного разбирательства*, услышанного мною. Родителям было за сорок, разумеется, если учесть разницу в возрасте между мужем и женой в четыре года. Неожиданный раздор днём нередко вызывал *разговор* в постели. В один из таких моментов я невольно и стал свидетелем *сюжета* о первом браке моего отца.

На первый взгляд, в моих нынешних размышлениях эта тема вовсе не актуальна, но отец – личность, теперь уже *историческая*, в ней свершились события, буквально *сцепленные* друг с другом, повлиявшие на его отношения и с его родителями, и со второй его женой – моей матерью – и даже со мной – его сыном...

Однако вернусь к услышанному разговору. Он был на редкость мирным и потому оказался для меня весьма *информативным*. Попробую методом *произвольной реконструкции*, с уважением к главной идее разговора воспроизвести его содержание.

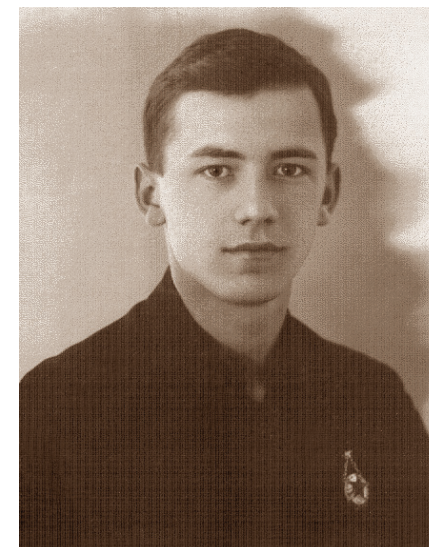
Мать, как мне показалось, насмешливо пожурила отца за «слишком вольный взгляд». Это я так назвал бы *скользящую остановку* глаз мужчины на фигуре какой-то *стройной* женщины, прошедшей мимо моих родителей, гулявших по Бакинскому бульвару. Тот усмехнулся, но промолчал. В постели мать неожиданно его спросила: «А как ты Елену *прихватил*? Таким же образом?» Отец с видимой охотой стал рассказывать, как он познакомился со своей первой женой.

«В Баку в парке, неподалеку от набережной Каспия стояла вышка, с которой можно было броситься вниз и с парашютом спуститься на площадку. Елена застряла. Слышу

крик. Подымаю голову. Я как раз проходил почти под самой вышкой. Вижу, висит молодая женщина с очень стройными ногами. Потом вижу трусики и всё такое... Неожиданно крюк, который держал трос дёрнулся, и она быстро стала спускаться, да так, что я едва успел отскочить в сторону. Она приземлилась рядом со мной и даже чуть не упала. Я подхватил её. Понимаешь, это была очень яркая женщина... И я увлёкся. Что уж тут поделаешь?» Мать спросила отца: «Твоей матери она тоже понравилась?». Отец простодушно согласился: «Мать благожелательно отнеслась к ней, хотя смотрела на неё как-то придирчиво. В Баку Лена жила на квартире и училась в техникуме. Мы прожили с ней что-то около года-двух... На квартире у моих родителей, конечно. Я уже работал, она училась...»

Когда пишешь книгу о собственной жизни, жизнь родителей и их родителей и их... Одним словом, прихватывая судьбы предшествующих поколений, жизнь давно ушедшая выглядит очень призрачной. Но с моей памятью что-то происходит! Никогда не думал, что я мог бы вспомнить что-то из событий, случившихся в жизни моих родителей, которые пребывали в зрелом возрасте и, по счастью для меня, еще не утратили обоюдного интереса друг к другу.

Дома как такового с комнатами, любимыми уголками, куда можно было бы уединиться и поговорить друг с другом, у нас не было очень долго. Мать и отец построили такое жильё сравнительно поздно. Им было лет 50-52, а может и больше, когда такая возможность представилась... Правда, и тогда я умудрялся, прижавшись ухом к стене, отделявшей мою комнату от их спальни, подслушивать их откровения, ставшие уже крайне редкими. Если считать возраст 14-15 лет временем пробуждения целенаправленного подросткового любопытства, то я застал мать в возрасте 45 лет, когда женщина обнаруживает, что поведение мужа, который младше её на четыре года, становится для неё тревожным.

Борис Юрганов
город Баку 1936 год

И всё же попытаюсь завершить тот памятный разговор... Мать спрашивает: «Ты мне говорил однажды, что она оказалась беременной не от тебя?» Помолчав отец ответил: «Мне было лет двадцать, двадцать один...Разобраться, что за женщина была эта Лена не получилось. Еще до меня был у неё любовник... Служил он в НКВД. Я... Было дело...Куролесил немного. Мне пришлось даже из Баку уехать на некоторое время...Потом вернулся. Встретил Лену. Она об этом мужике мне рассказала. Но моя мать откуда-то прознала об этой связи гораздо раньше и больше меня. Какой-то нюх у неё был, знаешь... Предупредила, но я не очень в этих делах соображал. Ну был мужик... Теперь-то она, эта Лена, замуж за меня вышла! Мать мне говорит однажды: «Гони её Боренька! Она беременна не от тебя...» Лена даже сопротивляться не стала. Пошли – говорит – разведёмся. Пошли... Тогда всё проще было, чем сейчас...»

Глядя на фотографии моего отца, должен признать, что внешне он, в свои двадцать два года, то есть в 1936 году выглядел очень привлекательно. Среднего роста, в хорошей спортивной форме, мускулистый шатен, смуглолицый, очень похож на молодого цыгана. Нет, на гитаре он не играл, песен не пел, но при своём хулиганистом поведении, был

человеком галантным и вполне учтивым в общении.

Прошло время его рискованных проделок, когда он на спор мог пройти по карнизу трёхэтажного дома, в котором жил, или перепрыгнуть на ходу с вагона на вагон, бегая по крыше электричек. Заплывать в Каспийском море так далеко от берега, что видна была его голова размером со спичечную головку.

Мне кажется, что его родители вряд ли о нём тревожились. Устали... Да и было это бессмысленно. Другим он всё равно бы не стал, а чудо в самые острые периоды его возраста 15-19 лет случалось: сын всегда возвращался домой в определенное время, живой и невредимый.

Дисциплина в семье царила *железная*. Борис Юрганов до самой войны или раньше, когда он был призван в армию и даже отслужил там, *соблюдал* договорённость с родителями – возвращался домой не позднее часу ночи. Во всяком случае, Надежда Георгиевна и Александр Павлович Юргановы наутро всегда видели сына в его постели. Кстати, к тому же он приучал меня и пытался внушить такой же порядок младшему сыну Александру – моему брату...

...В 1937 году моему отцу исполнилось двадцать три года. Несмотря на то, что Баку находился в дали от столиц Ленинграда и Москвы, волна «большого террора» захлестнула и этот город. Семья бывших чекистов Юргановых не могла чувствовать себя в безопасности в то время, когда в центральной печати СССР и в периодике Азербайджана, практически каждый день, объявлялись имена репрессированных или публиковались материалы судебных процессов, проходивших в крупных индустриальных городах Советского Союза.

Отец никогда не рассказывал мне о *духовном режиме* в его семье в эти страшные годы, скорее всего потому, что происходившие *карательные* события маскировались властями под тщательно срежиссированные судебные процессы, ко-

торые транслировались по радио и публиковались в периодической печати.

Между тем к этим событиям в стране... *привыкли*. Они бесконечно долго *сопровождали* жизнь людей. Разумеется, самыми неприятными минутами были ночи, когда приезжал *черный воронок* и забирал очередную жертву. Потом дети *взятого*, его жена с трудом начинали адаптироваться к жуткой роли «*родственника врага народа*». Со временем и они... *привыкали* к своей лихой доле...

Александра Павловича и Надежду Георгиевну Юргановых власти Азербайджана не трогали. Трудно сказать, почему? По-видимому спасал статус саратовских чекистов, в недавнем прошлом рьяно служивших Советской власти.

Между *тем* Борис Юрганов, завершив техническое училище имени КИМ, при заводе Лейтенанта Шмидта и показав на экзаменационных испытаниях весьма приличные навыки и познания, начал искать работу. Судя по документам, например, профсоюзному билету, его профстаж исчислялся с 1930 года, хотя техническое училище он закончил в 1933 году. Значит в профсоюз Борис Юрганов был принят ещё учеником технического училища.

В его документах сохранилась справка, датированная 22-м июлем 1933 года за подписью начальника монтажного цеха Саратовского завода по производству оборудования для станционных сооружений железных дорог, где Борис Юрганов работал слесарем-инструментальщиком.

Как могло случиться, что выпускник Бакинского технического училища оказался в Саратове? Ответ кроется в бурном юношестве моего отца. Были сложности его отношений с дворовым сообществом. Было оно далеко не однородным. *Светлые и тёмные стороны* этого сообщества участвовали в затяжных событиях с непонятными коллизиями, причинами, обещавшими острые конфликты.

В *мотивах* столкновений отца с некими силами его

молодости разобраться было непросто и ему, и его родителям. Я не слышал от отца признаний о тех далёких схватках, но знаю, что по тем временам стычки приобретали вид беспощадных разборок, *хотя и тайных!*

Сын двух чекистов был убежден в *справедливости* своих претензий к тем *криминальным силам*, представители которых, кстати сказать, *тоже* были оснащены *субъективными* представлениями о *справедливости*. Они собирались так же *беспощадно* отстаивать в дворовых конфликтах свои интересы.

Родителям Бориса Юрганова пришлось столкнуться с опасной *разборкой*, в которую был втянут их юный сын, обещавшей грозные последствия. А ведь он только что окончил техническое училище!

Вероятность фатальных последствий для Бориса по видимому была вполне возможна. Родителям ничего не оставалось, как срочно отправить сына в... Саратов, под защиту тамошних друзей-чекистов.

Между тем через пять месяцев, 4 ноября 1933 года, Борис Юрганов работал уже на Бакинском телеграфе учеником мастера с окладом в *сорок семь рублей*. Конфликтная ситуация за время его отсутствия как-то *рассосалась* и мой будущий отец вернулся домой.

Вместе с тем даже в 19 лет сорок семь рублей зарплаты были мизером. Александр Павлович, а может и Надежда Георгиевна Юргановы, попытались что-то поискать сыну с *большой* оплатой. Это им быстро удалось. Первого ноября 1933 года, так сказать «задним числом», Борис переводится в районное отделение связи города Баку *подручным техником* с окладом 132 рубля 30 копеек. Другое дело!

Знания, полученные в техническом училище, не могли быть востребованы в полном объеме, несмотря на их обширность. Механизм телеграфной техники того времени был сконструирован столь изысканно и мастерски, что тре-

бовал *уникальной* ручной наладки при регулировке телеграфного аппарата. Тут-то врождённое слесарное мастерство Бориса Юрганова оказалось очень кстати.

Основным *видом* телеграфной техники того времени были аппараты Морзе и Бодо. Жан Морис Эмиль Бодо (фр. *Jean-Maurice-Émile Baudot*, 11 сентября 1845 – 28 марта 1903) – французский инженер, изобретатель кода Бодо, обеспечивающего кодировку символов для телетайпов. В честь Бодо названа единица скорости передачи сигнала – «бод». В 1872 году Бодо создал телеграфный аппарат многократного действия, при помощи которого можно было передавать по одной линии два и более сообщения. Такой аппарат и все последующие устройства, которые были созданы по такому же принципу, получили название *старт-стопных*. Значительно позже ему на смену пришёл аппарат СТ-35 (тоже *старт-стопный*), который заменил аппараты Бодо в Советском Союзе уже после Отечественной войны.

Доэтого все телеграфные передачи велись аппаратами с использованием азбуки Морзе, которые в 1933 году обслуживали не только провинциальные телеграфные линии, но были и на Бакинском телеграфе. Инженер Ж. М. Бодо впервые создал аппарат, который передавал сообщения, используя

буквы латинского алфавита, но русские мастера создали его аналог, который передавал текст на русском языке. Через два года инженер Ж. М. Бодо усовершенствовал свое изобретение. Он создал двукратный аппарат, который передавал информацию со скоростью *360 знаков в минуту*, а еще через два года – пятикратный аппарат, скорость передачи в котором увеличилась в пять раз. Эти аппараты стали самыми популярными и передавали информацию на большие дистанции и ими в СССР пользовались до конца XX века.

На Бакинском телеграфе на аппарате Бодо работала бабушка Надя Юрганова – мать Бориса и владела клавиатурой весьма искусно. На Бакинском телеграфе Борису Юрганову предстояло освоить ремонт и регулировку аппаратов Бодо, и я не думаю, что это искусство давалось ему легко.

Детали аппарата Бодо, особенно некоторые из них, с очень хитроумными конфигурациями, часто выходили из строя. Следовало изготавливать эти детали, опираясь скорее на чутьё, чем на инженерные познания. Монополисты – французские заводы, производившие запасные части – были тогда недоступны. Даже после установления дипломатических отношений с Французской Республикой, СССР не мог получать запасные части по гарантированным контрактам. Бакинским мастерам ничего не оставалось, как налаживать производство деталей на кустарной технической базе и снабжать ими городской центральный телеграф. В провинции Азербайджана работали аппараты Морзе...

Обладая слесарными навыками, зная металловедение, приучаясь работать с мелкими сложными конфигурациями, освоив регулировку аппарата, Борис становится *умельцем*, мастером, которому удаются сложные ремонтные работы в мастерских Бакинском центрального телеграфа.

Одновременно с этим, он даже увлекается *совершенствованием* аппарата Бодо, пытаясь заменить в нём наиболее *капризные* детали, часто выходящие из строя. Его *рукодельное*

мастерство становится своеобразной *визитной карточкой*, что пригодилось, когда наступило время призыва в ряды Красной Армии, где он служил в войсках связи.

Всё происходило, разумеется, постепенно, с годами, со временем взросления, с накоплением опыта, который назывался *производственным*, однако этот опыт развивался в ремонтной службе Бакинском телеграфа, не оснащенной подходящим оборудованием и не имевшей квалифицированных *кадров*.

Между тем *искусство* изготовления механических деталей в аппарате Бодо разбудило в техническом разуме моего отца *способность* создавать технически-художественные произведения, которые могли быть использованы, как *деловые* украшения для частных лиц высокого ранга.

Я помню рассказ отца о создании чернильного прибора для его первого командира дивизии, у которого он служил в Красной Армии в 1936 году. Он показал мне фотографию, кратко рассказав, как и что работает.

Это был письменный прибор, украшенный стоящим между двумя чернильницами русским рыцарем в латах и со щитом. По обе стороны от рыцаря стояли изящные стойки, куда вставлялись ручки с перьями, имитирующими пики. Между ног рыцаря стояли *ножны* с мечом, которым разрезались страницы книг или бумажные листы. Плоскость прибора была вырезана из черного стекла, а сами чернильницы выточены из тщательно обработанной и полированной латуни.

Я не смогу описать все *красоты* чернильного прибора, но механические детали, изготовленные руками отца, свидетельствовали о мастерстве автора, которому можно было только позавидовать. Однако я немного забежал вперед...

Работа на телеграфе длилась недолго. Справка от 16 октября 1936 года свидетельствовала, что Борис Юрганов уволен с Бакинском телеграфа в связи с призывом в ряды

Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Ему исполнилось тогда 26 лет и получал он 293 рубля заработной платы.

Думал ли он об иной карьере в эти годы? Мне известно, что с 1924 года он был постоянным пионервожатым в отряде при дворе его дома, ну а потом? С работой что-то стало складываться, хоть и по чуть-чуть, но начала расти заработная плата. Однако жажда общественной активности брала своё, и Борис Юрганов начинает постепенно обращать внимание на молодёжные организации, деятельность в которых обещала ему какие-то перспективы для карьерного роста.

Что происходило в Азербайджанской ССР в 1936 году? Первая массовая волна арестов прокатилась здесь именно в эти годы. Аресты проходили по двум направлениям: арестовывали так называемых «троцкистов» и «националистов». В момент, когда Борис Юрганов отправился к месту военной службы в 95-й авиабатальон связи, дислоцированный в районе города Баку, в самом городе были арестованы крупные азербайджанские чиновники и учёные: директор Бакинского университета Насанбеков, директор государственного издательства Эминбейли, профессора Букшпан и Николаев, публицист Вели Хулуфлу, личный секретарь Багирова – Никишев, которого обвинили в связях с мусаватом и в террористической деятельности. Наконец, тогда же по личному распоряжению Багирова был арестован нарком образования Рухулла Ахундов, позднее расстрелянный...

...Призыв в ряды Красной Армии протекал у Бориса Юрганова без приключений. Работал он в ремонтном дивизионе связи и участвовал в обычных технических мероприятиях, хорошо ему известных ещё по Бакинскому центральному телеграфу.

Служба, проходившая в районе города Баку, предоставляла возможность Борису приходить домой в краткосрочный отпуск. В один из дней отпуска он знакомится с Еленой Севостьяновой, женится, через год – полтора расходится

с ней, сильно переживает неудачный брак, продолжая служить в своём 95-м батальоне связи, пользуясь краткосрочными отпусками, чтобы видеться с родителями.

В армии он был свидетелем февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б), проходившего с 23 февраля по 3 марта 1937 года в Москве. И. Сталин выступил с докладом: *«О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников»*. Он повторил свою доктрину об *«...обострении классовой борьбы по мере строительства социализма.»* На Пленуме был Мир Джафар Багиров. Вернувшись в Баку, он созвал VI Мартовский Пленум ЦК Компартии Азербайджана и в своём выступлении сразу обратил внимание делегатов на уровень неграмотности и невежества значительной части населения республики, увидев причину того в том,

Борис Юрганов
город Баку 1937 год

что «...реакция действует...». Завершил свою речь Багиров угрозой уничтожить всё руководство партии.

В июне 1937 года в стране развернулась волна массового террора. С начала лета 1937 года до осени 1938 года Азербайджан фактически оказался без управления: в результате чисток погибли не только все секретари райкомов, но и 18 наркомов со своими заместителями и сотрудниками. Арестован нарком внутренних дел М. Раев, четыре пятых народных судей Азербайджана, полностью был обескровлен аппарат прокуратуры. Партийно-хозяйственный состав управления республикой был поставлен на грань развала. Чистка ввергла республику в пучину ужаса. Репрессии оказались на руку М. Д. Багирову, который уничтожал своих противников, обвиняя их в предательстве.

В момент службы Бориса Юрганова в Красной Армии в СССР началась кампания против командного и начальствующего состава. Не оказался в стороне от этого уничтожающего вала и Азербайджан. 16 июля 1937 года М. Д. Багиров сообщил о «контрреволюционном заговоре» в 77-й азербайджанской горно-стрелковой дивизии, где командир дивизии Г. Везиров, начальник политотдела Д. Алиев были разжалованы и расстреляны.

...Венский философ Альфред Шюц однажды написал пророческие слова в своей работе «Структура повседневного мышления»: «Человек в любой момент его повседневной жизни находится в биографически детерминированной ситуации, т.е. в определенной им самим физической и социокультурной среде. В такой среде он занимает свою позицию».

Биография моего отца разворачивалась в отчаянно жестоком времени, когда расстрелы и суды в Азербайджане вершились с подачи одного человека, наделённого неограниченными полномочиями. Будучи тенью И. Сталина с его культом личности, М. Д. Багиров творил беззаконие и террор по отработанным лекалам партийно-политиче-

ской системы, именуемой «народным, пролетарским государством». И в этом государстве жил Борис Юрганов, служил в Красной Армии, мечтая после службы продолжать карьеру в этой же партийно-политической системе, не зная о присущей ей разрушительной, бесчеловечной сущности.

Социокультурная среда Бориса Юрганова в годы службы в 95-м отдельном авиабатальоне связи не выражала открытой враждебности, а правящая система в этот же временной отрезок умело маскировала террор, не давая моему отцу возможности субъективно реагировать на происходящие беззакония. «...Любая интерпретация мира, – продолжает свои рассуждения А. Шюц, – основана на предыдущем знакомстве с ним – нашем лично или передаваемом нам родителями и учителями. Этот опыт в форме «наличного знания» (*knowledge at hand*) выступает как схема, с которой мы соотносим все наши восприятия и переживания».

Родители Бориса Юрганова были свидетелями творящихся в Азербайджане жестокостей, но их воля была парализована и направлена в сторону решения только профессиональных задач, стоявших перед ними, как техническими чиновниками. Их молчание, как и миллионов других граждан республики, если не знавших, то чувствовавших недоброе, но опасавшихся что-либо говорить, служило диктатору М. Д. Багирову удобным прикрытием для его злодеяний. Он был лишён прав, воли, желания жить и действовать иначе, поскольку «Светоч социализма» в Кремле диктовал правила творимой им в стране вакханалии, навязывая нормы кровавой жатвы, которую беспрекословно исполняли его сподвижники.

Приход Бориса в отпуск из армии не делал его достойным собеседником отцу – Александру Павловичу Юрганову или матери Надежде Георгиевне, чей опыт «...в форме личного знания...» отражал их же собственные беззакония, творимые семнадцать лет назад в Саратовском ЧК, под прикрытием

«красного террора», оправдываемого их чекистскими начальниками.

Он, этот опыт, «... выступает как схема, с которой...» Борис Юрганов, их сын, «...соотносит...» свои восприятия и переживания, когда происходило то же самое в период наступавшей его зрелости! Скорее всего по этой причине Юргановы молчали, не превращая даже в предмет семейной дискуссии творимые в Баку и за его пределами кровавые преступления Багирова. Во-первых, это было бессмысленно, во-вторых, опасно.

И еще одна реплика А. Шюца, помогающая мне понять психологию моего отца в то тяжкое время, не отрывающуюся от честолюбивых желаний, к которым он был предрасположен в молодом возрасте, думая о возвращении домой из армии. «...Такой опыт включает в себя представление о том, что мир, в котором мы живем, – это мир объектов с более или менее определёнными качествами. Среди этих объектов мы движемся, испытываем их сопротивление и можем на них воздействовать. Но ни один из них не воспринимается нами как изолированный, поскольку изначально связан с предшествующим опытом. Это и есть запас наличного знания, которое до поры до времени воспринимается как нечто само собой разумеющееся, хотя в любой момент оно может быть поставлено под сомнение...»

В том-то и дело, что под сомнение из происходивших кровавых событий тогда, в тридцатых годах, ничего и никем не было поставлено! Убийственная лживость Советской власти в том и заключалась, что всё творимое ею зло воспринималось низами, как само собой разумеющееся действие, хотя «...в любой момент оно и может быть поставлено под сомнение».

Для народного, пролетарского государства творимая властью политика никогда и не была подвергнута сомнению, какими бы злодеями она себя не ознаменовала. Только крах

этой власти, прекращение существования Советского государства, запрещение КПСС в 1991 году обратили сомнение, стихийно зревшее в народе десятилетиями, в реальную силу...

...В 1938 году, зимой, произошло знакомство Бориса Юрганова с Зинаидой Юрьевой, навсегда определившее судьбу обоих и ставшее началом семьи, в которой родились, выросли я и мой брат Александр.

Тотальный смог террора и репрессий постепенно ослабевал, настали дни встреч, любви, брака, в котором было немало сложных и противоречивых страниц, миг моего рождения, пришедшийся на 27-й февраль 1939 года.

Знакомство моего отца с моей матерью – момент полный неведомых мне переживаний, к которым я прикоснулся только после времени, которое уместно уже назвать историей брака. Когда мне исполнилось года четыре или пять, я определённо понял, что эти два человека, по имени Борис и Зина – мои родители.

Мы жили тогда у бабушки – матери Бориса Юрганова. Моя мать была странно взволнована и всё время подходила ко мне, сидевшему на диване в комнате, освещенной светильниками-бра, укрепленными на стенах. Я уже твёрдо знал, что эта женщина с нервным лицом и звонким голосом – моя мать. Есть ли у меня отец в его физическом облике я ещё не знал. Когда мать подошла ко мне и сказала, что сейчас придёт твой отец, я был крайне удивлён и, хорошо помню, слегка дёрнул ногами, которые беспрерывно болели. Боль была вялой, скорее всего привычной для меня и я, наверное, ничего не ответил.

Как всегда, я забегаю вперед, но тот миг, о котором я сейчас непроизвольно вспоминаю, запечатлелся на фотографии осени 1945 года и я, одетый в красивый матросский костюмчик, был скорее озабочен, как я выгляжу, чем появлением некоего папы, о котором я не имел ни малейшего представления. Мне было пять лет. Я был ужасно худым

и беспомощным ребёнком, по внешнему виду которого можно было судить, что он... тяжело болен.

Время, когда я увидел фотографию, на которой был изображён мой отец, было моментом нашего заочного знакомства. Оно было тоже *загружено* болезненными впечатлениями, спрятанными в моём теле, искалеченном туберкулёзом. Я лежал в постели и мать, чтобы предоставить *работу* моему вниманию, как-то отвлечь от боли, положила мне фотоальбом. Через несколько минут перелистывания фолианта с фотографиями я увидел двоих: мужчину в военной одежде и женщину, которая смотрела на него. Он улыбался широко и открыто. Женщина – это была моя будущая мать – тоже улыбалась. В её улыбке я не замечал той же открытости, какая буквально распахивалась во взгляде молодого солдата, моего будущего отца. Скорее всего я чувствовал её застенчивость. Ниже было написано: «1938 год...»

В старых фотографиях есть некая магия неведомого, хотя момент, изображённый на карточке, мог быть созерцателю известен во всех деталях. Лица на снимках какое-то мгновение почти всегда незнакомы. Надо пережить несколько секунд *узнавания*, чтобы момент истины, наконец, *просочился* в сознание. Таким отца я никогда не видел. Не мудрено, если учесть, что было ему 24 года, да и мать я не мог представить с таким юным лицом, хотя было ей уже 28 лет...

...Между тем *знакомство* Бориса Юрганова и Зинаиды Юрьевой долго не налаживалось. Он встретил её случайно. На улице. Она ему сразу понравилась, но времени на контакт просто не было. Он – военнослужащий, приехал в краткосрочный отпуск. Борису удалось запомнить только номер ворот, куда она юркнула, заметив его долгий заинтересованный взгляд.

Моя мать была красивой молодой женщиной. Проходить по улицам ей было непросто! Молодые азербайджанцы, увидев её, пытались заговорить, вступить в контакт,

Борис Юрганов и Зина Юрьева
город Баку 1938 год

а ей никогда не хотелось откликнуться. Более того, лёгкость такого *провокационного* общения её пугала и раздражала. Она пыталась прибавить шаг. Хотелось увернуться от настойчивого мужчины, а лучше всего, подхватив подруг, если гуляла с ними, и убежать, затеряться в толпе.

В 1938 году Зина Юрьева уже работала в Баксовете. Одевалась она всегда скромно, по возможностям того времени. Часто использовала гардероб своей старшей сестры, которая какие-то наряды имела, но одевалась всегда однообразно и неряшливо. Её муж, Александр Ионов, к внешнему облику жены особого внимания не проявлял, а сама она – мать четверых детей, включая удочерённую Аллу Юрьеву, дочку брата Николая Юрьева, была слишком озабочена бытом и детьми, чтобы обращать внимание на свою внешность и платья. По иронии судьбы, все сёстры Зины с годами оставались худыми и их платья были ей в пору. На работе она получала сущие гроши, хотя и трудилась в Баксовете

– престижном государственном учреждении, представлявшем в городе Советскую власть.

На следующий свой отпуск отец решил выследить понравившуюся ему девушку. Человеком он был решительным, а уж если она ему понравилась, о какой-то сдержанности и речи быть не могло!

Конечно, я могу перебрать крохи воспоминаний из случайно услышанных реплик, касавшихся молодости моих родителей, но я решил попробовать немного *пофантазировать*, чтобы собрать, как *пазл*, картину знакомства моих будущих родителей.

Борису повезло. Он увидел, как из ворот Красноармейской улицы, здесь жила Шура Ионова, вышла Зина и направилась к трамвайной остановке. Неожиданно из-за угла вышел элегантный молодой человек, который, улыбаясь, шёл навстречу Зине. Та заметно обрадовалась и они, тепло поздоровавшись, пошли вместе. Он бесцеремонно взял её под руку, а она, ничуть не смущаясь, тем самым *подказала* Борису, которого заметила краем глаз, что парень *имеет на нее виды*.

Я не знаю, чем можно объяснить тот факт, что моя мать не была замужем столь долгое время. Двадцать восемь лет для девушки – возраст *более чем брачный* и даже сильно *детородный*, если учесть, что, живи Зина в Туровке, Тамбовской губернии, она давным давно уже вышла замуж и родила бы, если не двоих, то уж определенно одного ребёнка. Отец в браке уже побывал, правда неудачно. Он знал, что такое противоположный пол, чего не скажешь о моей матери, чья природная скромность и неслыханная занятость заботами в семье Шуры, учёбой и, наконец, работой не давала возможность и думать о мужчинах, как претендентах на её внимание и интерес.

...Раздражение отца при виде *соперника* возрастало. Он медленно шёл шагах в пяти от пары, стараясь прислу-

шаться к разговору. Но ничего не было слышно, потому что вышли они на центральную улицу, где былолюдно и грохотали трамваи. Неожиданно он увидел, что парень стоит на улице один, а Зина куда-то исчезла. Недолго думая, Борис энергично подошел к нему и, незаметно озираясь, подхватил его под локоть. Тот, недоумённо оглядываясь, нерешительно потянулся за ним, не заметив, что через несколько секунд оба оказались в пустынном подъезде.

– Отстань от неё, слышишь? Скорее прошипел, чем сказал Борис. – Не то расквашу тебе физиономию! Тут же распахнул дверь подъезда и вылетел оттуда на улицу. Парень, поражённый случившимся, стоял в столбняке, наконец, будто очнувшись, вышел из подъезда и увидел Зину, стоявшую спиной к нему. Не желая искушать судьбу, он вильнул за угол дома и быстро зашагал вверх по улице...

Однажды мать мне всё-таки рассказала, правда очень кратко, *что* происходило, когда её муж, то есть мой отец, *положил на нее глаз*. Не буду наговаривать лишнего, но мне вовсе не показалось, что в её размышлениях я увидел следы горделивости или ностальгии по годам молодости. Скорее – были ощущения, которые я отнёс бы к *удивлению*. «*Мы с твоим отцом долго не могли познакомиться, хотя я замечала, что он появляется то здесь, то там в поле моего зрения. Когда ты молода или хороша собой, рядом всегда кто-нибудь из парней или мужчин вертится. Где бы я ни была, с кем бы не разговаривала, через какое-то время, так получалось, я оказываюсь одна, а поблизости стоит тот, кто стал твоим отцом. В гимнастёрке, сапогах, пилотке. Он служил тогда в армии и изредка я его видела неподалеку от себя. Он не относился к тем парням, которые меня знали или которых знала я. Постепенно вокруг меня не оказалось ни одного юноши! И однажды он ко мне подходит и говорит: «Позвольте представиться – я Борис Юрганов».*

Характер моей матери был таков, что она и в самом деле

была недоступна. Её представления о знакомствах и общении были крайне консервативны. Об этом я узнал, когда сам достиг юношеского возраста и попал под влияние её *кодекса чести*, если так можно выразиться. Она никогда не стремилась увидеть и, тем более поощрить, заметные чувства мужчины. Скорее всего... боялась их. Однако момент *самопредставления* отца неожиданно ей понравился, хотя всё, что происходило *накануне*, сильно её злило, даже угнетало. Я имею в виду тот факт, что мой отец *методически «отшивал»* от Зины всех, кто, как ему казалось, имел на неё виды. В тот момент, когда Борис представился, она протянула ему руку и тихо ответила: «Зина...»

На первый взгляд, знакомство состоялось. Борису теперь предстояло что-то сделать, предложить, чтобы развить его, превратив знакомство в *отношение*, которого он так упорно добивался. Как человек решительный, он хотел девушку заинтересовать, пригласить в кино, угостить мороженым, просто прогуляться по городскому бульвару, как и планировал давным-давно.

Неожиданно Зина спросила его с обидой в голосе: «А почему вы так жестоко «отшивали» всех моих знакомых, Борис?» Вопрос оказался столь же уместным, сколь и неожиданным. Увлёкшись *очищением пространства вокруг девушки*, Борис далеко не всегда был уверен в том, что однажды не наткнётся на *отпор*. Он хоть и был отчаянным драчуном и боксёром, но при всей своей складной фигуре и мускулистом теле, роста он был среднего и обликом обладал вовсе не угрожающим. Просто ему *везло* – немногочисленные знакомцы Зины пугались неожиданной *агрессивной резвости* Бориса и воспринимали его угрозы *всерьёз*. Некоторые и в самом деле не имели на неё виды, просто оказывались в её обществе случайно, но испытывать судьбу не хотели!

«Если эти ребята так легко от вас отстали, Зина, значит они мало чего стоят!» Эта ли была ответная фраза Бориса

или другая, не знаю. Факт остаётся фактом, что наконец-то мои родители *познакомились*.

Назавтра Борис уехал в расположение воинской части, в которой служил, но в день знакомства успел с Зиной сфотографироваться, и теперь я рассматриваю эту фотографию, запечатлевшую *тень* удивления на лице моей матери. Всё описанное произошло так быстро, что миновало всего пять месяцев и между моими родителями был заключён брак. Однако срок *созревания отношений* мог быть гораздо большим, потому что *процедура* заключения брака оказалась целиком во власти *деловой фантазии* моего отца. Об этом моменте Борис Юрганов оставил собственные воспоминания.

«Я служил в Армии и отлучаться из расположения своего полка по собственному усмотрению не мог. Пришлось ждать, когда я буду из Армии уволен и мне оставалось что-то около трёх месяцев. Зина не противилась встречам и мы общались, когда меня отпускали в увольнение. Конечно, я нервничал, потому что чувствовал, что Зина могла привлечь внимание кого-то другого, хотя тогда вокруг неё таких парней было уже очень мало. Наконец, я был уволен из Армии и вернулся к своей работе на Бакинском телеграфе. Почти сразу же я стал думать, как зарегистрироваться в ЗАГСе. Эта контора располагалась в здании, где был городской комитет комсомола Азербайджана. Я решил, что надо действовать решительно и, взяв с собой свой паспорт, прилично одевшись, пошёл на свидание с Зиной, о котором заранее с ней договорился. Мы много с ней говорили, смеялись и, как мне показалось, ничто не препятствовало осуществлению моего плана. Сказать открыто: «Пойдём зарегистрируемся...» я не решился. У меня не было уверенности, что Зина не откажется под каким-нибудь предлогом, поэтому я решил сделать так, как запланировал. Она знала, что я часто бываю в горкоме комсомола, что там я – свой человек и нисколько не удивилась, когда, я будто вспомнив

Борис Юрганов,
1938 год,
город Баку

что-то, сказал ей, что надо бы заскочить туда на пару минут. Было воскресенье и я немного тревожился, не удивится ли она, что в нерабочий день я собираюсь туда попасть? Однако я заранее знал, что ЗАГС открыт, работает, регистрация там проходит и в воскресенье. Подходим к зданию, я прошу её войти в коридор и присесть рядом с дверью, у которой никто тогда не стоял. Мы оказались посетителями на регистрацию без очереди. На дверях была приклеена маленькая бумажка со словами «Городской ЗАГС», на которую Зина не обратила внимания. Она послушно села на стул, а я юркнул внутрь помещения. Регистраторшу я знал в лицо и сказал ей, чтобы готовила журнал регистрации. Она молча кивнула. Я выскочил в коридор, подошёл к Зине, спросил, взяла ли она свой паспорт. Немного удивившись, Зина кивнула и вытащила из сумочки паспорт, протянув его мне. Не давая ей опомниться, я быстро вошел в комнату регистрации и протянул регистраторше паспорт Зины. Быстро заполнив её данные, она попросила пригласить Зину в комнату. Это было самым сложным моментом всей моей авантю-

ры. Спокойно, однако, весь внутренне сжавшись, я подхожу к Зине и говорю ей, что её хотят видеть в этой комнате. Медленно вставая, глядя на меня удивлёнными зелеными глазами, Зина направилась к дверям. Мы зашли в комнату, в которой была только молодая женщина, на столе перед которой лежали два паспорта: мой и Зины. Продолжая что-то записывать в журнал, она пробормотала: «Гражданка Юрьева, желаете ли вы ...» и так далее. Зина стояла как в столбняке, не произнося ни слова. Из последних сил, я сказал ей: «Ну что ты молчишь? Вот здесь надо расписаться!» – и показал место в журнале. Словно в сомнамбуле, она наклонилась к журналу регистрации, поставила подпись, я тут же поставил свою, схватил паспорта, простемпелёванные прямоугольными печатями с датой о заключении брака, и, взяв её за руку, выскочил в коридор с бешено бьющимся сердцем. Наверное, Зина только через некоторое время поняла, что произошло, и стала смеяться. Вслед за ней начал хохотать и я. Ночевать мы пошли в её квартиру...»

...Мои родители прожили вместе почти сорок восемь лет. Не могу сказать, что я разделил с ними все годы их жизни. Мой жизненный путь был заполнен иными заботами. Я мотался по больницам, чуть ли не с рождения, а потом, когда окреп настолько, что сам мог решать, где мне жить, судьба предоставила мне местожительство вдали от отчего дома.

Однажды я попытался определить, сколько лет я прожил под крышей «дома своего» и не просто созерцал взаимоотношения отца с матерью, но был, так сказать, предметом воспитательных усилий моих родителей. Получилось 12 лет. Если учесть годы детства, раннего отрочества и юности, из которых время было вырвано болезнями и пребыванием в состоянии послеоперационных депрессий, время уменьшится от восьми до десяти лет.

Тем не менее эти годы мне пришлось наблюдать, как строились отношения супругов Юргановых – моих

родителей и черпать опыт семьи, в которой я *почти* вырос. Позже я буду описывать свою жизнь более детально, поэтому сейчас ограничусь тем, что долгие *куски* времени пребывания за пределами *отчего дома* дают мне мало оснований считать себя *уверенным* свидетелем событий, которые происходили уже после рождения моего брата Александра в апреле 1949 года. Тем не менее, сколько бы я ни прожил с родителями под крышей отчего дома, я могу судить лишь о *собственных* впечатлениях, которые отложились в моей памяти, и выводы могу делать только *свои*...

...Невольно мне приходилось наблюдать *соучастие* в семье моих родителей *свекрови* – Надежды Георгиевны Юргановой и *родственников* матери, её сестёр и братьев: Шуры, Марии, Татьяны, Миши, Николая. Только Шура Ионова оказалась долгоживущей *свидетельницей* брака своей младшей сестры Зины, потому что прожила она долгую жизнь, а мои родители, после отъезда из Баку в Краснодар, довольно часто приезжали в Баку. Останавливаясь у Надежды Георгиевны Юргановой, они часто приходили на Красноармейскую улицу, которая после войны была переименована в честь азербайджанского поэта Самеда Вургуня, где Шура Ионова, в девичестве Юрьева, жила до глубокой старости...

...Со слов матери, я могу судить о двух *кризисных ситуациях*, которые возникли в семье моих родителей. Весной 1940 года, в разгар моего недомогания, отец неожиданно исчез. У матери была своя квартира на улице Красноармейской, старое название Ольгинская, тупик 5, тоже названный Красноармейским. Она проживала там со мной и мужем – моим отцом. В 1939 году Борис Юрганов вступил в комсомол, весьма активно стал продвигаться, правда, в рамках добровольного соучастия в общественной работе, но уже в Бакинском городском комитете АзЛКСМ. Был членом бюро сначала райкома, затем горкома и ЦК ЛКСМ Азербайджана. Всё происходило очень быстро.

После огромных потерь среди руководящих кадров Азербайджана, случившихся в результате жесточайших репрессий, осуществлённых М. Багировым, в верхние эшелоны власти ушли комсомольские кадры, включённые накануне в резерв партийной номенклатуры. Их места стали занимать новые люди из числа внештатного молодёжного актива. Борису Юрганову *по-видимому* предложили немного поработать в провинции, в частности, в Нахичевани. Скорее всего через некоторое время его обещали вызвать в Баку на выборную должность. Он уехал, вполне возможно чтобы как-то обустроиться. Однако жене ничего не сказал и в подробности почему-то её не посвятил.

Мать была вне себя от негодования и однажды написала разгневанное письмо в газету «Комсомольская правда». Рассказав, что она – молодая мать, с больным ребенком на руках, осталась одна и т.д. Газетное начальство связалось с бакинскими – комсомольскими чиновниками и выяснилась суть дела. Пока ничего определенного в карьере Бориса Юрганова не сложилось, Бакинское комсомольское начальство спорить не стало с московским – газетным. На скорую руку был написан и опубликован в «Комсомольской правде» фельетон, в котором автор нарисовал едкую карикатуру. На рисунке к фельетону, Бориса Юрганова изобразили висящим на воздушном шаре с портфелем в руках. Скорее всего обыгрывалась тема *мыльного пузыря*. Через месяц, а может быть и раньше, отец вернулся в Баку. Пришёл домой, был женой *прощён* и... жизнь стала налаживаться.

Мне было лет двенадцать, когда я увидел и прочитал газетную вырезку с карикатурой и фельетоном. Поддавшись минутной ярости после очередной ссоры с отцом, мать показала газетную вырезку мне. Никаких выводов я не делал, ничего и никогда отцу не говорил...

Меня *донимает* в этом случае *стереотип*, который в 1939 году уже *пустил корни* в поведении *советских*

граждан: обращаться в газету, рассматривая её, как некоего *третьего судью*. То был момент обретения гражданами Советского Союза некоего *инструмента* урегулирования бытовых конфликтов или порочных поступков одного из супругов, которые граждане считали *несправедливыми* по отношению к своим ожиданиям. Всё случившееся в семье выяснялось на уровне местных чиновников. С их подачи строились мнения, формулировались суждения, оформлялись публикации, *корректировалось* поведение провинившегося. Публикация в газете была частью *социального контроля*, *форма угрозы* в адрес лица, подвергнутого общественному осуждению. Причём его вина определялась по единственному источнику – анонимному письму или письму легальному, написанному лицом, которое считало себя оскорблённым и требовало *сатисфакции*.

Бытовая правоприменительная практика передавалась в руки газет. Журналисты, в зависимости от квалификации, опыта, личной порядочности, политической конъюнктуры в стране, согласовав, в лучшем случае, полученную информацию с местным номенклатурным начальством, *строили свои мотивы* толкования бытового конфликта в периодической печати...

...Всё в семье Бориса Юрганова происходило, когда мир пережил и продолжал переживать *предисловия* событий, приблизивших Европу и СССР ко Второй мировой войне. В сентябре 1938 года состоялась Конференция в Мюнхене. Британский премьер-министр Невилл Чемберлен, французский премьер-министр Эдуард Даладье, канцлер Германии Адольф Гитлер и премьер Италии Бенито Муссолини приходят к согласию по вопросу о немецкой *военной оккупации* Судетской области, при *условии гарантий* неприкосновенности границ Чехословакии. Германия *на шаг* приблизилась к войне с последующей оккупацией большинства Европейских государств.

Между тем в печати Азербайджана появляются сообщения, свидетельствующие о предстоящей *чистке в комсомоле*, но в самом конце 1938 года во главе НКВД Л. Берия сменяет Н. Ежова и *правительственный террор заметно* ослабевает.

В мае 1939 года японские войска вторглись на монгольскую территорию в районе реки Халхин-Гол. СССР вмешивается в конфликт, и спустя три месяца, Японские войска *терпят* полное поражение в сражении с советскими войсками во главе с Г. Жуковым.

В сентябре того же года Германия *вторглась* в Польшу, дав фактический старт началу Второй мировой войны. В этом же месяце 1939 года советские войска *оккупируют* восточные области Польши: Западную Украину и Западную Белоруссию. Польская армия прекращает сопротивление, а Германия подписывает с СССР Договор о разделе Польши. Тогда же открывается Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР, где были приняты законы о включении Западной Белоруссии и Западной Украины в состав СССР. Почти сразу же начались переговоры правительства СССР с Финляндией о заключении Пакта взаимопомощи. Понимая истинную *суть* притязаний СССР, Финляндия отказывается, и через месяц войска Красной Армии переходят границу этого государства.

Война с Финляндией, принесшая Красной Армии немало людских потерь, сильно разочаровала И. Сталина. Она стала *грозным предупреждением* о последствиях кровавой чистки, охватившей командные кадры Красной Армии, которая обезглавила Вооруженные Силы СССР в тысяча девятьсот сороковом году...

Все газеты были забиты информацией о текущих событиях в стране и надо же такому случиться, что на газетной полосе молодёжного медийного фаворита СССР «Комсомольская правда» появляется *фельетон с карикатурой*, осмеивающий необдуманные действия *какого-то Бориса Юрганова!*

Пережив ссору с женой, которая на его взгляд просто неправильно поняла его действия, Борис Юрганов был глубоко оскорблён действиями азербайджанских комсомольских чиновников, допустивших унижение его в печати, и *прекратил с ними всякие отношения...*

Всё обошлось. Супруги помирились. Борис, придя из армии приступил к постоянной работе в должности механика телеграфной аппаратуры на Бакинском центральном телеграфе. Мать продолжала работать в Баксовете, став техническим секретарём у Председателя, но моя болезнь сильно мешала ей и пришлось временно перейти на иждивение мужа, чтобы ухаживать за мной. Супруги перешли жить в квартиру по улице Красноармейской, тупик 2, квартира 5, потому что родители Бориса, после случившегося с их сыном, сильно охладели к невестке. Оно и понятно. Поступок сына не просто был предан огласке. Он сильно *ударил* по сложившемуся моральному авторитету родителей Бориса Юрганова. Но продолжалось это недолго...

В 1939 году умерла жена Павла Петровича Юрганова – Олимпиада Семеновна, о чём Борис Юрганов сильно горевал, равно как и его отец Александр Павлович, который помнил, что эта замечательная русская женщина вырастила его, едва ли не с трёх лет добровольно приняв на себя заботу о нём...

...Начало войны с Германией оказалось для СССР как удар обуха! Забрали сыновей у Шуры Ионовой, и вскорости Володя Ионов – её сын пропал без вести на Воронежском фронте. Зина Юрганова была мобилизована на земляные работы – рытьё окопов и противотанковых рвов вокруг столицы Азербайджана. Немецкие войска приближались к Закавказью. Гитлеровским командованием была даже назначена дата захвата Баку – 25 сентября 1942 года.

Вокруг Налчика, Орджоникидзе, Грозного, Махачкалы и Баку были созданы оборонительные районы. Первый этап

битвы за Кавказ проходил с июля по декабрь 1942 года. Однако немцам так и не удалось прорваться в Закавказье.

Борис Юрганов работал на телеграфе и на спецработы не направлялся, но ему пришлось чуть ли не в самоволку сбежать из телеграфа, чтобы спасти жену. От её подруги он узнал, что та заболела малярией и лежит без памяти с высокой температурой, её не могут вывезти из пригородной зоны.

В страшной неразберихе начала войны, гибели сотен тысяч и военных, и гражданских лиц, наступление немцев на Москву, угроза сдачи столицы, начало блокады Ленинграда, реальность захвата немцами Баку... Почему так случилось, что страна оказалась беззащитной перед железным валом немецких войск? Как могло произойти, что народ, который распевал перед самой войной популярную песню-марш «*Если завтра война, если завтра в поход...*», теперь десятками тысяч *угоняется* из оккупированных врагом территорий, в бесконечных эшелонах, на принудительные работы в Германию? Кто виноват в том, что Красная Армия оказалась к войне не готовой? Эти вопросы были опасны и для жизни, и для социального положения советского человека. Недремлющее око сотрудников КГБ заставляло горожан Баку молча бороться за выживание...

Тем временем уже с июля 1941 года Закавказье решением руководства СССР было объявлено прифронтовой зоной. Линия фронта вскоре приблизилась к дагестано-азербайджанской и северокавказской границе Грузии. Нефть Баку и всего Каспия враг и его потенциальный союзник – Турция – желали захватить уже в 1941-м. Тем не менее, в закавказские республики были направлены десятки тысяч эвакуированных людей из РСФСР, Белоруссии, Украины, Прибалтики, Молдавии...¹

Борису Юрганову удалось успешно вытащить жену

1) <http://www.noev-kovcheg.ru>

из зоны создания оборонительных сооружений, куда она была мобилизована с первых месяцев войны. Из осенней грязи, холода и болезни. Сам он получил бронь от призыва в Армию. Однако, как и сотни тысяч граждан Баку, Борис Юрганов ничего не знал о *реальных* проблемах военного положения, сложившегося вокруг столицы Азербайджана. Хотя Бакинские нефтяные промыслы снабжали топливом армию и промышленность СССР на 80 процентов, вероятность захвата Баку гитлеровскими дивизиями, тем не менее, существовала. Однако туда продолжали прибывать эшелоны с населением, эвакуированным из городов и районов СССР, оккупированных немецко-фашистскими войсками.

Я находился тогда в противотуберкулёзном санатории в Бузовнах и было мне от роду 2 года. Разумеется, я не имел ни малейшего представления о случившихся событиях в Баку. Я не знал, что Северо-Кавказский фронт, куда мой отец – Борис Юрганов был в 1942 году мобилизован в фронтовые ремонтные подразделения, тоже удерживал натиск вражеских войск на Кавказе. Он служил там вплоть до демобилизации, случившейся после Победы...

...*Второй кризис* наступил в семье Юргановых Бориса и Зинаиды уже после войны. В 1945 году, осенью, Борис Юрганов получил по состоянию здоровья рекомендацию сменить климат, желательно на крымский, потому что к концу войны у него развился так называемый *компенсированный* туберкулёз лёгких. Во всяком случае так свидетельствовали медицинские документы. Еще в конце войны Борис Юрганов получил назначение в город Рыбинск на Волге, на работу по специальности, поскольку был еще военнослужащим.

Его здоровье нуждалось в уходе, периодически возникали кровотечения. Однако думать об этом не хватало ни времени, ни сил. Война оставила тяжкий след на здоровье моего отца. Его донимали то гастрит, то колит, то туберкулёз лёгких, сильно *сдала* нервная система. Надо отдать должное

начальству сержанта Красной Армии Б. Юрганова, которое заметило нелады с его самочувствием и отнеслось к этому достаточно гуманно.

Мне кажется, что причиной тому были *золотые руки* моего отца и его *голова*. К концу войны он уже имел в своём послужном списке немало премиальных наград за изобретательство и рационализацию, применённых им во время службы в прифронтовых мастерских. К тому же он продолжал свои *старания* по изготовлению всевозможных технических *игрушек* для полкового начальства...

...Наконец, Борис Юрганов оказался в Крыму в плодово-яблочном совхозе имени В. Чкалова, куда он был переведён из Рыбинска исполнять обязанности главы совхозного радиоузла, одновременно отстраивая здание клуба, пострадавшего после бомбёжки. Отец готовился перевезти в Крым и свою семью из Баку...

Какой-то период Зина занимала свою квартиру, живя на средства, которые выделялись ей по воинскому аттестату мужа, имевшего право как военнослужащий на материальное содержание своей семьи. Не думаю, что то были *«золотые горы»*, но хоть как-то на эти средства можно было прокормиться. Сильно выручало и то, что Маня и Шура, братья Зины – Николай и Михаил Юрьевы жили в Баку. В Армию братья призваны не были по брони и как могли помогали сестре.

Наконец, отгремел салют Победы. Наступило лето 1945 года. Борис Юрганов обустроивался в совхозе имени В. Чкалова, писал жене, что вскорости готов будет привезти её и сына в Крым.

В это время, сужу по рассказам самой матери, появляется в Баку некий *кинорежиссёр* из Москвы. Как ни пытался я узнать, кто же был этот человек – не удалось. Но судя по рассказам матери, был он хорош собой, умён, к ней явно неравнодушен, полон надежд на её отзывчивость и очень

её *уговаривал* поехать к нему в Москву, где он жил и работал, и куда собирался вернуться после окончания творческой командировки в Баку.

Как мне показалось со слов матери, намерения и в самом деле были у него очевидные и вполне серьезные. Повидимому этот человек, так и оставшийся для меня безымянным, испытывал к моей матери глубокие чувства.

Нетрудно представить состояние женщины, измученной пережитой войной, сильно отягощённой больным ребёнком, совсем недавно выписанным из противотуберкулёзного санатория, в котором провёл почти пять лет. Я практически не ходил, даже на костылях. Отчаяние моей матери было трудно скрыть. Она решилась *принять предложение* этого москвича. Наверное, была надежда, что с его помощью можно будет хоть как-то меня поднять!

За советом Зина Юрганова пришла к Шура – старшей сестре. Та долго оставалась советчицей и помощницей ей в бакинской жизни. Между ними состоялся разговор. Потом Зина познакомила с ней своего *кавалера*, который оказался *евреем*. Шура, как и большинство русских людей, приверженцев бытового, весьма умеренного и безобидного антисемитизма, тем не менее заметно влиявшего на её характер, убедила Зину признать справедливость старой славянской мудрости: *«Лучше синица в руке, чем журавль в небе»* – и Зина *совета старшей сестры* послушалась...

Ничего предосудительного в обоих случаях, которые я условно назвал *супружескими кризисами*, нет. В каждой семье рано или поздно возникают обстоятельства, которые приводят к конфликтам или напряжению. После визита московского кинорежиссера к Ионовым Шура написала Борису письмо, не сказав об этом Зине. И это был не более чем акт *доброй воли* старшей сестры, озабоченной переживаниями *младшенькой*, её реальными горестями, связанными с состоянием здоровья сына и возможной ошибкой, кото-

рую та могла совершить.

К тому же Шура была мне крёстной матерью. Долго и настойчиво она убеждала младшую сестру окрестить меня, как только Сталин разрешил открыть в Баку во время войны несколько православных храмов и для крещения предоставилась удобная возможность. Так и было сделано после года препирательств моей матери. Её можно понять: как-никак Зина Юрганова была членом ВКП(б) и такое *вольнодумство*, как крещение сына, могло ей дорого стоить!

Между тем, получив письмо от Шуры, отец отнёсся к нему всерьёз. Быстро оформив краткосрочный отпуск, поскольку был он военным служащим, Борис Юрганов приехал в Баку. Прибыл неожиданно, так сказать *«сюрпризом»* и, взяв жену и меня, вернулся в Крым, в совхоз имени Чкалова.

Мне кажется, что даже если бы не было встреч моей матери с московским кинорежиссёром, письма Шуры к Борису Юрганову, связанного с этим событием, времени *тяжких раздумий* и растерянности Зины, она вряд ли решилась бы на *радикальные перемены* в своей жизни, чтобы вырваться из заколдованного круга...

Все годы семейной жизни Борис и Зина Юргановы держались вместе, хотя и были разделены характерами, темпераментами, образом мыслей, складом личности, в которых их союз в браке был скорее *компромиссом*, чем свидетельством *ярких* чувств и *глубокой* любви. Но в том-то и дело, что Зина Юрьева, став Юргановой, родив мужу двоих детей, оставалась ему *преданной подругой*.

Тем не менее она *критически* осмысливала его *персону*, гордилась реальными его успехами, если они случались. Выслушивала его бесконечные монологи о жизни, проблемах на работе, о царившей несправедливости вокруг. Оценивала его жалобы *на сильных мира сего*, в его случае – производственное начальство. Старалась понять угрозы в адрес обнаружившихся вдруг у мужа *врагов* или *предателей*...

В этом была её миссия *верного товарища* по жизни.

Подчиняясь законам возраста и пола, она могла его *ревновать, держать в узде, настаивать на своём*, хотя вряд ли её решения, которым муж следовал, можно было назвать безукоризненными.

Цыганский темперамент Бориса Юрганова, попав в плен *славянской сдержанности* Зины, по своему страдал от её весьма умеренной природной сексуальности. *Фригидность* жены после моего рождения досаждала ему, чему я был свидетелем, когда мы жили в тесной комнатухе. Зина крайне осторожно и нехотя исполняла свои супружеские обязанности.

Рождение моего брата Александра было *итогом* долгих *уговоров* моего отца, потому что он очень хотел здорового ребёнка – сына, достойного его мечтаний и дерзких планов. Получив его, отец был готов отдать мальчику весь свой опыт, свои силы и ту любовь, как он её себе представлял. Он был благодарен благожелательности жены, наконец-то одарившей его здоровым потомством. В этом не было ничего *языческого!* Была естественная страсть тридцатишестилетнего мужчины, выжившего после войны, накопившего немало опыта и знаний, готового, понимая ограниченность моих физических возможностей, не забывая проблем и забот старшего сына, тем не менее, сделать из младшего *настоящего мастера* своего дела!

...Когда моя мать умерла и мы сели за *поминальный* стол, отец впервые сказал слова, как мне кажется, в *полной мере* отразившие реальную правду их брака: «Умерла женщина, которая была мне не столько женой, сколько... товарищем». В этом была истинная правда, опыт жизни супругов, в котором преобладали взаимные *возможности* мужчины и женщины, чьи разные человеческие свойства объединились в долговременный союз. Пребывая в этом *объединении*, Зина и Борис Юргановы *решали* множество проблем

выживания, отнимавшие у них массу сил и здоровья, постоянно *помня* о своих родственных и дружеских связях, завязавшихся за годы жизни и в Азербайджане, и в России. Я думаю, что совершенно неважно были ли они счастливы как супруги, испытали ли они хмель любви, связывала ли страсть их тела. Они исполнили свой долг природный – родили детей, и долг нравственный – вырастили их, как могли, передали им ценности, в *которые* они верили.

...Напомню – начало трудовой биографии Бориса Юрганова было официально зафиксировано 1933 годом. Тогда, в августе месяце, он был принят на Бакинский Центральный телеграф мастером телеграфных аппаратов. Не обошлось без усилий семьи. Надежда Георгиевна и Александр Павлович Юргановы настояли, чтобы Борис устроился к ним на предприятие и, наверное, основания для такой настойчивости были. Когда сын работает рядом, проще за ним *приглядеть*, а может быть как-то даже проследить за *поворотами* его карьеры.

Помимо того, что я успел рассказать о карьере моего отца в начале моих размышлений, могу заметить, осмысливая его трудовой путь, что ему пришлось преодолевать два главных *препятствия*. Первое – он закончил в 1933 году совершенно уникальный по *содержанию* и вкладу в его «мозги» советское заведение: учебный комбинат имени «КИМ». И второе – сертификат об этом с начала шестидесятых-семидесятых годов начал утрачивать формальную значимость. О его уникальности уже никто не вспоминал, учебный комбинат *пренебрежительно* фигурировал, как «ремеслуха» или «ФЗУ». То, что Борис оказался на Бакинском Центральном телеграфе, имея на руках документ об окончании этого учебного комбината, было свидетельством его готовности исполнять профессиональные обязанности слесаря, техника или механика по ремонту и наладке... телеграфной техники, специфику которой он быстро усвоил. С другой стороны, он мог

работать в *любой другой* металлообрабатывающей отрасли советской индустрии. На любом заводе города Баку. В крупных ремонтных мастерских, восстанавливающих *любое* современное оборудование...

...Время требовало своё, и в январе 1943 года отец назначается в ремонтные мастерские Центрального Бакинского телеграфа на должность старшего механика, а уже через месяц его призывают в ряды Красной Армии. Вся его военная карьера проходила вдали от линии фронта в войсковых ремонтных мастерских и посвящена была наладке и ремонту оборудования связи, применявшегося в зонах тыла и фронта, обеспечивая связью воинские части и фронты.

Лишь однажды он оказался на линии фронта, забирая с передовой на ремонт разбитую аппаратуру связи. Приблизившись к линии противостояния войск, Борис Юрганов неосторожно приподнялся над окопом, скорее по неопытности, и тут же с него сорвало пилотку. Выстрел вражеского снайпера пришёлся по пятиконечной звезде пилотки... Отец был уверен – то была шальная пуля и тут же, неведомо почему, поднял указательный палец правой руки. Раздался второй выстрел. Пуля попала в верхнюю кромку мякоти и ногтя пальца, навсегда его изуродовав...

...При подразделениях по обеспечению связи находились передвижные мастерские по ремонту оборудования связи, вышедшего из строя. Я не знаю подробностей работы в этих производственно-военных организациях, но по-видимому условия были просто аховые: Борис Юрганов *начал угасать*. Появились серьезные расстройства в работе нервной системы, желудка, а главное лёгких! Наконец, во фронтовом госпитале ему был поставлен диагноз: *«компенсированный туберкулёз лёгких»* – и несколько раз его направляли в тыловые санчасти на поправку. 1943-44 годы он находился на Северо-Кавказском фронте в ремонтном подразделении, именовавшемся В/Ч № 1895. Согласно выписке из прика-

за за номером 6555 от 10 ноября 1943 года, подписанного Командующим Северо-Кавказским фронтом генералом армии Петровым; членом Военного Совета фронта генерал-майором Баюковым; Начальником Штаба фронта – генерал-майором Котовым, сержант Мерзляков Н. Г. и рядовой Юрганов Б. А. были награждены крупными денежными премиями за изобретения и рационализаторские предложения, значительно увеличившие ресурсы техники связи, применявшиеся на фронте.

Премиальные деньги тут же были посланы в Баку Зинаиде Юргановой – жене, поскольку она, как тысячи её сверстниц, крайне нуждалась в средствах в тяжёлое военное время. К тому же сын Олег Юрганов, то есть я, находился на лечении в противотуберкулёзном санатории в Бузовнах уже третий или четвёртый год и отец, читая письма жены, моей матери, не мог не переживать драматические события, связанные с моим лечением в годы войны...

Должность моего отца в Красной Армии называлась: «Линейный надсмотрщик фронтовых мастерских связи № 1895». Он служил там с 28 января 1943 года до 1 мая 1943 года. 10 февраля 1944 года был переведен в родственные фронтовые подразделения Южного фронта, где и прослужил до октября 1945 года. *«Срок службы в период Отечественной войны – указывается в справке – два года и три месяца»*.

За участие в Великой Отечественной войне отец был награждён юбилейным орденом Отечественной войны, который выдавался в 1985 году всем ветеранам в честь сорокалетия Победы, и несколькими медалями. Эти два года фронта в конечном итоге сильно подорвали здоровье сержанта Бориса Юрганова и его временно откомандировали в Крым. Он попал в плодовый совхоз имени В. Чкалова от Крымского управления связи, где мог поправить здоровье. В командировочном предписании указывалось, что Борис Юрганов

Отец и сын Юргановы
1945 год

направляется *заведующим радиоузлом совхоза.*

Всё оказалось как нельзя лучше. Тёплый климат, победа в труднейшей войне, начавшееся лето. Мирная работа настраивала на оптимистическое настроение. Но жена оставалась в Баку, а сыну, искалеченному болезнью, пока не удалось встать на собственные ноги и ходить.

И тут он получает письмо от Шуры Ионовой. Как я уже писал, Борис Юрганов, отпросившись у начальства, приехал за женой сам. В фотоателье сфотографировался в своей сержантской форме, с сыном, то есть со мной, сидящим на его коленях, с женой и с матерью, стоявшими за его спиной. На следующий же день, я мама и папа отправились в Крым...

Я думаю, что у отца было чувство вины перед женой за тот случай, когда он оставил её с больным ребёнком и решил обу-

страиваться в Нахичевани в новой должности. Теперь он, скорее всего, жаждал сделать всё как надо, тем более, что в Крыму нас ждала оборудованная и даже украшенная комната, которую отцу дали для проживания.

Время пребывания в Крыму я вспоминаю с очень большим удовольствием. То были мои первые годы, когда я начал ходить на костылях и дышал ароматным воздухом, наполненным запахами зрелых яблок.

Отец создал для семьи в Крыму замечательные условия. У нас была большая комната в доме, где жили коллеги отца, соседи. Но долго находиться в Крыму он не мог. Его уволили из Армии. Специалисту по телеграфным аппаратам связи надо было уже ехать в Баку. В 1946 году он увольняется из совхоза и уезжает со мной и матерью в Баку...

...В здании Центрального телеграфа было отдельное помещение ремонтных мастерских. Там осуществлялся текущий ремонт действующего оборудования связи. До мобилизации в Армию, в 1940-41 годах он закончил на Бакинском телеграфе годовые *курсы по ремонту и наладке оборудования связи.* Сдал экзамены, получил квалификацию техника. С этим документом он и пришёл после демобилизации из Армии на Бакинский телеграф. В марте 1947 года его берут на должность техника второго разряда, а через некоторое время назначают начальником ремонтных мастерских Бакинского телеграфа...

Об этом периоде своей жизни отец любил вспоминать. Во-первых, первая руководящая должность в его карьере. Ему – 37 лет, благодаря Крыму здоровье поправилось, среди кадровых работников, специалистов, вернувшихся на Бакинский телеграф, настоящих мастеров – *«раз-два и обчёлся».* Приходилось Борису Юрганову не в кабинете сидеть, а день и ночь работать в мастерских, в остальное время, едва успевая заполнять наряды, подписывать заявки и отдавать распоряжения...

...Между тем, осенью 1947 г. были установлены единые цены на продукты питания. В результате – стоимость 1 кг черного хлеба увеличилась с 1 до 3,4 рубля, мяса – с 14 до 30 рублей, сахара – с 5,5 до 15 рублей, сливочного масла – с 28 до 66 рублей. Один килограмм черной зернистой икры, стоил 117 рублей. При средней зарплате – 500 рублей в месяц – нужно было заплатить за костюм 450 рублей, за мужские полуботинки – 288 рублей, а за наручные часы аж 900 рублей! Цены были настолько высокими, что власти в течение 1947-1952 гг. *шесть* раз объявляли об их снижении. Но и после этого они в два-три раза превышали довоенные. При этом душил дефицит! Товаров хронически не хватало. За хлебом порой приходилось стоять по *полтора-два* дня. Продуктовые карточки в 1947 году были отменены, а я *помню их внешний вид до сих пор* и как однажды потерял (или вытащили?) их и *горько рыдал* от упреков матери, которая доверила мне сходить в магазин, стуча по мостовой концами своих костылей.

В деревне, конечно же, продолжалось «крепостное право». Острейший дефицит продовольствия привёл почти к голоду, а тут еще летом 1947 года был принят указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», предусматривавший длительные сроки заключения за воровство с колхозных полей картошки, колосков, свеклы. По этому указу к моменту смерти Сталина *были осуждены 1,3 млн. человек.*

Жизнь в Баку в 1947 году начальника мастерских по ремонту оборудования телеграфной связи Бориса Юрганова можно лучше понять, прочитав его краткие записки, которые он мне оставил.

«...За время войны телеграфная аппаратура, особенно магистральные системы Бодо, была очень поношена, как говорится «дышала на ладан». Из оборудования мастерских

было три токарных станка, точило – вот и всё! Запасных частей почти не было. Истрёпанная аппаратура Бодо требовала ремонта – капитального и восстановительного. И таких приёмников было около 150 штук. Бакинский телеграф работал на всех направлениях: Москва, Владивосток... Работали по радиоканалу, на местных линиях, стучали морзянки, юза, СТ-35. Заводы связи только налаживали своё производство. К аппарату Бодо запасными деталями до войны нас снабжал завод им. Кулакова в Ленинграде, но теперь он еще только разворачивал производство, поскольку в стране была колоссальная разруха. Главным механиком на Бакинском телеграфе работал А. Смирнов. Как и я он был в отчаянии. Посоветовавшись друг с другом, мы написали в КГБ Азербайджана. Мы предупредили, что необходимо принять немедленные меры, иначе телеграф ждёт остановка и прекращение функций связи Азербайджана с республиками СССР. Нас вызвали в отдел связи и транспорта и изо всех прозвучавших рассуждений сотрудников КГБ стало ясно, что рассчитывать мы можем только на собственные силы. Нами это было рассмотрено, как боевое задание, поскольку надеяться было не на кого. Разве что на собственную смекалку и знания. Срок был определён два месяца, а режим – казарменный. Мы ночевали на работе, жёны и родственники приносили нам еду, которой мы делились между собой. Отлучаться с рабочего места было запрещено! Два месяца мы спали по три-четыре часа в сутки, придумывали невероятные приспособления, изготавливали их, находили выход из сложнейших положений. Наконец, в серию были запущены детали Бодо».

Отец описывает наименования деталей аппарата, без которых его деятельность была бы невозможна. Приводит их названия, описывает конфигурации и сложность обработки этих деталей. «...Если учесть, что в мастерских не было оборудования, специализированного для подготовки

таких сложных деталей, то можно сказать, что мы просто творили чудо! Мы выглядели странно, работали как автоматы, обросшие, потные, грязные, заряжённые одной целью – выпустить 80 приёмников Бодо после капитального ремонта, с изготовленными почти вручную запасными частями на примитивном оборудовании. Мне просто не верится, что это оказалось возможным. Под лестничной клеткой чёрного выхода я оборудовал никелировочную мастерскую. Теперь представилась возможность никелировать стенки и крышки аппарата Бодо. Нами было изготовлено 1.500 предметов различной сложности и отреставрировано около 500 частей, которые в условиях наших телеграфных мастерских заново изготовить было просто невозможно. К середине второго месяца уже 30 приёмников Бодо работали на линиях связи, а к началу третьего – все 80 стояли на своих рабочих местах, отстукивая телеграммы. Нас поздравляли, благодарили. Однако через две недели наш триумф и радость были омрачены. В мастерскую на ремонт поступили с аппаратного зала телеграфа сразу 4 приёмника Бодо с частью погнутых или сломанных «разведчиков». В ремонтной практике такие поломки были крайней редкостью и то в случае грубой подгонки деталей или при неумелой регулировке. Мы с моим напарником Смирновым начали анализировать ситуацию и пришли к выводу: нами аппараты были подготовлены к работе с абсолютно точно подобранными деталями, тщательно отрегулированными на рабочих местах. Кому-то наша работа «не понравилась». Мы решили вести учёт поступления испорченных деталей и полученных дефектов. И я, и Смирнов начали приходить в ночные смены, наблюдать за эксплуатацией аппаратов и работой технических надсмотрщиков, никого не ставя в известность об этом. Очень скоро Смирнову удалось увидеть, как в 7 часов утра к столу, где стояли аппараты Бодо, подошёл юноша-азербайджанец – студент нашего техникума связи, у которого была предди-

пломная практика и азербайджанская девушка – надсмотрщик аппаратов, с которой он «гулял». Студент был с отвёрткой в руках и, не видя наблюдавшего за ним Смирнова, пододвинул к себе аппарат, ловко и быстро залез отвёрткой между ножек «разведчика», резко повернув её внутри. Девушка стояла рядом. Она поминутно оглядывалась. Парню было лет семнадцать, а ей не более того. Он схватил второй аппарат и собирался сделать то же самое, что и с первым. Смирнов кинулся на парня, заломил ему руки, а девушка в страхе убежала. Пришёл главный механик... Арестованного студента забрали в КГБ. Через двенадцать дней парня отпустили. Нам сказали, что «пощадили его молодость» и якобы будут проводить за ним негласное наблюдение весь период его учёбы в техникуме. В 1947 году Управление Министерства связи по Азербайджану назначило меня старшим мастером в республиканские мастерские по ремонту телефонного и телеграфного оборудования связи, а чуть позже дали ранг «Уполномоченного Министерства связи» для поднятия работы на должный уровень. Через некоторое время я стал начальником этих мастерских...» Это был очень характерный случай отношения «сторон»: представителя юного поколения азербайджанцев и наследников иммигрантов – колонистов из Советской метрополии.

Я сам хорошо помню, как в шестнадцать лет приступил впервые к работе ученика-слесаря по ремонту телеграфной аппаратуры на Бакинском телеграфе. Отец решил продолжить «профессиональную наследственность» и меня взяли на телеграф, несмотря на мою очевидную инвалидность. После долгих мытарств мне удалось научиться ходить с палочкой, но хромота была довольно сильной.

Главным инженером на телеграфе работал тот самый «вредитель», о котором писал Борис Юрганов в своих записках. Об этом мне сказал отец, когда однажды случился конфликт между мной и этим человеком. Совершенно

копеечный и пустой.

Во время обеденного перерыва я играл во внутреннем клубе телеграфа в настольный теннис с приятелем и «перебрал» пару минут перерыва. Главный инженер вошёл в зал и тут же вышел, а через минуту-две, когда мы были уже на рабочих местах, ко мне подошёл отец и строго спросил: «Алик! Что ты взял в клубе? Сейчас же верни!» Я был настолько изумлён, что потерял дар речи. Поняв, что я стал жертвой наговора, отец вошёл в кабинет главного инженера и, воспользовавшись тем, что там никого, кроме хозяина, не было, сказал: «*Думаешь я забыл, что ты вытворял в сорок седьмом? Еще раз тронешь моего сына...*»

У меня нет никаких сомнений в том, что внутреннее противостояние наций существовало все годы колонизации Азербайджана Россией, хотя Советская власть и пыталась «сбалансировать» интересы множества этносов, проживавших в республике. Еще сидели в степях Казахстана, Кустанайской области – на окраинах России высланные народы Чечни, Дагестана, Немецкой республики Поволжья, как представители «*неблагонадёжных*» народов или выступавших с оружием в руках в воинских частях гитлеровского Вермахта в годы войны против СССР.

Чего только не делалось, чтобы привести к некоему равновесию заслуги народов в укреплении Советской власти! Выработывались системы квот и количественных пропорций представления к наградам представителей разных национальностей, распределялись выборные должности с учётом клановых предпочтений, которые складывались «исторически». И так далее и тому подобное. Это делалось, чтобы придать вид справедливости в рамках автономий, республик или национальных регионов. Не от хорошей жизни всё это «*сочинялось*». Прошли годы прежде чем «*национальный вопрос*» в Советском Союзе обрёл хотя бы видимое равновесие.

Между тем, в любом национальном сообществе существовали конфликты интересов, между кланами возникало соперничество, келейно делились привилегии и должности, складывались сферы влияния.

На бытовом уровне, в частности в Азербайджане, этому придавали значение всегда. Особенно при Гейдаре Алиеве! Когда он возглавил республику, межнациональные отношения обрели характер *тщательно регулируемой политики*.

Между тем в 1947 году арест студента техникума – азербайджанца сотрудниками КГБ республики, человека, совершившего диверсионный акт – намеренную порчу дорогостоящего телеграфного оборудования на Центральном телеграфе, в столице Азербайджана – казалось бы, мог обещать только *возмездие* власти, приговаривавшей к десяти годам тюрьмы тех, кто украл колосок пшеницы в убранном поле! И случилось это при Багирове, который негласно курировал карательные органы, пребывающие в роли могущественного аппарата государственного насилия. За порчу дефицитнейших, с таким трудом отремонтированных аппаратов *связи* юношу... отпустили, «*пожалев молодость лет*». Ничего подобного не ожидалось бы, если «*грешником*» оказался *русский* или *армянин*.

Наивность моего отца вполне извинительна. Он всю свою жизнь верил в могущество КГБ, его исключительность в социальном контексте жизни советского государства.

Переехав в Краснодар, обретя там дом, он вырыл в глубине его фундамента просторное помещение, которое оборудовал как личную мастерскую. Уйдя на пенсию, он отдался изготовлению своего детища – токарного станка и добился своего. Однако его угнетал страх «*разоблачения*». Почему ему казалось, что делал он что-то незаконное? Не знаю... С каждым годом страх возрастал, превращаясь в тяжкую *манию*, убившую в конце концов его *разум и волю*. Некой компенсацией этого страха выглядела *бредовая* идея

о его принадлежности к тайному сообществу «кегебистов» в отставке, якобы осуществлявших в Краснодаре негласное *наблюдение* в обществе за соблюдением норм права и нравственности, о чём он мне с гордостью сообщил, в один из своих приездов в Минск, где я тогда жил...

Природа духовных *аномалий*, которые переживает человек, будет понятна только тем, кто знает природу Советской власти, выработавшей инквизиторские методы преследования инакомыслящих, создавшей в рамках КГБ могущественный аппарат слежки и тотального насилия. Только теперь масштаб этой деятельности стал известен и то далеко ещё не в полной мере...

...Долгие годы я посвятил лечению моего отца в психиатрических клиниках Минска, где прожил двадцать пять лет, располагая хорошими связями в среде психиатров. Однако результаты были весьма ограниченными. Он умер на руках у брата в Краснодаре, воспринимая угасавшим взором материальный мир как опасное бытие, грозящее ему тайным преследованием и *неизбежным* насилием...

...Врождённый талант конструктора, сопоспособность работать в условиях, ограничивающих возможности воплощать уникальные идеи, осуществлять которые ему удавалось чуть ли не «из ничего», поражало воображение. Смекалка, изобретательность, тщательность в изготовлении – природные качества, которые сильно выручали Бориса Юрганова в его технической карьере.

Получив в Баку место начальника Республиканских мастерских связи, он разработал подробный план реконструкции производственного процесса, добился перестройки некоторых капитальных сооружений и т.п.

1948 год... Восстановление народного хозяйства продолжается и бессмысленно рассчитывать на индустриальные формы капитального ремонта почтово-телеграфно-телефонного оборудования в Азербайджане. Ему дают функции

уполномоченного Минсвязи СССР в Азербайджане, понимая, что производственная база в республике просто плачевна, а его воля, оснащённая рангом представителя Министерства, будет *пробивать* возникавшие в Баку преграды в деле восстановления оборудования связи. Нетрудно представить, чего стоило Борису Юрганову эта работа!

Моя память хранит образ мастерских, похожих на техническую свалку, в чреве которой работали машины и механизмы прошлого века. Пользуясь своим статусом, отец приезжал на заводы Министерства связи СССР в разных больших городах страны, чтобы забрать вывозимое оборудование, заменённое по ленд-лизу или полученное как трофей после капитуляции Германии. Оборудование из старых российских заводов доставлялось в бакинские мастерские, ремонтировалось слесарями и запускалось в производство. Всего не перескажешь...

...В конце концов ремонтные мастерские заработали на полную мощность, и тут в Минсвязи Азербайджана возник вопрос о том, чтобы мастерские возглавил азербайджанец с высшим образованием. Шёл пятидесятый год и в политике лидеров компартии Азербайджана снова возобладала тенденция... смены кадров. Практики, как правило русские по национальности, с техническим образованием «ниже среднего» и громадным практическим опытом, успешно справлявшиеся с труднейшими техническими проблемами, заменялись местными кадрами, азербайджанцами, с дипломами (*нередко купленными за бесценок*) техникумов и вузов. В целом эта политика была спекулятивной – в Азербайджане должны быть азербайджанские начальники – или оказалась формальным ответом на постепенно подступавший научно-технический прогресс. Но осуществлялась такая политика властями тенденциозно – крайне поспешно, неумело и грубо.

У отца снова начались проблемы со здоровьем, как ответ

на тяжелейшие испытания послевоенного напряжённого труда. Он мечтает переехать на юг СССР. В своих армейских блокнотах натякается на телефон и адрес генерала М. Ф. Тарасова, с которым познакомился еще до войны, в Махачкале, потом встречался в Красной Армии в 1943 году. Генерал оказался «при делах», но в отставке. Как кадровый связист, работавший на фронте начальником ремонтной системы по восстановлению обрудования связи в масштабе нескольких фронтов, М. Ф. Тарасов знал Бориса Юрганова, как талантливого мастера. Он долго и бережно хранил уникальный чернильный прибор, который отец ему соорудил, когда во время войны служил в ремонтном взводе на Северо-Кавказском фронте. Там М. Ф. Тарасов его снова увидел в феврале 1944 года.

Теперь, после войны, генерал в отставке работал начальником Управления связи по Краснодарскому краю. Получив письмо от Бориса, он тут же оформил ему вызов, однако без жилья, поскольку Краснодар сильно пострадал от войны. Встал вопрос: ехать-не ехать. Я был свидетелем долгих и весьма острых разговоров супругов Юргановых друг с другом по этому поводу.

Зина Юрганова тогда работала заведующей архивом Бакгорсиполкома. Нетрудно представить положение женщины, которая имела квартиру в Баку, в которой жили её сын и муж, причём сын, искалеченный тяжелейшим заболеванием – костным туберкулёзом, а муж почти шесть лет с 1947 по 1950 годы работал день и ночь, забыв обо всём на свете. Теперь надо всё бросить в Баку и ехать в Краснодар, где нет жилья и вряд ли предвидится. Надо бросать работу, не ведая, как с ней будет там, в Краснодаре! А тут еще в 1949 году рождается долгожданный второй сын, которого Борис Юрганов называет Александром, по имени отца, умершего в конце войны...

И как же быть? Я сам видел драматический документ!

Выписка из приказа Уполномоченного Министерства связи по Азербайджанской ССР от 31 июля 1950 года: «...Освобождается от занимаемой должности и переводится в цех на сдельную оплату труда. Основание: заявление тов. Юрганова Б. А. и виза тов. Али-Заде...» Подпись: «Уполномоченный Минсвязи по Азербайджану, Государственный Директор связи III ранга - Никул».

Всё выглядело прилично. Слесарь, технарь с колоссальным практическим опытом, мастер на все руки, поднявший из разрухи аппаратную Центрального телеграфа Баку, наладивший капитальный ремонт дефицитной техники, оснастивший мастерские министерства связи оборудованием, сделанным буквально из ничего и т.д., не мог на пороге пятидесятих годов занимать столь высокую должность со своим образованием. К тому же политика Советской власти, предоставлявшей «гегемону», т.е. рабочему классу, привилегии в оплате труда по сравнению с инженерно-техническими работниками, не позволяла административным служащим получать заработную плату выше средней планки рабочего высокой квалификации. «Натягивать» зарплату начальника республиканских мастерских

Борис Юрганов
город Баку 1950 год

до приличного уровня становилось всё сложнее. К тому же в соседнем кабинете сидел дипломированный заместитель, выпускник Института Связи, который готов был *занять место отца*.

Устав доказывать своё право на руководящую работу, Борис Юрганов пишет заявление об отказе от должности и переходит на работу в цех этих же мастерских, на сдельную работу, поскольку эта форма оплаты давала некие гарантии заработка. Отец мог делать такую работу, которая была не по плечу многим его коллегам...

Но истинной причиной такого *перемещения* становится письмо из Министерства связи СССР от 22 июля 1950 года – ответ на запрос Бориса Юрганова с просьбой перевести его в распоряжение Краснодарского Управления связи. Генерал Тарасов своё слово сдержал: в Министерстве обещали просьбу рассмотреть и ответили отцу. Тогда он ушёл с должности начальника республиканских телефонно-телеграфных мастерских Минсвязи Азербайджана, но для сохранения заработка стал простым рабочим в этих же мастерских...

Супруги Юргановы решили временно *«разделиться»*. Борис Юрганов уезжает в Краснодар *«на разведку»*, а мать остаётся в Баку. Брат был слишком мал, а я снова оказываюсь в противотуберкулёзном диспансере. Мать переселяется на квартиру к Надежде Георгиевне Юргановой, где условия лучше, чем в её квартире. Вскоре там же появляюсь и я...

...Подсобно-хозяйственное предприятие Краевого Управления связи было первым местом работы Бориса Юрганова в Краснодаре. Взяли его на должность механика-монтажёра. Был октябрь месяц, надо было найти квартиру с условием, что хозяева не будут против приезда к квартиранту жены и детей.

Как только уехал отец, на работе у матери произошли перемены. Буквально на следующий день начальство Зины

Юргановой сообщило, что её заместителем будет азербайджанка с дипломом высшего образования. Зину Юрганову попросили ознакомить её с технологией архивной работы, но не уточняли, когда именно придётся уступить кресло заведующей архивом. Об этом она написала мужу. Наступил 1951 год. В декабре 1950 или в январе 1951 Борис Юрганов был переведён на должность старшего техника в электромеханические мастерские Краснодарского Управления связи. Теперь он приступил к ремонту телеграфной аппаратуры в полном объёме.

Борис Юрганов предложил жене приехать к нему в Краснодар с детьми, а свою бакинскую квартиру продать. Так мать и сделала. Остаться в Баку с дышащим в затылок заместителем, к тому же несговорчивым и агрессивным, Зине Юргановой не хотелось.

В ожидании жены Борис Юрганов очень сдружился с хозяйкой частной квартиры, в которой он жил в ожидании жены и детей. Звали хозяйку Екатерина Даниловна. Она оказалась очень набожной пожилой женщиной, которая постоянно крестилась и долго молилась перед сном. Недавно она похоронила мужа, который пришёл с фронта с тяжёлым ранением и умер под звуки её голоса, произносившего долгие молитвы. Отец сумел найти к хозяйке *подход*, помогая по дому, взяв на себя все тяготы непростого быта, уважительно отнесясь к её религиозности, которую та вынуждена была скрывать от соседей. Пришлось ему умолчать о том, что его жена Зина – член ВКП(б), но это была *небольшая потеря*.

Всё складывалось как будто бы неплохо. Квартиру в Баку удалось продать быстро, но полученные деньги оказались настолько мизерными, что купить дом в Краснодаре на них не удалось.

С приездом Зины с детьми время пребывания на квартире у Екатерины Даниловны растянулось почти на год,

срок, в который Борис с женой собирались всё же купить дом, пусть *завалющийся*, который можно было бы отремонтировать своими руками. Однако ничего с покупкой не получалось. К тому же и хозяйка неожиданно изменила нрав и потребовала от квартирантов съехать как можно быстрее.

Оказалось, что она нашла себе *старичка* и хотела устроить *личную жизнь*. Делать нечего, пришлось на остатки денег от проданной в Баку квартиры взять на год в *аренду* дом по улице Ново-Кузнецкой, выплатив хозяевам деньги вперед.

Мытарств в Краснодаре оказалось гораздо больше, чем реальных выгод, сравнимых с жизнью в Баку. Борис решает снова обратиться к М. Ф. Тарасову. Отец пишет в своих записках: *«В 1953 году начальник Управления связи М. Ф. Тарасов выделил для нашей семьи, на территории склада комнату с корридорчиком. Это было великое счастье иметь, наконец, свою крышу над головой. Комната была маленькой, всего 13 квадратных метров, отапливалась дровами. Было сыро, но всё это мы считали сущими пустяками. Мы были счастливы, хотя было трудно»*.

Я хорошо помню эту квартиру и соседей, а также свою жизнь там. Еще в 1951 году, в момент приезда к отцу из Баку в Краснодар, я попал в Краснодарскую противотуберкулёзную больницу, в которой пробыл что-то около полугода. Туберкулёзный процесс бушевал в моих костях и в правой ноге открылся свищ. Из меня вытекал гной, болели разрушенные кости. Наконец, я был выписан по смехотворной причине: *«...нарушение больничного режима»* и вернулся в эту квартиру на улице Шоссе Пилотов дом 5. Мне было одиннадцать лет...

Спустя два или три года, по ночам, я стал слышать достаточно острые разговоры моих родителей о жизни в Краснодаре, в Баку, о прошлом и настоящем. Я понял, что мать *недовольна* жизнью в Краснодаре и хочет вернуться в Баку. Но пока эти мысли возникали лишь периодически. Отец

убеждал. Он пытался каждый год ремонтировать нашу халупу, пристраивая что-то на дворе.

В 1954 году приезжает в гости его мать Надежда Георгиевна Юрганова. Было ей что-то около пятидесяти семи или пятидесяти восьми лет, но выглядела она бодро. Отец пишет: *«...приезд матери был каплей яда в мою душу...»* Оно и понятно! Увидев его краснодарскую квартиру, Надежда Георгиевна пришла в ужас и тут же стала убеждать бросить всё здесь, в Краснодаре, и возвращаться в Баку. Зина её поддержала.

Ночными разговорами волнения наращивали *«градус»* недовольства, и Борис Юрганов *сдался!* Он отпускает жену в Баку, якобы погостить, увидеться с родными. Забрав младшего сына Сашу, она уезжает, а я остаюсь с отцом в Краснодаре.

Поселяется Зина Юрганова у свекрови. Вскоре она пишет мужу письмо с предложением перебраться в Баку. Обе женщины – моя мать и мать моего отца – очень сильно ошибались в своих решениях. При всех трудностях жизни в Краснодаре – это была Россия, родная русскоязычная страна, в которой не было тех проблем, с которыми сталкивалась семья Юргановых в Азербайджане.

Разумеется, перемены в СССР были разительными. Умер И. Сталин, пережили граждане Азербайджана разоблачения, суд и расстрел М. Д. Багирова, к власти пришли новые люди. В СССР наступила эпоха, названная Ильёй Эренбургом *«оттепелью»*.

То, что началась *вовсе не весна*, а временная *оттепель*, было понятно далеко не всем. Зина Юрганова была убеждена, что она должна жить там, где жили её сёстры, оставшиеся в живых: Александра Никитична и Мария Никитична. У них были семьи, дети, сами они дожили до солидных лет и оставлять их в Баку Зине Юргановой казалось чуть ли не предательством!

Свои *резоны* были и у Надежды Георгиевны Юргановой. Одиночество угнетало её, а развившаяся подагра сильно портила её жизнь, не очень-то богатую на события. Приезд сына она рассматривала, как условие, скрашивавшее её старость. Она полагала, что имеет на это право...

Обе женщины не думали о близком для них человеке – Борисе Юрганове, который писал, готовясь к отъезду в Баку, покорно, без каких-либо надежд переубедить свою жену и мать: «...Я задумался...Задумался! Всё, что с таким трудом досталось и развивалось – наше гнёздышко, построенное здесь в Краснодаре почти шесть лет назад – ломалось! Опять начинать всё с начала? Так захотелось моей матери и моей жене...»

В Баку мы с отцом вернулись в пятьдесят четвёртом или пятьдесят пятом году. Поселились у Надежды Георгиевны на квартире по уже известному адресу: Низами 28, кв. 5. «Торговую» улицу уже переименовали, на её углу открыли ресторан «Ширван», к третьему этажу нашего дома пристроили еще один, но мы жили на первом, в квартире, которую в 1923 году получил мой дед Александр Павлович Юрганов. В большой зал к стене поставили кровать, где спали мои родители, а остальное всё осталось на своих местах.

Что выиграла мать, приехав в Баку, не знаю. Пришлось ей устраиваться домработницей в семью известного в Баку психиатра, что, конечно же, её никак не радовало, а Надежда Георгиевна потихоньку подрабатывала на телеграфе прибавку к своей пенсии. Отца взяли работать туда же, на Бакинский телеграф.

Сохранилась производственная характеристика за 1956 год на отца – Бориса Юрганова, подписанная начальником Центрального Бакинского телеграфа А. С. Гнездиловым. Там написано: «На Бакинском телеграфе... работает с 1956 года в качестве старшего техника. С ноября 1956 года по август 1957 года исполнял обязанности инже-

нера по рационализации и изобретательству. За создание научно-технического кабинета и проведение наглядной технической пропаганды был отмечен в приказе Минсвязи по Азербайджанской ССР и неоднократно премирован...»

Кстати, характеристика предназначалась в жилищно-бытовой отдел города Баку. Отец рассчитывал, что ему выделят квартиру в связи с тем, что у него больной старший сын, но все надежды оказались напрасными. Формальная оговорка была проста: «Квартира с избытком жилплощади есть у матери просителя...» Надо отдать должное отцу – он понимал, что происходило в Баку! Однако для жены и для его матери ситуация в Азербайджане продолжала оставаться привлекательной.

Политическое потепление в Баку вовсе не означало радикальных перемен в азербайджанском обществе. При смене власти в Баку и на новом витке развития Советского государства русские оставались чужаками, представителями «колониального прошлого», хотя в Баку внешне всё выглядело очень привлекательно: пропаганда трезвонила о «нерушимой дружбе народов, строящих коммунизм, поднимались дома, продолжали возвращаться с мест заключения посаженные при Багирове политические заключённые, началась работа по реабилитации невинно расстрелянных жертв сталинских репрессий, строился Сумгаит. Мягче проходила политика «смены кадров», вытеснение русских и евреев, но так же неумолимо, как и в прошлые годы.

Что-то стала понимать Зина Юрганова года через два или три. Во всяком случае в 1958 году, 11 августа, в справке, которая лежит сейчас передо мной написано: «...Дана, настоящая справка, Юрганову Борису Александровичу в том, что он переведён в город Краснодар в электро-механические мастерские Краевого управления связи на должность старшего техника, на временную работу...»

Его помнили в Краснодаре. Взяли на работу. Но сам факт

ухода и отъезда в Баку *не забыли*, пометив в трудовой книжке *временность* трудоустройства. Однако через некоторое время его переводят на должность механика в тех же мастерских, а 5 октября 1959 года он устраивается в качестве *инженера по механизации* в отдел почтовой связи Краснодарского краевого управления Министерства связи РСФСР. Здесь ему обещают со временем помочь с квартирой...

Жили мы на улице Чапаева дом 20\2. Снимали квартиру. Герой Гражданской войны, именем которого была названа городская улица, даже не *«догадывался»*, как сын его *начальника дивизиона связи* Александра Юрганова, потомок рода Юргановых – Борис, к исходу своих сорока пяти лет только *приблизился* к собственной крыше над головой...

В 1959 году Краснодар был обычным провинциальным городом, хотя и звался столицей края, климат которого очень нравился главе нашей семьи. Наконец, *поняла* верность выбора, сделанного *мужем*, и Зинаида Юрганова, моя мать, которая теперь, будучи домохозяйкой, занялась сугубо домашними делами и подраставшим младшим сыном Александром...

...Однажды отец узнаёт, что на товарную площадку отдела почтовых перевозок прибыли два экземпляра так называемых финских домиков. У Бориса Юрганова уже появились друзья или хорошие знакомые в Краевом управлении почтовых перевозок, где он работал и он быстро сумел *«организовать»* сохранность одного комплекта. Провёл энергичные переговоры с начальством и вскоре *«наверху»* было решено отдать один комплект ему, а позднее построить дом еще для двух его соседей.

Рассказываю это *специально*, чтобы было ясно, что сам по себе комплект дома мало что менял в обретении жилья. Чтобы возвести сооружение, надо было решить *множество* бюрократических процедур и главное представить грамотно сделанный проект жилого сооружения с привязкой к тем

территориальным условиям, где дому предстояло стоять не один десяток лет.

Начальство Бориса Юрганова не возражало против сооружения дома для него, но место было только на самом берегу Кубани, которая была очень капризной рекой и нет-нет да и разливалась, затапливая земли, отведенные для строительства дома. *Риск* был, но *соблазн* получить для семьи дом *превысил* все опасения. Счастливым для семьи Юргановых оказался план руководства города построить вдоль берега Кубани высокую дамбу, надёжно защищавшую жителей прибережных домов от коварных разливов реки.

Чтобы приступить к строительству дома, с учётом пожеланий будущих хозяев, следовало сделать его проектную документацию. На это могло уйти немало времени, поскольку в строительной конторе города – архитектурном управлении Краснодара была громадная очередность и надеяться на быструю разработку документации не приходилось.

Тогда отец сделал проектную документацию сам! Сделал по всем правилам и представил в городское архитектурное управление Краснодара блестяще сделанные чертежи. Придаться было не к чему, и проект был утверждён без бюрократических проволочек. Само по себе это было фактом уникальным. Будущий хозяин дома самолично расчертил все комнаты и хозяйственные помещения дома, рассчитал размер фундамента, с учётом того, что дом предстояло обложить по периметру кладкой в один кирпич. Генеральный план выглядел очень солидно, а полезная площадь дома впечатляла: *пятьдесят восемь квадратных метров*, не говоря о множестве подсобных помещений, которые даже не предусматривались стандартами финских конструкторов этих домов. Со временем был проведен водопровод, газифицирован дом, установлено водяное отопление, причём все детали были продуманы Борисом Юргановым с ювелирной тщательностью. Весовые нагрузки водяного котла,

Борис Юрганов
город Краснодар 1963 год

размещенного на чердаке, с учетом его наполнения горячей водой, которая подогревалась электричеством, трубопроводы, проходящие вдоль стен дома и всё прочее требовали грамотных расчётов. Внутри «скелета» дома не было железных *несущих* креплений. Их надо было предусмотреть.

Пока шло строительство, надо было жить где-то рядом, чтобы *участок охранять*, оберегать стройматериалы, следить за строительными работами. Ведомство, где работал отец, поручило своему строительно-монтажному управлению вести строительство, но *фактически* все основные работы делались руками отца. 6 августа 1960 года строительство началось, а в октябре или ноябре 1961 семья справила новоселье...

Можно сказать, что теперь началась *новая эпоха* в жизни Бориса Юрганова и его семьи! Причем, если учесть, что дом совершенствовался еще лет пять или десять, с его появлением, глава семьи что-то постоянно дорабатывал, совершенствовал, пристраивал.

Зина Юрганова к пятидесяти годам обрела собственное просторное жилое помещение, а главное – довольно обширную территорию вокруг дома, которую моментально засадила косточками фруктовых деревьев, которые уже через три-четыре года начали плодоносить. К исходу её жизни, то есть через двадцать пять лет, окрепшие саженцы стали взрослыми деревьями, которые радовали моих сыновей и детей моего брата многочисленными сочными плодами...

...В 1974 году отец ушёл на пенсию. Шестидесять лет для него оказались возрастом новых возможностей, которыми он решил воспользоваться. Его профессиональный опыт сгодился в огромном универсаме, который был построен в Краснодаре.

Это торговое учреждение, *первое в городе*, представляло собой довольно большое здание, начинённое всевозможной техникой, которая помогала персоналу исполнять множество задач: разделку говядины и птицы, упаковку, поддержание климата и т.д.

Для опытного слесаря Бориса Юрганова такое обилие машин и механизмов не представляло сложностей и безукоризненная их работа была главной его заботой. Но вот какая была *проблема*. У отца были ясные моральные принципы и правила труда, а множество лиц, задействованных в этом универсаме, придерживались своих сутоубо эгоистических интересов. С позиций советских *деловых* привычек большой универсам представлялся удобным местом для *воровства*, а намеренная порча товара давала возможность, пользуясь *принципом* «усушки-утруски», *утолять свои интересы*.

После нескольких месяцев работы, еще до появления отца в технической системе универсама, оборудование стало *отказываться*. С приходом Бориса Юрганова оказалось, что поддерживать работоспособность оборудования без вспомогательных ремонтных служб было просто невысказимо! С этого он и начал свою деятельность. Однако союзников

у него не было. На дворе стоял 1980 год, в котором уже начинали зреть зёрна того развала страны и государства, который разом случился уже через десять лет.

Отец приезжал ко мне в Минск, где я жил и работал, помогая ему поправлять его здоровье, и рассказывал о своих *схватках* с начальством универсама.

Приход высококвалифицированного специалиста в крупное торговое учреждение, оперирующее колоссальным товарооборотом в многие сотни тысяч рублей, да еще и с *принципами*, явно противостоящими *жизненным правилам* тех, кто считал себя хозяином государственного универсама, неожиданно стало *трудным событием* в деятельности *«обеих сторон»*.

А что происходило в СССР в этот период? 23 февраля открылся XXVI съезд КПСС. Это было настоящее политическое посмешище для всего мира! С экрана телевизоров кадры с заседания съезда выглядели *карикатурно*. В ряду президиума съезда с важным видом сидят старики, перебирающие бумажки. Никаких новых идей, никаких перемен, никаких предложений. Всё осталось без изменений, а во главе этого геронтократического ареопага – Леонид Ильич Брежнев, давно ставший героем тысяч анекдотов.

Между тем – в Польше серьезные волнения. Генерал Ярузельский ввёл чрезвычайное положение, а профсоюз «Солидарность» в принципе уже готов захватить власть в стране. КГБ под руководством Андропова раскрывает в РСФСР движение среди интеллигенции под названием «русисты». Он призывает ЦК КПСС немедленно приступить к ликвидации этой организации, подрывающей, по его мнению, коммунистические устои в стране. Стреляется родственник Брежнева С. Цвигун, бывший *«сторожевым псом»* Генерального секретаря ЦК КПСС, фактически потерявшего рассудок и тем не менее продолжавшего находиться у руля страны. Слухи буквально *разъедают* страну, но средства массовой

информации продолжают свой процесс *оболванивания* масс.

Двадцать пятого января умер М. Суслов – *«серый кардинал»*, посредственнейшая личность, почти земляк моего отца, родившийся в Хвалынском уезде в селе Шаховском. С его смертью закончилась целая эпоха особого партийного *консерватизма*, питавшегося гнилыми соками эпохи сталинизма.

Между тем, Ю. Андропов становится Генсеком. КГБ возглавляет В. М. Чебриков. С приходом этого выходца из Украины, он был секретарём Днепропетровского обкома партии, в КГБ намечается оживление борьбы с коррупцией в торговле. Бесполезность этой *«стрельбы по воробьям»* очевидна, она даже не пугает краснодарских воров, окопавшихся в громадном универсаме, где работал Борис Юрганов.

Нити коррупционных связей вели слишком высоко, чтобы Чебриков при всём желании мог бы справиться с этой *паутиной*. Мой отец ушёл из универсама, когда отголоски чебриковских «чисток» в системе торговли откликнулись в Краснодаре. Но *пострадали «мелкие сошки»*, сохранив нетронутыми основные *сети* продажной коррупционной системы Краснодарского края.

Между тем, кризис постепенно разрастался. 13 декабря 1983 года застрелился проворовавшийся министр внутренних дел СССР Н. П. Щелоков, близкий родственник Л. И. Брежнева. Год спустя умирает Ю. Андропов. Как показывают нынешние разыскания, тому способствовал небезызвестный В. М. Чебриков. Именно через КГБ проходит информация о готовности ряда крупнейших клиник Западной Европы и Америки подключиться к процессу лечения *угасавшего* Генсека. Чебриков отвечает отказом, предрешив фатальный исход в истории болезни Ю. Андропова. Его смерть 9 февраля 1984 года была *фактически эвтаназией...*

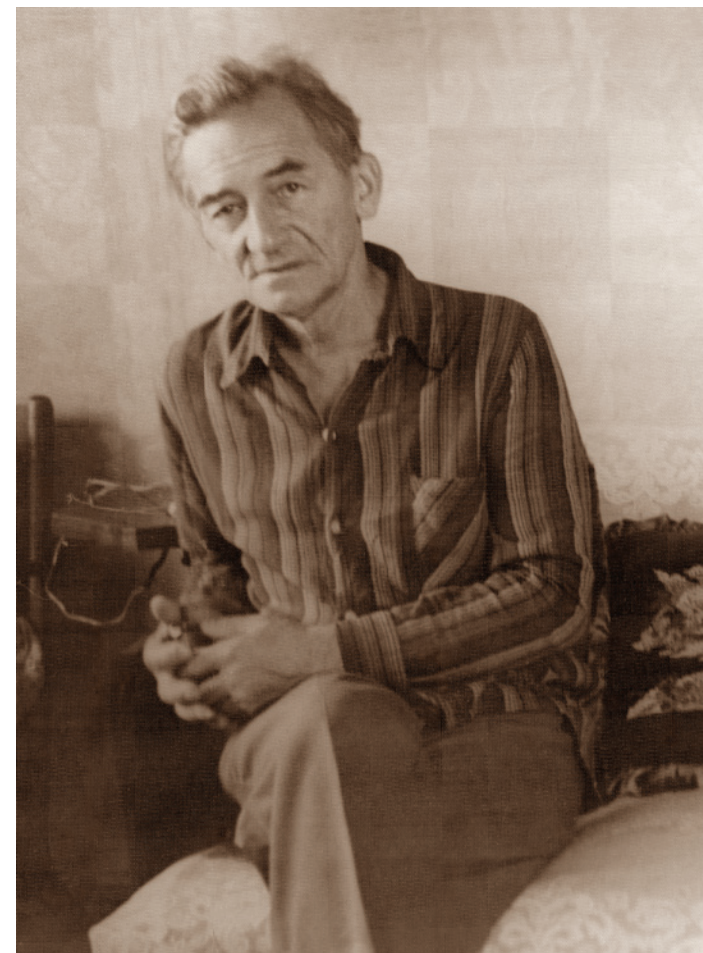
Избрание М. С. Горбачёва осуществилось благодаря Чебрикову, который, манипулируя бесконечной властью

главы КГБ, сумел вывести из игры конкурентов и противников Генсека ЦК КПСС на внеочередном Пленуме ЦК. Но... с Горбачёвым Чебриков не «сработался», поскольку оказался «прожжённым» консерватором. Реформы нового Генерального секретаря ему показались слишком смелыми...

...Весь период правления М. С. Горбачёва мой отец пребывает в состоянии вялотекущей апатии, чрезвычайно сходной с тем, что происходило с государством по имени Советский Союз. Он понимал, что со страной что-то происходит, но вместе с тем не мог поверить, что государство стремительно катится в пропасть. Самым привлекательным для него оставались моральные ценности, к которым он обращается, делая главную работу своего преклонного возраста – написание мемориальных записок о жизни своей, своей семьи и предков Юргановых. Делает систематизированные фотоальбомы с рассказом о прожитых днях и событиях, оставшихся в прошлом.

Принятие М. Горбачёвым присяги в качестве Президента СССР в марте 1990 года стало коротким мигом его псевдовласти, потому что Б. Ельцин почти через два месяца 29 мая 1990 года избирается Президентом Российской Федерации. 12 июня 1990 года Российская Федерация провозглашается суверенным государством. 14 августа 1990 года Президент СССР М. Горбачёв издаёт указ о реабилитации жертв сталинских репрессий и возвращении гражданства высланным из страны дисидентам, включая Александра Солженицына. Но уже 26 января 1991 года он санкционирует расширение прав КГБ по борьбе с экономической преступностью. Это была агония государства, которое фактически стало разваливаться. 19 августа 1991 года сторонники «жёсткого курса» из числа коммунистов осуществляют государственный переворот, создав ГКЧП.

29 августа 1991 года российский парламент запрещает деятельность Коммунистической партии и арестовывает всё

Борис Александрович Юрганов город Краснодар 1991 год

партийное имущество бывшей КПСС. 25 декабря 1991 года М. Горбачёв уходит в отставку с поста Президента СССР. «Народное государство рабочих и крестьян» окончательно прекращает своё существование...

Завершились семьдесят четыре года бесконечного политического мифа, причём так же стихийно, бурно и лихо, как семьдесят четыре года назад осуществился захват власти создателями мифа – коммунистами, во главе с «кремлёвским мечтателем» – В. Лениным, как назвал его британский писатель-фантаст Герберт Джордж Уэллс...

...Живя в США, я получил от отца последнее письмо в феврале 1992 года, в котором он писал: «Был у матери на могиле... Ушёл с кладбища в 7 часов вечера и то погнался сосед – опасно было оставаться. Добрался до дома только в 9 часов вечера. Прошёл пешком 12 км. Не ходил транспорт». Ему было семьдесят девять лет...

Борис Александрович Юрганов умер почти одновременно с государством, которое вынужденно защищал его отец Александр Павлович Юрганов – начальник дивизиона связи Чапаевской (Саратовской) дивизии, затем – оперативный сотрудник Саратовского ЧК. Неистово работал, восстанавливая во времена послевоенной разрухи его сын, уйдя в мирной без почестей и славы. Не потому, что он её не заслужил. Совсем наоборот! Но остался Борис Юрганов для бывшего государства «рабочих и крестьян» обыкновенной дорожной пылью, как и миллионы его собратьев, «строивших коммунизм» почти до исхода XX века...

Бабу 1972г. мама Алла Шура Валентин Саша
 В 1979 году Шура умерла в возрасте 87 лет
 и с дядей ее похоронили в Баку на
 семейной могиле вместе с мамой
 7- Юрий преподавал петь, работать
 он стоял только на легкой работе
 охранником, так претерпело его
 моральное падение, чужие
 разбивали туберкулез легкого
 он и не старался бороться, одомаш
 он больше больше способен из скел
 жить, в 1973 году он умер дома
 его уже выросшая дочь как в семье
 приехала но так отца и не увидела
 о его великой жене Валентине
 в Вильгельма своей
 лично посетил
 Но

1953г Саша Юрганов г.Краснодар

Борис Юрганов
1950

Дина Юрганова
1950

Саша Юрганов
1976г

Юрганов Борис
Александрович
1962г

Нам дороги родители, дороги дети, близкие,
 Но все представляется о любви к гету либо соедин
 в одном слове, «отгизна» Какой гетней гетлов
 станет колебаться утвердить до нес если он может
 этим ей пользу.
 Цыцерок.

Не может сын глядеть спокойно
 на горе матери родной
 Не будет гражданин достойный
 К отгизне хладен душией
 Н. # Некрасов

Не забывай о том, что мать вспоила нас,
 Отец же воспитал свое родное чадо,
 Потому отражись с безбедности своей
 В их старое сердце пролить хоть каплю ага
 К тому же – минет час: Ты старцем будешь сам
 Стотризи, не наручай священного чреда,
 Н. Хисроу. (мож. а)

Вручение диплома об окончании университета
 ел тета Юргановича Юргановича
 1968г, - В университете
 Не только слушал лекции но и неслось
 лет преподавал Со Бюроиничу
 техникой связи, организацией производства,
 погтовой связи, организацией производства,
 Не считая еще экспедиций в гетата
 при издании в оты, Советская Кубань
 статьи завершенных в 1967-68г. гетней перораз
 статьи гетней в 1967-68г. гетней перораз
 гетней в 1967-68г. гетней перораз

**Моя мать,
Зинаида Никитична
Юрьева (Юрганова)**

Зинаида Никитична
Юрганова
город Краснодар 1980 год

Жизнь *располагается* мнениями и суждениями, которые дети, адресуют своим родителям. Может быть, и есть универсальные критерии, по которым можно безошибочно судить кто есть кто, но я не хочу ссылаться на шаблоны, а скорее всего опирюсь на собственные чувства и память, которые сделали главное – запечатлили образ женщины, бывшей моей матерью.

Влияние прошедшей эпохи на характер Зинаиды Юрьевой я уже описал. Теперь следует осмыслить события, которые выстраивали её внутренний мир, её личность «при исполнении» главной роли – матери.

Да, она была женой моего отца и эта роль могла *конкурировать* по важности с ролью матери двоих детей: *Олега Юрганова*, то есть меня, и моего брата – *Александра Юрганова*. Но, скорее всего, случилось иначе.

Настоящим *экзаменом* для Зины Юргановой стало рождение первенца – меня, потому что все радости материнства *исчезли* едва мне исполнилось шесть месяцев. Нетрудно себе представить состояние чувств молодой женщины двадцати

девяти лет от роду, которая, родив ребёнка, должна была очень скоро испытать муки тревог, боясь его весьма и весьма вероятной гибели.

Будучи уже взрослым, я не мог понять и вряд ли понимаю сейчас, в свои семьдесят пять лет, почему, едва родившись, я был приговорён к смерти? Наверняка невинно брошенные в тюрьмы, приговорённые без всяких оснований к расстрелу жертвы успевали многожды раз спросить себя: «За что?» и, не получив ответа на этот жуткий вопрос, падали, сражённые пулями палачей. В моей судьбе складывалось почти так же, даже если учесть возраст моей вероятной гибели и то время, когда никто не мог быть уверенным в том, что расстрельная строка не поглотит его имя, а пуля палача не достигнет его сердца. Вместо пули в меня проникла «палочка Коха»...

В романе «Автопортрет любви без ретуши», который был дописан мною на основании многочисленных писем и записок моей покойной жены Татьяны Юргановой, изданный в 2006 году в Белоруссии, описывается, восстановленная моими стараниями история моего рождения. За некими неточностями, впрочем совсем не принципиальными, написано там всё верно, потому я повторяю здесь строчки текста романа.

«...Родился я в столице Азербайджана в 1939 году в феврале, 27 числа. Роды у матери, как она сама вспоминает, были очень тяжелыми, и когда я появился на свет, жизнь едва во мне теплилась. От боли при родовых муках мать потеряла сознание и пришла в себя, когда я все-таки заорал. Оживляли меня, по словам матери, довольно варварски.

«Представь, – рассказывает мать, – у тебя перекрутилась пуповина вокруг шеи, и врач, быстро ее отрезав и распутав с твоей шеи остатки, стал обмакивать тебя в холодную и теплую воду. Оказывается, этот метод контрастных температур должен был вызвать дыхательный

спазм. Боже мой! Хорошо, что я этот ужас увидела в самом конце, когда ты дёрнулся и заорал, а то, глядячи на эту пытку, там же в роддоме и кончилась бы...»

Все, что я рассказываю – со слов матери. Точно так же, как с её слов я попытался понять истоки моего заболевания – туберкулеза обоих тазобедренных суставов.

Однако сам момент рождения бездыханным и даже варварское оживление мне нравятся. Еще бы! Появление на свет началось с того самого опыта выживания, который очень часто выглядит непривлекательно, а по сути является победой человека. Главным в этом случае был итог: я все-таки ожил!

Странной нелепостью для меня был тот факт, что, едва родившись, да еще в таких муках, я очень скоро был приговорен... к гибели. Каждая мать стоит у истоков болезни своего ребёнка. Она видит признаки недуга и бьет тревогу. Так было и с моей. К шестимесячному возрасту она заметила, что я стал капризен, вял и малоподвижен. Долго держалась температура. Еще через месяц или два, когда я пытался подняться в кроватке, она обратила внимание, как странно я поджимаю правую ножку, словно боясь на нее встать. Обращения к врачам ничего не дали. В общем, только через полгода или восемь месяцев, когда в области правой ягодицы возникла опухоль, а затем прорвался гнойный свищ, стало ясно, что со мной случилась беда!

Это был туберкулез! Потом появился свищ на левом тазобедренном суставе. Сколько слез пролила моя матушка, сколько порогов врачебных кабинетов оббила – не счесть! Я, конечно, не мог помнить подробности моей жизни, когда мне было около года или два. Но иногда мне кажется, что я отлично помню боль там, где гнили и разрушались мои суставы. Мать в отчаянии ходила по медицинским «верхам», требуя точного диагноза и верного лечения. При официальной политике тогдашних властей, провозгласивших «планомерную борьбу с наследием прошлого –

туберкулёзом», добиться правды было нелегко. Правильного диагноза просто не признавали, даже при самых очевидных симптомах. На тот момент его формулировали мудрёно и глупо: «Воспаление тазобедренных суставов после гриппа». Вот так! Официально признавать туберкулез врачи не желали. Я портил статистику! При этом, у врачей, уже были результаты анализа гноя из прорвавшихся в районе суставов свищей, который ясно показывал: туберкулез! Только, спустя год, мне поставили, наконец, окончательный диагноз: «туберкулезный коксит обоих тазобедренных суставов». Именно этот диагноз открыл передо мной двери специализированных противотуберкулёзных клиник и санаториев. Как ни забавно это звучит, но и теперь врачи умудрились усмотреть в диагнозе нелепую «причинно-следственную связь»! Причиной болезни был назван... грипп. Так и записали: «Воспаление тазобедренных суставов после гриппа с развитием в форму туберкулёза». Много позже над этим диагнозом потешались все доктора, в руки которых попадала моя история болезни.

В то время рассчитывать на то, что после установления диагноза мне будет немедленно предоставлено санаторное лечение, не приходилось, хотя я уже «имел» на это право! Мать продолжала отчаянно стучать во все двери и, наконец, я попал в противотуберкулёзный санаторий в Бузовнах, на берегу Каспия. Там были впервые опробованы новые препараты против туберкулёза, и у моих родителей забрезжила надежда. Однако время было упущено, и болезнь протекала тяжело.

Как горьки бывают воспоминания раннего детства! Только-только пробуждающееся моё сознание запечатлеvalo боль, от которой невозможно скрыться. Помню белый потолок палаты, в которой лежали мы – больные человечки. Помню белые кровати, а еще лучше помню, потому что сохранилась фотография, сделанная отцом: я лежу в кровати, привязан-

ный широким специальным лифом. Увы, она не сохранилась...

Еще помню высокого седого мужчину в неизменном белом халате. Скорее всего, это был наш палатный врач. Наверное, возраст не позволил ему уйти добровольцем на фронт. Год шёл тогда сорок первый! Почему я помню облик этого человека? Наверняка не смогу ответить, но по рассказам матери, скорее всего именно этот старый врач увидел результат одного моего «безрассудного поступка». Я беру эти слова в кавычки, потому что в четыре или в пять лет трудно найти в том, что я сделал, «разумное начало».

Я был очень активен. Разумеется, насколько позволяли пути, привязавшие меня к кровати. Когда под влиянием лекарств свищи на бедрах затянулись, врачи сняли гипс и ломали голову над тем, как бедренные суставы, лишившись головок, которые полностью сгнили, смогут удержать мое тело, едва я попытаюсь встать на ноги. Об операции никто не думал. В то время она была немыслима. Во-первых, шла война. Во-вторых, никто в Азербайджане не знал, а что делать с острыми концами тазовых костей, торчавших на каком-то расстоянии от так называемых повздошных отверстий бёдер, где когда-то покоились головки бедренных костей, теперь начисто съеденных туберкулёзом.

Моя мать пересказывает историю моего «безрассудного поступка» со слов палатного врача, облик которого «плавает» в моей памяти туманным «облаком в шитанах».

«Тебе уже шел пятый год и ты лежал в палате почти у входной двери. Иногда по твоей настойчивой просьбе дверь оставляли открытой, чтобы ты мог наблюдать за той жизнью, которая текла своим чередом там, в коридорах санатория. На ночь дверь притворяли, однако «коридорная жизнь» сквозь стекла все-таки просачивалась. И вот в одну такую ночь ты, непонятно как, сумел выползти из под жесткого лифа и опустить ноги на пол...»

Иногда мне и самому кажется, что я помню все детали

той знаменательной зимней ночи. Как елозил под лифом, пытаюсь выползти. Как коснулся пятками холодного пола. Как медленно, со сладким ужасом пытался сесть на кровати и наверняка почувствовал, как закружилась голова.

Поверхность деревянного пола манила и пугала. Непривычные прикосновения обжигали пятки. Ноги свисали с кровати, как тонкие соломинки, и казалось готовы были переломиться при малейшем напряжении...

Дверь в коридор манила неудержимо! Однако останавливал страх и быстро приближавшаяся боль там, где прятались изглоданные болезнью концы костей.

Что случилось дальше, мать мне рассказывала со слов доктора. «Когда ты попытался встать, у тебя возникла очень сильная боль. От этого ты потерял сознание! Получилось так, что бедренные головки, которые должны были укрепиться в тазовых выемках, как у всех здоровых людей, полностью сгнили. Как только ты встал на ноги, концы костей, похожие на обыкновенные палки, под тяжестью твоего тела прошли вдоль очень вялых и слабых мышц. Случилось чудо! Концы костей уперлись с двух сторон таза на разных уровнях. Правая кость «нашла» один из выступов таза и там застряла. Левая продвинулась дальше и почти точно вошла в выемку, которая природой специально предназначалась для нормальной головки кости...»

Сейчас я впервые пишу об этом событии так подробно. Пишу, покрываясь испариной, и мурашки бегут по спине. В общем, понесли меня на рентген. Посмотрели и ахнули. Опять же со слов матери: «Врач смотрит на снимок и глазам своим не верит. Говорит, ваш, Зинаида Никитична, мальчик сам себе дал шанс встать на ноги и сам решил проблему, над которой мы ломали голову».

Однако легко сказать: «сам решил...» Когда меня поставили на костыли и стали постепенно давать нагрузку на мои «тазобедренные суставы», без кавычек эту «конструкцию»

Т.Юрганова
«Автопортрет
любви
без ретуши»
(обложка)
2006 год

не назовешь, настолько невероятна она для нормальной ходьбы, начались мои вечные боли. Мышцы были травмированы, к тому же следы болезни еще оставались... Но, слава Богу, наконец-то стал доступным пенициллин, а затем был изобретен стрептомицин. Именно они помогли мне избавиться от активного туберкулезного процесса в мышцах, окружавших мои «самодеятельные суставы». В Бузовнах, я пробыл почти пять лет...»¹

Моя болезнь часто заставляла меня задумываться о тех истоках, которые стали её началом. Как могло случиться, что едва ли не с первых прививок, которые были сделаны сотням тысяч новорожденных в городе Баку, я оказался

1) Т. Юрганова «Автопортрет любви без ретуши» (роман).
Минск, Издательство «Четыре четверти», 2006 г. стр.13-16

среди тех редких детей, которые лишились здоровья, прожив не более пяти или шести месяцев от роду. Моя мать тоже задавалась таким же вопросом, но найти на него ответ мы не могли долгие годы.

Рос я в семье, где бытовая культура была достаточной. По крайней мере в сравнении с теми стандартами, соблюдение которых гарантировало нормальное физическое здоровье родившегося младенца.

Из роддома меня привезли в квартиру бабушки Надежды Георгиевны Юргановой и дедушки Александра Павловича. Об этом позаботился мой отец Борис Александрович Юрганов. Здесь было тепло и уютно. Мне – младенцу – отвели место в гостиной, поставили там кровать, обеспечили уход. Моя мать оставила работу и целиком посвятила мне своё время. Во всяком случае, первые полгода моему здоровью, судя по размышлениям моей матери, ничего не угрожало!

К шестому месяцу жизни начались едва заметные признаки нездоровья и совпало оно со временем, когда мне сделали прививку от туберкулёза. На это мало кто из домашних обратил внимание. Первые дни недомогания от прививки – нормальная реакция! Но с наступлением весны у болезни появились новые признаки.

Я стал чаще плакать, плохо ел. Стала держаться температура, которую специалисты по туберкулёзу прозвали «*туберкулёзной*». Если пользоваться привычной градацией измерения температуры в тогдашнем Азербайджане, это будет – 37,7°.

В Баку 1939 года, в системе медобслуживания, как и во всех отраслях экономики республики, существовали всевозможные *движения, подгёмы, соревнования* и прочие «ударные мотивы» труда. ЦК КПА, то есть центральный комитет компартии Азербайджана, а точнее его *идеологический сегмент*, уделял особое внимание этим формам *ударничества*.

То есть местный Агитпроп не дремал, и все экономические сектора старались вовсю! Таким был *советский стиль* труда и управления. Весной 1939 года у власти стоял Мир Джафар Аббас оглы Багиров.

В Азербайджане, к моменту моего рождения, произошли серьёзные социальные перемены. Была достигнута, во всяком случае так заявляли власти, ссылаясь на статистику, *всеобщая грамотность*. Значительно расширилась сеть средних общеобразовательных школ, высших и средних специальных учебных заведений, научно-исследовательских и культурно-просветительских учреждений, а наряду с ними – больниц и поликлиник. В 1937 году Азербайджанская ССР принимает свою Конституцию и осуществляет широкие просветительские программы под знаменем культурной революции. Перед началом Второй мировой войны в Азербайджане было уже более четырех тысяч начальных школ, 16 вузов. В 1938 году был создан азербайджанский филиал Академии наук СССР, сформировалась сеть театров. В 1940 году в стране уже функционировало 18 театров. Созданная Узеиром Гаджибековым в 1937 году опера «Кероглы» стала крупным событием в азербайджанской культуре.

Никак нельзя утверждать, что в республике царил некий хаос, в частности, в области здравоохранения, который мог бы невольно спровоцировать болезнь, которая сопровождала меня двадцать два года – с 1939 по 1961 год. Я думаю, что имею все основания предполагать, что форма болезни была крайне тяжёлой: *поражены были оба тазобедренных сустава*. Если обратиться к обыкновенной справочной литературе по истории заболевания, то обращает на себя внимание факт, что туберкулёз тазобедренного сустава занимает *второе место* среди специфических недугов опорнодвигательного аппарата вслед за *туберкулёзом позвоночника*. При этом речь идёт о заболевании *или левого, или правого сустава* и почти *никогда* или *крайне редко* о двухстороннем

поражении суставов. Именно так и фиксируется в генеалогии заболевания: *большую редкость у детей представляет двухсторонний туберкулёзный коксит.*

Избавился я от формального наличия *болезни* к моему пятидесятиррёхлетнему возрасту. Я эмигрировал в США, и американские хирурги заменили суставами из титана те острые кости, которые почти полвека моей жизни упирались в бедренные выемки.

Следы болезни, конечно, сохранились. Они будут со мной пожизненно. Я хромаю, хожу с тростью, а в молодости нещадно ковылял, вышагивая на своих острых костях без «*деревянного помощника*»...

Итак, есть две причины болезни. Одна была связана с тем, что мой отец страдал *компенсированным туберкулёзом лёгких*. Иначе говоря, в его организме долго жила «*палочка Коха*», периодически вызывавшая болезненную реакцию в тканях лёгких, приводя к тяжёлому кашлю и кровохарканию. Попад через *лабиринты* наследственности в мой организм, палочка Коха могла развиться в болезнь со столь же жуткими последствиями.

В 1938 году отец женился на моей матери, которая забеременела, когда *палочка Коха* мирно дремала в организме отца, появившись от непрерывных воспалений лёгких, возникавших у него в раннем детстве и подростковом возрасте. Затем она трансформировалась в очаг заболевания в зоне лёгких моего отца. Её развитие прервалось уже после моего рождения, будучи устранено сменой климата и нормальным питанием. Факт остаётся фактом, что поражение моего организма стало возможным именно в самом невинном возрасте, когда мой организм не смог противостоять *палочке Коха*, попавшей в мою кровь при зачатии и рождении.

Есть вторая гипотеза заболевания. Моя мать, как я писал, работала в архиве Бакгорисполкома. Однажды она пришла домой страшно возбуждённая. Её, как заведующую ар-

хивом, привлекли к разбору и архивации материалов суда над Багировым. Нервно озираясь по сторонам, она сообщила мне, что прочитала в этих материалах *информацию о намеренном заражении* туберкулёзом новорожденных русских, армян и евреев по национальности, появившихся на свет в 1938, 1939 годах.

В то время процедура противотуберкулёзных прививок – туберкулиновая проба Пирке – осуществлялась введением *туберкулина* на оцарапанной поверхности кожи ребёнка с целью получить ответ на вопрос: есть ли в организме туберкулёзная инфекция? *Туберкулин* – общее название *экстрактов микробактерий*, используемых для проведения внутрикожных диагностических проб на туберкулёз у человека.

Те правила вакцинации, которые проводились в год моего рождения в столице Азербайджана, никак нельзя было отнести по степени соблюдения санитарно-гигиенических норм к нынешним стандартам. Иначе говоря – *всё могло произойти!* Моя память твёрдо фиксировала *ключевые слова*, которые фигурировали вокруг меня из множества уст! Вот они: «*грипп*», «*осложнение*», «*туберкулёз*», «*шесть месяцев*». В разной комбинации они звучали прежде всего из уст матери. Могли ли подручные Багирова, подчиняясь политическим мотивам, осуществлять под прикрытием *реакции Пирке* заражение младенцев определенных национальных групп, проживавших в Азербайджане?

Спустя 65 лет я оказываюсь в Балтиморе (США), где я поселился с семьёй, эмигрировав в 1992 году. Прихожу в городскую поликлинику. У меня болела правая стопа и я пришёл на приём к хирургу, года три или пять назад эмигрировавшему из Баку и получившему вид на жительство в штате Мериленд в городе Балтимор. Сдав все экзамены, он получил право медицинской практики в США. Не буду называть его фамилию...

Увидев мою очень специфическую хромоту, хотя у меня были уже проведены в Америке операции по замене тазобедренных суставов, хирург безошибочно определил моё заболевание.

Разговорились. Тогда-то он и произнёс слова: «*сыворотка Багирова*». О Багирове речь зашла не случайно, потому что у меня был *двусторонний туберкулёзный коксит* тазобедренных суставов, который в силу своей уникальности всегда привлекал внимание врачей. Хирург сказал мне, что по туберкулёзному кокситу он писал докторскую диссертацию, сделал множество операций и считает, что двусторонняя форма заболевания возможна *только в случаях намеренного заражения*.

Он не скрывал своего удивления тем, что я сумел преодолеть эту болезнь! «*Я не сомневаюсь, – сказал он, – это дело рук людей Багирова. «Сыворотка Багирова» вполне могла испортить вашу судьбу...*» Он рассказал мне о своей хирургической практике в Азербайджане, о проблемах, с которыми сталкивался в среде хирургов, работавших с туберкулёзными больными и, между прочим, заметил, что за свою практику лишь однажды встретил случай, аналогичный моему, когда был в Шуше – провинции Азербайджана, да и то у старика – армянина, «*...навверное ваш ровесник...*» Если к этому прибавить сведения, которые моя мать с ужасом поведала мне, можно из этих гипотез *выстроить* что-то путное, но какой с того будет толк?

...Так или иначе, через полгода после моего рождения все признаки заболевания, которое долго не хотели *правильно* диагностировать бакинские врачи, ссылаясь на «*грипп*», который якобы и «*привёл*» к болезни спустя год после моего рождения, названной ими – «*туберкулёз*»!

...После долгих и мучительных визитов в разные медицинские инстанции мать решается пойти на приём к Председателю Баксовета и попросить его содействия. Я угасал,

и она очень боялась за мою жизнь. У неё на руках была полученная с большим трудом справка о том, что у меня «*туберкулёзный коксит в обоих тазобедренных суставах*». Это давало мне право рассчитывать на место в противотуберкулёжном санатории в Бузовнах. «*Начальство подсобило*», и я оказался там, проведя в санатории практически пять лет.

Почти год непрерывных визитов к врачам, вытекавший из меня желто-зеленый гной не признавался азербайджанскими докторами как *свидетельство туберкулёза*. Документ, в котором было бы написано очевидное, на руки матери не выдавался, хотя гной несколько раз подвергали всевозможным лабораторным исследованиям.

Да, подвергали! Но итоговые анализы обозначали совершенно нелепыми наименованиями, ссылаясь на *уникальность* гриппозной бациллы, неведомо как *пробравшейся* в мои тазобедренные суставы! Однако рентгеновские снимки показали очевидное: головки суставов уже были *поражены*. Упрямитесь далее было просто опасно для квалификационной репутации врачей!

В 1941 году началась война. Мать надолго исчезла, а время моего пребывания в санатории обратилось в многолетнее тоскливое лежание в гипсе. Когда его сняли, моя неподвижность продолжилась под широким лифом, ремни которого, привязанные к кровати надёжно удерживали меня.

Конечно, я не знал, что мать находилась где-то под Баку на строительстве оборонительных сооружений. Не ведал, что заболела она малярией и была возвращена отцом домой. Лечилась. Потом снова вернулась в Баксовет. Она настолько ослабла, что не смогла приехать ко мне. Только в марте 1945 года мать приехала в Бузовны, чтобы взять меня домой на Красноармейский тупик, где была её квартира.

...Мои воспоминания об этом периоде жизни смешаны с событиями, которые происходили в квартире матери. Здесь жила её сестра Татьяна Никитична Юрьева в тот

самый момент, когда у неё *был роман* с Николаем Жуковым.

Я всё время лежал в кровати в глубине второй комнаты, не освещавшейся светом дня. Мне было ужасно скучно и тоскливо. Наверняка я капризничал. Ну сколько мне было в марте 1945 года? Шесть лет...

Помню приход к нам какого-то знакомого тёти Тани – высокого парня в штатском костюме, с гладкой причёской, в пиджаке, к бортику которого был привинчен значёк с изображением парашюта. Я с любопытством смотрел на этот значёк, потому он так сильно *врезался* в мою память.

О чем женщины говорили, не помню. Осталось в памяти лишь то, что в комнате было светло, когда горела лампа под абажуром. Взрослые пили чай с печеньем, невесть откуда у нас появившемся. Разговаривал мужчина, который рассказывал какие-то смешные истории, а женщины смеялись.

Кажется я простудился. Лежал в постели, глядя в проём дверей, выходящих в соседнюю комнату. Вставать я не мог. Было очень трудно передвигаться. Мать по моей просьбе подхватывала меня над ведром, и я справлял туда нужду. Потом укладывала меня в кровать и я снова затихал на своём ложе, натываясь иногда пальцами на перевязанные бёдра, прикрывавшие *свищи* с обеих сторон моей ягодицы.

Эта моя тоскливая обыденность стала уже привычной. Ни тогда, ни теперь я не испытываю почти никаких чувств, вспоминая подробности, которые сохранила мне память. Но само время, начало мая 1945 года, было насыщено приближением грандиозного исторического события – Победы в Великой Отечественной войне. Но *только* витруально! Ничего особенного я не чувствовал! Отец был на войне, мать – дома, я – с ней, вот и всё!

Однажды, очень рано утром, мать приходит в комнату и, не говоря ни слова, начинает меня собирать. Оказавшись у неё на руках, я только знал, что мы куда-то идём. Спрашивать не решался. Разговаривать с матерью было непросто.

Скорее всего её молчаливость была связана с тем, что тащить меня на руках ей было тяжело, а тут еще надо отвечать на мои вопросы...

Мы ехали на трамвае. Мать держала меня, прижимая к груди. Куда, зачем мы ехали, я не знал и, вообще, я, кажется, стал засыпать, укачиваемый мерным гулом трамвая. Народу в вагоне было мало...

Я очнулся, когда оказался в каком-то помещении, назначение которого не знал. Даже не догадывался. Вокруг меня стояли люди, которых я знал: тётя Шура – мамина сестра, тётя Маша, вторая сестра мамы. Тут что-то *началось*... Меня очень осторожно уложили на какую-то поверхность. Я дёрнулся от боли. Увидел бородатого дядечку с крестом в руках. Потом на меня полилась вода, раздались голоса певших вокруг людей, среди них были и те, которых я знал. Меня окунули в воду. Я *захныкал*, потому что было очень больно ногам...

Лишь через несколько лет я узнал, что тогда меня *окрестили*. Тётя Шура, которая оказалась моей крёстной матерью, выглядела счастливой, а моя мать – *страшно растерянной*. Она очень боялась последствий этого акта. В самом начале войны мать вступила в ВКП(б) и хотя И. Сталин разрешил открыть несколько православных храмов в Баку, атеизм продолжил существование, как *«самое острое оружие»* коммунистов. Этим оружием карались все, кто верил в Бога, и последствия могли быть самыми печальными.

Меня вернули в дом, и я снова оказался в своей кровати. Я чувствовал себя неважно. Была температура. Я капризничал. Шесть лет возраст уже *«запоминающий»* события, происходившие вокруг. О том, что час или два назад меня *крестили* я уже не помнил. Чувствовал лишь то, что ощущает мальчик моего возраста, страдающий тяжким недугом. Я забылся в дремоте...

...Моя мать давно умерла, этих строк не прочитает. Но я пишу их только для того, чтобы поведать, как тяжёк

груз женщины, работавшей и оставлявшей меня в доме почти на целый день, потому что не было возможности передать меня в чьи-то заботливые руки.

Есть условия, к которым привыкают. Привыкают к тому, что в комнате остался ребёнок, у которого крайне мало возможностей делать что-то ему необходимое – может получиться, а может и нет. Придёт мать с работы и увидит, что ведро перевернуто, на полу разлита моча или утренние фекалии, воздух пропитан тяжкими запахами. Если придёт тётя Шура и уберёт – хорошо, а если нет? Иногда приходила тётя Таня – сестра матери, но она могла и не зайти или просто заглянуть, сказав: «Привет!» и уйти. За что её осуждать? Я был ребёнком Зины Юргановой и заботы обо мне – дело прежде всего её!

Наконец наступало время, когда мать приходила с работы. Жарила на сковородке в соседнем коридорчике миноги и по квартире расплывался вкусный запах жареного масла, лука и морских угрей, которые мать купила на базаре, по дороге домой из Бакгорисполкома.

В тот день, который мне запомнился, а может быть, это был некий обобщённый день, не знаю... В тот день недуг меня чуть отпустил. Я даже сел в кровати и стал играть с книжками или игрушками... Мать, убрав все мои «грехи» с пола, накормив меня, возилась на кухне. Наверное, мне было скучно. Я крикнул: «Ма! Иди сюда!» Слыша меня, мать молчала. Мне бы сообразить, что женщина устала после работы, что некогда ей откликаться на мой зов, но я упрямылся. Мне хотелось *пописать*, но я боялся снова опрокинуть ведро, стоявшее рядом с кроватью. Это уже случилось утром, когда я разлил его содержимое, лёжа потом весь день у этой неприятно пахнувшей лужи. Потом я слышал, как ругается мать, убирая следы моей неаккуратности, обращаясь ко мне со словами упрёка или укора, что одно и то же. Лицо её было сердитым, голос строгим, слова горькими.

Я не оправдывался... Зачем оправдываться, когда не умеешь *делать* так, как надо...

Наконец, мать заходит в комнату. Она устала. Фартук сбился в сторону, руки после чистки картошки – грязные. Слышит моё хныканье: «Я тебя сколько зову? Почему ты не приходишь?»

...Множество книг написано об отношениях между родителями и детьми, которые ведут себя *неподобающе*. Психологи, педагоги, сами родители... Но как быть, когда нищета вытягивает все соки! Когда болезнь ребёнка – жестокая реальность, а ухода, того самого, который даёт ему некое подобие душевного равновесия, просто нет! Всё пребывает на весах *той самой ситуации*, которая складывается из *смысла времени и обстоятельств*. Из качеств характеров и сути тех *возможностей*, которые находятся в чаше этих *весов*.

В моём нынешнем времени я могу только *жалеть* мою мать, *сочувствовать ей, отнестись с пониманием* тех срывов и жестокости, которые вырывались из её души, *взрывали* её руки, голос, взгляд, направляли энергию на меня, *истерзанного* болезнью.

Мать била меня с болезненным остервенением, забыв всё на свете, кроме той обиды, которая отупляла её, лишая возможности понять справедливость моих обид и тех лишений, которыми щедро наградила меня судьба. У нас с матерью происходила *конкуренция* страданий, которые накапливались друг в друге и друг другу жестоко противостояли...

Шесть лет вовсе не возраст *разумных* претензий. Скорее наоборот – претензий *неразумных*. Они лишены связи с пониманием состояний взрослого человека, к которому малолетка обращён. Сколько ж надо сил, чтобы *обуздать* себя, *направить* свою вспыхнувшую живую энергию характера в недра души. Туда, где зреют добрые эмоции и терпение. Умножить силу желания сделать своему ребёнку некое

благополучие, к которому он испытывает сейчас неудержимую *потребность*.

Потом были слёзы, раскаяние, добрые упрёки взрослого ребенку, наконец, успокоение и долгий сон, завершившийся утренним пробуждением, в котором не осталось и следа от недавнего жестокого конфликта.

Назавтра, пусть это обозначение времени будет условным, потому что следующим событием, пробудившимся в моей памяти, было 9 мая, когда День Победы в Баку, как и во всей стране, оказался связанным с безграницной *силой* радости.

Я лежал в постели и скорее сего пытался заснуть. Просто волосая, с выбившимися из-под косынки волосами, мать ворвалась в комнату, заграбастала меня в охапку и, безумно целуя, стала кричать только одно слово: «Победа, победа, победа...». Едва не потеряв сознание от боли, потому что нога моя неловко подвернулась, ударив меня болью куда-то в нижнюю часть ягодицы, я обхватил её руками и почувствовал толчки её шагов. Мы проходили по узкой улочке Красноармейского тупика куда-то в сторону толпы, стоявшей неровной кучей у входа в другой двор. Мать остановилась, но её пропустили и она, держа меня на руках, напряжённо и крепко, пробиралась в центр двора.

Я не помню, о чём говорили люди. Скорее всего стоял сплошной радостный гул. Кто-то нещадно давил мне на ногу, пытаясь пробраться вперед, невольно оттесняя мать. Она пыталась повернуться, но у неё не получалось. Моя нога стала болеть, я попробовал повернуться и стал вертеться в руках у матери, как пойманная птица, которая, почувствовав призрак свободы, стала биться в попытке вылететь из силков. Мать повернула ко мне своё лицо. Сочетание радости, усталости и озабоченности пахнуло на меня в её дыхании. Она подбросила меня на руках и снова повернулась к говорившему. Мужчина стоял у стола и что-то излагал на азербайджанском языке. Другой нетерпеливо

повернулся к нему и, осторожно вытеснив, поднял обе руки и закричал: «Да что ты мелешь на тарабарском! Победа! Ура, товарищи! Победа!!!»

Мы медленно возвращались домой и в воздухе уже свисали гирлянды салюта. Сколько времени прошло я не знал, потому что потерял сознание от боли и ничего не чувствовал. Очнулся я в своей кровати. В комнате было тихо...

...Пребывание шестилетнего ребёнка в доме на Красноармейском тупике, который оказывался совершенно пустым до пяти вечера, потому что мать примерно в это время приходила с работы, а отец находился еще в Крыму, было для меня временем странным.

Иногда приходила соседская девушка, дочь тёти Сары – Ира. Она мне читала, приносила разные вкусности, которые готовила её мать, что-то рассказывала. Ей было семнадцать лет и первые признаки шизофрении у неё ощутил я в свои шесть лет как некую фантазмагорию. Она рассказывала мне об инопланетянах, которые якобы приходили к ней ночью, нежно гладила меня по чубчику и неожиданно уходила, шёпотом прося никому не рассказывать об её *открытиях*. Я ей верил и удивлялся той доступности неведомого, которое мне невозможно было ощутить.

Ниже тёти Сары жила соседка – тётя Шура, мать большой семьи, в которой было три дочери. Замужняя Лера, ей было, наверное, двадцать два или двадцать четыре года – женщина красивая, с нежным взглядом. У неё рос сын Сережа, мальчишка трёх или пяти лет с белобрысой головой и молчаливым характером.

У Леры были две сестры - Тамара и Мила. Тамара была постарше Милы. Ей, наверное, было лет тринадцать, а Милке десять или девять. Тамара была девочкой грубой, да и лицо её было сколочено, как самодельная табуретка, правда, сделанная добротной и крепко. А Милка, мне она очень нравилась, была ловкой, доброй и очень хозяйственной

девочкой. Она часто приходила ко мне, вытаскивала в коридор из моей кровати и помогала улечься на большой сундук у окна. Здесь мы с ней разговаривали или играли.

Как ей удавалось дотащить меня до сундука, непонятно, но в свои шесть лет был я, наверное, очень лёгким, а Милка была хоть и малой, но девчёнкой жилистой и крепкой.

Потом стало теплее, и мать перед уходом на работу укладывала меня на сундук. Она открывала окно, чтобы мне было видно всё, что творится на дворе...

...Когда отец прислал письмо, что скоро приедет и заберёт нас с мамой в Крым, я начал потихоньку спускаться с сундука и пытаться переходить от него к столу, держась за стеночки. У стола на полках стояли кастрюли и столовая утварь.

Мать уходила на работу поспешно, но успевала приготовить мне поесть и до пищи мне надо было только добраться. При дворовой «коммуне» она не сомневалась, что я кого-нибудь позову – или Иру, или Милку, и мне подадут еду, если я, по каким-то причинам, не доберусь до кухонного стола. Но я добирался и вскоре очень её удивил, когда, придя с работы, она увидела меня стоявшим на костыликах у дверей. Стоять я мог несколько секунд, потому что невыносимо болели те места, где мои кости упирались в тазовые выемки...

Вскоре мать сообщила мне, что мы переезжаем к бабушке на квартиру, потому что скоро приезжает папа и мы, наверное, поедem в Крым. Мама очень изменилась. Она сделала причёску. У неё были очень красивые русые волосы, коротко остриженные, с крутой волной у виска. Когда я жил у бабушки на улице Низами 28, в квартире 5, сам момент ожидания перемен, по-видимому стал сильно на меня влиять.

Я поправился, начал ходить на костылях и уже подолгу сживал в крохотном бабушкином садике при доме. У бабушки было много кошек и они ластились ко мне.

Мать редко вспыхивала, если я делал что-то не так, как ей нравилось. Бабушка всегда только *выговаривала* мне своё не-

Такой маму изобразил неизвестный художник по просьбе папы.

довольство. Правда, делала она это очень редко, потому что невыдержанность моей мамы сильно ей мешала. Мать могла что-то сказать резкое бабушке, что меня явно портило, потому что я гордился, когда мама меня защищала. Конечно, я не встречал в разговор взрослых женщин, но внутри был доволен, когда мама говорила бабушке что-то резкое.

Не могу сказать, что я любил бабушку, но могу сказать определённо, что некая внутренняя авторитетность её в меня всё-таки проникала. Я никогда не мог ей нагрубить, ответить дерзостью на её замечания, если таковые были мне адресованы. Я скорее просто надувал губы, чувствовал, как в уголках глаз собираются слёзы, а где-то у самого горла сжимается комок обиды. На это бабушка внимания никогда не обращала и в конце-концов у меня всё проходило. Наверное, по своему характеру я не был *вредным*. По этой причине никогда не заводил разговор с матерью о моих обидах на бабушку, а если такое случалось, мать выслушивала меня внимательно и обычно говорила: «Да, ладно! Что было, то прошло! Верно же?» Наверное, это был верный приём, потому что я сам быстро всё забывал, не догадываясь, что моей матери никогда не хотелось специально объясняться

с бабушкой по поводу моих обид. А если бабушка делала мне замечания в присутствии матери...

Скорее всего моя мать понимала, что свекровь – у себя дома, а мы – *приживалы* и нам следует относиться к настроению хозяйки, как к должному.

Единственно, где моя мама чувствовала себя по-настоящему свободной и раскованной, так это у тёти Шуры. Иногда мы приходили к ней в гости. В её квартире всегда был полумрак и мы, если позволяла погода, любили посидеть в садике у порога. Устраивались у большого стола. Над ним свисал виноград. Асфальтовый кусок садика был всегда чисто вымыт, а справа стоял оббитый железом домик, в котором Валентин, сын Шуры, держал голубей. Нередко он распахивал широкую дверцу голубятни и выпускал птиц полетать. Это были любимые мои минуты. Голуби – то были сизари или белоснежные птицы – со свистом рассекав крыльями воздух крыльями, вылетали из заточения и взмывали ввысь...

Тётя Шура жалела меня и относилась ко мне с особой нежностью. Она всегда угощала меня всякими сладостями. Иной раз я слышал её строгий голос, с каким она говорила матери о том, что Алька – это я – *«несчастный ребёнок»*, такой же, как Валентин, её младший сын – эпилептик и *«...умножать его несчастья, большой грех...»* Что такое *«грех»* я не знал, спрашивать стеснялся, слово *«умножать»* тоже мне было незнакомо, а задавать вопросы тёте Шуре я стеснялся. Меня устраивало её отношение ко мне и я быстро забывал об этих странных предостережениях крёстной матери к моей родной матери. Правда, я чувствовал, что моя мать после визитов к тёте Шуре меня нередко обнимала, что-то говорила ласковое, а иногда и прятала глаза, линии век которых краснели и становились предательски влажными...

Тётя Шура отличалась от тёти Мани и тёти Тани – маминых сестёр. Тётя Маня была громкой, говорила всегда очень

чётко, как диктор на радио, меня старалась не трогать, потому что была она женщиной крепкой и однажды чуть не свалила меня со стула, когда приветливо прижала к себе.

Я был лёгким как пушинка и сидел на стуле всегда очень непрочно, вот почему так оно и случилось. Тётя Маня испугалась и, растерянно вздохнув, наверное, сделала для себя какой-то вывод. Начала поглаживать меня по чубчику русой моей головы, который моя мать всегда аккуратно подстригала.

Тётя Таня обычно брала меня на руки. Сажала на коленки и разговаривала с кем-то, кто был рядом. Если никого не было, она просто раскачивала меня, мирно что-то напевала. Сидеть у неё на коленках мне было очень неудобно. Уже через минуту начинало ныть у меня в бёдрах, но слушать *мурлыканье* тёти Тани мне было очень даже приятно и я терпел.

Сочетание боли и удовольствия оказалось для меня странным *допингом*. Я мог долго наслаждаться, постепенно теряя сознание от боли, которая пронизывала мои ощущения, забирая реальность. Она неожиданно уходила куда-то в туман небытия. Тётя Таня замечала моё состояние не сразу, поспешно укладывала в кровать, думая, что я уснул. Очень удивлялась, когда почти сразу я *приходил в себя*.

Дядя Миша и дядя Коля – братья мамы, меня, жалкого шестилетку, привечали не так, как их сёстры. Дядя Коля обычно подхватывал меня на руки вместе с костылями или, выхватив их у меня, кричал: «Да брось ты эту ерунду к чёртовой матери!» Я боялся, что он поставит меня на мои соломинки-ноги и я тут же упаду и бормотал: «Дядя Коля... Я ж упаду!» Но он решительно повторял: «Упадёшь, встанешь! Куда ты денешься?..»

Тут уж за меня вступалась мать: «Николай, он же еще не может!» Тогда дядя Коля ставил меня, к моему жуткому ужасу, на ноги, подхватывал под мышки, наклонялся и, как

учат малышей ходить, делал со мной шагов десять, заставляя переступить шаг за шагом. Потом легко подымал вверх и сажал на стул, который стоял неподалеку. Он всегда забывал поднести мои костыли, и мать, принося их мне, говорила тихо: «Вот баламут-то какой, а?»

Дядя Миша – высокий, худой, совсем не такой, как дядя Коля – коренастый, лысоватый, с запахом водочного перегара. Брат мамы протягивал мне руку и говорил: «Как жизнь, Алька?» Я ответить не успевал, потому что дядя Миша подходил к матери и садился с ней рядом. Он бывал у нас на Красноармейском тупике довольно редко, но его приходы к нам в дом я любил.

Дядя Миша говорил мне, что мне надо бы научиться *играть на аккордеоне*, что дело это денежное. Что такое «денежное дело» я не знал, но верил в слова дяди, потому что он при этом мне доверительно и хитро подмигивал и приговаривал: «Я подарю тебе аккордеон, а ты *научись играть*».

Что такое аккордеон я знал хорошо, потому что наш сосед Яша, муж хромой Федосьи, лихо играл на большом аккордеоне, особенно когда был пьян. На дворе тут же собиралась толпа и все танцевали. Потом дядя Яша вставал, сказав: «А завтра на работу!» Беззлобно ругая жену, резко сжимал меха и произносил непонятное мне ругательство, как некую ритуальную фразу к одному и тому же действию: вставая и уходя домой...

Дядя Миша всегда приходил к нам с гостинцами для меня. Я был его племянником и моё понимание родства с ним и с тётёй Шурой было связано с вкусами, которые я получал от этих двух милых и незабываемых людей...

...Вдруг однажды передо мной появляется дядечка – молодой, улыбающийся, с каштановой шевелюрой и улыбкой, обнажавшей поломанный верхний зуб – кажется правый резец. Мать мне говорит своим грудным, глубоким голосом: «*Это твой папа! Он вернулся из Крыма и мы туда завтра поедим...*»

В моей памяти, представленной, как бесконечная вереница событий и случаев, спрятавшихся внутри меня, неведомо где, появился самый близкий человек, которого я никогда до этого момента не видел, даже не знал о его существовании! Мама приезжала ко мне в Бузовны, в санаторий, что-то говорила мне о каком-то «*папе*», но я *проглатывал это слово*, ожидая, что когда-нибудь, раз мама говорит о нём, он, *этот папа*, появится...

И вот он *появился*, показался мне человеком симпатичным, но почему-то был очень ко мне невнимательным. Он чаще разговаривал с бабушкой, которая, как оказалось, была его матерью, и моей мамой, которая, как я понял лишь много позже, была его женой.

Потом папа с мамой куда-то ушли, правда, через полчаса или час они вернулись и радостно мне сообщили, что сейчас мы все пойдём фотографироваться. Что это такое, я не имел ни малейшего представления. Не привычен задавать вопросы, я представил себе, что мы будем где-то что-то смотреть или что-то выбирать, тем более, что *папа* довольный сообщил, что у него есть уже билеты, которые он с моей мамой купил в какой-то железнодорожной кассе.

В общем, у меня всё смешалось в голове и я совсем не нал, что сейчас мы пойдём в фотостудию, совсем рядом с нашим домом и там нас сфотографируют, а потом, часа через три-четыре вручат фотографию, такую вот, какую я вижу сейчас, в свои семьдесят пять лет, на странице этой книги.

Мама надела на меня матроску и шорты, которые очень мне нравились. Я даже на секунду встал с кожаного, хрустящего, постанывающего при каждом прикосновении дивана, который стоял в большой комнате бабушкиной квартиры, рядом с книжным шкафом. Но ноги тут же заныли, и я снова забрался на диван, послушав его скрип. Мама уже была в платье, папа чистил пуговицу, потом поправил погон, на котором были узкие полоски, причесался и сказал: «*Я готов!*»

Надежда Георгиевна,
Зинаида, Борис
и Олег Юргановы
город Баку 1945 год

«Ты возьми Алика!» – тихо попросила мама, немного удивлённо глянув на папу, а он, как бы спохватившись, осторожно поднял меня и мы пошли на двор. Мы вышли и гурьбой прошли мимо соседских палисадников. Хозяева сидели на скамеечках и смотрели нам вслед молча и восхищённо. То было время возвращения фронтовиков и чувства были всегда добрыми и тёплыми. Я обнял папу за плечи. Мама шла рядом, придерживая его за руку. На шаг позади семенила бабушка. Потом она догнала папу и тоже, с другой стороны, взяла его под руку. Я сидел на папиной руке, кото-

рую придерживала бабушка, касаясь тыльной частью своей ладони моего бедра. Стало больно, но я молчал, оглядывая улицу Низами, на которую мы вышли со двора.

Мы прошли метров тридцать или сорок, направляясь к фотоателье. Был закат дня. На улице было тепло илюдно. Папа шёл размашисто, но не спеша и всё проплывало мимо моего взора – люди, взгляды, редкие машины. Вскоре мы вошли в ателье и бабушка подошла к какому-то дяде, что-то ему сказала. Он засуетился, показал папе кресло, которое тут же немного отодвинул от стены. Туда сразу же встали бабушка и мама. Дядечка начал *укладывать мои ноги на ноги моего папы*. Это было непросто. Мои ноги были очень тонкими, а коленки просто крохотными. Ноги отца, закрытые жесткой тканью галифе, нещадно кололись. К тому же он никак не мог сообразить расширить расстояние между коленями, чтобы там разместить мои ноги. Дядечка попытался просунуть мои ноги с некоторым усилием, и я поморщился. Отец ничего не замечал, мама с бабушкой тоже, а я сжал губы, как обычно делал, когда чувствовал боль. Фотограф заметил мою гримасу, поспешно извинился и тут же отошел в сторону.

Оглядев нас со стороны, он подошёл ко мне и занялся моими руками. Уложив пальцы моих ладоней крест-на крест, он вложил их в левую руку отца, локоть которой покоился на ручке кресла, покрытого белым холщёвым чехлом. Правой рукой отец придерживал меня, слегка оттопырив большой палец, за который неожиданно, в последний момент, когда *«вылетела птичка»*, схватилась мама. Через несколько минут снимок повторили, и мы возвратились домой.

Я долго не хотел снимать матросский костюмчик. Наконец, меня убедили снять его, переодеться во что-то очень простое и мы стали ждать такси.

Шли какие-то разговоры между мамой, папой и бабушкой. Мелькали слова «демократизация», «туберкулёз», «клуб

«Чкалов», «совхоз», «яблоки»... Лишь спустя время я понял, к чему эти слова были, но тогда я тихо лежал на диване и смотрел на мужчину, который был моим отцом, и всё удивлялся, что он ни разу ко мне не подошёл и не сказал мне ни слова. У меня была особая потребность в общении с ним, потому что это был *«мой папа»*, которого я впервые осознанно увидел летом 1945 года и с кем собирался ехать в неведомый мне Крым.

Неожиданно мама сказала, что приехала машина, и мы стали загружать вещи. Бабушка с нами не ехала. Она осталась на дворе, когда наша старенькая машина с шашками по бокам стала отдаляться от неё, стоявшей у калитки своего дома.

Совершенно не помню поезд. Я как будто заснул и пробудился уже в Крыму. Комната... Кровать... Моя... Я в ней лежал... На стене картина – нарисованы красные яблоки. В комнате аромат яблок просто ошеломительный, одуряющий, поразительно навязчивый. Он был везде в комнате и очень вкусный. Опустив голову, глянув вниз, я заметил под кроватью россыпи яблок с красноватыми боками. Достал одно. Вкусил. По рту разлился нежный сладковатый вкус.

Было раннее утро. День занимался очень быстро. Я сел на кровати и свесил ноги. Зашла мать. Она была отдохнувшая, свежая и красивая. Может ли шестилетний мальчик, сын женщины, которая была его матерью, залюбоваться ею? Не знаю. Помню, что я долго смотрел на неё, удивляясь чистоте взгляда и спокойствию черт лица тридцатипятилетней женщины. Такой её я никогда не видел. То, как она выглядела в Баку, было лишь сходно с её нынешним контуром лица и общими чертами облика. Теперь лик её наполнился красками, которые я никогда не видел...

Мы вышли за порог дома, в котором проживали, и я сел в старую коляску, которую припас отец, найдя её невесть

где. Мать толкала её по тропинке и мы приблизились к лесу. Костыли лежали у меня на коленях и, едва мы подошли к опушке, я их взял, слез с коляски и стал медленно идти по дорожке внутрь леса.

Никого не было. День уже стал жарким, и я неспешно, очень осторожно ставя костылики для каждого нового шага, двигался вперед. Видя, что я хожу без особых затруднений, мать сначала удивилась, но быстро к этому привыкла и чуть обогнала меня, пройдя в кусты. Может быть, ей надо было по нужде, и она углубилась в заросли. Я, очень медленно двигаясь на костылях, оказался на маленькой полянке.

Посередине полянки было много лесных орехов. Я опустился на землю. Положил рядом свои костыли. Орехи были рассыпаны, как будто кто-то уронил корзинку и не собрал их.

Сначала я попытался добыть сердцевину зубами. Не получилось... Тогда я оглянулся вокруг в поисках камня. Камня я нигде не увидел, лишь обратил внимание на торчавшую синюю, со следами ржавчины, ручку. На другой стороне ручки была укреплена головка, очень похожая на гантелю. Мне показалось, что это и есть то, что мне надо. На четвереньках я подполз к *«гантели»* и взялся за ручку. Рядом лежал орех и, предвкушая успешную добычу вкусной сердцевины, я, медленно, потому что *«гантеля»* оказалась тяжёлой, стал поднимать её обеими руками, примериваясь к ореху, который положил на поверхность пня.

Неожиданно раздался истошный женский крик такой силы, что я онемел. Так и оставшись с поднятой *«гантелей»*, я, стоя на коленях, не ощущал ничего кроме звона в ушах от крика. Я не мог сообразить, кто кричит, почему и причем здесь моя мать, которая бежала ко мне, перепрыгивая через кочки. Осторожно взяв из моих рук *«гантелю»*, она аккуратно положила её на землю, схватила меня, мои костыли и побежала к опушке леса...

Бои в этих местах были жуткие, и оружия в лесу еще

было достаточно много. «Гантеля» оказалась противотанковой гранатой, которая невесть почему не взорвалась, когда её кто-то в бою бросил. Наверное, она могла взорваться у меня в руках, разорвав меня на мелкие кусочки. Отец объяснил матери, что в округе множество детей с оторванными ногами и руками, пальцами и без глаз, потому что пока чистили от беспризорного оружия и боеприпасов территорию, где шли бои, местные пацаны успели наткнуться и хлебнуть лиха...

...С приближением осени я по возрасту уже был готов идти в школу. Меня никто не учил ни читать, ни писать, но мать в плохую погоду сидела со мной над букварём, который она захватила из Баку.

Я впервые почувствовал в крымском климате *нежное удовольствие*. Мне хотелось ходить, и хотя на костылях двигаться было очень непросто, я скакал, поджав ноги под себя. Там, где были концы берцовых костей, наверное, стали образовываться то ли шишки, то ли мозоли, не знаю, но боль притуплялась, и я чувствовал её навязчивые, отдалённые ощущения.

Я научился лазить по деревьям и делал это с большим удовольствием. Подружился с молодыми женщинами-сборщицами яблок в огромном яблоневом саду совхоза имени В. Чкалова, которые брали меня собирать плоды.

В совхозе работали пленные немцы. Однажды отец взял меня с собой на строительство клуба, где немцы делали земляные работы. Они дисциплинированно стояли в строю, когда я подошёл ближе. Эта шеренга меня притягивала, как магнит. Я подошёл к солдату, который охранял пленных и дёрнул его за винтовку. Повернувшись ко мне, он лениво спросил:

- Чего тебе, пацан?
- Дай ружьё, – сказа я шопотом, – я застрелю вон того...
- Иди, иди... Солдат строго посмотрел на меня.

Высокий немец, которого я «выбрал», отошёл в сторону от товарищей и приблизился ко мне. Что-то бормоча на своём языке, он заграбастал меня вместе с костыликами и стал показывать фотографии, которые вытащил из нагрудного кармана. На картинках были изображены мальчик, пожилая и молодая женщины, дом с полисадником. Его окликнули. Он осторожно опустил меня на траву и ушел в сторону шеренги. Отец подошёл ко мне, легонько дал мне под затылок и сказал: «Ты бы шёл домой, вон мама идёт... Тоже мне, мститель...» Подошла мать. Мы медленно побрели с ней в яблоневый сад, который располагался неподалёку от клуба.

Я молчал. Что-то внутри меня *случилось* после того, как пленный немец поднял меня на руки. То, что солдат охраны и немец так спокойно себя вели, меня сильно удивило. Я не понимал, что происходило вокруг и почему мой отец сказал мне эту фразу, смысл которой я так и не понял. Но когда мы с мамой вошли в яблоневый сад и я увидел на ветках множество спелых и больших плодов, моё воображение было переполнено этой картиной до такой степени, что я забыл всё на свете! Такого обилия яблок я больше не видел никогда в жизни! Мне приходилось на Кубани видеть яблоневые сады, но такие, как в Крыму, в совхозе имени В. Чкалова – никогда...

...К нам в Крым приехала бабушка. Она появилась у нас примерно через месяц или три после нашего отъезда из Баку. Она пробыла в нашем доме неделю или две и с приближением у меня первого учебного года уехала назад в Баку.

Мама воспринимала её приезд с недовольством, потому что бабушка требовала внимания, а отец был очень занят. Сама мама водила её на реку, в плодовый сад, но бабушка не испытывала особых восхищений от всего виденного. Она уговаривала отца вернуться в Баку. Я слышал её разговоры с ним и не понимал, зачем надо оставлять всё это великолепие и уезжать в город Баку?

Надежда Георгиевна, Борис, Олег и Зинаида Юргановы
Крым 1946 год

Маме было в Крыму, как и мне, хорошо и уютно, хотя она иногда признавалась отцу, что скучает по тётке Шуре, Тане и Марии. Наверное, мама была с ними в очень близкой связи, к тому же её тревожили те отношения, которые у тёти Мани и тёти Тани складывались с дядей Петей Шевыревым и дядей Колей Жуковым. Говорю об этом, потому что застал маму, читавшую письмо из Баку и плачущую над строчками. Я испугался, подошёл к ней. Она обняла меня и шёптом сказала только одну фразу: «Ну как же они страдают, Боже мой!»

То, что тётя Маня и тётя Таня были часто биты своими мужчинами, я видел не раз. Тётки приходили к нам на бакинскую квартиру мамы. Не часто, но навещались, жалуясь на свою судьбу. Обычно женщины мельком посмотрят на меня, лежавшего на кровати, и начинают горестно рассказывать о своих бедах. Мать слушала, кивала, иногда тоже с ними всхлипывала, на том всё и заканчивалось. Никаких чувств я не испытывал. Мне было жалко их, но мне и в го-

лову не приходило, что этих несчастных женщин надо как-то защитить! Мне самому доставалось от матери и я тоже плакал от полученных побоев, но я забывал о случившемся уже через полчаса. Жизнь-то продолжалась!..

...Настал сентябрь. Я подружился со многими ребятами, жившими в округе. Многие из них были покалечены по тем же причинам, о которых я уже писал. Один, как и я, ходил на костылях, потому что ему оторвало пол-ноги. Но он скакал смешно и быстро, совсем не как я, хотя вскоре и я научился перескакивать через кочки, опираясь на костыли. Как и меня, все в округе называли покалеченных детей «инвалидами войны».

Мы с мамой пришли в школу. Мама о чём-то говорила с директором, полной добродушной женщиной, которая, глянув в мою сторону, кивала, слушая слова мамы. Потом она подошла к молодой учительнице и сказала ей что-то, показав на меня. Та кивнула и подошла ко мне.

— Пойдём к нам... Она повела меня к группе малышей, которые стояли слева от здания школы. Было оно одноэтажным, построенным из белёных кирпичей. Малышня с любопытством на меня поглядывала, не говоря ни слова. Мы вошли в класс. Вместо парт стояли обшарпанные столы, старые стулья. Но на столах лежали новые тетрадки и карандаши. Учительница подвела меня к столу, за которым сидел одорукий пацан моего возраста.

— Артём, ты непротив, если Алик Юрганов с тобой посидит?

— Против! - неожиданно хмуро и даже дерзко ответил пацан. Учительница спорить не стала, повернула меня к столу напротив. Там сидела девочка с косичками.

— Её зовут Алёна, – сказала учительница, – садись сюда.

— А почему тебя зовут Алик? – спросила девочка. Я растерялся и не знал, что мне ответить. Учительница подошла к доске...

...Мой первый класс в Крыму научил меня немногому. Я стал писать, читать по складам и научился стоять у доски. Стоял я, опираясь на оба костыля, держа в руке мел и записывая буквы на доске, на уровне своего плеча. Через минуту я обессиленно опускал руку и начинал хныкать. Меня отпустили к парте...

...Мы вернулись в Баку к концу осени. Отца из совхоза отпустили, потому что, как я понял много позже, его уволили из Армии. Вышел приказ о всеобщей демобилизации, и ему надо было возвращаться в Баку. В этот раз я помню, как мы ехали на поезде. Я лежал на верхней полке и смотрел в окно. Мелькали сначала полуразрушенные посёлки, разбомблённые поезда, какие-то воронки. Наверное, то были следы войны, которые убрать не успели, а может, и вовсе не убрали...

Так вот... Приехали мы в Баку, наверное, в октябре или начале ноября. Поселились в маминой квартире на Красноармейском тупике. Отец, как я понял, стал работать на Бакинском телеграфе. Мама снова вернулась в Баксовет, но в этот раз в архив. Почему помню, потому что она брала меня к себе на работу. Пока ей не удалось еще договориться о школе на дому, мама не решилась оставлять меня одного. Изредка оставляла, но чаще брала с собой на работу.

Архив располагался в подвале здания Бакгориспокома, и она оставляла меня в комнате с большими полками, на которых лежало множество папок с делами. Между полками были широкие проходы, освещавшиеся светом из окна, нижняя кромка которых касалась тротуара, потому что помещения архива были полуподвальными.

Я подолгу сидел в одиночестве или иногда мама заставляла меня перелистывать толстые папки и нумеровать страницы. Я уже хорошо знал цифры, но писал коряво. Было противно исполнять эту работу и я делал её кое-как, за что мне от мамы нередко попадало...

Наконец, мать договорилась в РОНО о «домашней школе». Как она начиналась я описывал в книге: «Автопортрет любви без ретуши». Несколько строк оттуда.

«Для таких детей, как я, были организованы школы на дому. Прекрасно помню маленькую полутёмную комнату нашей бакинской квартиры. Стол, застеленный скатертью, чернильницу-непроливайку, стопки тетрадок и книжек. Помню и себя, сидящего на стуле на нескольких подушках... Жду прихода учительницы... Отворяется дверь и на пороге, в сопровождении матери, появляется маленькая седая женщина. Она снимает лёгкое пальто, внимательно в меня всматривается, подходит ближе, здоровается и садится напротив за наш «рабочий стол». Я даже помню, что звали её Мария Сергеевна Кочарова. Странно, но свою действительно первую по совхозной школе в Крыму учительницу я не помню, а вот Марию Сергеевну не забуду никогда. Не забуду её руки, всегда немного прохладные и чуть-чуть шероховатые, но всегда их прикосновения к моей голове или к рукам были нежными. Случилось так, что для Марии Сергеевны я стал последним учеником. Вскоре после окончания мною начальной школы она умерла, оставив в моей душе чувство любви к людям, к книгам, которые она называла «кладом сердец и мыслей»...»¹

Я могу себе представить, что такое в семье больной ребенок исключительно по своей собственной судьбе и опыту. Увидеть изнутри состояние своей матери не могу, хотя вполне понимаю, что она могла испытывать, видя меня каждый день в моменты, когда перед ней был уже не младенец и не малыш, плачущий от боли, а пацан семи, восьми лет, у которого появились некие свои интересы, оформлялись свои поступки, даже появились свои товарищи. Ничего,

1) Т. Юрганова «Автопортрет любви без ретуши» (роман). Минск, Издательство «Четыре четверти», 2006 г. стр.13-16

кроме слова «тревога», на ум не приходит, но это понятно! Тревога – состояние ума и чувств, вызываемых внутренним беспокойством разума, который не в силах опираться на некие стабильные признаки жизни, обещающие перспективы выживания и развития человеку, у которого *нет* тазобедренных суставов.

Мои ноги вертелись в разные стороны, я стоял, готовый упасть в любую минуту. Мне надо было немедленно сесть, потому что, встав на ноги, я испытывал нарастающую боль. Часто прорывались свищи, и я истекал гноем, при этом пропадал аппетит, я становился вялым, сонливым.

При этом законы развития моего ума никто не отменял, и мне необходимо было общение, некие взаимоотношения, которые хоть как-то развивали мой ум.

У отца были свои проблемы в 1948, 1949, 1950 годах. Он работал сутками напролёт. Когда он стал начальником мастерских и уполномоченным Министерства связи по Азербайджану, ему приходилось выезжать в командировки, и дома его не было как раз в такие дни, когда мать тоже уходила на работу, оставляя меня дома. Напряжённость в нашей семье нарастала, потому что нервная нагрузка увеличивалась у отца еще и по каким-то причинам, о которых я не знал тогда, и только теперь могу судить об этом определённо. Отца постепенно *выживали*, формально ссылаясь на отсутствие у него высшего образования, соответствующего тому рангу, который он занимал. К тому же его заработки никак не соответствовали уровню жизни, который складывался в Баку в те годы. Именно по этой причине меня иногда брала к себе бабушка, чтобы следить за моим питанием и обеспечивать мне вполне приличные условия жизни.

Часто болея, я «приходил в себя» в квартире бабушки – Надежды Георгиевны Юргановой, но потом, когда я возвращался домой на Красноармейский тупик, всё *укладывалось* в прежнее русло.

Родив Сашу, моего младшего брата, мать обрадовала и *подстегнула* отца. Он стал брать дополнительную работу в своих же мастерских.

На хоздворе за зданием мастерских были огромные завалы почтовых ящиков, которые требовали косметического ремонта, но по специальной технологии. То есть, их надо было вычистить от ржавчины, отшпаклевать и затем выкрасить в стандартный темно-синий цвет, принятый для городского оборудования почтовой связи. Отец, после окончания рабочего дня, оставался с друзьями и шпаклевал ящики. Потом обоим его товарищам эта работа надоела и он остался один. Хорошо, что шпаклёвка высохла, но ящиков было несколько сотен и надо было их покрасить.

Перед войной эти почтовые ящики сняли с точек, где они были закреплены, чтобы установить полученные новые, но этого не случилось, потому что началась война и в неразберихе военных лет руки не дошли. Новые ящики хранили там же, куда сбросили старые, и они постепенно превращались в металлолом.

Одним словом, отцу удалось выбить финансирование косметического ремонта ящиков и он обязан был нанять рабочую силу, специально под программу восстановления этого оборудования.

Отца можно понять. Будучи начальником мастерских и сумев выбить средства на восстановительный ремонт, он решил своими силами всё сделать и заработать для семьи денег. Мне кажется, я помню, как он исхудал и просто устал от этой бешеной гонки за заработками. Мать жалела его, уговаривала утомиться, не надрываться до такой степени, что он буквально валился с ног у порога дома.

Отец упрямылся. Он был страшно горд тем, что мать родила ему второго мальчика, но требовались деньги! Он очень хотел поддержать мать после родов и во время кормления малыша. Когда друзья отказались помочь отцу с ремонтом

почтовых ящичков, он стал брать меня к себе на работу. Но брал-то он меня к себе с утра! А как же иначе? Специально ездить за мной вечером на Красноармейский тупик, чтобы я, девятилетний пацан, мог красить ящички?

Я целыми днями бродил по его мастерским, а после окончания рабочего дня, когда все работники расходились, мы с отцом начинали свою работу.

Красить почтовый ящик дело нехитрое, но окрашивать его надо было иной раз по два, или по три раза. Краска была низкого качества и шпаклёвка быстро её впитывала. Приходилось снова и снова прохаживаться кистью по тем бокам, которые были отшпаклёваны.

Отец соорудил сушильную камеру, и ящик, после окраски, отправлялся в камеру. Через час ряды новеньких почтовых ящичков выстраивались на площадке заднего двора, а назавтра приезжала машина и забирала их для установки в те точки, которые давно были уже определены.

За четыре часа работы я так выматывался, что отец привозил меня домой почти бездыханным. От жуткого труда я буквально терял сознание, и мать забила тревогу. Отец ворчал, пытался мать успокоить, но куда деться от смертельной усталости подростка, который уже начал терять сознание, выполняя сумасшедшую работу.

Наконец, отец оставил меня в покое, но у меня возникло временное отравление дыхательных путей. Меня жестоко рвало, я стал плохо есть и мать совсем потеряла голову от тревоги за моё здоровье. Наконец, я немного оклемался и готов был продолжать эту чёртову работу. Мать была категорически против. Однажды, когда она ушла на работу, часа в три или четыре приезжает отец и, хитро мне подмигнув, сказал:

— Поможешь, а, сынок?

Мы приехали с ним на площадку, на которой были тридцать последних ящичков. Довольно быстро я почувствовал себя плохо и, едва дыша, попросил отца отвезти меня до-

мой. Он был настолько увлечён, что не замечал моего состояния. Наконец, он закончил работу и мы приехали домой уже под синий бакинский вечер.

Мать была дома и бессильно плакала. Она поняла, что случилось, и устроила отцу жестокую истерику. Я понимаю, что мать была права, увидев меня бледного и вялого, но случившийся скандал придал мне сил и я в оба глаза смотрел, как жестоко и ужасно громко ссорятся два человека. Наконец, они утомонились, но назавтра, придя с работы, отец увидел записку от матери. Я не знаю и никогда не знал, что там было написано. О содержании записки могу только догадываться по результату, который случился у меня на глазах.

Прочитав записку, отец безвольно сел на стул и... молча расплакался. Я впервые видел, как плачет мужчина. Что же случилось? Спрашивать я не решился. Когда тебе девять лет, в дела взрослых лучше не влезать. К тому же меня всегда поправляли, когда я проявлял любопытство. Отец подошёл ко мне, обнял за плечи и сказал охрипшим голосом:

— Мама ушла... От нас ушла...

— Куда, — спросил я тихо... Отец молча дал мне мои костыли и мы вышли с ним во двор. Мы пересекли его быстро, насколько я мог, и вскоре вышли на Красноармейскую. Но идти я не мог. Я готов был проходить такое расстояние, как от моего двора до двора Вовки Рыжего. Но мы прошли уже два или три таких расстояния, идя неведомо куда! Я остановился, повиснув на костылях.

Отец сел на высокий парапет, бывший первым ярусом улицы, пересекавшей Красноармейскую. На бровку парапета выходили входные двери и порожки квартир, выстроенных еще до революции. Он усадил меня рядом с собой, поглаживая по моему чубчику. Молчал. По его щекам текли слёзы.

О чём он думал в эти минуты, не имею ни малейшего представления. Наконец, он, жалостливо глянув на меня, спросил:

— До тётки Шуры дойдёшь? — Я невольно прикинул расстояние. Получалось, что совершить я должен почти *подвиг!* Такое расстояние я никогда не преодолевал, но, делать нечего, пришлось кивнуть. Отец тепло прижал меня к себе и мы встали. Я уже немного отдохнул и мы пошли вниз по улице Красноармейской.

Мы шли очень медленно. Я переставлял костыли, а вслед за ними и ноги. Было тепло, даже становилось жарко. Мне очень хотелось спросить отца, что написала в записке мама, но я не решался. Потом я забыл о своём желании, потому что с каждым шагом идти становилось всё тяжелее. Отец шёл чуть впереди, иногда останавливаясь и ожидая меня. Когда я его догонял, он снова делал несколько шагов и останавливался. Наконец, мы добрались до ворот двора, где жила тётка Шура и я, смертельно уставший, переступил перекладину больших ворот.

Мы прошли крытый, похожий на тоннель проход и оказались на дворе. Надо было еще пройти немного по двору, устланному кирпичами. Справа от меня показался крытый виноградниками дворик тётки Шуры. Мать оказалась там... Она сидела на широкой скамье под тенью виноградника, у входной двери в квартиру старшей сестры.

Я так устал от перехода, что был очень на мать сердит. Я считал, что она виновата в моих невероятных усилиях и наверное по этой причине я готов был сейчас упасть. Во всяком случае, с этой минуты прихода на крохотный дворик у квартиры тётки Шуры я больше ничего не помню. Моим последним впечатлением было то, как тётка Шура, отодвинув вскочившую со скамьи мать, подхватила меня *на руки* и отнесла в дом. Она положила меня на кровать Валентина и я почти мгновенно заснул...

О чём говорили мои родители в том крохотном дворике под крышей из переплетённых веток винограда, я не знаю. Помню только, что мать, когда я засыпал, что-то отцу выговаривала своим звонким, сильным голосом.

Когда я возвращался домой, выспавшийся и отдохнувший, я уже не чувствовал себя столь убийственно утомленным, как сутки назад. Идти было гораздо тяжелее, потому что когда я двигался с отцом к тётке Шуре, Красноармейская шла вниз, но теперь мне надо было подниматься вверх! Рядом шли мама с папой, взявшись под ручку, а я ковылял вслед за ними. Так вот я учился ходить по улицам Баку, одновременно *созерцая* кризисы в отношениях моих родителей...

...Мать работала и ей надо было работу сохранить, чтобы прибавить к бюджету семьи и свой заработок. Наверное, она всё-таки пыталась изо всех сил устроить жизнь таким образом, чтобы я не оставался на целый день без внимания, но было это сделать очень непросто!

Тётка Шура, как могла, помогала ей, но *что она могла?* На её руках была приёмная дочь Алла, старше меня на год или два. С войны уже два года, как пришёл младший сын Юрий и работал на каком-то заводе. Жил он дома у матери и встречался с девушкой, на которой вскоре женился. Она тоже поселилась у тётки Шуры. Постоянного ухода и внимания требовал Валентин — эпилептик.

Нет, тётке Шуре явно было не до меня! К тому же в стране после войны было сотни тысяч искалеченных войной инвалидов, внимание к которым у могучего государства было скудным, хотя эти люди только что выиграли войну своими руками и ногами, теперь оторванными и покалеченными.

Я видел инвалидов каждый день. В поисках копеечной милости населения, они въезжали на маленьких деревянных платформах в наш двор и просили подаяния. Не было пенсий, а если они и были, то сущие крохи, потому что страна была в полной разрухе. Рядом с ними иногда стояли дети, которые собирали копейки, когда покалеченный дядечка что-то пел или рассказывал, жалостливо поглядывая на всё пространство нашего двора, на котором обычно никого не было.

Я слушал эти песни, рассказы-жалобы на жизнь и представлял

себе, каким высоким или не очень был бы этот человек, если бы встал на ноги, которых уже не было. Когда инвалид сидел на платформе с подшипниками и держал в руках деревянные «толкачи», мне хотелось подойти к нему и положить в его фуражку хоть бы копейку. Но у меня денег никогда не было, да и подходить к просящему на своих костылях было неловко.

Через несколько минут, закончив петь или играть на баяне, инвалид, отдав инструмент мальчику или девочке, а то и тётке, которые его сопровождали, отталкиваясь от земли, направлялся к воротам у входа-выхода из нашего двора.

Я видел, как он неловко *переваливал* через перекладину калитки и, поворачивая налево или направо, по улице за воротами, исчезал из моего взора...

...Когда мать или отец начали задумываться о моём будущем? Были ли они уверены, что мне удастся выжить? Оптимизм исчерпывался едва мне становилось хуже и меня забирала «Скорая», отвозя в больницу после очередного, как правило детского, инфекционного заболевания. Но потом меня привозили домой, и я снова оживал, вступая в «*систему обязательств*», которые накладывались на плечи пацана восьми, девяти, десяти, одиннадцати лет от роду.

Я перенёс корь, дифтерию, скарлатину. Ангины меня преследовали регулярно, но я выживал. Снова ко мне приходила Мария Сергеевна Кочарова и мы одолевали программу начальной школы.

При этом я умудрялся что-то усваивать в этой программе, что-то решать, что-то писать и что-то читать. Разумеется, не так чтобы я делал завидные успехи, но всё же, я осваивал грамоту и решал задачи.

Моя бедная мать не знала что делать? У неё на руках был мальчишка, который мог остаться беспомощным калекой, лишённым возможности зарабатывать себе на жизнь. А тут у неё родился второй мальчишка, за которым следовало

приглядывать ничуть не меньше, чем за инвалидом – старшим. При этом оставлять работу было нельзя!

Это пугало её неокрепшую душу до такой степени, что она металась в поисках выхода из тупика. Отец к этой ситуации уже относился спокойно. Он взирал на мою реальность с высоты человека, который при своих многочисленных недугах продолжал трудиться, бороться за свою правду, зарабатывать деньги в условиях, когда начались тайные интриги *начальства* на фоне скрытых политических противоречий в Азербайджане, о которых я уже писал. Мать не могла отдать ситуацию со мной на «*откуп*» некой будущей реальности, которую я, когда вырасту, «*разруливал*» бы самостоятельно.

По-видимому мать считала, что каждый день моей жизни или приближает или отдаляет моё жизненное благополучие. Если я ничего не делаю из того, что «*должен*», то в некоем моём *будущем*, как ей казалось, возникают неслыханные проблемы, которые я никогда «*там*», в этом «*будущем*», решить не смогу. А раз не смогу, значит не выживу. Именно такими категориями – *выживу-невыживу* – оперировала мать.

Она была уверена, что меня надо заставить «*теперь*», «*здесь*» и «*сейчас*» что-то делать важное и необходимое. Что такое это *важное* и это *необходимое* знала только она!

На первый взгляд, то были уроки. Таблица умножения, чистописание, чтение, потом программа пятого класса со всеми теми предметами, которые я изучал. Но вопрос всё равно оставался: знала ли она, как я мог в будущем выжить, если сегодня, сейчас, я едва ходил, передвигаясь на своих костылях, ковыляя или даже скача изо всех сил вместе с пацанами, которые с удивлением смотрели, как я ловко играю в футбол на *четырёх ногах*.

Разумеется, как и все дворовые пацаны, я ленился, делал домашние задания «*спустя рукава*», мало читал и вообще не проявлял рвения в учёбе. Моя начальная школа на дому была полна тайн и стрессов, и моя учительница Мария

Сергеевна Кочарова могла только догадываться, сколько раз я переписывал домашние задания в моих тетрадях, подчиняясь грозным требованиям моей матери.

За обзор того, что и как я сделал из заданий, оставленных моей учительницей, мать садилась, придя с работы. Почти сразу же мне приходилось написанное переделывать. Теперь я сидел над второй тетрадкой, куда вносил исправленные упражнения по чистописанию. При этом мать переписывала заголовок тетради, наблюдала за моей аккуратностью. Потом доходило до тетради по арифметике. Там тоже было немало ошибок и мне приходилось *переписывать и пересчитывать* решения задач. Потом наступало время чтения. Мать заставляла меня перечитывать текст снова и снова, пока я не добивался чистоты произношения и нормальной скорости чтения.

У меня немела *задница*, ныли места, где когда-то были бедренные суставы, но мать была *непреклонна*. Конечно, переписывание работ производилось не *роботом*, а *мною*, поэтому ошибки появлялись снова, сопровождаемые моими слезами и подзатыльниками матери.

Вспоминая сегодня все эти неслыханные экзекуции, я безумно жалею женщину, судьба которой была полна таких тяжелых испытаний. Я и в самом деле не знаю, надо ли было *так* меня мучить и получилось ли в опыте моей матери воплощение её отчаянных желаний сделать из меня старательного мальчишку. Теперь, в свои нынешние семьдесят пять, я готов только *благодарить* её за такие *мучительные* старания.

В своей начальной школе я оставался таким же разгильдяем, каким был и в средней школе. Только, *завершая* школу высшую и то по ненормальным канонам – за три года вместо пяти, с защитой диплома – я извлёк из своего повзрослевшего сознания все те возможности, которые у меня не проявлялись в школе начальной...

В любом случае, мать наверное интуитивно догады-

валась, что нельзя было оставлять «*на самотёк*» всё, что происходило в доме по адресу – Красноармейский тупик, где я тогда жил, учась в школе на дому. Мой пацанский опыт отразил то развитие, которое осуществилось в моём сознании, пребывая под неусыпным надзором моей матери. И всё же не всё ей удавалось проконтролировать! С восьми лет я чуть было не начал курить... Этот факт случился совершенно случайно.

Однажды в наш двор зашёл неведомый мне пацан – Вовка Рыжий. Я его никогда не видел и теперь очень внимательно его разглядывал из окна коридора, где я сидел на сундуке. Наверное, тем я и привлек его внимание. Он быстро подошёл к моему окну и спросил своим хриплым голосом:

– А ты кто такой?

– Меня зовут Алька, – растерянно ответил я.

– Алька? А что ты сидишь? Идём поиграем, Алька. Ему было лет восемь или девять. Он улыбнулся и я заметил его грязные зубы. Ровные, со следами смолы, которую часто жевали пацаны в то время.

– А я не могу, – растерялся я.

– А почему, Алька?

– Ноги болят...

Он подошёл ближе, а я отодвинул покрывало и он увидел уже промокшую от гноя повязку на моей ноге. Умолкнув, он презрительно сплюнул и неожиданно спросил:

– Туберкулёз? – Я кивнул... Ладно, – сказал Вовка. – Я тут по делам оказался... Он побежал к воротам нашего двора, махнув напоследок рукой в мою сторону.

Накануне мать хотела найти мне репетитора из числа старшекласников и мне подумалось, что этот мальчишка мог бы мне помочь с уроками. Был он старше меня на год или два, учился то ли в третьем, то ли в четвертом классе. Когда он пришёл в наш двор второй раз, дня через три или четыре и подошёл к моему окну, я спросил его.

Он ответил, что учится в четвертом классе. Я был на класс младше. Моя догадка мне понравилась и я сказал Вовке про эту идею с репетиторством.

Вовка Рыжий относился к той категории людей, которые никогда не терялись и, я думаю, что это стало решающим моментом в *завязывании* наших отношений, которые развивались и дальше. Узнав, когда моя мать придёт с работы, обещал прийти. Махнув рукой, убежал, пересекая наш двор.

Почему мать поверила ему, а не Милке Бутузовой, которая училась в школе на два класса старше меня, я не знаю. Ну с Ирой понятно! Однажды при моей маме она стала *нести* такую околесицу про инопланетян, что стало ясно – у нее «*крыша поехала*!» А вот Вовка Рыжий пришёл к маме по душе.

Вовка явился к нам на следующий день. Моя мать посмотрела на него сначала с некоторым подозрением. Он и в самом деле был огненно-рыжим, с огромными конопушками на лице. Но на дворе был пятидесятый год и *запущенных* пацанов в нашей округе было пруд-пруди! Мама почему-то спросила его про таблицу умножения, потом дала простенькую задачку. Вовка справился без труда. Короче говоря, мама решила, что Вовка Рыжий сможет мне помочь. К тому же она в глубине души лелеяла надежду, что, приходя ко мне, Вовка Рыжий будет не просто скрашивать моё одиночество, но и вовлечёт меня в некие «*умные разговоры*», которые окажутся для меня полезными. Да я и сам заметил, что речь у мальчишки была хорошей, он быстро читал, говорил с хорошей дикцией. Откуда это у него, я не задумывался.

Как оказалось, у Вовки Рыжего были свои проблемы, очень сходные с моими. Его отец вернулся с войны больным туберкулёзом. На работу его не взяли, не знаю почему, и он стал зарабатывать на жизнь, изготавливая гипсовые модели животных для продажи. Это были массивные копилки, которых, как ни странно, покупали, давая хоть и копейки, но «*живые деньги*», не облагаемые налогами.

У Вовки была сестра Лёля и мать. Жили они через два или три двора от нашего, в таком же тупике, похожем на наш. Обычная семья русских, приехавших в Азербайджан в самом начале XIX века. Родители Вовки выживали как могли и было им трудно так же, как и нам. В поведении этого мальчишки можно было найти целый букет *сюрпризов*, которые он начал демонстрировать мне, когда наши отношения стали как-то складываться. Одним из них было его *курение*.

Когда моя мать согласилась с приходом Вовки Рыжего в наш дом, он старался вести себя прилично. Во-первых, мы его кормили, показывая своё расположение к нему. Тётя Таня относилась к нему очень тепло, а мама сочувствовала, уж больно неухоженным он выглядел. Она не знала, что у отца Вовки – туберкулёз, но Вовка простодушно сказал ей об этом, добавив, что у него есть младшая сестра. Однажды он даже привел её к нам в дом. Девочку тут же накормили, играли с ней, пока мы с Вовкой занимались арифметикой.

Однажды Вовка пришел ко мне, когда дома никого не было. От него сильно пахло табаком. На мой вопрос, что это он, курил что ли? Вовка кивнул и вытащил из кармана папиросу. Ему только исполнилось десять лет, а мне было только девять и, разумеется, я подумать не мог о таком «*вольномудстве*». Вытащив папиросу, Вовка сложил мундштук в модный излом и воткнул в свой рот. Я предостерегающе поднял руку. Еще не хватало, чтобы он закурил и оставил в квартире запах табачного дыма. Он сморщился, сказал, что не будет, но папиросу с собой не взял, оставив её на столе.

Минут через пятнадцать он ушёл, а я папиросу нашёл на полу, рядом с сундуком, на котором лежал. Испуг мой был так велик, что я, неведомо как, набрался сил и, встав на костылики, поднял папиросу и вышел на двор, чтобы выбросить её.

Так я и сделал. Папироска упала неподалеку от нашей калитки. Я стал поворачиваться к двери и поковылял домой.

Мои «манёвры» заметила тётя Шура Бутузова. Видя, как я передвигаюсь на костылях, она похвалила меня за «резвость». Уже подымаясь на ступеньку дома, я услышал, как она разговаривает с моей матерью, которая только что вошла во двор, проходя мимо квартиры Бутузовых к нашему порогу.

Моему ужасу не было предела. Я доковылял до сундука и, тяжело дыша, устроился на нём. В коридор вошла мать. Она радостно меня оглядела, поняла по-своему моё волнение и похвалила за старания. Всё объясняется просто: я впервые вышел за пределы дома, впервые преодолел две ступеньки, которые вели из дома за палисадник, впервые поднялся в дом с улицы. Я чувствовал, как рада была мать, и готов был уже гордиться собой, своей «резвостью», как сказала тётя Шура Бутузова. Однако мои руки пахли папиросой! Этот предательский запах, который мог меня выдать, хотя ничего предосудительного я не сделал.

По-видимому мне надо было вымыть руки, но это было непросто. Встать с сундука, пройти к раковине, взять мыло и вымыть руки я не мог *физически*. Моя «резвость», которую я проявил накануне, *извлекла* из меня все силы. До ужина оставалось еще время. Мать обычно ждала отца с работы и мы садились ужинать *все*. Вот-вот мать могла подойти ко мне, чтобы проверить мои уроки и тогда её тонкий нюх уловил бы запах табака, оставленный папироской на поверхности маленького столика, за которым еще час назад, с её мундштуком, *куражился* Вовка Рыжий.

Меня одолела сонливость. Уставшее тело и ноющие ноги окончательно меня доконали и я почти стал засыпать. Это встревожило мою мать. Она подошла ко мне, положила свою ладонь на мой лоб и спросила не болен ли я? Я спохватился и завертел головой. Она наклонилась ко мне, подозрительно вглядываясь в мои глаза. Я растерялся. Что она могла увидеть в моих глазах? Непроизвольно двигая ноздрями своего красивого носа, она неожиданно

строго спросила:

— Табак? Откуда? Ты что курил? – Не дожидаясь ответа, она наклонилась ко мне, желая вдохнуть «запах», но тут вошёл отец. Мать выпрямилась и сказала:

— Алик кажется закурил...

Нетрудно представить содержание «*немой сцены*». Я ошалело смотрел на мать, иногда переводя взгляд на отца. Тот застыл, глядя на меня недоумённо, мать отошла в сторону, подойдя к отцу. И тогда у меня вырвалась фраза, которую я пробормотал произвольно и помимо моих сил, за которую мне стыдно до сих пор, хотя прошло с того момента шестьдесят четыре года. Фразу эту я помню до сих пор, хотя казалось бы по всем законам я должен забыть её напрочь!: «*Это не я, это Вовка Рыжий!*»

Многое, если не всё, происходившее в детстве или в раннем отрочестве, подвергается забвению. Уж во всяком случае, *большинство* из реально происходивших событий *переиначивается*. Толща лет давит с такой силой, что казалось – невозможно сохранить оригинальный отпечаток факта, который случился в самом деле. Но в жизни каждого из нас *происходившие* события, пропав куда-то, чтобы уступить место новым, просто временно *проваливаются*, чтобы потом, в нужный момент, как правило к концу жизни, *пробудиться* с единственной целью – стать *объяснением* для вновь возникших *причин*...

Вовке Рыжему запретили появляться в нашей квартире. Мотивы были самые *благородные*, потому что *курение было злом*, которое ассоциировалось с моей подачи, с именем этого человека и, конечно же, рассматривалось моей мамой не иначе, как *преступное деяние*. Но с того дня я, ощутив жуткую вину перед Вовкой Рыжим, должен был окончательно встать с постели и пройти в его дом, чтобы предупредить о грозящей ему *опасности*, пожелай он навестить меня.

Назавтра я, преодолев наш двор, потом метров двадцать

улицы, добрался до двора, где, как я догадался с туманных слов моего приятеля, он жил. Моему появлению Вовка не удивился. Он сидел и красил спину только что изготовленного его отцом гипсового *кота*. Рядом сидела сестричка, что-то лопоча, играя тряпичной куклой. Я всё ему рассказал. Он деловито кивнул и, не отрываясь от работы, сказал:

— Ты видишь, я сейчас занят... Теперь знаешь, где я живу, так? Приходи... Он вытащил из кармана пачку «Беломора» и, сильно дунув в мундштук, поджёг спичкой табачный конец папироски. Напомню, ему было тогда одиннадцать лет, а мне десять...

С той поры мы стали общаться с Вовкой регулярно. Это был обделённый счастьем пацан, жизнь которого была полна забот. Умер он очень рано, уже когда я уехал из Баку, прервав своим отъездом в Россию наше с ним общение.

У него тоже возник туберкулёз лёгких и он тяжело заболел, оставив этот бранный мир, так ничего особенного в этой жизни и не достигнув. Было ему, когда он умер, лет тридцать пять или сорок, и я даже не знаю, чем добывал он средства на жизнь. Но тот миг, когда, спасаясь от казались бы неминуемого наказания, я произнёс его имя, забыть мне не удалось...

...Работая в Баксовете, моя мать, когда я ещё учился в школе на дому, имела возможность приносить домой книжные обложки, перетянутые добротной тканью. Когда-то под этими обложками хранились уже утратившие ценность фолианты, которые теперь просто отрывали и выбрасывали.

Наверное, с подачи какой-то практичной коллеги мать решила эти обложки приносить домой, чтобы, обработав их в тёплой воде, вытаскивать ткань из-под размякшего картона. Затем этот кусок простирывался и получался аккуратный фрагмент очень приличной ткани. Он высушивался, проглаживался утюгом, шивался на машинке по краям с другим таким же куском ткани и можно было сделать

вполне прилично выглядывшую простыню или занавес. Послевоенная разруха делала людей очень изобретательными!

Эти обложки лежали в углу тёмной комнаты нашей квартиры довольно долго. Уже погиб Николай Жуков, вслед за ним ушла сама по собственной воле мамина сестра тётя Таня Юрьева. Мы жили всё в том же доме, всё в той же квартире, которую матери не терпелось украсить этими кусками обработанной и сшитой ткани.

Однажды она налила воду в большую жестяную ванну и положила туда обложки *размачивать*. По «технологии» матери, обложки должны были мокнуть дня три или даже четыре. У меня были летние каникулы и я не знал куда себя девать. Я уже достаточно много *бегал* по тупику, играл в ножики, чижик, футбол. Объясню...

У меня был обыкновенный кухонный ножик, найденный на улице, который я тщательно зачистил наждачкой. В нескольких местах тупика были глиняные *проплешики*, в которые мальчишки или банально писали, чтобы размочить глину или наливали воду, немного перемешивали и начинали играть в ножики.

Бросая нож в кучку глины, надо было воткнуть свой так, чтобы он, задев нож противника, сбил его, и тогда ты имеешь право на этот нож. Но мы обычно не выражали притязания, а обменивались *заменителями*: конфетами, например.

Была в этой игре и особая экзотика. Вовка Рыжий однажды уговорил меня сыграть «*на желание*». Он честно сказал, что его желание добыть немного денег, но так, чтобы ничего при этом не делать! Я не знал, как этого можно добиться. Он объяснил мне, что всё очень просто. Вот если бы я открыл свои раны, сел на тротуар у входа на Верхний Базар, то народ стал бы мне бросать в шапку «*пятаки кучами*». Затем мне *не понравилась*, но Вовка стал уговаривать. Я отнекивался, тогда он предложил сыграть в «*ножики*». Я согласился.

Играл я хорошо и был уверен – не проиграю! Но я ошибся.

У Вовки был некий особый навык, о котором я не догадывался, и уже через пять или шесть бросков, он выиграл «желание». Пришлось идти «на заклатие».

Вовка вымазал мне лицо грязью. «Это чтоб тебя никто не узнал», - деловито прокомментировал он свои действия. Накинул на меня невесть где добытый балахон, надел старую вонючую кепку и посадил на солнечной стороне улицы, рядом с Верхним Базаром. «Ты открой свои свищи и что-то протяжно пропой. Ну, например: «По-дай-те-е-е-е ми-лостыню-у-у-у, Христа ра-а-ади-и-и-и!» Я попробовал. Мой *искуситель* оказался доволен: «Точно! Как будто всю жизнь на пропитание собирал...», - сказал он серьезно, и «спектакль» начался.

Я вошёл во вкус. Протяжно постанывая, иногда отгоняя от ран налетевших мух, я жалобно просил *милостыню*. Вскоре шапка стала наполняться пятаками. Люди подходили, бросали мелочь, иногда в шапку падали потёртые рублёвки, и я даже должен был приподымать края фуражки, лежавшей на земле, чтобы «добыча» не рассыпалась.

Вовка стоял за углом, поглядывая на меня, и, наверное, как и я поначалу, тоже трясся от страха. Нищих вроде бы не отгоняли. Но кто знает, как посмотрит милиция, если увидит? Да и взрослые пацаны, кто-нибудь запросто мог прихватить кучу мелочи у *нищего* и утащить добычу!

Вдруг Вовка подбежал ко мне и с хрипом подхватил подмышки: «Идём! Кажется я твоего отца видел!» Я похолодел. Мы двинулись к углу дома, у стены которого недавно стоял мой «охранник». Тревога оказалась ложной и мы стали считать *выручку*.

Набрали почти пять рублей. Это было по тем временам довольно много! Я сбросил с себя балдахин, который на меня натянул Вовка и отправился к нему домой, чтобы умыться. Пока я приводил себя в порядок, Вовка куда-то исчез. Я умылся под струёй дворового крана, быстро обсох

и стал ждать товарища.

Вовка пришёл быстро. От него пахло пивом. Как одиннадцатилетнему пацану продали пиво, для меня оказалось загадкой, но дело не в этом. Мне и в голову не пришло, чтобы Вовка «угостился» без меня. Пива я никогда не пробовал, но «процесс» зарабатывания меня сильно увлёк и я мог считать своё участие в добыче денег делом достойным награды. «Тебе нельзя!» - деловито промолвил одиннадцатилетний пацан, громко отрыгнув...

Когда я вернулся домой, мать уже пришла с работы и деловито помешивала размокшие обложки книг, лежавшие в ванне. Картон уже сильно размяк и готов был легко оставить свою тканевую оболочку. Но этому надо было «помочь». Мать решила, что я, десятилетний мальчик, мог бы с этим справиться. Она осторожно отделяла ткань от размокшей картонной мякоти, показывая, как это надо делать, и приговаривала: «Аккуратно... Берём... Ни в коем случае не отрываем... Осторожно... Этот хвостик надо отодвинуть...»

Вошёл отец. Он вернулся с работы. Помыл руки. Спросил, что можно поесть. Мать оставила дела с обложками и накрыла на стол. Мы сели ужинать. Отец с любопытством на меня посмотрел.

— Сегодня я возвращался с Верхнего Базара... Хотел посмотреть там веточку кинзы... На земле, на Красноармейской, сидел пацан...

Я похолодел. Перестав жевать, смотрел на отца, как кобра на заклинателя. Отец продолжил есть, иногда прерывая свой рассказ. — Ну точно, как ты... Такого же роста... Перед ним на земле лежала шапка... Что-то он то ли стонал, то ли...

Я готов был сквозь землю провалиться. Мне казалось, что отец что-то уже удумал про меня и теперь только тянет время! Мать перестала есть, глядя мужу в рот.

— Это ж надо, так деньги у людей выманывать, - сказала она растерянно.

Я молчал. Изю всех сил стараясь выглядеть равнодушным к рассказу отца, я с бешено бьющимся сердцем сидел от него в двух шагах, спиной чувствуя взгляд матери, которая подошла к керосинке, чтобы положить отцу жареную картошку. Наконец, она села за стол.

— Бедный ребёнок, — пробормотала мать, — и какой негодяй заставил его совершать этот позор! На этом разговор закончился. Вечером, укладываясь в постель, я поклялся больше никогда не просить милостыню и уснул с лёгким сердцем...

На следующий день мне очень захотелось сделать матери приятное. Мой взгляд упал на ванну, в которой лежали сильно размокшие обложки. Быстро перекусив, я присел на колени и стал отдиравать ткань. Нетрудно представить мои неумелые действия. По натуре я был человеком нетерпеливым. Мне казалось, что я всё делаю правильно, но почему-то тканевые обложки чаще рвались, чем послушно избавлялись от картонной мякоти.

Короче говоря, из нескольких десятков обложек мне удалось избавить от размякшего содержимого всего лишь пятнадцать (а может и больше, не помню) кусков ткани. Я развесил ткань сушиться на створки распахнутого окна. Устав от трудов, я даже лёг на сундук и вздремнул.

Мать пришла с работы, увидев, как деловито я вытираю остатки воды с пола, которую не успел убрать, она спросила меня, что я делаю? Я бодро сообщил, что решил ей помочь и *отодрать* ткань от размокшего картона и мне это удалось, правда не очень. Я показал на окно, через створки которого были перекинута сушиться очищенные куски ткани...

...Я не сомневаюсь — семья моей матери всегда жила в нищете. В 1950 году в той квартире, где происходили описываемые мною события, представляла собой две комнаты, размер которых был квадратных метров двадцать или двадцать пять. Первая комната представляла собой достаточно узкий коридор длиной метров семь или десять

и шириной полтора или два метра. Вслед за этим помещением с входом посередине, без дверей, размещалась комната метров пятнадцать. Здесь стояла большая кровать, на которой спали мои родители, высокий шифоньер с пятью ящиками — сверху вниз — и справа — прямоугольной ёмкостью, закрываемой дверцей, внутри которой висели платья матери и отцовский костюм.

У стены стоял трюфель, а справа от него — моя кровать. Посередине комнаты стоял большой стол, столешница которого покоилась на мощной одинарной тумбе. За этим столом мы играли, кушали зимой, а я делал уроки, когда приходила учительница Мария Сергеевна Кочарова.

Стены комнаты были обклеены дешевыми обоями, на них висели старые литографские копии картин или полочки, на которых стояли мраморные слоники.

Рядом с моей кроватью стояла этажерка с тремя полками, на которых лежали и стояли несколько книг и стаканчик для карандашей. Мне кажется, что в этой комнате было довольно просторно, потому что никаких диванов не было, а вокруг стола стояли три венских стула. Пол был деревянный, крашенный розовой масляной краской. Хотя доски были хорошо подогнаны, но при ходьбе они тихо постанывали.

Всё выглядело очень обшарпано и примитивно, но так было едва ли не в большинстве квартир в нашем дворе. За редким исключением.

В комнате не было окон. Только в стене, которая разделяла коридор и комнату, было встроено что-то наподобие окна с подоконником. Через него хоть как-то проникал свет со двора. При безупречной чистоте в комнате можно было увидеть скромный уют, на котором и держалась наша квартира.

Помещение, которое я назвал «*коридором*», было условно разделено на две стороны. Слева было небольшое окно во двор с широким подоконником, на котором во множестве стояли горшки с домашними цветами. На полу у окна,

разделявшего коридор от жилой комнаты, стояли две керосинки. На одной, как правило зимой, грелась на маленьких огоньках буржуйка, обогревавшая коридор. На второй керосинке обычно приготавливалась пища.

На той же левой стороне, у окна, выходящего на двор, стоял широкий стол, а чуть в стороне, у стены – шкаф, в котором хранились посуда, специи, кухонные полотенца. Ложки, вилки, ножи хранились в ящике этого же шкафа. На стене висели еще и две полки, на которых стояли чайные чашки, блюдца, тарелки и прочая кухонная утварь, всегда чисто вымытая и аккуратно расставленная.

Дядя Коля приносил нам из литографии красивые календари или картинки, которые мама прикрепляла к свободным стенам кухни, чтобы хоть как-то украсить это пространство.

Справа от входа со двора в коридор стоял сундук внушительного размера, в котором хранилось домашнее барахло или лежали пересыпанные нафталином зимние вещи, ожидая времени сезона. На этом диване я обычно спал или сидел, когда приходило тепло и можно было перебираться из внутренней комнаты в коридор.

Мать обычно, приходя с работы, заходила во внутреннюю комнату, чтобы переодеться. Некоторое время она там возилась, потом выходила на кухню и бралась за приготовление ужина. Было примерно пять тридцать вечера. Отец должен был появиться через час или полтора.

Ничего не подозревая, я сидел на сундуке. Ванная, в которой два или три часа назад лежали размокшие обложки, с которыми я возился, была чисто вытерта, но я её не убрал – не знал, куда её деть.

Мать вошла на кухню в простом домашнем платье с короткими рукавами. На ногах были домашние тапочки, надетые на лиловые короткие носки. Она подошла ко мне и отвесила такую мощную пощёчину, что я слетел с сундука на пол. Поднимаясь, я попытался сообразить, за что

получил этот «*гостинец*», но так и не понял.

— Я тебя просила трогать то, что было в ванной? Её лицо исказилось от гнева.

Надо сказать, что была она женщиной очень возбудимой и взрывалась, как говорится, с *пол-оборота*. В этот момент она начинала ругаться матом, но однообразно и просто грубо. Пиком гнева был миг, когда она, утратив весь запас проклятий, обращалась к некоему словесному *атавизму*, который вмещался в речевой оборот, изложенный неправильно, но настолько *искренне*, что безоговорочно верилось – ей становилось после его произнесения гораздо легче!:
«*Будь ты анафема проклят!*»

При всей силе звучания этого словосочетания в *атеистическом* времени Советской власти, реальность угрозы сводилась на *нет* некой *бессмысленностью* проклятия. Однако *карающий* звук угрозы, заложенной в нём, прятался в жуткой интонации!

Ярость нарастала. В такие минуты мне, десятилетнему пацану, было конечно нелегко. Я начинал плакать, просить прощения и обращаться к обычной *дребедени*, чтобы хоть как-то умалить объём последствий, которые мог ожидать за свои проделки в такие минуты. При этом мать никогда не объясняла причин своей ярости, но она становилась *очевидной* уже через минуту.

В углу кухни стояло ведро, наполненное кусками размокшего картона, который я неудачно избавил от *драгоценной* ткани. В сознании матери до взрывоопасного объема сжимался факт моего *деяния*. Точнее *вредительства*, совершённого мною! Однако сам факт *требовал* избавления от разрушительной энергии, которая перетекала теперь в её руки, раздавая мне тяжёлые шлепки.

Неожиданно она вылила в ванну два ведра воды. Они стояли на полу у керосинок. Отец принёс воду утром, перед уходом на работу. Приказав раздеться, мать заставила меня лечь

в воду. Я подчинился. Две перевязки на ягодичных свищах остались на своих местах, быстро впитав воду. В это время мать вошла во внутреннюю комнату, вытащила с полки шифоньера отцовский военный ремень и вернувшись к ванне, с неслыханной яростью стала охаживать меня этим ремнём...

...Человеку нынешнего времени покажется абсолютно непонятным и даже нелепым, жестоким, заслуживающим осуждения этот акт вандализма и ярости. Но в 1949, 1950 году, мне было десять или одиннадцать лет и я вполне мог *понимать мотивы* изнурительной нищеты, которая окружала мою семью. Она была как удавка на горле, а усилия *выжить* прилагались всеми взрослыми.

Выживание забирало массу сил, уродовало эмоции, заставляло прилагать бесконечные старания, чтобы использовать малопригодные продукты питания, если не хватало средств, чтобы купить продукты добротные. Я не говорю о вещах, которые были страшно дороги и которых просто не было в магазинах.

Сам я вырос на «казенном счёте». Мне предлагалось, пусть в ограниченном количестве, но тем не менее и еда, и одежда, и уход, и лекарства, и тому подобное. Я ничего не знал о тех истоках бедности своей семьи, которая прозябала среди обыденной жизни, пытаюсь свести концы с концами. И я получал тяжкие удары ремня и пощёчины за это незнание или за свою бездумную легкомысленность. Итогом в рассказанном случае была *потеря шансов* моей семьи сделать, как тогда с досадой говорили взрослые, «из говна – конфетку». Я *уничтожил* в своём прекраснодушии тот минимум возможности сделать жильё краше, о чём искренне мечтала моя мать.

Устав, мать начала рыдать. Купая меня в холодной воде, поливая полосы от ремня на спине, животе и руках, которыми я пытался спасти себя от ударов, она вытерла меня насухо, поменяла перевязки на свищах, надела рубашку, штаны

и, оставив на сундуке, вылила содержимое ванны в ведро и пошла вылить воду в дворовую уборную.

Вошёл отец. Он приветливо со мной поздоровался. Я уже успокоился, но был еще напряжён. Зашла мать. Они о чём-то стали говорить и прошли во внутреннюю комнату, где отец собирался переодеться. Потом мы поужинали.

Назавтра было воскресенье. Мы встали довольно поздно. Я спал на сундуке, а мать с отцом в своей кровати во внутренней комнате. Мать растянула вдоль коридора верёвку и повесила несколько уцелевших после моих *стараний* кусков ткани из-под книг. Отец, не обращая внимания на эти куски, прошёл к столу, позвал меня.

Я встал, взял свои костыли, но когда я убирал с сундука постель, край рубашки поднялся. Отец увидел две багровые полосы, которые пересекали мою спину. Ничего не подозревая, я непроизвольно поправил подол рубашки, направился к рукомойнику, чтобы вымыть руки перед едой. Отца у кухонного стола уже не было. Он о чём-то разговаривал с матерью во внутренней комнате. Говорил он тихо, но я всё слышал. Отец, показав в мою сторону, спросил мать:

— Ты что, с ума сошла?

— Ты это о чём, - тихо спросила мать.

— Даже я никогда не размахиваю ремнём так, как это сделала ты, Зина! Разве так можно? У мальчишки вся спина в синяках!

— А ему можно? Неожиданно мать умолкла. Наверное, у неё перехватило дыхание от рыданий...

В свои десять или одиннадцать лет я испытал чувство жалости к женщине, которая, едва сдерживая себя, пыталась объяснить мужу ту правду, о которой он, как ей казалось, даже не догадывался. Мать наверняка в тот миг готова была казнить себя за содеянное, но объяснить теперь, спустя несколько часов, то, что она сделала, она не могла. Хотя скорее всего она была убеждена, что наказание, понесённое мною,

было *справедливым*.

Никаких объяснений не прозвучало. Мы сели за стол, молча позавтракали и я ушёл, ковыляя, к своему другу Вовке Рыжему. Я застал его плачущим, тихо и сдержанно. Час назад отец избил его палкой за то, что Вовка по неосторожности разбил две, уже готовые к продаже гипсовые кошки... Не помню, рассказывал ли я ему об экзекуции, пережитой мною, но буквально через минуту-две мы уже играли с ним в ножики, наслаждаясь хорошей погодой, солнечным днём, смачно ругаясь матом, при каждом удачном или неудачном броске ножа.

Кстати, *мат* звучал в нашем доме нечасто, однако без него не обходилось. Отец прибегал к нему лишь отчасти, при рассказах о неких безобразных поступках, совершаемых его противниками из числа коллег или начальства.

Мать ругалась *матом* только в моменты ссор с отцом или наказывая меня. Мне не кажется, что её можно было отнести к разряду интеллигентных людей. По роду службы она была рядовым чиновником, исполнявшим чьи-то указания или инструкции, требовавшие точного соблюдения. Она никогда на работе не повышала голос, не ругалась, не ссорилась, в то время как дома ей приходилось что-то громко доказывать мужу или мне, своему сыну.

Моя мать была человеком справедливым и честным. Она никогда не посягала на чужое, относилась уважительно к мнению людей, но если кто-либо из соседей обнаруживал притязания на её имущество, мама сильно обижалась и старалась с таким человеком не общаться. При этом она держалась в отдалении от этого человека годами, не веря в его извинения и готовность *исправиться*.

По натуре моя мать не была злопамятна, но если ей наносили обиду, она помнила об этом, хотя никогда не пыталась человеку отомстить. Добро моя мать помнила всегда и очень старалась заплатить за это добром. Однако она была

крайне чувствительна к лицемерию и лжи. Если случалось так, что кто-то её обманывал, она решительно протестовала, хотя и понимала греховность людей, не стараясь полностью рвать с ними отношения, особенно, если «*грешник*» был её *соседом*.

В трудную минуту мать была готова предоставить любую помощь, даже если сосед оказывался отъявленным негодяем, но, когда ситуация хоть как-то «*разрядилась*», мать снова принимала прежнюю позицию сдержанного общения с ним.

Жизнь моей матери и её характер, которые я описываю, формировались в Баку с самого рождения, с 1910 года, до тех лет, когда она уже окончательно уехала из столицы Азербайджана. Вряд ли жизнь её сестёр и племянников можно было бы назвать счастливой и безмятежной. Ничего подобного в годы Советской власти, по крайней мере для семей родового клана Юрьевых, проживавших в Баку, не было. Культурный слой повседневного бытия выходцев из Туровки, Тамбовской губернии, соседствовал и смешивался со средой, в которой мусульманские ценности переплавлялись в национальные бытовые привычки, отражавшие многовековую этническую реальность, разрешённую советскими властями, окрашенную в мусульманские тона. Ни мать, ни её родственники в эту реальность народа, который их окружал, не углублялись. В целом взаимоотношения между кланом Юрьевых и народом, проживавшим в Баку, были удовлетворительными. Хотя... У каждого человека в Баку, в зависимости от национальной принадлежности, отношения к смыслу времени, то есть зависимость от эпохи её идеологии, которую надо было постоянно *легализовать*, складывались свои *собственные* ценности и интересы, проявлявшиеся *ежедневно, ежечасно*.

Конфликты возникали! Но в Баку смесь этих ценностей обобщалась, приспособлялась под нужды, упрощалась, в целом номинируясь в доброжелательные отношения

между людьми.

В годы *кризиса*, социального напряжения всё становилось на свои места. Тогда эмоции избавлялись от нарочитости – необходимости приспособливаться под некий *навязанный* Советской властью стандарт. Так было в Баку, когда нас там уже не было. Я имею в виду события, случившиеся в столице Азербайджана в 1991 году...

...В начале пятидесятых мы уехали из Баку в Краснодар к отцу. Там я попал в городской противотуберкулёзный санаторий. С меня тёк гной и меня взяли на лечение. Санаторий располагался в маленьком помещении, но у нас была отдельная палата на пять коек. Так получилось, что я оказался самым старшим, и это обстоятельство «разбудило *соблазн*» командовать.

Тех из больных *пацанов*, кто мне не нравился, я, не стесняясь, называл презрительно и грубо, обращаясь к *матерному лексикону*. Тех же, кто был мне близок, я называл нормальными словами. Такая *выборочность* не казалась мне чем-то исключительным. Это была *обыденная* практика моего бакинского опыта дворовых отношений, продолжившихся в Краснодаре, когда я общался с местными кубанскими подростками. То, что в моей речи была словесная грязь, я не задумывался, потому что нечто подобное слышал из уст отца, матери, взрослых сыновей нашей соседки по квартире, которые уже пришли из армии.

Случалось, что мои «эскапады» слышали нянечки, сёстры, которые нас обслуживали. Мне пригрозили, что если я буду продолжать... Но я продолжал! В свои двенадцать лет я никак не мог понять, что надо держать себя *на привязи*, но у меня не было так называемого «*личного примера*», тем более, что все остальные мальчики, лежавшие в нашей палате, делали то же самое! Ругань и сквернословие были *обыденным* явлением *культурного слоя*, в котором я пребывал. В конце концов, «...*вышли мы все из народа, дети семьи трудовой!*...»

Поначалу, оказываясь среди девочек, я ничего подобного не слышал, но когда я услышал из уст матери брань, я с удивлением воспринял её, как *разрешённую* и уже не останавливал себя, правда никогда не позволяя себе материться в присутствии родителей.

Меня выписали из городского санатория в связи с острым дефицитом мест. Скорее всего врачи просто не знали, что со мною делать? Гной тёк и остановить его им не удавалось. Между тем, желая как-то меня приструнить, главный врач – женщина сказал моей матери, что моя словесная распущенность заслуживает самого серьёзного *порицания*.

Как водится, мать была очень удивлена, рассказала отцу, и дома состоялся разговор между мной и родителями. Я ничего лучшего придумать не мог и сказал им, что часто слышал все *негодные слова* именно от них! Я заметил, что это их крайне удивило! Так я стал свидетелем феномена *адаптации* к повседневной домашней бранной лексике, которая, будучи формальной культурной *непригодностью*, оставалась *номиналом* обыденного общения в *народном быту*.

Уже на следующий день после разговора с родителями я услышал, как мать бранила отца за какую-то провинность, случайно допущенную им. Отец не менее *экзотически* ответил. Баланс лексического *обмена* между супругами остался неизменным...

Отец и мать по-разному влияли на моё *культурное самоопределение*. К моему будущему отец относился очень прагматично, полагая, что я обязан усвоить какую-нибудь «*сидячую*» профессию. Мать к этому относилась иначе. Она располагала лишь опытом своего реального самоопределения. Рабфак, уход за детьми Шуры, работа в Баксовете... Всё это она *спланировала* в весьма ограниченный жизненный опыт, в котором главенствовали стандартные нравственные ценности.

Иначе говоря, она считала, что кем бы я ни работал, что бы ни делал, главное, чтобы я был *честен и справедлив*. Она считала это основным условием моего выживания, совершенно не представляя себе реальную ценность какой-либо профессии. Скорее всего это было связано с тем, что в свои сорок или сорок три года мать уже обрела постоянную роль домашней хозяйки, сильно сузив диапазон своего восприятия жизни.

Однако это же обстоятельство свидетельствовало и о другом. Она была лишена возможности оценивать те жизненные коллизии, в которые я попадал. В шестнадцать я пошёл работать на Бакинский телеграф, и мать, совсем не представляла, как складывается моя жизнь ученика вечерней школы и ученика слесаря-регулировщика телеграфных аппаратов.

Стали складываться мои личные отношения с друзьями-товарищами, о которых она не имела ни малейшего представления. Мать осознавала лишь факт появления в семье нового *добытчика*, строго следя за появлением той доли заработка, который прибавился в семейном кошельке в связи с моим трудоустройством.

С той поры я обрёл шанс *выстраивать* свою самостоятельность, еще не ощущая её, как устойчивую реальность, готовую *обслуживать* мои будущие интересы. Иными словами, я зарабатывал деньги, исправно отдавал их матери, даже не пытаясь прятать что-то в «*зачачку*». Мне было семнадцать, восемнадцать лет и мать, по-видимому, привыкнув к определенной размерности моей жизни: работой-работой, просто не думала о каких-то проблемах, возможных в моём положении инвалида.

Именно в этот момент случился конфликт, который привёл к первому акту разрыва моих отношений с матерью, мотивированного и осознанного мною, который мать немного *отрезвил*. Хотя, как мне кажется, этот конфликт так и не дал матери *возможность понять*, что именно ей, а не мне требу-

ется *переналадка* взаимоотношений. Но об этом чуть позже...

...Года за четыре до этого, в Краснодаре, произошёл случай, который я и сейчас не могу до конца понять, в котором агрессивность моей матери была объяснима только *драматическим* осознанием наступившей тогда в её жизни *бесперспективности*.

Как я писал, первый приезд отца в Краснодар был связан со слабой вероятностью у моей матери, продав бакинскую квартиру, купить такую же в столице Кубани. Ничего не получилось. За деньги, полученные в Баку, не удалось приобрести даже захудалую халупу, и пришлось остановиться на частной квартире.

То были тяжкие времена жизни, если учесть, что Краснодар представлял собой захудалый провинциальный городок, к тому же ещё со следами недавней войны.

Напомню, в 1949 году мать родила второго сына – Александра и приезд годовалого малыша, требовавшего ухода, и десятилетнего мальчика с непроходившими годами туберкулёзными свищами накладывали на неё тяжкие заботы.

Отец работал много и трудно, мать оставалась дома с двумя детьми. Забот было много, если учесть, что приходилось беспокоиться не только о младенце, но и обо мне. Я ходил на костылях в школу и из школы, и хотя мне не приходилось в краснодарской школе сталкиваться с такими дикими случаями общения с одноклассниками, какие были в бакинской школе, всё было для меня очень непросто.

Туберкулёзный процесс постепенно набирал силу и надо было попытаться получить путёвку в противотуберкулёзный санаторий, чтобы выжить. Этого никак не удавалось.

Отец только что приехал в Краснодар и начал работать. Врачи разводили руками и рекомендовали лишь те лекарства, что были в аптеках, и советовали добиваться лечения в санатории. Но куда бы родители ни обращались, ничего не получалось. Оно и понятно! Пять или семь лет назад

прошла война, и всё в Краснодарском крае медленно восстанавливалось.

Однажды мать предложила мне написать письмо в детскую газету «Пионерская правда». Завершался 1950 год, мне исполнилось 11 лет. Учился я в четвертом классе, потому что по приезде из Крыма мне пришлось не продолжить учиться в первом классе, а начинать свой первый класс начальной школы на дому с восьми лет.

Почти годовая переписка матери с официальными лечебными учреждениями СССР ничего не дала. Ответы были вежливыми, но отрицательными. Наконец, мать решила заставить меня самому написать *жалостливое* письмо в газету, накануне основательно проинструктировав. Я сел за письмо в редакцию газеты «Пионерская правда».

Надо признать, что мать всегда воспитывала во мне некую личную гордость, призывая не поддаваться жалостливому восприятию моего положения беспомощного, разбитого болезнью ребёнка. *«Ты убеждай себя в том, что у тебя достаточно сил, чтобы бороться с недугом, и не поддавайся болезни. Никогда не проси милостыни, какая бы она ни была – с протянутой рукой или даже если ты имеешь какие-то права на блага».*

Мать запрещала мне писать заявления дирекции школы с просьбой перевести меня в другой класс без экзаменов. Не думаю, что мне это очень *нравилось*, но администрация школы сама «наводила порядок», избавляя меня от переводных или выпускных экзаменов, что, кстати, было *положено* по закону. Узнавая об этом, мать ворчала: *«...Зря ты поддаёшься на слабость...»*

Но в этот раз всё было по-другому. Мать сказала мне, что газету читают миллионы и моё письмо, если оно будет опубликовано, заставит чиновников понять, что если тебе не помочь, ты можешь погибнуть. *«Есть же у них сердце!»* – с досадой сказала она и, усадив меня за стол писать письмо,

начала кормить маленького брата.

Я долго сидел и писал письмо. После нудных усилий я, наконец, закончил и попросил мать послушать мою *писанину*. Она присела рядом с готовностью послушать текст.

Конечно же, я не помню дословно, что было написано мною поздней осенью 1950 года в краснодарской квартире Екатерины Даниловны, у которой мы тогда жили. Могу только попытаться представить содержание письма. Это важно, потому что случившееся после прочтения не укладывается у меня в голове. Всё, что произошло тогда в моих отношениях с матерью, я запомнил на всю жизнь. Только сейчас на основе жизненной мудрости и опыта, я понимаю, что случилось с чувствами, эмоциями и психикой дорогого для меня человека...

Итак, письмо. Сначала я представился. *«Дорогая редакция! Пишет вам Юрганов Олег, ученик пятого класса средней школы №42 города Краснодара».* Потом я написал, что очень сильно болею. Получив *«разрешение»* от матери изложить мою болезнь *откровенно*, я постарался разжалобить тех, кто должен был читать моё письмо: *«Я болею с самого раннего детства. У меня уже нет тазобедренных суставов. Они все сгнили. Туберкулёз постепенно меня убивает».* Потом я решил прибавить к моим страданиям горе моих родителей, в первую очередь моей матери, переживания которой я решил изложить. Получилось примерно так: *«Моя мать много лет страдает вместе со мной...»* Одним словом, текст получился довольно слезливым, жалобным и, как мне показалось, очень убедительным.

Каково же было моё изумление, когда, услышав текст письма, мать пришла в *неописуемую ярость*. Она сильно ударила меня по лицу, потом стала колотить по спине и голове. Не понимая, за что, я проковылял в сторону и, плача от боли и обиды, смотрел на её разъярённое лицо с изумлением и ужасом!

— Сволочь поганая, – кричала мать, – да как ты можешь

называть меня этим словом? Я тебе – «мать»?

Я был в полном шоке! Не понимал ни секунды, почему она так *странно* говорит. Кто же она мне, *как не мать*? Схватив линейку, она продолжала колотить меня, приговаривая: «*Я тебе не мать, я мама!!!*» Поняв наконец в чём суть её обиды и ярости, я умолял простить меня, не в силах взять в толк, *какое отличие существует* между этими двумя словами – «мать» и «мама»?

Только теперь я понимаю, как жестоко жизнь и невзгоды, нищета и утраты *надругались* над чувствами женщины, которая, впервые родив ребенка, практически ни одного дня не прожила в *безмятежном* ощущении своего родительского *счастья*, которое, между прочим, *олицетворяется* и нежным обращением – «мама!»

Её душевные недуги начинались задолго до взросления, когда она, только родившись, сразу попала в жестокую реальность бакинской жизни, в полосу тяжких утрат – сначала отца, потом матери. Когда, обретая детство, моя мать с головой окуналась в лишения, чувствуя с младых ногтей и голод, и холод. Когда, испытывая нужду в тепле и ласке, она получала холод отчуждения от самых близких ей людей – сестёр и братьев, которые сами еще *нуждались* в том же, так и не получив внимания и участия, не обретая их, скажу совершенно откровенно, до *конца* своих дней!

Годы приближавшейся собственной гибели были *ощутимы* Зиной Юрьевой в подростковом возрасте! Когда скорее от страха за неё или из желания избавить себя и родню от хлопот возможных похорон угасавшей сестры Миша – родной брат – «*догадался*» отправить сестру-подростка в деревню Туровку, из которой приехал в Баку род Юрьевых. Зина Юрьева *догадывалась*, что *там* всё как бы само собой и *завершится*. Такое не забывается, даже когда всё закончилось благополучно...

Но самым жутким испытанием для Зины Юрьевой-Юр-

гановой было неведомо как полученное *её ребенком, её первенцем, её малюткой* по имени Алик заболевания с жутким названием *туберкулёз*, который сжирает сына уже одиннадцать лет! Не думаю, что моя матушка могла догадаться, что отец, как носитель *бациллы*, вольно или невольно мог быть виновником этого, но даже если она догадалась об этом, что это меняло? Советская медицина *не могла спасти* её ребенка от *страданий*, равно как в своё время и *её саму*, умиравшую от дистонии!

Теперь на плечи молодой, красивой женщины-матери легла такая жуткая тяжесть, она была настолько непосильна, что всё, происходившее со мной, казалось несправедливостью, убивающей и её, и меня! Оттого и происходили в её сознании нелепые превращения, истоки которых она пыталась найти в моих словах, казавшихся ей *оскорбительными* или *обидными*.

Много позже, видя меня, *преодолевающего* жизненные обстоятельства, чтобы выжить и состояться как личность, она стала воспринимать всё случившееся со мной *как некий свой грех*, который она где-то, когда-то совершила и в чём *несомненно* была, как она считала, *виновата*. Это годами преследовало её, не давая покоя, сверля её разум, подтачивая крайне чувствительную совесть.

В 1974 году, приехав ко мне погостить в Минск, где я жил и работал с моей женой Татьяной и двумя детьми Олегом и Игорем, она сказала мне почти такие же слова, голосом не оставлявшим сомнения в привычном и впитавшемся до самых корней волос чувством вины.

Я ошарашенно смотрел на неё, не понимал причин такого странного *самобичевания*. Но причина была в том, что тогда моя матушка уже стояла перед порогом в бесконечность и, наверное, уже начинала *подводить итоги*, хотя до её кончины оставалось еще десять лет. Через полгода она сильно заболела, но выжила, невольно дав мне *сигнал* о том, о чём

я даже не в силах был догадываться...

...То злополучное письмо со словом «*мать*», в котором, как ей наверное показалось, была растворена *желчь отчуждения*, что и вызвало её нестерпимую ярость и гнев, было аккуратно мною переписано, с исправленным «*мамочка*» и отправлено в «*Пионерскую правду*».

Вскоре я получил большой почтовый конверт, в котором лежала путёвка в кубанский городок Прочноокопск, где располагался противотуберкулёзный санаторий. Через два дня я уже лежал в большой палате с пятнадцатью такими же, как и я, больными парнями, которые страдали спонделёзом и туберкулёзным кокситом, в надежде выздороветь. Началась моя новая *каденция* пребывания без *матери*, а у неё наступил *невольный* отдых от тяжкого груза материнской ответственности за мою судьбу...

...Когда я вернулся в Краснодар из Прочноокопска, где меня *поставили на ноги*, я снова начал привыкать ходить на костылях. Мне было 12 или 13 лет. Мать очень по мне соскучилась и это было видно. Мы поселились в доме, который был взят в аренду на год, где был надел земли довольно большого размера.

Отец продолжал работать, а мать попыталась использовать земельный надел, который мы имели право использовать в своих «хозяйственных» интересах. При доме был большой сарай, который мать поручила мне каким-то образом «оприходовать». Я купил пару кроликов – «*мальчика*» и «*девочку*» – и через несколько месяцев в сарае появилось потомство. Я ухаживал за кроликами, они благополучно размножались, но, вдруг бесследно исчезли!

Оказалось, что нашей неопытностью воспользовались соседи и украли у нас всю живность. Погоревав, мы решили выкармливать гуся кукурузой, поставив его «на прикол» в самом доме. Эта затея требовала особого навыка, потому что выкармливать гуся в помещении, чтобы птице было

тепло и уютно, – очень непросто! Кормить приходилось несколько раз в день, буквально засыпая ему в глотку зёрна кукурузы. Гусь увеличивался в размере весьма заметно, и это *старание* мать возложила на меня. Сама она засадила огород овощами. Редис, бурак, морковь, укроп и масса других видов растений бурно разрастались на огороде.

Сам по себе возник вопрос, а кто урожай будет продавать? После раздумий мать сказала мне: «*Алик, придётся тебе... Ты должен попытаться продавать и приносить в дом деньги. Ты же видишь, что Сашка еще очень мал, я занята, отец работает... Некому торговать!*»

Делать нечего, пришлось мне осваивать навыки вульгарной коммерции. Базар был неподалёку от дома. Это была скорее всего обыкновенная торговая площадка с несколькими крытыми столами, которые надо было успеть вовремя занять, расположить на них товар и начинать торговать.

До базара надо было дойти, нагрузившись товаром. Это помогала мне делать мать. Подхватив две полные кошелёчки с товаром, она шла со мной к базару, чтобы успеть занять торговый стол.

На Кубани в то время каждой семье, которая имела дом, «прирезывался» кусок земли, который хозяевами густо засаживался, чтобы обеспечивать не только саму семью, проживавшую в доме, но и выносить излишки на базар. Это сильно помогало справляться с бедностью. В каждой семье обязательно проживали старики, они-то и помогали именно тем, что продавали эти излишки на близлежащих торговых точках.

В нашей семье таким «*стариком*» оказался я и, когда мать впервые отправила меня на базар, я очень удивился обилию седых людей, которые стояли за столами, у горок овощей, торгуя ими.

Мать нашла свободное место, уложила на стол товар, дала мне мелочь для сдачи и быстро ушла. Дома оставался Сашка,

и мать боялась, чтобы четырёхлетний пацанчик не навторил какой-нибудь беды в доме.

На базаре моему смущению от пребывания среди стариков и старух не было предела! Мать сказала мне сколько просить за пачку редиса, два-три помидора, один бурак, связку моркови, но у меня всё перепуталось в голове так, что когда подходили ко мне покупатели, я невнятно что-то им бормотал. Те, кто услышал и понял меня, начинали со мной торг, стыдя за «высокую» цену.

Поначалу все старики смотрели на меня с удивлением и даже со снисхождением. Было крайней редкостью появление на базаре четырнадцатилетнего, к тому же хромого подростка, который продавал овощи.

Присмотревшись ко мне, увидев мои костыли, заметив сильную хромоту, старики стали относиться ко мне иначе. Сердобольность русской старушки штука «заразная», и они стали подходить ко мне, быстро и аккуратно раскладывая мой товар и... торговать.

Меня как-то даже отодвинули в сторону и распродавали мой товар так быстро, как мне ни за что бы не удалось это сделать! Потом кто-то из моих добровольных помощников пересчитывал выручку, писал на бумажке расчёты и отдавал мне деньги и «калькуляцию».

Некоторые поступали иначе. Одна старушка решила научить меня правилам базарной торговли и рекламы. Она говорила мне:

— Ты не молчи. Пока народ проходит мимо – зови! Например, говори громко так: *«Подходи поскорее, приценивайся быстрее! Товар с грядки, товар свежий, вкусный и дешёвый!»* – Глядишь, подойдёт. Если начинают совестить тебя за товар, ты голову-то не теряй, отвечай! Что? А вот как: *«Попробуй сама редис вырастить, а потом говорить, что дорого!»*

Эти уроки базарной торговли никак не входили в мои привычки. По мне, я готов был раздать все овощи подхо-

дившим покупателям и пойти домой. Но ничего не поделаешь! Надо было *продавать*...

Поначалу мать отнеслась к той помощи, которую мне оказывали старики, доброжелательно. Потом она обнаружила, что старики всё же отнюдь не бескорыстно использовали мою застенчивость и неопытность, а сделанная «калькуляция» была чаще всего «для отвода глаз» и никак не соответствовала ни количеству товара, ни той цене, которую мать устанавливала за овощи. Она очень рассердилась, когда однажды мне удалось очень быстро *продать* весь товар *оптом*. Старики дали мне денег и отправили домой.

Я очень обрадовался, потому что предложение купить *оптом* было очень удобным. Я мог уйти домой почти сразу же... И я согласился. Прибрав к рукам мой товар, старушки передали мне мятые рубли и я направился домой. Мать была очень удивлена, когда увидела меня дома столь быстро. Я объяснил, что у меня весь товар раскупили продавцы, и вот вся моя выручка.

Когда мать горько расплакалась, сев у жалкой кучки мятых рублей, я так растерялся, что не знал, что же мне делать? Прыгнув на свои костыли я поскакал на базар, чтобы объяснить с доброхотами. Придя на базар, я никого из тех *добрейших*, как мне показалось, старушек и стариков не увидел и медленно вернулся домой. Меня ловко надули, заплатив за мой товар гроши и выручив себе весомую копейку.

Не могу сказать, что выращенные моей матерью овощи отличались непревзойдённым «товарным» видом. Они были не лучше, но и не хуже тех овощей, какими торговали сидевшие за столами-прилавками старушки! Но соблазн «прихватить» на халяву с рук мальчика, который ничего не понимал в том, что он делал, оказался слишком велик.

Если поначалу некоторые из стариков и старушек и в самом деле хотели мне помочь, со временем, когда *коммерческий аппетит* стал давать о себе знать, воспользоваться

отсутствием опыта у новоявленного продавца и слегка «обшипать» его стало выглядеть вполне пристойно...

Плохое забывается быстро. Лишь со временем, когда события прошлого становятся «отпечатком прошлого», а происходит это в годы, которые я перебираю сейчас, начинаешь эти события подвергать пристрастному разбору, видя в них оттенки и краски, о которых *тогда*, в пятидесятые годы, даже не догадывался.

Что заставило мать привлечь меня к «базарному» опыту? Нужда! Она выросла в Баку, хотя весь её родовой клан сложился в деревне Туровка Тамбовской губернии. Попав в Краснодар, мать впервые получила надел земли и посадила овощи, просто «втыкая» семена в рыхлую землю. Она знала, что сорняки, бурно разраставшиеся уже через неделю, надо вырывать и делала это старательно и аккуратно.

Наконец, овощи выросли и наступал момент уборки урожая. Здесь не было особой мудрости. Но настало время, когда надо было нести *товар* на базар, которого она очень боялась, не верила в свои возможности. Однако обрести навыки торговли она просто физически не могла, потому что в доме был малыш, за которым надо было смотреть в оба глаза!

Выбора у неё не было. Я это понимал, хотя очень сомневался, что у меня могло бы получиться! Не получилось... Пришлось нам «завязывать» с коммерцией, а через полгода наступил конец годового контракта на аренду дома. Мы переселились в другую квартиру, ту самую, в которой жили еще три года в Краснодаре, пока мать не настояла на возвращении в Баку...

Она хотела вернуться туда, где родилась, поддавшись тоске по поводу тех неудач, которые подстерегли её в Краснодаре. Мать хотела увидеться с сёстрами и, наверное, желала вернуться к той жизни, которая у неё была в Баку. Как-никак, но там она работала в Баксовете! Была заведующей

Семья Юргановых
1954 год
горо Краснодар,
перед отъездом в Баку

архивом, а не замыкалась в четырёх стенах квартиры, к тому же чужой, крайне маленькой и даже убогой. У неё остались в Баку очень близкие друзья: Паня, Ольга Гусева и Эля. Они очень активно переписывались, присылали фотографии.

Дружить мать умела! Как-то я подсчитал, сколько лет она посвятила непосредственному и *виртуальному* общению с подругами и их семьями. Получилось что-то около тридцати пяти лет. Стаж впечатляющий! Потом, когда у родителей появился свой дом, некоторые из подруг приезжали в Краснодар и были тепло встречены матерью.

До отъезда в Баку, мы жили в Краснодаре на улице Шоссе Пилотов. Каждый кусочек земли, прилегавший к дому, мать засаживала растениями. Её тоска по деревенской жизни была очевидна. Правда, теперь она проявлялась только в обилии цветов и в доме, и на улице.

...Вернувшись в середине тридцатых годов в Баку из Туровки, она не стала писать туда оставшимся родственникам,

скорее всего потому, что они вскоре умерли. Туда же она никогда не возила ни нас с братом, ни мужа. Не было такой возможности. В сущности мать уже была городской женщиной, привыкшей к городскому образу жизни, к городскому транспорту, обилию магазинов, кинотеатров, парков. От деревни у матери остались лишь «земельные инстинкты» и та сельская нравственность, которую она пронесла через всю свою жизнь в городе.

Отличие Баку от Краснодара было существенным. Тот факт, что прожила она в Баку с рождения – 1910 года, впервые уехав в пятнадцать или шестнадцать лет в Туровку, чтобы поправить здоровье, а потом, оставив столицу Азербайджана на три года в возрасте пятидесяти лет, сильно повлиял на её *настроение* – в Баку еще жили её сёстры и брат Николай. Племянники...

Как ни пытался отец убедить мать, что жизнь в Баку стала совсем иной, что всё происходившее в столице Азербайджана сильно мешало и его карьере и даже обыденной жизни, мать *настояла* на возвращении. Она не выдвигала какие-то аргументы в защиту своего желания, просто говорила, что жизнь в Краснодаре *скучна и обрыдла* ей.

Кубанский люд особый. В его ментальности преобладали во множестве коммерческие свойства – следы деревенского прошлого, казачьей вольницы и остроты выживания, как стилия жизни. Говор кубанский напоминал матери сельский базар с его бесцеремонностью и готовностью оспаривать любые возражения собеседника. С ними надо было быть настороже или активно опровергать то, что показалось неверным или ошибочным. Мать делать это не умела. За все годы жизни в Краснодаре она подружилась с одинокой женщиной, работавшей в системе почтовой связи. Кажется, её звали Юлия Григорьевна, и она оказалась единственной краснодаркой, которая в годы своей старости ощутила преданность моей матери, как доброй и верной подруги...

В конце 1953 года, когда мать настаивала на отъезде в Баку из Краснодара, туда приехала бабушка Надя. Несмотря на сдержанность в отношениях с ней, мать нашла в свекрови союзницу. Давление на отца усилилось и решение вернуться в Баку возобладало. Взяв с собой младшего сына, мать уехала в Баку первой, а мы с отцом остались в Краснодаре ещё на несколько месяцев.

Мать писала нам, что ни с пропиской, ни с работой в Баку особых проблем не было. Свою роль сыграли старые связи в городе. По возвращении в Баку так же случилось и с отцом. Он пошёл работать на Бакинский телеграф уже через неделю, как и мать, которая вернулась в Баксовет. Жили мы на квартире у бабушки. Однако в Баку и вскоре наступили перемены, и мать оказалась первой, кто почувствовала их на себе.

Реформы Н. С. Хрущёва местная партийная элита Азербайджана не понимала и *сопротивлялась* им, как могла. К тому же влияние *кланов* в Азербайджане стало меняться в связи с расстрелом многолетнего руководителя республики М. Д. Багирова. Новые клановые выдвиженцы стали вытеснять с руководящих постов элиту старого багировского клана, пытаясь приспособиться к новым идеологическим веяниям и продвигать свои интересы.

В 1954 году партийным руководителем в республике стал сорокачетырехлетний Имам Дашдемир оглы Мустафаев, уроженец города Гаха, учёный-генетик, бывший первым секретарём Гянджинского горкома партии.

С его приходом роль азербайджанского языка стала возрастать и *усилилась* чистка руководящих кадров, не говорящих на языке титульной нации. На этом фоне угроза потери работы у матери стала очевидной. Одновременно с этим исчезла перспектива получения квартиры за выслугу лет. Москва не желала терпеть *новаций* Мустафаева, который якобы подрывал «*дружбу народов*». Давление центральной

власти привело к переменам и Секретарь ЦК КПА был с работы снят.

Согласно поправкам, внесенным в законодательство Азербайджана по требованию Москвы, родителям иных национальностей предоставлялось право выбирать для своих детей школы с русским или местным языком обучения. Это было единственным согласием ЦК КПСС, касавшимся языка в национальной республике, указанной в юридических документах. Обязательность изучения местного языка утратило актуальность, но мать уже не смогла воспользоваться «*ослаблением*», пришедшим из Москвы.

Вся эта подковёрная возня продолжалась какое-то время и руководство Баксовета успело воспользоваться действием введенного Мустафаевым режима приоритетности языка титульной нации и уволило мою мать с работы. Пришлось ей устроиться служанкой в состоятельную азербайджанскую семью, что сильно *ударило* по её самолюбию.

Отец еще до своего первого переезда в Краснодар чувствовал давление ситуации в Баку. Его попытки предостеречь от возвращения в Баку жены ни к чему не привели. Теперь-то мать на себе почувствовала, что сильно ошибалась, недооценивая те проблемы, о которых говорил отец.

Воспользовавшись тяжким настроением матери, отец снова форсирует перевод из Баку в Краснодар. В ноябре 1958 года он получает место в электро-механических мастерских Краснодарского управления связи...

Своим упорством и недальновидностью мать сильно усложнила адаптацию отца в Краснодаре, потому что возможности в получении квартиры, которые уже появились в первый его приезд, теперь иссякли. Мать же была уверена, что квартиру в Баку ей дадут, но сильно преувеличила этот шанс, поверив письмам коллег в Краснодар. Оказалось, что всё далеко не так, как писали в письмах её бывшие русские сослуживцы.

Протеже отца, бывший генерал М. Ф. Тарасов, был сильно раздосадован фактом отъезда Бориса Юрганова из Краснодара в Баку. «*Ну потерпел бы год-два, – писал он отцу в частном письме, – получил бы хорошую квартиру...*» По-видимому он понимал, что влияние жены на действия мужа изменить *очень непросто*. При вторичном возвращении отца в Краснодар М. Ф. Тарасов только *посодействовал* его временному трудоустройству в электро-механические мастерские связи.

Этот случай наводит меня на мысль, что в нашей семье роль матери была ею самой же *искажена* в связи с её характером – довольно жёстким и упрямым. К тому же отец, особенно в начале брака, не отличался особой чистоплотностью в отношениях с матерью. Он *заставил* её сурово *распорядиться* ролью жены. К тому же отозвавшись на просьбы отца, родив второго ребёнка, мать обрела шанс *осуществить* своё желание вернуться в Баку. Возможности для себя она видела. Верила в успех. Расчитывала на квартиру в столице Азербайджана...

Только теми противоречиями, с которыми столкнулись мои родители в Баку, приехав сюда вторично, я могу объяснить утрату матерью внимания к моей учёбе в средней школе в Баку.

У меня была после восьмого класса сделана попытка, с подачи матери, поступить в *холодильный* техникум, но она всего лишь *сопровождала* меня в приёмную комиссию. Стараться я не стал. Воспользовавшись её *мягкотелостью*, как следствием наступившей депрессии после увольнения из Баксовета, я кое-как учился в дневной, а потом, устроившись на Бакинский телеграф, ушёл в вечернюю школу...

...Мне исполнилось девятнадцать лет, когда отец устроил меня на Краснодарский телеграф слесарем-регулирующим телеграфных аппаратов. Кое-какой опыт у меня уже был, который я наработал на Бакинском телеграфе.

Я понимал, что после окончания школы надо было подумать о высшем образовании, но туберкулёз «не дремал» и я мучился сильными болями в бедрах. Был я молод, боль *терпелась* и я даже гордился тем, что приношу свой заработок домой, умножая семейный бюджет.

По возвращении из Баку в Краснодар мать снова стала домашней хозяйкой, но поскольку квартиры у нас не было, мы жили на частных и ничего хорошего это не обещало. Во всяком случае что-то около года мы прожили так, без особых надежд на получение жилья.

Чувствовала ли мать свою вину за случившееся? Не думаю... В доме не было каких-либо дискуссий на эту тему. Во-первых, это было бессмысленно, во-вторых, проблема постепенно стала всё-таки меняться к лучшему. Но пока мы жили в Краснодаре на улице Новокузнецкой, там у меня случился тяжкий конфликт с матерью, который сильно повлиял на мой характер и отношения с ней. Расскажу об этом подробнее...

Однажды мать недовольно сообщила мне, что я вовремя не принёс ей *получку*, как это было обычно. Я был очень удивлён, поскольку хорошо помнил, что положил деньги под салфетку комода, куда обычно всегда клал. Мать *настаивала* на своём. Она утверждала, что деньги я не положил. Наконец, она раздражённо проговорила, что «...если тебе *понадобились* деньги на что-либо, гораздо честнее было бы *признаться и попросить* моего разрешения...»

Моральные мотивы упреков родителей я, как их сын, воспринимал всегда очень *болезненно*. Я был убежден, что они, во-первых, абсолютно не состоятельны, а, во-вторых, матери следует хотя бы для *видимости* усомниться в своей правоте, поискать пропажу, дать мне шанс почувствовать её доверие! Увы! Этого не случилось. Что называется: «*нашла коса на камень!*»

Тогда ей было пятьдесят лет с «хвостиком», а в этом возрасте

Зинаида
Никитична
Юрганова
город Краснодар
1954 год

сомнения в своей правоте воспринимались, как *абсурд*. Хотя именно в этом возрасте, под давлением множества озабоченностей, плюс при уважительном отношении к старшему сыну, мать могла бы задуматься над теми *последствиями* своего упрямства, которые случились буквально в тот же день!

Оскорблённый до глубины души, я созвонился с приятелем и переночевал у него. Потом он привёл меня к своей бабушке в полуподвальную квартиру, где я устроился на постой, чтобы не возвращаться домой.

Несколько раз отец приходил ко мне на работу, уговаривал вернуться, но я настаивал на своём. Я требовал, чтобы мать извинилась передо мной, при этом я отдавал отцу свою *получку*, чтобы он передал матери. Такой поворот его сильно озадачил. Он мог повлиять на мать, как мне казалось, но этого он делать не стал, по-видимому чувствуя свою беспомощность перед её характером. Я продолжал жить в подвале.

Это единственный случай в моих отношениях с матерью, когда она, поддавшись внутреннему упрямству, так и не сделала для себя верных выводов, оставив старшего сына жить в условиях, абсолютно неприемлемых для здоровья.

Став отцом, я ни разу не попадал в подобные обстоятельства, потому что следил за *логикой* и *смыслом* поступков своих детей, не стесняясь извиниться, если был неправ. Но тогда...

Туберкулёз снова настиг меня! Я попал в Краснодарский противотуберкулёзный диспансер. Просто пришёл на приём к врачу-тубологу. Мне сделали снимок и увидели большой абсцесс справа в бедре. Это свидетельствовало о наступившем кризисе. Меня тут же положили в клинический отдел.

Не думаю, что мать, узнав об этом, хранила спокойствие. Через день к моему окну в палате она подошла с отцом и братом. На неё тяжело было смотреть. Разумеется, в такой ситуации ни она, ни я и не думали о причинах конфликта. Даже не старались утолить естественную потребность в примирении. Честно говоря, было не до того. Врач *огорошил* меня убийственными перспективами развития кризиса, обещая отнюдь не самые лучшие варианты развития событий в моём организме. Я не ждал извинений, а мать не стремилась *«ублажить»* моё самолюбие. Она переживала всё то, что рассказала ей главврач диспансера – женщина знающая и суровая...

...Наступившая юность была полна тревог, лишений и тяжких проблем со здоровьем, как и у моей матери наступило время долгого, многолетнего *кризиса*, который периодически, *но не надолго* оставлял её.

Подрастал брат с его жизнью человека, который буквально *«врос»* в проблемы семьи, умножая их своими собственными. В январе 1960 года я уехал в Саратов, в институт хирургии и травматологии. Мне обещали сделать здесь реконструктивную операцию на бёдрах, чтобы избавить

от периодически зревших абсцессов. Там я поступил в университет и вернулся на лето в краснодарский дом, в котором уже жила семья Зинаиды Никитичны и Бориса Александровича Юргановых – моих родителей, вместе с моим младшим братом Александром Юргановым и его семьей.

Как бы там ни было, но всего через год, в 1962 году, закончив первый курс университета, поступление в который мою мать несказанно обрадовало, я, приехав на каникулы в Краснодар, снова *столкнулся* с её характером, заставившим меня сильно *измениться*.

Операция в Саратовском институте травматологии мне помогла, однако дорогой ценой. Я утратил подвижность в правой тазобедренной зоне, куда напрямую был вставлен кусок бедренной кости, сросшийся с бедром. Я с трудом сидел, ходил слегка подпрыгивая, отводя ногу вправо. Но главное было достигнуто: абсцессы больше не образовывались, и я чувствовал себя вполне прилично.

Мать к моему приезду избавилась от своей депрессии, чувствуя свою нужду в уходе за детьми

Зинаида Никитична
Юрганова
город Баку 1960 год

младшего сына, немного *расслабилась*, отвлекшись от моих забот. Именно перемены в стиле поведения взрослого (или повзрослевшего?) сына, то есть меня, стали свидетельством перемен в состоянии матери.

Моя *зависимость* от родительской семьи закончилась, осталась только *связь*. Но моральная зависимость остаётся *надолго*, если не навсегда. Я пережил в год учёбы в Саратове тяжкий кризис разрыва с любимой девушкой и теперь, в 1961 году, летом, в возрасте 22-х лет, приехал *отдохнуть*. Я хотел выпасться, искупаться в Кубани, *отъесться* на домашних харчах, да так, чтобы вытеснить вкус бесконечных «*дежурных*» пирожков, которые мне были уже противны.

Но буквально перед самым отъездом в Краснодар, на студенческой вечеринке, я познакомился с девушкой, выпускницей Саратовского пединститута. *Свято место пусто не бывает!*

Её звали Леной Козловской. Ей было двадцать два года. Она окончила романо-германское отделение Саратовского пединститута с красным дипломом и собиралась осенью ехать в деревню по назначению: преподавать в деревенской школе русский язык, литературу и немецкий язык.

Мне тоже было 22 года. Оставался я «*нецелованным юношей*» по причинам, которые тесно были связаны с моим *хромым телесным видом*. Моя сильно качающаяся из стороны в сторону фигура никого из женского пола не привлекала, а поскольку в то время в «*Советском Союзе, как известно, секса не было*», я так и остался *ребёнком* с развившимися *мужскими достоинствами*.

Я никогда не делал из этого факта проблем, но моя достаточно развитая пубертатность сильно меня «*доставала*». Делать было нечего. С этим приходилось как-то жить, периодически вспоминая цыган в моём роду, как известно довольно сексуальный этнос, к которому определено принадлежал и я по своим родовым корням.

Нет, общения с девушками я не избегал и особо не ком-

плексовал. Однако, как могли протекать мои встречи с девушками, догадаться нетрудно! Так что на пике пубертатности я оставался «*мечтающим девственником*», жаждавшим побыстрее расстаться с этим сомнительным *достоинством*.

И вот однажды мой сокурсник сообщил мне, что в общежитии Саратовского пединститута собираются выпускники, чтобы немного пообщаться, и предложил мне составить ему компанию. Делать было нечего, я досрочно сдал к середине мая всю летнюю сессию и, прихватив бутылку вина, прибыл в общежитие пединститута.

Компания была весёлая. В основном девушки, студентки пединститута. Некоторые еще сдавали сессию или уже сдали, но были среди них и те, кто уже получил дипломы.

Была симпатичная Елена Козловская, которая днями получила красный диплом выпускницы романо-германского отделения. Она тихо сидела в людской гуще, жуя печенье. Быстро со всеми перезнакомившись, я обратил на себя внимание сильной хромотой, и невольно разговор зашёл о моём пребывании в Прочноокопском санатории. В компании оказалась девушка, по имени Галина, родная сестра которой по имени Оля в этом санатории лечилась. Галя была из Армавира и собиралась ехать домой на каникулы уже через неделю или две.

Она стала вспоминать рассказы своей сестры о мальчике в санатории, который был в неё влюблён и делал всяческие глупости, чтобы обратить на себя её внимание. Всех сильно позабавил тот факт, что, слушая этот рассказ, я почти сразу же признался, что тем мальчиком был я. Хохот стоял такой, что мне ничего не оставалось, как порадоваться моей популярности в этой «*малой группе*». Я подсел к молчаливой девушке, назвал себя, так мы с ней познакомились.

Пока рассказывали анекдоты, жаловались на усталость, смеялись над простодушными шутками, мы с Леной разговорились. Мне показалось, что она девушка умная и с ней

есть о чём *поговорить*.

О Лене Козловской мне предстоит еще пооткровенничать, потому что я женился на ней и прожил восемь лет. Она – мать моего старшего сына Ильи Юрганова...

Тогда, на вечеринке, мне в голову не приходило ничего подобного. В конце-концов мы вышли на улицу и решили пройтись. Она собиралась домой, в город Энгельс, который Волга разделяла от Саратова, по улицам которого мы вечером прогуливались.

Наконец, в нашем общении всё стало как-то складываться и я решил проводить её до Энгельса, отложив на день-два свой отъезд в Краснодар. Тогда же мы легко договорились, что если я не успею на речной трамвайчик назад в Саратов, то переночую в доме у своей новой знакомой...

На третий день после этого знакомства я оказался уже у себя дома в Краснодаре. Честно говоря, впечатления встречи с домашними напрочь вытеснили и Лену, и все недавние следы от знакомства.

Каково же было моё *изумление*, когда я получил от Лены письмо. Я долго вертел его в руках, гадая – читать или выбросить. Распечатал... Лена писала мне, что «...очень часто вспоминает о нашем разговоре, скучает и вообще, хотела бы встретиться со мной...»

Повторю... Она не произвела на меня особого впечатления. Как я представлял себе её отстранённый облик, выглядела она весьма и весьма зрелой женщиной и, учитывая мою *озабоченность* этим, меня и *заинтересовала*. Но уехав, отвлѣкшись, я напрочь о Лене забыл.

Отнюдь не только этот *акцент* я бы рискнул выделить, вспомнив её облик в момент, когда читал её письмо. Она производила впечатление эрудированной, чуть амбициозной, но доброжелательной девушки, у которой никогда не было ничего, кроме учёбы и книг. Она хорошо говорила на немецком, увлекалась поэзией Серебряного века, много

Борис, Олег
и Зинаида
Юргановы
город
Краснодар
1963 год

цитировала, с любопытством слушала мои комментарии, умело спорила, доказывая свои позиции...

...Я попал в ситуацию, когда мои *желания* следовало согласовать с матерью. Во-первых, она была хозяйкой дома, во-вторых, я хоть и был готов к факту, что настолько *созрел*, что желание *иметь женщину* было для меня вполне естественным, но в условиях пребывания в родительском доме об этом не могло быть и речи!

Откровенности, особенно в сексуальных темах, между мной и моей матерью никогда не было. Мы были с ней из двух разных *миров*, хотя *принципиально* нас ничего не разделяло. Я был её сыном, который достался ей с огромными трудами. Она была моей матерью, которую я по-своему любил, но никогда не считал, да и просто не надеялся, что она, как взрослый человек, может быть источником *доброе совета*, *умной рекомендации* или *предостережения*, касавшихся проблем секса у меня – зреющего мужчины с огромными проблемами со здоровьем, достойными гуманного отношения матери. Примерно то же самое было и с отцом. Я догадывался, что у него были некие трения с матерью на этот счёт, но меня это не занимало, а его не слишком привлекало, как я буду

выходить из положения в моих отношениях с женщинами.

Да, я очень быстро выросл, набирался опыта, читал множество книг, которые мать никогда не читала, что, впрочем, у меня не вызывало удивления. Она обладала ограниченным умом, пропитанным обыденным практицизмом, была прямолинейна в оценках и, главное, обладала совершенно *категорической честностью*, готовая свою правду утверждать несмотря ни на что и невзирая на лица.

Снова и снова я перечитывал письмо Лены, постепенно склоняясь к мысли, что если девушка *хочет* приехать к парню, значит в этом наверняка есть прежде всего *сексуальный* мотив. Но *эта* мысль меня сильно *смущала*, потому что в её облике, голосе и образованности не было даже намёка на такой повод.

Я мучился. В моём представлении мотив предстоящей *сексуальной* близости, к которой я, разумеется, более всего был склонен, всё более и более *побеждал*. У меня не было никаких оснований *романтизировать* её отношение ко мне. Моя хромота производила весьма неэстетическое впечатление и, пройдя свою первую неудачную влюблённость год назад, я имел все основания именно так истолковывать *отказ* от общения со мной предшествующей девушки.

Что же делать? Советчиков в доме не было! Отец наверняка позаимствовал от матери *философию сексуальности*, а в ней ничего не было такого, на что я мог бы опереться, решая свою *проблему*. Иначе говоря, рассчитывать на беспристрастное суждение моего отца у меня не было никаких оснований.

Я решил рискнуть и пошёл к матери. В разговоре с ней я рассказал, как познакомился с Леной Козловской, скрыв от неё подробности нашей первой встречи...

...В тот вечер, когда я остался у неё переночевать, я расположился в крохотном садике у дома, более чем старого и еще более чем маленького. Как мне рассказала Лена, после эвакуации из Гомеля летом в 1941 году, они попали

в Саратовскую область, в район бывшей Немецкой республики. Здесь уже никого не было. Власти, исполняя приказ И. Сталина, в 24 часа эвакуировали в Кзазахстан жителей довольно большого поселения немцев, поселившихся здесь еще во времена Екатерины II. После начала войны фронт стремительно двигался на восток и все немцы Поволжья Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года были обвинены в недонесении на «...тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов...» Германии и выслены в Казахскую ССР, Алтай и Сибирь.

Мать и дочь, эвакуированные из Белоруссии, были близкими погибшего в первые же часы войны солдата Василия Козловского, мужа Анны Наумовны и отца её дочки Лены. Их и поселили в домике, оставшемся от депортированной семьи немцев. Там они и жили всю войну, до той поры, пока я... не услышал робкое приглашение Лены, приведя её к порогу дома: «...Ты можешь у нас переночевать... Если хочешь. Мама непротив...»

Мы долго с Леной разговаривали... Ужасно устав, я, неведомо почему, попытался поцеловать Лену. То было наверное движение *инстинкта*... Как говорится, что случилось, то случилось!

Лена... расплакалась. Убежала домой. В общем возник *миг дворянского романа*, оставивший в моей душе *тяжкое* впечатление. Наутро я собирался уехать и забыть обо всём случившемся, тем более, повторю еще раз, Лена не произвела на меня никакого впечатления. Однако утром она была весела, хотя её мать, красивая, с породистым лицом еврейка Анна Наумовна была *мрачна*.

Рассказывать моей матери эти подробности я не стал по той причине, что *не верил*, что она способна была бы понять *подоплёку* этого странного знакомства. Тогда я и сам не очень-то эту подоплёку мог хоть как-то обозначить. Опыт и практика молодости моей матери разделяли

тридцать лет от момента *отсутствия* моего опыта и тем более моей *несуществующей* практики. Пришлось в разговоре с матерью мне довольствоваться тем, что было написано в письме Лены, опустив строчки, сообщавшие о том, что она обо мне очень *скучает*.

Наш разговор *ничего* не дал. Мать нерешительно произнесла, что надо бы посоветоваться с отцом и ушла в его комнату. Прошёл день.

Наутро, за завтраком, мать сказала, что она непротив, чтобы Лена приехала. Отец осторожно добавил, чтобы я «...вел себя с девушкой прилично». Он хотел что-то добавить еще, но я извинился и поспешно пошёл на почту, чтобы дать телеграмму: «*Приезжай, жду. Олег*». Лена приехала через неделю, но все дни её пребывания в Краснодаре я непрерывно думал: «*Зачем я это сделал?*»

В каждой семье откровенность с родителями *половозрелых* детей – проблема. Не буду сейчас философствовать на сей счёт, скажу только, что я был *лишён возможности* поделиться с матерью своими соображениями о любви, сексе, тяжкой тоске, зревшей в моей душе, спрятанной в искалеченном болезнью теле. Что я мог услышать? К тому же у матери была *советская закалка*, сформированная на основе бело-чёрной нравственности. Все впечатления о сексе формировались у меня с наступлением *пубертатного* возраста исключительно на фоне страхов, которые преследовали мать. Я чувствовал это её состояние по непрерывной *опаске* забеременеть.

Поскольку кровать родителей находилась в комнате, где спал я, уже пробуждавшийся пубертат, я мог слышать напряжённый шопот родителей в минуты секса. Потом мать вскакивала, бежала в коридор и быстро делала спринцевание, чтобы избежать беременности. О презервативах и речи быть не могло. Их просто не было! Несчастные советские женщины пытались доморощенными способами оградить

Лена
Козловская

себя от нежелательной беременности.

Они пережили период запрещения Советской властью аборт и времена, когда той же властью аборт разрешались. Неважно, что и то, и другое выглядело унижительно! Но времена, когда презервативы в СССР оставались острейшим дефицитом, *были всегда*, поэтому нетрудно догадаться, что являл собой «*легальный секс*», не говоря уже о *нелегальном*.

...Да, грубость в мой характер пришла с пубертатностью. Правда, я старательно её избегал и прятал, хотя в кругу приятелей мы буквально изгалялись над *представительницами* противоположного пола.

В этот раз, ожидая Лену, которую я знал в общей сложности *не более суток*, поддавшись искушению, мне показалось, что именно *половая потребность* стала для неё тем же, что и для меня. Именно это и заставило её написать мне письмо с желанием встретиться.

Мне вовсе не казалось, что она влюбилась в меня с *первого взгляда*. Слов любви от неё я не слышал, сам был к ней скорее равнодушен, чем увлечен. Но с каждым днём я всё больше привыкал к мысли: *пусть приезжает...* И тут же предавался фантазиям, которые моя *мать* наверняка бы назвала «грязными».

Лена сообщила мне в ответной телеграмме номер поезда и вагона. Назавтра я поехал на вокзал. Я ходил тогда с палочкой, потому что в правом бедре стоял жёсткий анкелоз. В правом бедре нога не сгибалась и я делал правый шаг почти незаметно подпрыгивая.

Ожидая подходящий к платформе поезд, я почувствовал, что теряю нормальное настроение, а встретив Лену, полностью потерял готовность сыграть приветливого и гостеприимного парня. Мне показалось, что делаю я что-то *непонятное* для себя и что эта девушка глубоко мне безразлична. Хорошо бы отправить её назад, не дав возможности войти в мой дом. Между тем, мы сели в троллейбус, потом на трамвай и оказались у меня дома. Я познакомил Лену с моими родителями, младшим братом, которому исполнилось лет тринадцать.

Пристально вглядываясь в Лену, мать словно пыталась выведать некие её тайны, с которыми она приехала. Мы сели обедать, потому что было уже половина двенадцатого или двенадцать дня. Лена держалась спокойно, хотя было видно, что она очень сильно волнуется.

Могу сказать определённо – по лицу матери я догадался, что она не одобряет приезд девушки, но свои чувства старательно маскирует под доброжелательность. Я же решил действовать, как *считал нужным*, и пошёл поискать червей для рыбалки.

Самым уместным мне показалось пойти с Леной на ночную рыбалку и там, под покровом ночи, решить все свои задачи. Сама она согласилась и, пока я копал червей, сидела на берегу Кубани и читала книгу.

Случилась незадача! Копая червей, я слегка порезал пят-

ку и туда попала инфекция. Через час или два у меня поднялась температура и я слёг. Мать очень испугалась и позвала отца. В нашем доме отец был врачом и он, быстро обработав рану, приложил какой-то листик и перевязал. Ни о какой рыбалке речи быть не могло.

Мать оставила нас с Леной в комнате, а отец успел мне шепнуть: «*Алик, держи себя в руках...*» Через минут десять я потерял сознание, и Лена позвала моих родителей. Её испуг передался им и они решили вызвать «Скорую помощь». Приехавший врач сделал мне укол, и я тихо заснул под мерный голос Лены, читавшей мне какую-то толстую книгу.

Я проснулся и попросил её выйти из комнаты, чтобы дать мне спокойно полежать. Она была мне *невыносима*, даже *противна* и я хотел подумать над всем происходящим.

Мать ко мне не заходила. Узнав от Лены, что я попросил её выйти из комнаты, сказала: «*Значит он так хочет, что уж тут удивительного...*» Они с Леной почти не разговаривали и та, не выдержав одиночества, проскользнула ко мне в комнату, когда я снова заснул.

По-видимому она очень долго сидела у моей кровати, стараясь не шевелиться, и когда я проснулся, то увидел её смущенное лицо. Назавтра я стал поправляться, но был еще слаб. Лена спала в соседней большой комнате на раскладушке и не знаю, кто распорядился с местом её ночного отдыха. Скорее всего моя мать. Она же первой заметила, что у Лены *одышка*, однако своё «открытие» она держала при себе. Еще через день мать была уже убеждена, что приехавшая девушка – больной человек, но снова умолчала о своих подозрениях. Как выздоровевший молодой парень я обнял Лену и стал её целовать в своей комнате. Она слабо сопротивлялась. Когда я попытался её раздеть, она неожиданно произнесла: «*...Перестань... Только после свадьбы!*» Это она повторила и ночью, когда незаметно проникла в мою комнату и снова попала в мои объятия. Я оторопел и грубо спросил: «*После*

какой свадьбы?» – «Нашей...» – неуверенно ответила Лена.

Мать приготовила для нас завтрак, пригласила к столу. Она ничего не говорила и вообще наш разговор шёл о пустяках. Потом мы пошли на реку и долго там купались. В полдень мы с Леной решили прогуляться к ближней роще. Когда мать провожала нас, она смотрела на меня строгими глазами, скорее всего о чём-то предостерегая. Но может быть, мне всё это показалось...

Гуляя по роще, Лена неожиданно остановилась, подошла к дереву и сказала:

– Знаешь ... Ты должен знать, прежде чем что-то решать. У меня никогда не будет детей.

– Почему? – вырвалось у меня.

– Потому что у меня – *больное сердце...*

– Сердце? – спросил я удивлённо. – А что случилось?

Она рассказала мне, что когда-то, в раннем отрочестве, заболела ангиной. Получила осложнение на сердце. В конечном счёте у неё возник компенсированный порок, который в любое время может обратиться в декомпенсированную форму. Она жалобно улыбнулась, глядя на меня.

Домой я вернулся с искренним чувством, что мне очень и очень жаль эту девушку! Я сам провёл половину своей жизни в режиме жалостливого восприятия *себя* людьми, которые созерцали моё положение, *сочувствуя* мне. Я прошёл через адские боли, полную беспомощность, стах одиночества. Теперь, после признания этой девушки, которую я *так жаждал*, я её жалел *безгранично* и был готов сделать для неё *всё, что угодно*.

Мои сексуальные чувства обратились в тонкие душевные переживания, в которых преобладали *только эмоции сочувствия и нежности*. Я чувствовал себя сильным, даже мощным мужчиной, готовым помочь этой девушке пережить её страдания. Вернувшись, мы нежно целовались, я читал

Лене какие-то стихи, пока не наступил вечер...

Мать пригласила нас поужинать. Мы снова весело болтали о пустяках. Наконец, мать попросила меня пройти в её комнату, чтобы поговорить. Отец сидел тут же, но весь разговор молчал.

– Я хочу спросить тебя, что ты собираешься делать? – Глаза матери были очень строгими и даже отчуждёнными. Не ожидая моего ответа, она тут же сообщила мне: – Ты хоть знаешь, что Лена больна?

Конечно, я уже знал об этом. Однако утверждение матери *прозвучало* в этот момент слишком *некстати*, чересчур *категорично* и даже излишне *жёстко*. Казалось, она *упрекает* меня в том, что совершенно очевидно и, главное, ни в коем случае не заслуживает *легкомысленности*. Уж что-что, но в этот миг меня трудно было заподозрить в легкомыслии. Именно в тот момент разговора с матерью я был полон благородных переживаний и глубокого сочувствия Лене. Но настроение матери было и тревожным, и... непреклонным. Она не хотела, чтобы я связывал свои планы с этой девушкой, по её мнению, *такой же* больной и беспомощной, как и я!

Не думаю, что эти мысли заслуживали моего *пренебрежения*. Мать, как никто другой, понимала, что супружество с такими *акцентами здоровья*, какие были у нас с Леной, приведет к неизбежному краху нас обоих.

Что на меня тогда нашло, не знаю, но разговора не получилось. Я упрекал мать в бесчеловечности, а она меня в дурости. Я напомнил ей, что так и не познал чувства любви и уважения к себе с её стороны, а она, борясь с рыданиями, стала клясться, что отдала бы мне, возникни в том нужда, свою руку! Это был разговор двух друзей – *воинов*: старшего и младшего по возрасту и опыту, а не матери и сына.

Наконец, я встал и сказал, что сам буду решать, что хорошо в моих действиях, а что плохо! Некстати вспомнил случай, когда я ушёл из дома, в ответ на подозрения матери в моей денежной нечистоплотности. Это придало решительности

Лена и Олег
город Энгельс 1963 год

моим действиям, но полностью обезоружило мать. Я собрал чемодан. Лена сидела в моей комнате, уже собрав свой. Мы вышли из дома, пошли к трамваю. У меня были деньги и через два часа мы уже ехали в поезде в Саратов...

Что же случилось, спрашиваю я себя сейчас, когда прошло уже почти пятьдесят с лишним лет с того случая? Мать не в силах была понять мои противоречивые, юношеские переживания, связанные с пубертатностью, как феноменом, тесно *связанным* с моим уродливым и крайне беспомощным обликом.

Пройдя путь от рождения в бакинских трущобах, умирая от дистонии и встретив расцвет в деревне Туровка, обретая зрелость после возвращения в Баку и встретив мужчину, который был настроен решительно и бескомпромиссно, смело завоевав её... Прожив с ним всю жизнь в союзе и защищая этот союз всеми имеющимися у неё средствами... Мать была

абсолютно *не готова* понять, что происходит со мной в мои двадцать два года. Она оставалась приверженцем *защиты* моей жизни, даже неким обладателем *прав* на эту жизнь, убеждённая в своей *готовности* принимать решение *вместо меня*, опираясь на *очевидность* своих аргументов.

Некоторое время между нами возникло довольно долгое обоюдное молчание, невольно *подстегнувшее* мои чувства к Лене. Я женился, поселился в её квартире в городе Энгельсе. Потом взял академический отпуск и поехал с ней в деревню, куда её направили работать...

...К исходу первого года брака решили мы приехать в Краснодар в гости. Моя мать, устав от моего молчания, отнеслась к этому одобрительно. Приехали. С нами была мать Лены – Анна Наумовна.

Дальнейшее развитие событий станет понятней, если я скажу, что моя тёща была противницей нашего с Леной брака.

Учительница русского языка и литературы, уроженка Гомеля, жена солдата Красной Армии, родившегося в белорусской деревне Василя Козловского, призванного в армию с первых же дней войны и погибшего почти сразу же, она посвятила жизнь своей дочери.

На момент её замужества Анна Наумовна попыталась убедить меня не жениться на её дочери. При этом главным её аргументом было то, что я недостаточно образован, культурен и не соответствую возможностям её дочери. Услышав этот разговор, Лена вмешалась. Довольно бесцеремонно она развенчала мотивы собственной матери и даже пристыдила её. Мне ничего не оставалось, только добавить: «*Всё уже решено...*»

Приехав через год в гости к моим родителям в Краснодар, Анна Наумовна, как ни странно, *снова завела* разговор с Зинаидой Никитичной о «*низкой культуре*» Олега и *высокой* у Лены. На что она рассчитывала, я не знаю... После всего, что случилось, то есть после нашего с Леной брака,

после тёплой встречи за обеденным столом без упоминаний о нашем с Леной бегстве из Краснодара год назад, этот затеянный Анной Наумовной разговор о *коридоре культур и мере воспитанности-невоспитанности* оказался темой чрезвычайно взрывоопасной.

Ничтоже сумняшеся, моя мать мгновенно поставила всё на свои места. Не думаю, что для неё это было простым делом, ведь она присутствовала при возвращении сына в *отчий дом* после года молчаливого конфликта с ним. Но на *вызов* матери невестки следовало ответить!

— Ваша дочь первая написала письмо парню о желании приехать к нему. Потом приехала. И это после *суток* знакомства! Это вы называете хорошим воспитанием и высокой культурой!? – Я сжался... Назревал скандал. Под испепеляющим взором моей матери Анна Наумовна, на которую Лена, онемев, смотрела с искренним изумлением, стала медленно краснеть. Привыкшая к десятилетиями культивируемому покровительственному тону учителя в старших классах, она никак не ожидала *такой реакции*. Попыталась то ли извиниться, то ли перевести разговор на другую тему, но было уже поздно!

В негодовании бросив на стол салфетку, мать вскочила, опрокинула стул и вышла из дома. Отец, смущённый взрывом жены, тоже встал и вышел вслед за ней. Нам с Леной и её матерью пришло время собираться в Энгельс...

Две матери, на которых с раннего детства их детей обрушились невероятные несчастья, оказались *абсолютно не готовыми* к восприятию сексуальной зрелости, то есть пубертатность, иначе говоря неожиданно возникшей реальности: браку этих детей. То есть супружеству двух больных людей, по-разному воспринимавших *ответственность*, лёгшую на их плечи.

Эта разность обнаружилась, когда я, прожив с Леной восемь лет, разошёлся с ней, посвятив почти две тысячи де-

Зинаида Никитична
и Олег Юргановы
город Краснодар 1961 год

вятьсот двадцать дней брака *добыванию квартиры, переселению её в Саратов* с сохранением теще её квартиры в Энгельсе, которая стала для них обеих дачей.

Лена прожила после развода со мной одиннадцать лет, так и не сумев убедить сына, родившегося в этом браке, получить достойное образование. Она вложила в душу нашего сына столько *ненависти* ко мне, что я до сих пор продолжаю *созерцать* эту ненависть в его поведении.

Анна Наумовна прожила с момента моего развода с Леной двадцать четыре года, *продолжая* утверждать в сознании внука, нашего с Леной сына, все те «ценности», которые *внушала* ему его мать.

После кончины обеих, я добился для Ильи Юрганова и его детей вида на жительство в США. Они – рядом. Но груз прошлого никуда не исчез...

Да, конечно! Обе женщины – мать моя и мать Лены – были правы! Мне и Лене не следовало вступать в брак друг с другом. Но где же мне следовало черпать аргументы «*против*»? Моя инвалидность и болезнь Лены, как *предостерегающий фактор моей матери* и ссылка на некую мою

культурную ограниченность, как позиция матери Лены, выглядят поразительно *дико* и *нелепо*! Нет... В нашем браке не было главного – любви! Была обоюдная пубертатность, половая зрелость, которая стучалась в стенки наших организмов, требуя выхода или некоего воплощения в «законные» формы официального супружества, разрешавшего половую жизнь.

Иначе говоря, жизненный опыт этих двух матерей, несомненно любящих своих детей, оказался абсолютно *беспомощным*. Природный фактор оказался *неподотчётен* родительским чувствам, на которые эти женщины, по своему несчастные, вольно или невольно уповали...

...Когда уже состоялся развод, случилось так, что мои родители, путешествуя по Волге на пароходе, оказались в Саратове. Они знали адрес Лены, в том новом доме, на берегу Волги, который я получил и отдал Лене, уехав в Минск. Ни она сама, ни её мать *никогда* не переписывались с моими родителями. Я писал редко, в основном «*всё в порядке, всё нормально...*», а они, из вежливости, передавали приветы. Потому и сохранился обратный адрес.

Появление в Саратове супружеской пары Юргановых было своеобразным *сюризом*. Сам я жил тогда в Минске и там с «нуля» строил свою вторую супружескую жизнь.

Союз *впечатлений* моей матери и матери оставленной мною жены был полным! В этот раз родительские чувства были едиными, потому что по двору бегал *сын Ильи*. Объективные мотивы развода, прозвучавшие в суде, в разговоре не фигурировали. *Оценивалась* только одна сторона, которая моей матерью, со слов другой матери, была признана *виновной* в случившемся. В итоге сама жизнь поставила *эксперимент*, в котором любовь моей матери обратилась в свою противоположность, не *в силах* противостоять *обидам* другой матери. Моя мать добровольно передала честь и достоинство сына другой матери – на *поругание*.

Крайне трудно понять логику случившихся событий, растянувшихся на восемь лет. Логика эта развивалась, не будучи *видимой* одной стороне. Для другой эта же логика была *очевидной*, но истолкована была разумом, лишенным уважения к истине...

Переживания и чувства, которые овладели мной в мои двадцать два года, в связи с добровольным появлением в моей жизни первой женщины... *Переживания и чувства* к женщине, ни разу не сказавшей мне слова любви... *Переживания и чувства*, в которых моя мать так и не разобралась, а лишь противопоставила им свой жизненный опыт... *Переживания и чувства*, которые обратились в восемь лет *служения* супружеству, а не взаимному умножению *любви*... В конце концов, *переживания и чувства* завершились моим решительным *отказом служить* браку с женщиной, которая обратила меня в *законно и пожизненно* полученного *раба* в мои тридцать лет. Превращённого в *евнуха* её физической беспомощностью...

...Два последующих моих брака мать воспринимала гораздо *разумнее* и... осторожнее. О своём переезде в Минск я сообщил письмом и ответа не получил. Брак с Татьяной Тузовой состоялся в марте 1971 года и вскоре родился сын, которого жена назвала моим именем. Разумеется, были посланы в Краснодар фотографии, написаны письма. В ответ пришли поздравления, а через год в дверь нашей квартиры в Минске постучали.

Открыв двери, я почти не удивился. На пороге стояла мать, сообщив, что приехала «*сюризом*». Таня очень тепло её встретила. Наш малыш матери понравился и она провела у нас в доме что-то около недели. Теплота общения, нежность отношения к внуку *убеждали* меня в том, что выводы сделаны и мать благополучно воспринимает перемены в моей жизни.

Жил я с женой в квартире её родителей, которую они оставили дочери, получив новую. Однако мои отношения

с родителями жены были *крайне натянутыми*. Мы почти не общались. Мать с сожалением выслушала горестный рассказ невестки обо всём случившемся, и поскольку родители Татьяны игнорировали нас и в дом не приходили, мать с ними в свой первый приезд ко мне так и не встретилась.

Она очень хотела встречи, но Таня отговорила, сославшись на *неготовность* своей матери *нормально* воспринимать близкого человека для Олега, то есть для меня, что могло привести к оскорблениям и нанесению моей матери совершенно незаслуженных обид.

Услышав это, удивлению моей матери не было предела! Однако узнав, что мать моей жены по национальности абхазка, она неожиданно успокоилась. По-видимому вспомнив свой почти десятилетний конфликт с краснодарской соседкой – адыгейкой. Советская «*дружба народов*» принесла свои плоды в обыденную жизнь семьи и моей, и родительской.

Таня была на десять лет младше меня и глядя, какие у нас с ней отношения, Зинаида Никитична догадывалась, почему мать жены была *переполнена ненавистью* ко мне. В этот раз моя мать была гораздо мудрее и спокойнее, но тревоги за меня сопровождали её вплоть до возвращения в Краснодар. Года через три она приехала в Минск уже с моим отцом.

Привычным «сюрпризом» войдя в мой дом, родители застали нас с Таней сильно озабоченными: в доме не оказалось запаса продуктов. Мы просто поленились... Но я нашёл выход из положения, приготовив завтрак из домашних остатков *продовольствия*, а бутылка «Столичной» у нас стояла в холодильнике еще с Нового года. Так что приветствовали мы дорогих гостей *по полной*.

В этот раз родители Тани уже были *вхожи* в наш дом, а двухлетний Игорь периодически прикасался ухом к Таниному животу, в котором *созревал Ярослав*.

Мать приехала, озабоченная судьбой первого брака

Татьяна Юрганова
Минск 1979 год

Саши, моего брата, и заметно нервничала. Рассказывала о внучке, у которой был недуг левого глаза.

Я видел, что мать очень хочет встретиться с моей тещей. Наверняка, она помнила свой прошлый приезд и теперь *стремилась поговорить*. По-моему моя мать ощущала свою предназначенность «разрулить» ситуацию в моей семье, полагая, что это сильно облегчит мне жизнь!

Узнав, что в Минск приехали мои родители, мать и отец Тани перестали к нам приходить, но мой отец, убеждённый в том, что два *ветерана войны* всегда найдут общий язык, настроился пойти в гости к родителям Тани вместе с женой.

В этот свой приезд, как мне кажется, мать была полна холодного спокойствия и мудрости, хотя нелепую историю с Леной она вряд ли забыла. Ко всему она видела, что и я сильно изменился, и к встрече с родителями Тани готовилась тщательно. Даже испекла пирог...

Увы! Встреча не дала никаких результатов. Мои родители пришли хмурые и подавленные.

— Ну и подонок же этот Тузов, — брезгливо сплюнув, сказал отец.

— Я никогда не думала, что можно так ненавидеть человека, — горестно произнесла мать. Через минуту добавила, — ну как мой Олег может не понравиться? Это она сказала Тане, которая отреагировала с ответной мудростью, не по возрасту выраженной в её фразе:

— Эти люди лишены способности быть благодарными и любящими...

Мать ответа не поняла. Однажды, воспользовавшись тем, что в доме мы были одни, попросила меня объяснить. Пришлось рассказать, как мы познакомились, какая у Тани была предыстория встречи со мной и сколько сил мне пришлось приложить, чтобы эту юную девушку отвратить от массы бед, к которым она *приложилась* в юности.

Письма, которые Таня писала в Краснодар моей матери,

Олег и Зинаида Никитична Юргановы город Краснодар 1980 год

— пример нежного соучастия в жизни пожилой женщины, которая откровенно писала невестке о тех тревогах, которые ей докучали.

Я приезжал в Краснодар с детьми летом почти каждый год. Туда же Лена отпускала Илью. Мать радостно встречала внуков, но поглядывала со стороны, *какими* они растут.

Нет-нет да и обнаруживала недовольство, а когда я *наводил порядок* в их поведении, мать не выдерживала и уходила из дома. Я не обращал на это внимания, но её вмешательство в мои отношения с детьми меня *не радовали*. Это был момент, когда компромисс приходилось *искать*, но, *не находя* его, я часто просто избегал объяснений с матерью. Было это непросто. Мать считала себя квалифицированной советчицей и мне снова и снова приходилось выслушивать её *рекомендации*.

Ничего не поделаешь! Каждая мать считает неисчерпаемым свой кладезь опыта, из которого она может набирать советы в неограниченном количестве, будучи уверенной, что судьбе детей не хватает для счастья *«живой воды»* её прожитых дней...

Смертью Татьяны мать была потрясена. Но в этом горестном факте главным оказалось то, что я *остался один с тремя детьми*. Через полгода умерла Лена, и старший сын Илья, оставшийся в Саратове с Анной Наумовной, был воспринят матерью, как *отрезанный ломоть*. Поддавшись обыденной житейской мудрости, которая во многом сложилась на фоне общения с детьми и жёнами моего брата, она написала мне: *«Илья теперь будет делать всё, что захочет, и тебе надо о нём забыть...»*

То, что мне *надо* или *не надо* я знал не хуже моей матери. Ясно было одно – она понимала *ограниченность* моих возможностей и желала мне добра, в котором главной ценностью была забота о *моём здоровье*.

После смерти Тани я и в самом деле сильно сдал. Мать Тани уехала на родину в Гудауты, решила похоронить дочь на клановом кладбище в Абхазии, которое располагалось на заднем дворе родового дома, и взять с собой наших с Таней детей. Ярославу было пять, Игорю – девять, Олегу – одиннадцать.

Тогда моя мать написала мне письмо, в котором пред-

упреждала, что мать Татьяны, которая к тому времени развелась со своим мужем, детей мне не возвратит. Туман моего разума, загустевший от горя, прояснился, и я подивился её прозорливости.

... И всё же мне повезло! Я встретил Зину и мы поженились. Моя третья жена была младше меня на одиннадцать лет и двое моих с Таней детей, которых мне удалось вывезти из Абхазии, её не испугали.

Мать писала: *«Эта женщина – истинное твоё счастье! Но сумеешь ли ты выдержать её желание иметь детей в браке с тобой?»* Мне был сорок один год и жена уже была беременна Борей, когда я получил это письмо. А через год родился второй – Дима. Мать молчала... Я понял, что она *переживает* и умножение семейства, и разрыв отношений с моими старшими сыновьями – Ильёй и Олегом.

Чернобыльская трагедия на Украине заставила меня приехать к матери с детьми и Зиной на всё лето в Краснодар. Тогда они и познакомились. Это было самое счастливое время в моей *сыновьей истории*. Мы нежно любили друг друга. Дети кружились вокруг бабушки. Моя жена Зина наслаждалась гармонией наших отношений...

...Письмо о том, что мать в больнице, я получил от отца, который просил приехать, если такая возможность у меня представится. Когда тебя просят приехать, значит человек, о ком идёт речь, плох. Не долго думая, я отпросился с работы на неделю и приехал в Краснодар.

Мать, увидев меня в больнице, очень обрадовалась. Она выглядела плохо, но была аккуратно причёсана и одета. Мы присели с ней друг против друга и помолчали.

Это был момент красноречивого взаимного молчания, в котором *звучат* слова, составлявшие текст общения, повторяющегося долгие десятилетия взаимных отношений и событий, свидетелями которых мы были оба. Потом мать легла в постель и сказала, что хочет домой. Я не стал *накачивать*

Зинаида Никитична
Юрганова

её оптимизмом. То, что дни её сочтены, было очевидно. Оформив все бумаги, я заказал такси и привёз её домой.

Она лежала в кровати, которую обычно занимал я, когда жил в этом доме. Брат и отец уже, наверное, сильно устали от болевшей матери и просили меня побыть с ней. Почти двое суток она медленно угасала. Отец позвонил живым родственникам со стороны дяди Серёжи, который давно умер. Одна из жён его сыновей откликнулась. Очень кстати, потому что я уже стал *выдыхаться*. После двух бессонных ночей мне требовался отдых. Мать лежала всё в той же комнате и тихо постанывала. Всю ночь она стонала. Что-то у нее болело, но она не говорила, отмахиваясь от вопросов. К утру она успокоилась и неподвижно лежала, глядя в потолок.

По мерному движению груди было видно, что она еще жива. Я забеспокоился и попросил вызвать «Скорую». Я понимал, что вся суета бессмысленна и надо просто дать человеку уйти самому и спокойно. Но...

Дело сделано. Приехал молодой доктор, измерил ей давление, молча показал мне. Стрелка манометра медленно опускалась в самый низ. Через минуту мать закрыла глаза и навсегда ушла в мир иной...

Мы хоронили мать в этот же день. Отвезли её на кладбище и мне несказанно повезло. 1989 год был еще годом, когда Советская власть, треща по всем швам, свои атеистические традиции и привычки сохраняла, но на кладбище можно было найти старушек, которые были готовы спеть матери прощальную молитву. Такую старушку, очень милую и маленькую, Господь сподобил дать и нам.

Отец хмурился, брат молча смотрел на меня. Я, сунув денег худенькой старушке, суетившейся у могилы уже похороненной матери, попросил её помолиться за упокой рабы Божьей Зины. Она опустила на колени, прямо на свежий холм и тонким, нежным голосом, непрерывно крестясь произнесла...

Господи, Иисусе Христе, Боже наш!

Ты сирых хранитель, скорбящих

Прибежище и плачущих Утешитель.

Прибегаю к Тебе аз, сирий, стена

И плача молюся Тебе: услыши моление моё

и не отврати лица Твоего

От вздыханий сердца моего

и от слёз очей моих.

Молюся Тебе, милосердный Господи,

Утоли скорбь мою о разлучении с Зиной,

женой мужа ея и матерью детей ея.

Душу же ея, яко отошедшую к Тебе

с истинною верой в Тя и твёрдою надеждою

на Твоё человеколюбие и милость,

приими в Царство Твоё Небесное, аминь...

Я слушал нежный голосок старушки, которая, старательно выговаривая слова молитвы, отпевала мою мать, пробуждая в моей душе череду лет, в которых проносились годы и события, свидетелем которых мы были оба – она и я, её сын. Меня странно укачивали слова и голос старушки, успокаивавший мою растревоженную душу, которая постепенно обретала гармонию, тесно увязанную с упоением лежавшей в могиле женщины, бывшей мне *многострадальной* матерью.

Я плакал, незаметно сбрасывая со щёк строчки слёз, в которых был горький привкус утраты матери и радость обретения прижизненной памяти о ней, которая глубоко пропитала мой разум и совесть...

Послесловие

Первая книга трилогии «Родня и Время» – самая трудная часть работы по реконструкции жизни моего рода Юргановых. Меня ожидало множество проблем. Помимо скудной документальной основы повествования, приходилось всё время идти на компромисс с самим собой, прибегая к впечатлениям, которые не были подтверждены реальными фактами, хотя следы их, как мне кажется, были очевидными. Тем не менее, избежать не удастся такой же формы изложения и в следующих книгах трилогии.

Иначе говоря, фантазии вовсе не выдумка, а след впечатлений, который остался в памяти, тесно связан с логикой уже исчезнувших событий, которые надо только найти, сделав над собой усилие.

Все описанные здесь события могут вызвать у читателя неоднозначную реакцию, которая зависит от возраста, образованности, жизненного опыта и степени доверия к написанному. Вот почему я сейчас хочу еще раз признаться в том, что всё здесь изложенное – результат моих личных переживаний, через которые прошли мои чувства, в которых возникли эмоции, оформились впечатления, проникнувшие в живопись написанных строчек.

Книга «Родня и Время» охватывает целую эпоху, в которой случилось великое множество событий, следы которых читатель увидит в следующих книгах трилогии – «На перекрестках судеб». Однако теперь в повествование вступают

новые герои романа, носящие такую же фамилию, как и те, о которых читатель уже знает достаточно много. Что они будут делать на страницах второй книги трилогии «Белое и Чёрное»? Как они будут чувствовать себя в новой современной им эпохе?

Ясно одно – речь пойдёт о моей жизни, полной противоречий, открытий, страданий, заблуждений и потерь. В пространстве этой жизни обычно яркий рассвет сменяется угасающим закатом, день – ночью. Иначе говоря, белое – чёрным. Очень удобная аллегория, если учесть, что жизнь человеческая протекает в пространстве сложных нравственных выборов, делаая которые человек формирует свою личность, готовую брать на себя ответственность или совершать деяния, нередко спустя годы, называемые ошибками.

Провинностями судьбы можно назвать ошибки так и не исправленные, оставившие шрамы на теле своём собственном или на жизненном пути современников. Пусть они аллегорически звучат как некое чёрное действо, потому что густая ткань реальной порочности уже впитала их в себя.

Но есть жизненные коллизии, которые становятся итогом целенаправленных усилий к оптимистическим целям личности. Усилий, реализуемых в поступках, принятых решениях, совершённых действиях, итогом которых будут открытия, правда, любовь, честное признание итогов жизни и готовность идти на риск ради истины. Эта аллегория ассоциирована с белым, прозрачным, светлым, ослепительно ярким...

Противоречия, противостояние, смешение Белого с Чёрным будят в моей памяти реальность, свершившееся бытие, отражаются в действиях и поступках, осуществлённых мною, следы которых отображают мою завершающуюся жизнь...

Содержание

Введение	4
Книга первая. Родня и Время	9
Предисловие	12
Глава 1. Юргановы: корни и ветви...	18
Глава 2. Материнские родовые корни	144
Глава 3. Фантазии, рождённые воспоминаниями об отце и матери	210
Глава 4. Мой отец – Борис Александрович Юрганов	274
Глава 5. Моя мать – Зинаида Никитична Юрьева (Юрганова)	390
Послесловие	502

Олег Борисович Юрганов

родился в Баку (столица Азербайджана) 27 февраля 1939 года. В детстве, он заболел туберкулёзом обеих тазобедренных суставов. В конце пятидесятых годов родители переезжают из Баку в Краснодар. Обострение болезни продолжается и в 1960 году он был прооперирован в Саратовском Институте травматологии и ортопедии. Тогда же поступил в Саратовский Университет, после окончания которого О. Юрганов десять лет работал психологом на оборонных предприятиях ВПК. Женился, на Елене Козловской, но брак распался и О. Юрганов уезжает в Минск...

С 1972 по 1982 – годы знакомства, любви и супружества с Татьяной Юргановой. О. Юрганов работал в Академии наук БССР в Институте социологии и права, преподавал теорию и практику управления в минских ВУЗах, вел телепрограммы: «Акценты», «Истины», радиопрограмму – «Нет безвыходных ситуаций», писал книги по социальной психологии. Трагическая смерть жены стала серьезным испытанием для О. Юрганова. Однако судьба подарила ему любовь Зинаиды Сегель, ставшей его женой и матерью сыновей Бориса и Дмитрия.

В сентябре 1992 года Олег Юрганов с семьей, детьми эмигрирует в США и поселяется в городе Балтимор – штат Мериленд. Иммиграция привела к обострению застарелой болезни. О. Юрганов перенёс в США несколько операций и получил шанс работать над своими книгами. Завершён роман покойной жены Т. Юргановой – «Автопортрет любви без ретуши». Написана повесть для детей – «Сны дядюшки Эла». В американском литературно-публицистическом еженедельнике «КАСКАД» двадцать с лишним лет публиковались статьи Олега Юрганова.

Роман – трилогия «На перекрёстках судеб» О. Юрганова состоит из книг: «Родня и Время», «Белое и Чёрное», «Человек года». В них автор повествует о своих родовых корнях, родителях и рассказывает о собственной судьбе в СССР и США...

Олег Юрганов
«На перекрёстке судеб»
Документальный роман-трилогия
Книга первая «Родня и время»

Фото на обложке – Геннадий Гурвич
Художник Татьяна Солодилова
Компьютерная верстка Татьяна Солодилова

Подписано в печать
Бумага мелованная

Отпечатано в типографии «Аркаим»
город Владимир

